Ракитская
Галина Яковлевна

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Том второй

Идеология последовательного (революционного) гуманизма

Теория общества и хозяйства

Москва
Школа трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской
2017

Ответственный за выпуск
Б.В.Ракитский

УДК
ББК
Р19

Ракитская Г.Я.
Р19 Основные труды. Том второй. — М.: Школа трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской; ПРОБЕЛ-2000. 2017. 579 с.
ISBN

«Основные труды» классика нового, современного обществознания Галины Яковлевны Ракитской (1939-2013) содержат произведения по широкому кругу идеологических, теоретических и практических проблем.

В первый и второй тома вошли произведения, посвящённые идеологии последовательного (революционного) гуманизма и теории современного общества и хозяйства.

Для исследователей-обществоведов, преподавателей, активистов рабочего и профсоюзного движения.

УДК
ББК

Составление, макетирование и
подготовка к изданию второго тома
Б.В.Ракитский

© Ракитская Г.Я. и наследники
© Школа трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской. 2017
© ПРОБЕЛ-2000. 2017

Школа трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской
119361 Россия. Москва. Улица Озёрная, 25-287

Второй том «Основных трудов» издан на средства:

Ракитского Бориса Васильевича;
Манделя Давида;
Бима Александра Семёновича

1997
=======

МЕТОДОЛОГИЯ МАРКСИЗМА И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОПРИЩЕ ЕЁ ПЛОДОТВОРНОСТИ

Содержание

1. Общая характеристика марксизма
2. Цель работы
3. Предметная область марксизма
4. О соотношении теории и методологии в марксистском обществоведении
5. Фундаментальные (критериальные) характеристики марксистского обществоведения
   Венок сонетов в прозе о марксизме
6. Классификация направлений мысли, самоопределяющихся как марксистские (принципиальные подходы и выводы)
7. Проблемы и выводы развивающегося марксизма в соотнесении с псевдомарксистской мыслью
8. Разрешающая способность марксизма (исторические возможности его применения)

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАРКСИЗМА

Марксизм (научный коммунизм, научный социализм) – одно из идейно-политических и научных течений в общественной мысли трудящихся классов.

Марксизм является целостным, предельно сознательным, открытым, бескомпромиссным и исторически ответственным идейно-теоретическим выражением интересов и целей **рабочего класса** (основного трудящегося класса капиталистического общества).

Марксизм является **собственной** идеологией рабочего класса и рабочего движения в силу того, что решает

все мировоззренческие, теоретические и практические проблемы с позиции и в форме **последовательного гуманизма[1].**

Составляющие марксизма как научной[2] пролетарской идеологии *(идеологии – в широком смысле этого слова)*:

– гуманистическая мировоззренческая, особенно нравственная концепция; последовательно гуманистические общественные идеалы (*идеология в узком смысле этого слова*);

– теория общественного развития, включая гуманистическую теорию общественного прогресса;

– научное обоснование стратегии рабочего движения (долговременных и ближайших целей рабочего класса, способов их достижения).

Исходный момент марксизма как последовательного гуманизма – признание социально-экономического неравенства и эксплуатации **несправедливыми и в принципе устранимыми** из жизни общества (подробнее об этом см. ниже, в разделе 5).

Полноценный общественный субъект марксизма – не только мыслители-обществоведы (идеологи), но и устойчиво активные социально-политические силы и массовое организованное рабочее движение[3].

---

[1] ***Или реального гуманизма – выражение основоположника марксизма К. Маркса.***

[2] ***Термин “научная идеология" подчёркивает противоположность марксизма идеологиям, опирающимся не на знания, а на веру (иллюзорным, религиозным идеологиям).***

[3] ***Вопрос об общественном субъекте идеологий подробно рассмотрен в работе: Ракитская Г.Я. Идеологии экономических преобразований как фактор исторического выбора (теория и методология анализа, развитие идеологий в ходе четвертой русской революции). – Периодическое издание "Перспективы и проблемы России». Выпуск 6. Текущий исторический момент: идеологии и стратегии общественных движений» – Институт перспектив и проблем страны. Февраль 1997. стр. 48-71.***

Функция **идеологов** рабочего движения – формирование мировоззренческих **и** научных представлений, соответствующих положению рабочего класса в обществе и его интересам по преобразованию общества. Идеологи не обязательно занимаются политической деятельностью и не обязательно принадлежат к рабочему классу, поскольку рабочим в капиталистическом обществе научная деятельность, как правило, недоступна.

Функции **устойчиво активных социальных (социально-политических) сил** – выработка *с опорой на концептуально-теоретическое знание* конкретно-исторической стратегии организованного рабочего движения – его задач, программ, обоснование очерёдности и способов действий; *внесение в рабочую среду (в массовое сознание)* концептуально-теоретических и программно-целевых марксистских идей и представлений.

Устойчиво активными социально-политическими силами, ориентированными на задачи рабочего движения, могут быть как немассовые общественные организации, партии и движения (политические, профессиональные, социальные, культурные), так и – при определённых условиях – государственные и негосударственные властно-управленческие структуры.

Функции организованного массового рабочего движения **–** *освоение* марксистских (последовательно гуманистических) научных концепций и представлений о стратегии рабочего движения как собственных (как действительно выражающих интересы рабочего класса); *варьирование и развитие* этих идей и представлений творческим применением в социальной практике рабочего класса.

Идеологи и устойчиво активные социально-политические силы, ориентированные на теоретическое и практическое политическое “обслуживание” рабочего движения, выполняют и функцию постоянного *осмысления опыта социальной борьбы рабочего класса, состояния и тенденций изменения массового сознания* – реальных представлений, социально-экономических и политических

требований, способов организованных и стихийных действий. На этой основе развивается концептуально-теоретическое знание, корректируется стратегия.

История жизни марксизма **как идеологии** отличается от научных и политических биографий **конкретных ученых, организаций и движений,** причисляющих себя к марксистскому спектру. И среди высказываний самих классиков марксизма, и среди исторически реальных требований и акций рабочего движения есть противоречащие последовательному гуманизму. Но это – факты из личных биографий классиков и биографий конкретных движений. Это факты из истории вульгаризаций марксизма, отступлений от него, из богатой истории эклектического мышления, а не факты из истории становления и развития идеологии последовательного гуманизма.

Классический марксизм XIX века (или старинный марксизм, первоначальный марксизм, ретромарксизм) – это мировоззрение, методологические подходы и научно-теоретические результаты К.Маркса и Ф.Энгельса, которые остаются основополагающими (то есть не утратили до сих пор своего фундаментального значения) в идеологии последовательного гуманизма.

Ленинизм – вклад В.И.Ленина в собственную идеологию рабочего класса и рабочего движения, в пролетарскую общественную науку в ходе кризиса российско-имперского общества и революционной борьбы социальных сил в Российской империи в начале XX века.

Вклад Ленина настолько весом, что его правомерно считают одним из классиков марксизма наряду с основоположниками.

Классический марксизм – ретромарксизм и вклад В.И. Ленина в идеологию последовательного гуманизма.

Современный марксизм – идеология последовательного гуманизма в тех конкретных формах, в которых она существует и развивается **со времени осознания** – в основном во второй половине XX века – **про-**

тивоположности марксизма (как последовательного *гуманизма)* и **сталинизма** (как *антигуманной* идеологии, маскирующейся под марксизм, и в целом *антигуманной* социальной практики).

Живой марксизм – творческие продолжения теоретико-методологических подходов классического марксизма в связи с обобщением социальной практики во времена общественных кризисов и революционной борьбы социальных сил (то есть в периоды исторического выбора).

Современный кризис казарменного (тоталитарного) общества, сложившегося в СССР, дал очередной мощный толчок творческим продолжениям классического марксизма, стал фактором "оживления" марксизма. Ленинизм был живым марксизмом революционного периода начала XX века (творческим продолжением первоначального марксизма).

Марксизм и революционный марксизм – синонимы, поскольку марксизм считает социальную революцию (социалистическую по целям и движущим силам) необходимой для перехода общества в русло последовательно гуманистического развития. Это ключевое положение марксизма. Под социальной революцией в марксизме понимается радикальное изменение типа (характера) власти в обществе и в хозяйстве.

Последовательно гуманистические, марксистские, коммунистические, народно-демократические (мировоззрение, концепция, идеология и т.п.) – синонимы, если иметь в виду научную терминологию. В условиях современной (четвёртой) русской революции термин "народно-демократический" зачастую предпочтительнее для живого марксизма по практическим, ситуативным причинам – чтобы отмежеваться от тех сталинистов, которые всё ещё называют себя коммунистами, социалистами, марксистами, ленинцами.

Марксистское обществоведение существенно обо-

гащается в периоды обострения социальных противоречий, в условиях стремительно изменяющейся общественной реальности, особенно во времена социальных революций. Обогащается, обобщая практику “проснувшейся” массы населения и идеологически обслуживая активно действующий рабочий класс, рабочее движение.

В периоды устойчивого состояния общества, когда масса социально пассивна (“спит”), а политическая жизнь по преимуществу сводится к борьбе за власть между разными группами господствующего класса, и особенно во времена крайней политической реакции марксизм в лучшем случае теплится в головах отдельных мудрецов-интеллектуалов. Они разрабатывают заготовки для будущего, которые, возможно, никогда не будут востребованы, если не возникнут социальные силы, выступающие за реализацию последовательного гуманизма.

В периоды устойчивого состояния общества – в силу невостребованности идеологии последовательного гуманизма социальной практикой – на арене общественной жизни под маской марксизма выступают главным образом его теоретические вульгаризации или же (как было в СССР) тоталитарная практика, прикрывающаяся псевдомарксистской фразой.

2. ЦЕЛЬ РАБОТЫ

Цель настоящей работы определяется следующими двумя обстоятельствами.

Первое обстоятельство. В ходе антиказарменной революции в СССР и в странах Восточной Европы учёные-гуманитарии этих стран в подавляющей массе отреклись от сталинизма, который КПСС выдавала за марксизм. Однако это отречение привело большинство из них не к марксизму (не к его оживлению, развитию), а к антимарксизму, антикоммунизму, антисоциализму.

Критика марксизма со стороны старых и вновь появившихся его противников в лучшем случае недостаточно компетентна (вплоть до весьма поверхностного

огульного охаивания), а в худшем – недобросовестна, с сознательным искажением принципов и содержательных выводов марксизма в области конкретно-исторического анализа и прогноза.

Сложившаяся в целом атмосфера критики марксизма в современной России – это, если не выбирать выражений, смесь злобного высокомерного ёрничества недоучек и циничной лжи социально ангажированных профессионалов.

Второе обстоятельство. На роль марксистов из числа профессиональных обществоведов и заметных политиков претендуют сегодня в России две группы – абсолютно противоположные по мировоззрению и политическим устремлениям.

Одну из групп – более многочисленную – составляют люди, осознающие себя идейными и политическими наследниками, продолжателями дела КПСС, ностальгирующие по прежнему строю, который они считают и называют (с теми или иными оговорками или без них) социалистическим. При этом могут признаваться или не признаваться ошибки, просчеты, отдельные отступления от социалистических и демократических принципов и даже преступления сталинизма как в период его расцвета, так и в период его разложения (так называемого застоя). Но в целом идеология и практика сталинизма, КПСС объявляются соответствующими марксизму (марксизму-ленинизму). Утверждается, что прежнее общество было неэксплуататорским, защищавшим интересы трудящихся, с властью трудящихся, с общенародной собственностью и т.д.

Буржуазно-либеральным критикам марксизма как нельзя более на руку отождествление сталинистской идеологии (в том числе официальной общественной науки в СССР) с марксизмом, а общества, утвердившегося в СССР, – с социализмом. В современных условиях такое отождествление препятствует возрождению и развитию научных основ самостоятельной социальной практики рабочего класса, формированию жизнеспособной целостной стратегии не только последовательно гуманистических ре-

волюционных общественных движений, но и самостоятельной стратегии демократических движений трудящихся менее радикального – социал-реформистского (нереволюционного) плана.

Классический и современный марксизм, намного опередивший общественную практику XIX-XX веков, оказывается в современной России искажённым (и опороченным) литературной и политической деятельностью организаций, признающих себя преемниками КПСС. Все такие организации, как показывает внимательный анализ,[4] являются по своей идеологии сталинистскими. При этом они в последнее время всё более и более освобождаются от марксистской терминологии (выполнявшей в сталинизме демагогически-маскировочные функции), выявляя свою – обретённую партией, правящей в СССР, ещё в конце 20-х годов – национал-социалистскую и имперскую суть.

Другую группу составляют те весьма малые по числу обществоведы и единицы из заметных политиков, кто квалифицирует идеологию КПСС, её режим и всю её общественную практику с конца 20-х годов (после сталинской контрреволюции) как идеологию и практику тоталитаризма, или, говоря яснее, как идеологию и практику диктатуры фашистского типа – антипод демократии, гуманизму, научному коммунизму. Мировоззренческие основы, теоретические концепции и способ мышления (методология) сталинизма и его нынешних преемников оцениваются **как не имеющие ничего общего** – кроме местами

---

[4] В частности, наблюдения Комитета "Содействие" – независимого общественного Комитета содействия рабочему движению и самоуправлению трудящихся. Комитет создан при участии автора данной работы в 1990 г. Члены Комитета профессиональные обществоведы народно-демократической ориентации из нескольких стран. Один из членов Комитета, (Денни Пайяр, Франция) особенно тщательно и систематически изучает крайне правые организации России (осколки КПСС, так называемых патриотов, открытых фашистов и т.п.).

внешне схожей терминологии – с классическим марксизмом и его творческими живыми продолжениями.

С конца 1980-х годов, когда в СССР появилась возможность **открытой** научной критики сталинизма (а не только открытой критики культа личности Сталина), вторая группа осознаёт себя ответственной за возрождение и полноценное утверждение в спектре отечественной и мировой общественной мысли последовательно гуманистического мировоззрения, за развитие серьёзных научных исследований, идейно и методологически восходящих к классическому марксизму.

Гораздо более высокие – по сравнению с другими школами и течениями – потенции и результаты живого марксизма могут быть доказательно продемонстрированы анализом научных работ и политических документов, вышедших со времени появления в СССР (в середине 1980-х годов) первых признаков приближения революционной ситуации.

Указанные два обстоятельства позволяют актуально сформулировать цель данной работы.

Цель работы – представить в сжатом, обобщённом виде главные теоретико-методологические особенности марксизма – такие особенности, которые делают его в целом непревзойдённым пока что инструментом научного анализа **определённого круга** общественных процессов и непревзойденным пока что **гуманистическим ориентиром** преобразовательно-созидательной деятельности, сохраняют его значимость в самопознании цивилизации на современном этапе её существования.

3. ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ МАРКСИЗМА

Формулировка цели работы требует прежде всего очертить специфическую предметную область марксизма. Такую предметную область, в которой марксизм обладает наибольшими – в сравнении с другими идейно-теоретическими течениями – разрешающими (аналитическими и

созидательными) потенциями.[5]

Предметную область марксизма, если характеризовать её самыми крупными мазками в *содержательном* плане, составляют:

– формирование последовательно гуманистических **общественных идеалов;**

– анализ общественных противоречий и процесса вызревания общественных кризисов в **социально-структурных общественных формациях;**

– анализ и прогноз общественных процессов в периоды системных кризисов общества, в том числе в периоды **социальных революций.**

Предметную область марксизма, если указать её главную особенность *методологического* плана, составляют:

– выявление **закономерностей** общественного развития, в том числе становления, развития и исторических пределов существования закономерных состояний (типов) общества (формаций, деформаций, исторических тупиков, переходных состояний и т.п.);

– формирование мировоззренческой (прежде всего нравственной) и научной опоры **социальной практики определённого класса** – идейно-теоретической опоры рабочего движения.

---

[5] ***Для большей ясности напомню, что во времена сталинизма и послесталинского правления КПСС марксизм официально пропагандировался как вездесущий и как единственно верная основа чуть ли не всех конкретных отраслей знания. Практически к любой науке добавлялось слово "марксистская". Конечно, человек марксистского мировоззрения может быть агрономом, строителем, токарем, врачом и пр. Но это вовсе не означает, что марксизм является идейно-теоретической основой для выращивания зерна, строительства мостов, работы на токарном станке, хирургии. Марксизм силён в своей предметной области и не претендует на значимость своей методологии и своих содержательных выводов для всех областей познавательной и практической деятельности.***

4. О СООТНОШЕНИИ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ В МАРКСИСТСКОМ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИИ

Методология марксизма – это взгляд на общественную реальность сквозь призму целевых и оценочных мировоззренческих установок. Это способ (культура) мышления, “работающего” на общественный прогресс в последовательно гуманистическом его понимании.

По этой причине методология марксизма занимает особое место в мировом обществоведческом процессе (в мировом обществознании). Она чужда для очень многих и разнообразных течений обществоведческой мысли, общее для которых – признание эксплуатации (шире – признание социально-экономического неравенства) естественным и неизменным состоянием общества. Она чужда также и для тех течений мысли, которые так или иначе отрицают реальное (объективное) содержание категорий “эксплуатация”, “классы”, “классовые антагонизмы”.

Марксизм возник, развивался и развивается в ходе идейно-теоретического обслуживания социальной борьбы рабочего класса, революционного рабочего движения. То есть марксизм есть всегда и непременно **познавательная сторона общественной практики**[6]**.** Марксизм всегда конкретен. Абстрактного марксизма не бывает.

Это в полной мере относится и к методологической стороне марксизма. Поэтому раскрыть его методологию **–** это значит охарактеризовать тот его идейно-теоретический аппарат (категории и принципы), который выступает **на данном этапе** развития марксизма **как базовый (фундаментальный),** т.е. как мировоззренчески-целевой ориентир и инструмент научных исследований.

Характеристика методологии марксизма будет тем

---

[6] ***«Философы лишь различным, образом*** объясняли ***мир, но дело заключается*** в ***том, чтобы*** изменить ***его» (К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. – Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3, с.4).***

более ёмкой и верной, чем больше внимания уделяется обогащению, переосмыслению его базового аппарата в связи с практически актуальной (конкретно-исторической) постановкой исследовательских проблем и их теоретического решения.

Попытка очертить методологию марксизма вне привязки к его содержательной стороне неизбежно стала бы не более чем констатацией положений, относящихся к общим правилам логического и диалектического мышления.

Марксистская методология – неразрывный сплав определённого мировоззрения и определённых теоретических выводов. Именно поэтому строго корректно говорить о теоретико-методологических (а не методологических только) особенностях марксизма.

Структура теоретико-методологического инструментария марксизма**:**

– **фундаментальные мировоззренческие установки (идейная аксиоматика);**

– **теоретические выводы, становящиеся** *базовыми* **научными категориями и исследовательскими подходами (принципами) в продолжаемом знании.**

В марксизме нет специфических попроблемных подходов – особых подходов к решению разных исследовательских проблем (задач). Методология марксизма – единая для всей его предметной области. Предметно и исторически конкретные исследования опираются на один и тот же базовый аппарат.

Это относится и к марксистской экономической науке **–** его **политической экономии.** Она в порядке разделения обще**ствоведческого** труда имеет в предметной области марксизма свою задачу – *исследование политических отношений в хозяйственной сфере,* а не свою особую методологию.

В то же время отдельные исследования, получая новые результаты при решении своих задач, вносят тем самым вклад в развитие марксистской методологии в целом. При этом своими результатами они не только обога-

щают собственно теорию, но и *обогащают, уточняют содержание марксистского общественного идеала, марксистскую идейную аксиоматику.*

В связи с этим следует отметить, что немецкая класссическая философия, английская политическая эко-но-мия и французский социализм были историческими источниками марксизма. Но разделение марксизма на три составные части, одна из которых (истмат) развивает и диктует методологию, а две другие (политическая экономия и научный коммунизм) строят теории с помощью этой методологии, – такое разделение неверно в принципе. Оно игнорирует главную особенность марксизма – его целостность[7]. Методология и теория марксизма формируются, применяются, развиваются в единстве, одновременно (как целое). Более того. Их формирование, применение и развитие являются не последовательными фазами, а логической структурой бытия и функционирования целостности.

5. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ (КРИТЕРИАЛЬНЫЕ) ХАРАКТЕРИСТИКИ МАРКСИСТСКОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

Особенностями марксистского обществоведения на уровне системы его фундаментальных мировоззренческих и теоретических принципов являются:

– последовательно гуманистическое понимание общественного прогресса,

– преобразовательно-созидательная целеориентированность,

– признание социальных революций наряду с социальной эволюцией закономерными формами общественного прогресса,

– классовый (политический) подход,

– классово-пролетарская позиция,

---

[7] ***К тому же "научный коммунизм", или "научный социализм" – не часть марксизма, а другие названия этого учения.***

– исторический материализм,
– целостнообществоведческий подход,
– формационный подход,
– конкретно-исторический подход.

Эти принципы составляют теоретико-методологическую базу (фундамент) марксистского обществоведения и являются **критериальными характеристиками** марксизма.

Необходимо подчеркнуть, что принципы эти не каждый сам по себе, а только лишь в совокупности, а точнее, *в системе, в единстве (во взаимосвязи и взаимообусловленности)* обеспечивают бытие марксизма как целостной жизнеспособной доктрины, адекватной задачам революционного рабочего движения.

Нельзя сказать и некорректно спрашивать, какой из базовых принципов “главнее”, если речь идёт о **критерии** принадлежности того или иного течения к марксизму. С этой точки зрения все они – главные, так что пренебрежение даже одним из них неизбежно меняет методологию в целом, нарушает её системный характер и является **отступлением от марксизма.**

Поэтому вычленять в марксизме отдельные теоретико-методологические подходы правомерно лишь в специальных работах по методологии (да и то с известными натяжками при их разграничении). Исследователь-марксист работает, применяя все эти принципы **как единое целое,** а не каждый из них по очереди. И вспоминает о необходимости системной методологии только тогда, когда его выводы существенно расходятся с реальностью. Тогда он начинает искать, где ошибся, где отступил от марксизма.

Система перечисленных теоретико-методологических принципов характеризует марксистское миропонимание и даёт результаты, ценные для **пролетарской** идеологии и науки. Буржуазный либерал или фашист (и даже социал-реформист) не могут взять на вооружение марксистский культурно-мыслительный аппарат, чтобы повысить эффективность своей научной и практической дея-

тельности. У каждого класса – своя наука, своя методология. И у революционера – одна теория и методология, у реформиста – другая.

Обозначим далее главное содержание базовых мировоззренческих и теоретических принципов марксизма (включая содержание базовых категорий) и главные линии их системной взаимосвязи.

Венок сонетов в прозе о марксизме

Общественный прогресс – центральная проблема марксизма. Сформулированный в первоначальном марксизме **социальный идеал,** до сих пор выполняющий в марксизме роль стратегической цели социалистического движения и стратегического критерия общественного прогресса, носит ярко выраженный мировоззренческий характер.

Этот социальный идеал: *общество, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех*[8].

Категория "свобода" играет в марксизме ключевую роль.

Марксизм понимает свободу не как свободу человека *от общества,* а как его свободу *в обществе и при помощи общества,* т.е. как свободное развитие и свободную реализацию индивидуальных способностей каждого человека в рамках совместной общественно полезной деятельности (деятельности, созидающей условия существования и развития общества).

Идейная установка марксизма на свободное развитие *каждого* человека несовместима с порядком властного (внешнего нормативного) регулирования социального поведения членов общества в целях создания наилучших

---

[8] ***"На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех." (К.Маркс и Ф.Энгельс. Манифест Коммунистической партии. – Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4, с. 447).***

условий для развития всех. Реальность свободного развития *всех* может быть обеспечена лишь на основе признания каждым членом общества в качестве абсолютной ценности не только своей личной, но и “чужой” свободы, следовательно, – на основе *добровольного самоограничения* индивидом свободы своего поведения. Поэтому в будущем обществе, соответствующем марксистскому социальному идеалу, конкретное поведение человека в конкретных ситуациях должны определять глубоко осознанные *внутренние нравственные установки.*

Внутренняя нравственная установка – это адекватная свободному обществу форма единства человека и общества, индивидуальных и всеобщих интересов. Это – обобщенная формула социальной свободы, выражающая в индивидуальном преломлении такую характеристику марксистского общественного идеала, какой является *полное социально-экономическое равенство.*

Пролетарско-социалистическое понимание свободы принципиально отличается от буржуазного её понимания, для которого достаточно указать, что свобода осуществляется в обществе и общество при этом выступает как поприще действующего индивида. В русском языке есть удачное разграничение “свободы” и “воли”. В буржуазной идеологии свобода может остаться на уровне воли, в то время как в социалистической идеологии свобода должна быть полной свободой, т.е. при помощи общества. Отсюда “чужая” свобода оказывается не только *этическим принципом,* но и вполне *объективной (материальной)* предпосылкой для обеспечения *полной свободы, полного социально-экономического равенства.*

Категория “полное социально-экономическое равенство” выхолощена, опошлена до неузнаваемости вульгаризаторами марксизма. Именно в опошленном виде – как равенство людей по их природным (или приобретённым) способностям и наклонностям – эта категория подвергается справедливо резкой (вплоть до осмеяния) критике со стороны идейных противников марксизма. XX век обогатил марксизм существенными продвижениями в

научной конкретизации смысла и содержания социально-экономического равенства, что как раз и игнорируют недобросовестные или же некомпетентные критики и защитники марксизма.

Социально-экономическое равенство в марксизме не является характеристикой свойств, присущих отдельным людям, а является качественной характеристикой условий существования и развития людей в обществе. Это такие условия, которые обеспечивают участие человека в общественно полезной жизнедеятельности в полном соответствии с его естественно-природными и приобретёнными (в условиях социальной свободы) способностями и наклонностями, а также обеспечивают независимость уровня личного благосостояния от конкретного места человека в системе социально значимых видов деятельности и от величины индивидуального вклада в общественный эффект. (“От каждого – по способностям, каждому – по потребностям” есть весьма упрощенная модельная формула социально-экономического равенства, требующая по меньшей мере выше приведённых разъяснений).

Марксистская концепция социально-экономического равенства и свободы, развивавшаяся в XX веке в ходе противопоставления творческих продолжений классического марксизма антигуманной тоталитарной практике, не приемлет любые формы расистских по своей сути концепций искусственного выведения новой породы людей, равных друг другу по естественно-природным данным. Принцип свободного развития личности (в последовательно гуманистической его интерпретации) несовместим с единообразием развития людей, пусть даже и в форме стандартной *всесторонности* или же в форме высокого развития *творческих способностей.* В строгих характеристиках марксистского социального идеала всесторонность развития относится не к людям, а к общественным условиям и способам формирования их способностей. А поприще реализации индивидуальных творческих потенций ограничивается в марксистских представлениях о свободном обществе нравственно ориентированной жизнедеятель-

ностью.

С позиций марксистского социального идеала (как критерия прогресса) **общественный прогресс** есть такое развитие, в ходе которого реализуются стратегические (коренные) интересы трудящихся, а именно:

– сохраняются и воспроизводятся достижения цивилизации (возвышение потребностей и потребления, рост уровня жизни, развитие и усложнение социальной инфраструктуры и *т.д.);*

– накопленное человечеством материальное и духовное богатство становится реально доступным для всей массы трудящегося населения;

– необратимо разрушаются и надёжно не допускаются факторы воспроизведения социально-экономического неравенства эксплуататорского типа;

– предотвращается возникновение эксплуатации как фактора, формирующего социальную структуру общества;

– создаётся устойчивое общественное устройство, позволяющее обществу воспроизводиться и прогрессировать без эксплуатации, и на этой основе ликвидируются и предотвращаются любые способы угнетения и господства человека над человеком, устраняется возможность произвола и насилия над личностью, устраняется и предотвращается социально-экономическое неравенство людей во всех областях общественной жизни – словом, создаются и расширяются общественные условия для свободного развития каждого и всех членов общества.

Логически и исторически поворотный момент, переводящий цивилизацию в русло, ведущее к реализации марксистского социального идеала (к полному социально-экономическому равенству) – *уничтожение эксплуатации.*

Категория “эксплуатация” раскрывается в марксизме с разных сторон.

Анализ К. Марксом *механизма* капиталистического производства ввёл в научный обиход марксизма определение эксплуатации как *присвоения классом-собственником средств производства результатов чужого тру-*

да. Для рыночно-капиталистического хозяйства эта формула конкретизируется как присвоение прибавочной стоимости в результате покупки и применения капиталистом специфического товара – рабочей силы.

В современных условиях для марксистского обществоведения актуален акцент на *причину* существования эксплуатации *как устойчивого массового явления, формирующего классовую (или кастовую) структуру* общества. Констатация того, что трудящиеся лишены средств производства и потому вынуждены наниматься к их собственникам, оказывается недостаточной с точки зрения выработки стратегии и тактики рабочего движения. Юридическое (не путать с фактическим!) закрепление в собственность трудящихся производственного имущества (будь то в коллективную, акционерную или же в общенародную собственность) не гарантирует устранения эксплуатации. Об этом свидетельствует и опыт СССР, и опыт функционирования разных форм собственности в рамках капиталистического общества.

Причину существования эксплуатации как фактора, формирующего классовую (или кастовую) структуру общества, марксизм усматривает в отстранении (отчуждении) трудящихся *от власти в обществе и в хозяйстве.* Социальные группы (классы, касты), которые монополизируют власть и организуют управление обществом и хозяйством в своих интересах, получают *реальную возможность* присваивать часть национального богатства, произведённую другими социальными группами. Присваивать – значит распоряжаться в интересах сохранения и улучшения своего социального положения.

Такое понимание причины эксплуатации сохраняет за марксизмом ***классово-пролетарскую позицию*** в отношении к более мягким формам эксплуатации, появившимся в ряде развитых капиталистических стран в порядке реализации идеологии *социального партнёрства* (“социального братства” – в переводе с французского).

Идеология социального партнёрства в целом оценивается как чуждая рабочему классу (несобственная иде-

ология), поскольку она выдвигает на роль главного интереса рабочих помощь “своему” хозяину-капиталисту, “своему” (отечественному) капиталистическому классу в их борьбе за выживание[9]. Согласно марксистским представлениям, стратегическим интересам рабочего класса соответствует идеология **рабочей солидарности** как в борьбе за смягчение эксплуатации, так и в борьбе за её устранение из жизни общества. Причём солидарности не только в общенациональном или транснациональном, но и в мировом масштабе.

Практика социального партнёрства признаётся в современном марксизме лишь как вынужденная в условиях *слабости* рабочего движения. И как не противоречащая стратегическим интересам рабочего класса и классово-пролетарской нравственности, если только доходит до участия рабочего и профсоюзного движения в принятии властно-управленческих решений на уровне всего общества и при этом не обращается против интересов трудящихся других стран.

Рассмотрение эксплуатации как следствия определённой системы властных отношений соответствует ***целостнообществоведческому подходу*** к определению таких *фундаментальных (базовых) категорий, как “собственность» и “социальная революция”.*

Собственность в марксистской политической экономии, строящей систему своих категорий на основе целостнообществоведческого подхода, понимается прежде

---

[9] В книге 1845 года “ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ. По собственным наблюдениям и достоверным источникам” (эта книга – одно из самых ярких произведений первоначального марксизма) Ф. Энгельс писал: “И опять перед рабочим альтернатива: покориться судьбе, стать «хорошим рабочим", “верно” соблюдать интересы буржуа – и тогда он неизбежно превращается в бессмысленное животное - или же противиться, всеми силами защищать своё человеческое достоинство, а это он может сделать только в борьбе против буржуазии”. (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.2, с. 352).

всего как *власть в хозяйстве.* Такое понимание собственности не отрицает реальное содержание категории “собственность” как имущественного отношения, но позволяет фиксировать специфику политических отношений общества на уровне сути способа производства, т.е отражает феномен соответствия экономики и политики, их единства и взаимоперехода.

Понимание собственности прежде всего как власти в хозяйстве вытекает из цельного представления об объективной сути единства свойственных обществу хозяйственных явлений и процессов. Собственность оказывается научной категорией, которая ухватывает (интегрально характеризует) место экономики как системы объективно имеющихся у общества средств достижения своих целей. Момент социальной направленности, социальной целеподчинённости экономики (её подчиненности доминирующим в данном обществе социально-групповым интересам) оказывается главным в категории “собственность”.

Уничтожение эксплуатации связывается в марксизме с революцией в отношениях собственности, т.е. с коренной переменой типа власти в хозяйстве, в переходе власти в хозяйстве к трудящимся. Такая коренная перемена, согласно целостнообществоведческому подходу, может произойти только в случае (в результате) изменения типа власти в обществе.

Изменение типа власти в обществе и в хозяйстве – так понимается в марксизме **социальная революция**. Суть *социалистической* революции – переход власти в обществе и в хозяйстве к трудящимся. Социалистическая революция открывает возможность изменить направленность общественно-экономического процесса, сузить до интересов трудящихся социальную вариантность развития.[10]

---

[10] ***В первоначальном марксизме суть пролетарской революции и задачи пролетарской власти сформулированы следующим образом: “Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от про-***

Современный марксизм и особенно живой марксизм периода четвёртой русской революции использует представление о сути социалистической революции для оценки характера строя, утвердившегося в СССР. К кому фактически перешла власть в обществе и в хозяйстве, кто стал её реальным субъектом – вот что важно для оценки результатов социалистической и любой другой социальной революции. По этому критерию общество, утвердившееся в СССР, не было социалистическим. Власть в обществе и в хозяйстве была узурпирована партийно-государственной номенклатурой, превратившейся в правящую касту.

Первоначальный марксизм признавал необходимость организации рабочих в “класс для себя” (с собственной идеологией, с собственными политическими организациями) для осуществления революционного перехода от антагонистической формы общественного процесса к неантагонистической[11]. Но практически одновремен-

---

шлого отношениями собственности... Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии. ...Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путём революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и своё собственное господство как класса» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. – Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4, с.446, 447).

[11] ***«Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но ещё не для себя самой. В борьбе ... эта масса сплачивается, она конституируется как класс***

но с этим основоположник марксизма К.Маркс дал веские основания своим последователям для принижения роли сознательного (субъективного) фактора в общественном прогрессе и для экономического детерминизма. В.И. Ленин и его единомышленники не стали бы практическими революционерами, если бы всерьёз восприняли описание К.Марксом механизма смены общественных формаций в терминах нарушения соответствия производственных отношений производительным силам.

Осознание несоциалистичности сложившегося в СССР общества способствовало существенному продвижению теории и методологии марксизма. С представлениями о линейности (поступательности) общественного прогресса, о неизбежном восхождении человечества от данной общественной формации к другой, более прогрессивной, надо полагать, марксисты расстались навсегда. Обобщение социально-политической истории XX века, в том числе осмысление феноменов германского фашизма и сталинского казарменного “социализма”, потребовало не только констатации фактов возрождения варварства на современной технической основе, но и разработки существенно новых представлений о социальных механизмах выбора обществом социального типа своего будущего – о механизмах *исторического выбора.*

Категория “исторический выбор”, хотя ещё и не вошла прочно в научный обиход, тем не менее разработана к настоящему времени с марксистских позиций фундаментально и включена живым марксизмом в свой базо-

---

для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба класса против класса есть борьба политическая. ...Существование угнетенного класса составляет жизненное условие каждого общества, основанного на антагонизме классов. Освобождение угнетенного класса необходимо подразумевает, следовательно, создание нового общества.” (К.Маркс. НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ. Ответ на “Философию нищеты” г-на Прудона. – Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4, с. 183,184).

вый категориальный аппарат.

Исторический выбор – это процесс и результат формирования качественной специфики общества в условиях реальной *многовариантности (разновариантности) социального типа будущего,* порождаемой революционной борьбой противостоящих социальных сил, каждая из которых отстаивает свой путь выхода из общественного кризиса.

Выход из общественного кризиса (переходный период) завершается, когда переходное (неустойчивое) состояние сменяется качественно устойчивым развитием, т.е. когда складывается *общественная формация.*

Формационный подход в современном его виде фиксирует существование в истории различных типов формаций, но вовсе не обязательность завершения исторического выбора переходом к более прогрессивной общественной формации. При этом прежняя типизация общественных формаций (первобытно-общинная, рабовладельческая, феодализм, капитализм, социализм, коммунизм) остаётся в силе, поскольку она произведена по признаку, существенному для *целостнообществоведческой* культуры мышления, – по степени свободы трудящихся в обществе (свободы их социального поведения и развития).

Формационный подход в современном его виде позволяет также типизировать закономерные устойчивые состояния общества по признаку, фиксирующему противоположный характер организации политических (социально-групповых) отношений. По этому признаку правомерно, теоретически и практически актуально различать *классово-демократические и казарменно-кастовые* общественные формации. Такой подход даёт методологический ключ к завершению дискуссий о том, к какой из формаций относится общество, сложившееся в СССР, – к государственному ли капитализму, к раннему ли социализму или же к военному феодализму.

Признание прежнего эсэсэсэровского общества разновидностью казарменно-кастовой формации потребо-

вало анализа его генезиса. В результате этого анализа марксистское обществоведение обогатилось теоретической концепцией деформаций и перерождений общества, в том числе концепцией казарменных деформаций социализма и капитализма и казарменного перерождения общества. Эта концепция даёт подход к более глубокому, чем прежде, анализу общественной динамики, к более точной характеристике качественной специфики исторически реальных и современных обществ, а также, что особенно важно, требует более ответственного прогнозирования возможных результатов исторического выбора с учётом всех реально возможных вариантов будущего.

В связи с актуальностью прогнозирования результатов совершаемого современной Россией исторического выбора отметим из всех аспектов *историко-материалистического подхода* те, которые являются общей теоретико-методологической основой социального прогнозирования в ситуациях исторического выбора.

Смысл ***исторического материализма*** состоит в возможности непротиворечиво (то есть в рамках устойчивой жизнеспособной целостности) соединить **историческую закономерность** (необходимость) и **реальную свободу** человека и общества в историческом развитии.

Ныне практически выродились представления, будто развитие общества лишено закономерностей и складывается как итог множества не связанных друг с другом случайностей.[12] Двумя-тремя веками ранее подобные суждения об обществе активно развивали субъективные идеалисты. Они полагали, что отрицание закономерностей и необходимости в общественном развитии равнозначно

---

[12] Хотя, впрочем, подобные архаичные представления всё ещё можно встретить. «Будущее зависит от нас, и над нами не довлеет никакая историческая необходимость", - писал в начале сороковых годов нашего века Карл Поппер, книгу которого "Открытое общество и его враги" профессор В.Н.Садовский уже в 1992 году отнёс к выдающимся философским сочинениям.

утверждению о нашей свободе.

Европейская традиция философской мысли обогатила всех нас пониманием свободы как осознанной необходимости. **Но этого мало:** свобода есть дитя необходимости; вне исторической необходимости общественная форма движения не содержала бы в себе такого объективного компонента, как свобода.

Объективно-идеалистические учения (как научные, так и религиозные) выносят источник исторической закономерности *за пределы общества,* оставляя самому обществу место полигона осуществления абсолютной идеи или божьего промысла. Такое признание исторической закономерности, конечно же, открывает возможность прогресса, более того – предполагает необходимость прогресса. Но вместе с тем при таких подходах свобода человека и человечества ограничивается рамками добровольного послушания, следования внешней для них целесообразности, свободы в рамках предопределённости. Превышение этой меры свободы может выливаться разве что в бунт, обреченный на поражение в силу недоступности для человека и человечества влиять на состав абсолютной идеи и божий промысел. Слишком узкие рамки свободы, оставляемые для человека и общества религиями и научными объективно-идеалистическими учениями, пытались и до сих пор пытаются компенсировать возможностями предосудительного отступления от предначертанного свыше истинного пути (типа сделок с дьяволом и другими силами зла, пороков и т.п.). Это хотя и расширяет свободу человека, однако оставляет его в рамках предопределённости, так как выбор может быть сделан между добродетельной исторической необходимостью и зловредной исторической необходимостью. Перед человеком и обществом тем самым открытыми оказываются не одна, а даже две исторических необходимости (реальных возможности), но ни одна из них не даёт будущего, которое человек и общество сформировали бы, исходя из своего собственного идеала. Ибо любой идеал расположен при описанных подходах вне человека и вне общества.

В отличие от описанного материалистический подход к истории размещает историческую необходимость в полном объёме *внутри самого общества.* Тем самым признаётся, что общество обладает всем необходимым и достаточным для своего развития. Это равнозначно признанию общества саморазвивающейся системой.

В семье, конечно, не без урода. Существует, воспроизводится и является прямо-таки неистребимым вульгарный материализм. Применительно к проблематике развития общества он расплодился в полном соответствии с разделённостью труда и научных дисциплин. Каждая из существенных сфер общественной деятельности, каждое из крупных направлений научного знания породили абсолютизацию конкретной сферы или конкретной отрасли знания как фактора общественного прогресса. Происходит метафизическое закрепление какого-либо отдельного фактора на месте причины общественного развития, а всё остальное изображается как следствие. Общее название описанного мировоззренческого порока – **вульгарный детерминизм (вульгарный материализм)**. Специфицированные же названия – экономический детерминизм, биологический детерминизм, научно-технический детерминизм, информационный детерминизм, экологический детерминизм и т.д.

Для современной России особенно характерны экономический и научно-технический (технологический) детерминизмы. В этих формах история оставила нам следы несвободного тоталитарного нашего прошлого.

С одной стороны, подмена идеологии в ходе сталинской контрреволюции (марксизм-ленинизм как доминирующая в обществе идеология сменился сталинизмом – антиподом марксизму-ленинизму) закрепила ту неблагоприятную тенденцию в формировании идеологии рабочего движения, которая наметилась в конце XIX века в Европе и была связана с крайней вульгаризацией исторического материализма. Эта тенденция окрепла после Октябрьской революции. Экономический детерминизм приобрел всеобщее распространение и характер обязательной государ-

ственной идеологии с окончательным укреплением тоталитарного строя. Каноном экономического детерминизма стала работа И.В.Сталина "О диалектическом и историческом материализме", помещенная в качестве главы в "Историю ВКП(б). Краткий курс".

Вот несколько цитат из этого произведения, демонстрирующих метафизическое закрепление экономического фактора всегда в роли определяющей причины исторического развития, пресечение самой возможности появления на месте причины каких-либо других факторов, кроме экономического:

“Каков способ производства у общества, – таково в основном и само общество, таковы его идеи и теории, политические взгляды и учреждения.

Или, говоря грубее: каков образ жизни людей, – таков образ их мыслей.

Это означает, что история развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей.

... Значит, первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества.

... Следовательно, производительные силы являются не только наиболее подвижным и революционным элементом производства. Они являются вместе с тем определяющим элементом развития производства.

... В соответствии с изменением и развитием производительных сил общества на протяжении истории – изменялись и развивались производственные отношения людей, их экономические отношения."[13]

---

[13] Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме – «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Издательство ЦК

Наличие и даже существенная роль идей, теорий и других неэкономических факторов не отрицается, но они никогда в истории, согласно сталинистским представлениям, не могут стать доминирующими даже в отдельные периоды, они всегда производны, подсобны, оказывают, как говорится, обратное влияние.

В период индустриализации, а затем – повторно – в период милитаризации советской экономики приобрёл широчайшее распространение научно-технический (технологический) детерминизм. Здесь прямо отрицались сколько-нибудь реальные возможности людей и даже общества в целом повлиять на направленность, темп и структуру научно-технического развития. Такое развитие объявлялось мировой объективной закономерностью, под "требования" которой должны были подравниваться все без исключения действия общества и людей.

Вульгарный детерминизм, на абсолютизации какого бы фактора развития он ни основывался, практически полностью лишает человека и общество свободы действия, выбора своего будущего. *Не случайно именно вульгарный детерминизм стал и оставался идейной основой тоталитарного (антигуманного) строя в СССР, начиная со сталинской эпохи и кончая горбачёвской эпохой.* Пахнет духом вульгарного детерминизма и в современных условиях. Только теперь абсолютизируется не фактор производства, а факторы спекуляции, приватизации и финансовой деятельности. Что же касается экономического детерминизма, то он не исчез в условиях радикальных реформ, а приобрел конкретно-исторический вид в форме лозунга и идеологии выживания посредством втискивания советского человека в прокрустово ложе гомоэкономикуса.

Не изуродованное вульгарным детерминизмом материалистическое понимание исторического развития исходит из способности общества к саморазвитию на основе присущей обществу исторической закономерности (необходимости), а также из способности общества быть сво-

---

ВКП(б) "Правда", 1938, сс. 116, 118, 119.

бодным в выборе своего будущего без нарушения закономерностей и из способности обеспечить свободу действий человека в рамках общества и при помощи общества.

Смысл ***целостнообществоведческого подхода*** состоит в том, что *представления о свойствах и механизмах функционирования и развития* **общества в целом** *являются* **отправной точкой** *(теоретической базой, теоретическим контекстом) при анализе конкретных явлений и процессов и при обобщениях на уровне научных категорий и закономерностей.*

Экономические работы в СССР в период сталинизма и так называемого застоя за редким исключением лишь считались политико-экономическими, а на деле носили характер сугубо экономический и даже технико-экономический. Попытки восстановления политического подхода к проблемам хозяйственного руководства предпринимались в СССР рядом экономистов в 60-е годы, но затем были потоплены в массе разработок *неполитической* (вне, или надисторической) экономии. К такому типу, в частности, относятся экономико-математические, экономико-кибернетические исследования, все изыскания в рамках изобретения системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ).

Потребность возрождения политической экономии как отрасли знания с собственным предметом исследования осознавалась в 80-х годах в постановке задачи перехода к различным формам *междисциплинарного подхода* (таким, как изучение социального механизма функционирования экономики, создание экономической социологии и т.п., а в своих наиболее примитивных вариантах – как необходимость использования отдельных методов, отдельных приёмов других наук для изучения экономических процессов).

Междисциплинарный подход (исследование на стыках наук) был положительным шагом в развитии методологии, положительным в том отношении, что он противопоставился подисциплинарному подходу. Если сказать то же самое иначе, междисциплинарный подход – это стрем-

ление уйти от метафизики, проведённой последовательно и до конца. Это попытка преодолеть кризис метафизики. Но междисциплинарный подход отрицает лишь крайнюю метафизику. Он ищет компенсированную метафизику, потому что стремится объединить, увязать всё-таки разъединенные научные дисциплины. Междисциплинарный подход исходит из представлений о мире (об объекте исследования) как о сложенном из отдельных составных частей, связь между которыми при подисциплинарном подходе отражалась (познавалась) слабо, а при междисциплинарном подходе познается гораздо полнее.

Сторонники междисциплинарного подхода гордятся своими достижениями и требуют поздравлений. Если бы эти достижения были представлены в XVIII и даже до середины XIX века, претензии на поздравления были бы обоснованными. Но методологический подход, обеспечивающий преодоление метафизики в общественных науках, хотя и забытый ныне многими; существует в законченном виде с середины XIX века. **Это целостнообществоведческий подход, основанный на диалектико-материалистической культуре мышления и материалистическом понимании исторического развития.** С позиций целостнообществоведческого подхода междисциплинарные прорывы представляются заслуживающими внимания и заботливой товарищеской помощи, в первую очередь методологической.

Целостнообществоведческий подход имеет в качестве своего универсального объекта и в известном смысле также предмета исследования *общество как целостность.* В этой целостности могут быть выделены в качестве предмета специального исследования те или иные стороны, свойства, отношения. Однако объект исследования по своей природе не сложен из отдельных свойств, сторон, отношений и не распадается на них. И с этим должна считаться методология исследований. Можно выделить предмет исследования, но не из объекта, а внутри объекта, то есть не отрывая предмет от объекта исследования. При целостнообществоведческом подходе предмет всегда

изучается в контексте объекта. Именно этот контекст общества как целого обогащает изучаемый предмет такими характеристиками, которые отражают его реальные живые взаимодействия с другими сторонами общества.

Понять суть целостнообществоведческого подхода и, тем более, научиться его применять непросто, если образование с малых лет построено на иных основаниях. Приведу поэтому для большей ясности весьма удачную характеристику этого подхода, данную одним из современных марксистов, усвоившим и продвинувшим этот подход своими предметными исследованиями: “Предметная специализация способна обеспечить гигантский прогресс обществоведения, ненатужное и доброкачественное формировании истины. Но без сознательного усвоения представлений о целостности общества, без превращения таких представлений в фундаментальное основание обществоведения предметная специализация метафизически проецируется на объект познания. В результате целостный объект познания – общество – раскалывается, осколки объекта становятся объектами исследования в предметных общественных науках. Обществознание принципиально утрачивает адекватность изучаемому им обществу. Такое обществознание даже при огромных объединительных усилиях способно стать не более чем суммой частей. А общество как было, так и остается целостностью, а вовсе не суммой частей.”

Марксистские экономические исследования предполагают и требуют применения целостнообществоведческого подхода *уже самим названием науки* – политическая экономия.

При междисциплинарном способе мышления анализ взаимосвязи политики и экономики выступает как задача стыка *разных* наук – политической и экономической. При таком способе мышления как экономика, так и политика рассматриваются по отдельности и каждая из них для другой представляется чем-то внешним. Экономика не присутствует среди тех противоречий, которые являются внутренними для политики, формирующими политические

закономерности. Точно так же политика представляется находящейся вне внутренних противоречий экономики, а экономика – как имеющая свои, чисто экономические закономерности. Взаимосвязь экономики и политики выглядит при таком подходе как некая совокупность взаимных ограничений, внешних – вот в чём парадокс! – как для экономики, так и для политики.

Сам отмеченный выше генезис междисциплинарного подхода сохраняет за ним метафизическую ограниченность. И эта ограниченность ярко проявляется в том, что противоречия экономики и политики оказываются не присущими внутренне ни той, ни другой. Эти противоречия, эти взаимосвязи как бы ничему внутренне не присущи. Тем самым из поля зрения междисциплинарного подхода ускользает общество как целостная реальность, для которой эти противоречия являются внутренними.

Целостнообществоведческая методология, учитывающая эту реальность, выводит на первый план при рассмотрении политики её сущностное свойство – то, что политика есть форма социальной практики, форма преобразования общества, форма его самопреобразования. Общественный контекст рассмотрения политики в полном объёме ставит вопрос о реалистичности политики и в этом контексте решается проблема определяемости политики экономикой как нахождение политики в пределах (в пространстве) общего соответствия экономике. Но и экономика есть сторона социальной практики. И в контексте общественного развития всегда злободневен вопрос о социальной направленности экономики, о её подчинённости общественным целям. Это так называемый вопрос о первенстве политики над экономикой.

Целостнообществоведческий подход прекрасно отражает непременное свойство реальной жизни: в ней ни одна из сторон общества не является раз и навсегда только причиной, а другая – только следствием. Взаимодействие разных сторон общества состоит в том, что в причинно-следственных связях эти стороны постоянно меняются местами. Точнее говоря, взаимодействие состоит в

том, что они в реальной динамике являются друг для друга **причинами и следствиями одновременно** (а не одна вслед за другой). Такое диалектическое взаимодействие и есть сущность целостности общества, его единства, его материальности, то есть его способности к саморазвитию.

Марксистская методология предполагает рассмотрение экономики не иначе как политического дела, то есть как реализации в сфере хозяйства интересов и соотношения разных социальных сил. Экономика не может быть изолирована от конкретно-исторических властных отношений в хозяйстве, точно так же, как от сложившейся трудовой этики, от сложившихся социальных ценностей (справедливости, защищённости и др.) При рассмотрении же политики нельзя абстрагироваться от принципиальной и конкретно-исторической обусловленности политики её *связями* с экономикой – экономической ситуацией, экономическими возможностями, с формами экономической жизни.

Все прежние (доперестроечные) попытки хозяйственного реформирования потерпели неудачу именно потому, что игнорировали взаимосвязь и взаимодействие (целостность) политических и экономических отношений и были (в точном соответствии с метафизическим подходом) попытками решить задачу кардинального повышения эффективности производства как сугубо экономическую – без изменения типа властно-управленческих, то есть политических отношений.

Кризис казарменной системы в СССР и особенно развитие ситуации по типу революции поставили взаимосвязь экономики и политики в центр общественного внимания. Проблема создания определённых политических предпосылок радикального (революционного) изменения всех общественных, в том числе экономических, отношений стала на свое место – как проблема исходного шага в цепи взаимосвязанных и взаимообусловленных социальных преобразований.

Вульгарный материалист, считающий себя правоверным марксистом, не в силах понять, что в периоды об-

щественных кризисов и социальных революций решающим фактором исторического выбора являются не “уровень развития, характер производительных сил”, а содержание противоборствующих идеологий (представлений о будущем) и соотношение социальных сил, стоящих на разных идеологических позициях.

Идея становится материальной силой, когда овладевает массами, – **это одно из самых ярких теоретико-методологических положений** целостнообществоведческого подхода, соединённого с историческим материализмом.

В качестве доказательства ***истинности и практической осуществимости своей теории социального прогресса*** марксизм предъявляет объективную заинтересованность рабочего класса и других трудящихся классов в ликвидации эксплуатации. Это необходимое и достаточное доказательство, весомее которого может быть только доказательство исторической практикой.

Марксизм превратил социализм из утопии в науку именно тем, что доказательно определил движущую силу социалистической практики – рабочий класс, класс фабричных рабочих, класс придатков машин. Научный анализ генезиса этого класса, приведённый в “Капитале” К. Маркса, корреспондирует с представлениями “Манифеста Коммунистической партии” об объективной исторической заинтересованности пролетариата в уничтожении не того или иного типа (или конкретных форм) эксплуатации, а эксплуатации как таковой, как *фундаментального структурного отношения* в обществе.

Уничтожение эксплуатации является коренным (стратегическим) интересом рабочего класса. Объективная историческая заинтересованность в освобождении труда определяет **возможную** историческую функцию рабочего класса в общественном прогрессе. **Рабочий класс может не выполнить этой функции,** остаться “человеческим фактором” капиталистического накопления, кузнецом своих цепей – и только. Но тогда, по смыслу марксизма, и человечество не получит шансов стать свободным, а его

история, по выражению К.Маркса, так и останется предысторией, зайдёт в тупик. Станет ли рабочий класс освободителем себя и всего человечества от эксплуатации – в этом суть исторического выбора, делаемого в обстановке эксплуататорской формации. Идеология освобождения от эксплуатации становится единственной **собственной (адекватной общественному положению) идеологией рабочего класса,** обеспечивающей (при её массовом распространении) превращение рабочей массы в рабочий класс, в рабочее освободительное революционное политическое движение.

Рабочий класс не может состояться как самостоятельный субъект политики, если пользуется чуждыми идеологиями. Буржуазный либерализм, фашизм, сталинизм и пр. идеологии не только могут быть, но и распространены среди трудящихся, в рабочей среде.

Первоначальный марксизм, констатируя распространение в рабочей среде чуждых идеологий, предсказывал возможность появления в будущем негуманных обществ как материализации негуманных идеологий. К концу XX века оснований для исторического оптимизма стало гораздо меньше в связи с возникновением в течение всего века различных разновидностей казарменных обществ, режимов диктатуры, которым рабочее движение не смогло противостоять. Наиболее сильный толчок к переосмыслению исторического оптимизма, а тем самым к дальнейшему творческому развитию получила марксистская теория и методология в связи с казарменной деформацией социализма (а затем и казарменным перерождением общества) в СССР.

В результате в марксизме укрепился ***конкретно-исторический подход*** к анализу и прогнозу общественных процессов – подход, пригодный для нужд общественной практики в конкретных условиях и для изучения конкретной исторической практики. Догматизм осознан не как частная ошибка, а как отступление не только от марксизма, но и вообще от научного способа мышления. В базовый категориальный аппарат марксизма в связи с

осмыслением социальной практики XX века прочно вошла **категория "вариантность",** о которой написано в последние годы немало – как марксистами, так и немарксистами. Однако вариантность прямо вытекает из материалистического понимания общества и его истории и не может не стать фундаментальной категорией обществознания, если действительно, а не на словах освоен целостнообществоведческий подход

К концу XX века марксизм, как и раньше, считает доказанным, что рабочий класс **способен** стать той социальной силой, которая массово осознаёт, политически предъявляет, последовательно отстаивает и практически созидает ***социализм как реальный вариант общественного прогресса.***

6. КЛАССИФИКАЦИЯ НАПРАВЛЕНИЙ МЫСЛИ, САМООПРЕДЕЛЯЮЩИХСЯ КАК МАРКСИСТСКИЕ (ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ВЫВОДЫ)

История марксистского обществоведения – это история обогащения пролетарско-гуманистических представлений об общественном прогрессе и о способах его осуществления. Развитие этих представлений было, как правило, связано со столкновениями общественной мысли, ведущей свое начало от К.Маркса и Ф.Энгельса, с реальной жизнью – с осмыслением перемен в обществе, попыток его преобразования на так или иначе понимаемых социалистических (коммунистических) началах, а также с осмыслением социальной природы и причин возникновения казарменных систем, маскирующихся под социализм.

Наряду с творческим развитием марксизма происходил отход от тех или иных принципов и категорий, которые я отнесла к критериальным характеристикам идеологии последовательного (пролетарского) гуманизма.

Этот отход шёл как в форме ревизии фундаментальных классических представлений, так и в форме сохранения, закрепления постулатов и выводов классиков в

их первоначальных (конкретно-исторических и личностно окрашенных) формулировках.

При этом всякое переосмысление каких-либо положений и даже отдельных высказываний классиков (будь то в сторону развития научной идеологии рабочего класса или же в сторону действительного разрыва с революционным пролетарским гуманизмом) вызывало ожесточённое сопротивление борцов за так называемую чистоту марксизма. Они объявляли себя настоящими, истинными марксистами, а других – ревизионистами, уклонистами и т.п.

Столкновения разных позиций не ограничивались, как известно, научными спорами, а сопровождались в странах казарменного “социализма” жестокими репрессиями государства по отношению к “отступникам” как к якобы врагам революции, рабочего класса, народа, социализма и т. п. Такой метод переубеждения оппонентов заставляет весьма осторожно, взвешенно подходить к оценке той или иной совокупности взглядов как марксистской или немарксистской.

Самый лёгкий путь решения этой проблемы, избавляющий аналитика от моральной ответственности за последствия своих оценок (за “оргвыводы” из них), – считать марксистами всех, кто так себя осознаёт и называет. В этом случае в рамках марксизма пришлось бы выделить *кардинально* различные и, что главное, **несовместимые** друг с другом течения.

Исследователь, применяющий подобный подход, заранее обрекает себя на то, чтобы считать сталинизм одним из течений марксистской мысли и её практическим воплощением. Такой результат неприемлем хотя бы потому, что идеология сталинизма *маскировала эксплуататорский казарменно-кастовый (тоталитарный) строй*, тогда как специфика марксизма, определяющая его место в общественной мысли, – идейно-теоретическое выражение интересов и целей рабочего класса *по освобождению трудящихся от эксплуатации, по утверждению социальной свободы.*

Положить самоидентификацию в основу классификации направлений общественной мысли – значит смешать в одну кучу и магистральный путь развития собственной идеологии той или иной социальной группы, и идеологии иных социальных групп, использующие какие-либо формулы и самоназвания лишь в порядке социальной демагогии, в целях манипулирования общественным сознанием.

Научная классификация общественного сознания должна быть ориентирована на то, чтобы вычленить в нём действительно разнотипные тенденции, распознать демагогию за фразеологическим фасадом. В противном случае придётся, например, рассматривать национал-социализм как одно из течений социалистической мысли. Или же придётся рассматривать идеологию современных российских имперцев-державников как разновидность патриотического сознания, а идеологию и практику форсированного первоначального накопления капитала на основе принудительных (шоковых) реформ в ряде стран Центральной и Восточной Европы – как разновидность демократической идеологии и практики. Абсурдность таких подходов очевидна или же легко доказуема.

Полагаю приведённые выше аргументы исчерпывающим доказательством того, чтобы *не считать* необходимым и достаточным признаком принадлежности к марксизму такой формальный признак, как самоидентификация. Предложу иной подход к классификации направлений общественной мысли, самоопределяющихся как марксистские.[14]

---

[14] ***Тот, кто принимает самозапись в марксизм как критерий принадлежности к этой идеологии, вынужден выдумывать такие аксиомы и положения марксизма, которые бы вместили в марксистскую доктрину всех желающих в неё записаться. Именно такое конструирование марксистской доктрины предпринял в разгар перестройки талантливый в прошлом философ А.С.Ципко. Ему пришлось изобрести такую марксистскую доктрину, кото-***

Очерченная выше (см. раздел 5) система мировоззренческих и методических принципов и базовых категорий марксизма – это реально применяемые подходы, но применяемые далеко не во всех обществоведческих работах с марксистской самоидентификацией. Можно соглашаться или не соглашаться с тем, что именно эта система принципов и категорий выполняет роль критерия принадлежности к марксизму. Однако несогласие с этой позицией требует выдвижения иного критерия и не менее обстоятельного, чем в данной работе, раскрытия его содержания.

Из жёсткого (многопланового) критерия принадлежности к марксистскому течению общественной мысли, раскрытого в данной работе, вытекает **бессмысленность** поиска существенно различных направлений (течений) в структуре развивающегося марксизма. В специальных работах по истории марксизма надо, конечно, анализировать различия, касающиеся частных проблем, фиксировать и оценивать вклад тех или иных авторов в марксистское обществознание. Однако данная работа не является работой по истории мысли. У неё другая задача – **синтезировать и представить в системном виде** те подходы и категории, которые сформулированы классическим марксизмом, развиты его творческими продолжениями и которые являются (на данном этапе истории) теоретико-методологической основой революционного пролетарского гуманизма.

Введя системный критерий принадлежности к марксизму, мы тем самым отграничили его от таких направлений общественной мысли, которые используют терминологию, внешне сходную с марксистской, самоопределяются как марксистские, но на деле порывают с пролетар-

---

рая якобы с самого начала однозначно предопределяла и репрессии против крестьян, и многое-многое другое из практической сталинской контрреволюции. А.Ципко не заметил контрреволюции, он признал сталинских контрреволюционеров марксистами, а потому вынужден был фальсифицировать идейную доктрину марксизма.

ской наукой и выражают интересы других слоёв трудящихся или же интересы эксплуататорских классов (каст).

Зафиксирую ещё раз, что под марксизмом (включая творческие продолжения классического марксизма) **я понимаю такое цельное направление (течение) общественной мысли, которое** путём анализа и обобщения реальной социальной истории формирует и развивает идеологию последовательного пролетарского гуманизма как идейно-теоретическую основу революционного рабочего движения.

В рамках творческих направлений марксизма существует разнообразие теоретических идей, конкретных подходов, трактовок тех или иных проблем и категорий, образуются временные различия (фракции) по тактическим вопросам рабочего движения, возникают и преодолеваются частные ошибки и заблуждения. Такое разнообразие неотъемлемо от процесса добывания научных знаний, но характеристика этих деталей не входит, как уже отмечено выше, в задачи настоящей работы.

Для выполнения её задач, т.е. для более точного понимания сути марксистских теоретико-методологических подходов важно (необходимо) другое – обозначить **основные линии разрыва** с пролетарским революционным гуманизмом **при сохранении марксистской самоидентификации.**

Такие разрывы, если брать чисто **гносеологические** их основания, идут по следующим главным линиям:

– ***непоследовательность, нецелостность*** мышления. Применительно к марксизму это означает пренебрежение какими-либо из принципов и категорий, которые являются (становятся) базовыми в развивающемся марксизме, составляют идейно-теоретическую основу революционно-гуманистического рабочего движения;

– ***догматический*** способ мышления. Такое мышление возводит в ранг неизменных, абсолютных истин **конкретные** положения из классического наследия (в общем случае – конкретные высказывания старых авторитетов). При этом игнорируются перемены в обществе (в

объекте исследования) и результаты применения теоретических положений в реальной социальной практике;[15]

– ***метафизический (недиалектический)*** способ мышления, который выводит рассмотрение за пределы реальности как она есть в противоречивом, но целостном виде.

Разрывы с марксизмом по указанным линиям уместно называть **отступлениями** от марксизма (или **деформациями** марксизма), если они не закреплены в качестве устойчивых направлений мысли какими-либо социально-групповыми (классовыми, кастовыми) интересами.

Если же разрывы с марксизмом из-за гносеологических пороков *прочно соединяются с какими-либо социально-групповыми интересами* и, тем более, если становятся *основой социально-групповой общественной практики,* то правомерно считать и называть такие направления мысли **выпадениями ("истечениями")** из марксизма. Правомерно также говорить в таких случаях о **перерождениях** марксизма.

Будем далее применять термин **"псевдомарксизм"** к тем направлениями мысли, которые по своему генезису являются перерождениями марксизма ("истечениями", выпадениями из него), но *продолжают самоопределяться как марксистские.* Это позволяет отличить псевдомарксизм от **немарксизма,** в том числе от тех направлений, которые являются *по своему генезису перерождениями* марксизма, но *отбросили* внешне марксистское словесное оформление и название.

Каждое из псевдомарксистских направлений общественной мысли вбирает в себя не только какие-либо из указанных выше гносеологических пороков в качестве *доминирующих,* но и всю *совокупность* этих пороков.

Перечислю главные псевдомарксистские течения

---

[15] Догматизм – разновидность внеисторического способа мышления. Другая разновидность внеисторического подхода – абстрактный гуманизм.

общественной мысли.

1. Левацкий (рабочий или мелкобуржуазный) экстремизм под маской марксизма с претензией на роль авангарда и гаранта общественного прогресса.

В левацком экстремизме доминирующим познавательным пороком выступает, как правило, догматизм. Экстремист-догматик не понимает, не признаёт необходимость развития научной доктрины в целом, системного переосмысления отдельных категорий и конкретно-исторических выводов.

2. ***Пролетарский или же буржуазный социал-реформизм*** под маской марксизма с претензией на его развитие, на преодоление "ошибок" классиков.

Доминирующий познавательный порок социал-реформизма – непоследовательность (нецелостность) мышления и прежде всего отход от последовательно пролетарской позиции в понимании общественного прогресса, в том числе свободы, справедливости, социального равенства. Социал-реформизм под маской марксизма вырождается в абстрактный (с претензией на надклассовость) гуманизм.

Абстрактный гуманизм облекается в разные конкретные формы. Общее в них: приоритет интересов рабочего класса, трудящихся в общественном прогрессе замещается, подменяется приоритетом иных интересов (якобы надклассовых) – общенациональных, государственных, национально-государственных, общечеловеческих и т.п. На практике это означает отказ от собственной – революционной и дальновидной – стратегии рабочего движения.

3. Кастово-эксплуататорский казарменный "социализм" (казарменный "коммунизм").

Казарменный "социализм" отходит не только от последовательно гуманистической (пролетарской) позиции в понимании общественного прогресса, но вообще порывает с гуманизмом – в частности, в форме теоретического оправдания тех антигуманных средств, которые применялись в тоталитарной практике якобы в целях построения

социализма и коммунизма.[16]

Для казарменного “социализма” характерна метафизичность мышления в форме экономического материализма (экономического детерминизма).

Разрыв с гуманизмом в соединении с экстремальным экономическим материализмом – доминирующий познавательный порок казарменного “социализма”.

Имеет смысл дать несколько дополнений, разъясняющих отличия марксистской культуры мышления от догматизма, поскольку догматизм – чрезвычайно распространённое явление среди исследователей и политиков, причисляющих себя к марксистам.

Отступления и перерождения на почве догматизма сопровождают каждый шаг развития марксистской теории и методологии и всю историю рабочего движения.

Догматизм окончательно отделился от творческого марксизма и закрепился в псевдомарксизме после Октябрьской революции 1917 г. в Российской империи. Первая в истории победившая (на политическом уровне) социалистической революция сделала **практически** актуальным вопрос о стратегии, ближайших задачах, способах и формах преобразования общественных отношений и методов управления обществом и хозяйством.

К.Маркс и Ф.Энгельс, говоря о коммунистической (рабочей) революции как о начале создания нового общества, не давали сколько-нибудь конкретных описаний его политического и экономического устройства. У основопо-

---

[16] Принцип “цель оправдывает средства” противоположен принципу “цель определяет средства”. Применительно к гуманизму (и особенно к последовательному гуманизму) зависимость средств от целей означает, что гуманная цель не может быть достигнута негуманными средствами. Применительно к современной российской ситуации актуально разоблачение позиции, обосновывающей необходимость авторитаризма, неограниченной власти всесильного диктатора (так называемой “сильной власти") для перехода к демократии.

ложников можно найти лишь самые общие, сущностные характеристики будущего строя[17], да ещё соображения о *возможных* самых первых мероприятиях пролетарского государства по “деспотическому вмешательству в право собственности и в буржуазные производственные отношения”[18].

О том, что у марксистов до Октябрьской революции не было и не могло быть конкретных преобразовательно-созидательных проектов, заранее разработанных инструкций по введению социализма, предельно откровенно сказал В.И.Ленин в мае 1918 г.:

“Всё, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, – это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы. Это было установлено с научной точностью. И мы это знали, когда мы брали в свои руки знамя социализма, когда мы объявляли себя социалистами, когда основывали социалистические партии, когда мы преобразовывали общество. Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт,

---

[17] Самые общие – не значит расплывчатые, несодержательные. Вот как полно и точно Ф.Энгельс описывает сущностную и содержательную перемену экономической системы при переходе от капитализма к социализму: “...Производящий класс отнимет руководство производством и распределением у класса, в руках которого это руководство находилось до сих пор, но который стал теперь неспособным к нему, а это именно и есть социалистическая революция” (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34, с. 138).

[18] См., например, Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. с. 446-447.

только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания...".[19]

Развивающийся марксизм осознал необходимость творческого, конкретно-исторического, самостоятельного подхода революционеров к решению задач социалистического строительства, причём их решения на основе вовлечения в этот процесс инициативы и опыта широких масс трудящихся. Развивающийся марксизм стал после Октябрьской революции и продолжает сейчас активно осваивать такой подход.

Другое направление пошло по пути выискивания у своих учителей-классиков высказываний по конкретным вопросам, воспринимая их как не подлежащие корректировке указания по воплощению марксистской теории в жизнь.[20] При этом в роли учителей-классиков (непререкаемых авторитетов) выступали поначалу К.Маркс и Ф .Энгельс, а затем – в разных разветвлениях догматического “истечения” из марксизма в порядке дополнительной канонизации – В.И.Ленин, Л.Д.Троцкий, И.В.Сталин, Мао Цзэдун, ЦК КПСС и др.

В предельном варианте догматики, называющие себя марксистами, канонизируют всё, что было написано и сказано классиками, и в лучшем случае являются лишь **марксоведами** или **лениноведами.** А в худшем случае (и это – по большей части) – эпигонами, не сумевшими понять и освоить смысл и способы научного труда.

---

[19] Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 36, с.379-380.

[20] К таким “марксистам” вполне применимо сказанное К. Марксом и Ф. Энгельсом по поводу учеников основателей критически-утопического социализма и коммунизма: "... Если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты. Они крепко держатся старых воззрений своих учителей, невзирая на дальнейшее историческое развитие пролетариата». (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. *Т. 4. С. 456-457).*

7. ПРОБЛЕМЫ И ВЫВОДЫ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ МАРКСИЗМА В СООТНЕСЕНИИ С ПСЕВДОМАРКСИСТСКОЙ МЫСЛЬЮ

Строго говоря, выводы марксистского обществоведения *по всем без исключения* вопросам разошлись с выводами псевдомарксизма.

В то же время отдельные результаты, взятые вне контекста представлений в целом, могут быть в марксизме и псевдомарксизме сходными, что и даёт повод получателям таких результатов относить себя к марксистам, а критикам марксизма – повод смешивать совершенно разные идейно-теоретические течения.

Обозначим на примере нескольких крупных проблем принципиальные расхождения (в силу несовместимости культуры мышления) марксизма и псевдомарксизма.

Учение о посткапиталистической перспективе, о социализме и коммунизме

Марксизм в течение XX века проделал огромную работу по конкретизации научных представлений о послекапиталистической перспективе.

Было разработано учение о двух фазах коммунистической формации, следом за этим развёрнуто учение о социализме как качественно определённом способе производства и общественной формации.

Проделан научный анализ общества, утвердившегося в СССР с конца 20-х годов (и других обществ подобного типа), обнаружен несоциалистический характер таких обществ. Сделаны существенные шаги в сторону анализа причин, по которым вскоре после социалистической революции на территории бывшей Российской империи утвердился казарменный “социализм”.

Развито учение о деформациях и перерождениях социализма, о номенклатуре как правящей касте тоталитарного общества. Тем самым созданы предпосылки ре-

абилитации и возрождения научного социализма.

В то же самое время **псевдомарксистские** направления догматически настаивали на прямолинейной проекции полного коммунизма на посткапиталистическую реальность, в результате чего членили живое реальное общество на элементы коммунизма и остатки от докоммунистических формаций.

Качественная определённость социализма как общественного строя отрицалась. Закономерности социализма считались нонсенсом. В так называемые ростки коммунизма в псевдомарксизме попадает всё предельно обобществленное, стандартизированное и управляемое из единого центра (то есть прежде всего казарменное, тоталитарное).

Псевдомарксисты проглядели сталинистскую фашистскую контрреволюцию, возникновение политической диктатуры фашистского типа в СССР и казарменно-”социалистических” (тоталитарных) обществ в СССР и в других странах так называемого социалистического лагеря.

Псевдомарксисты проглядели формирование касто-во-эксплуататорской социальной структуры в странах казарменного “социализма”, не были способны осознать роль номенклатуры в этих странах как правящей эксплуататорской касты. Они догматически повторяли сталинскую трёхчленку (рабочий класс – колхозное крестьянство – народная интеллигенция).

Псевдомарксисты проглядели восстановление имперских отношений в СССР.

Псевдомарксисты не заметили, как сами стали апологетами и идеологами тоталитаризма.

Сегодня псевдомарксисты по-прежнему не способны освоить научную оценку прошлого состояния общества в СССР и в других странах так называемого социалистического лагеря. Они дают односторонне позитивную оценку положения трудящихся в странах казарменного “социализма”, противопоставляя прежнее положение трудящихся его резкому ухудшению в связи с шоковыми реформами первоначального накопления капитала. Приме-

нительно к странам – бывшим республикам СССР псевдомарксисты развивают идеологию восстановления якобы социалистических (коммунистических) прежних порядков. Позиция псевдомарксистов по этим вопросам существенно тормозит преодоление кризиса в мировом рабочем движении после антиказарменной революции в СССР и его распада, существенно затрудняет развитие собственной идеологии и стратегии рабочего движения, учитывающей современные особенности экономической политики национальных и международного капиталов.

Тип хозяйства

Марксизм шаг за шагом продвигался от абстрактных представлений о нетоварном, нерыночном коммунистическом хозяйствовании к учению о социалистическом товарном производстве и планомерно организованном и регулируемом социалистическом рынке.

Шагами в этом направлении были: политика НЭПа, практическая организация устойчивого денежного обращения и неинфляционная организация хозяйства, учение о демократическом централизме в народном хозяйстве, учение о хозрасчёте и др.

Марксизм показал, что в демократическом обществе товаропроизводитель может быть полноценной хозяйственной фигурой при любой форме собственности, в том числе и при государственной. Создано учение о социалистическом товаропроизводителе и принципах его функционирования. Разработаны механизмы взаимодействия государства, товаропроизводителей, работников в социалистическом товарном хозяйстве.

Псевдомарксизм и до сих пор ставит знак тождества между капитализмом и товарным производством, между капитализмом и рынком. Более того. Ставится знак тождества между рынком и эксплуатацией. Отсюда отрицание рынка как годной для социализма формы кооперации общественного труда.

“Рыночный социализм” объявляется опасным реви-

зионизмом и подрывом марксизма.

Идейно-догматический тупик не позволяет псевдомарксистам выдвинуть сколько-нибудь реалистические альтернативы капитализму, современному организованному и повсеместному (глобальному) наступлению международного капитала на завоевания трудящихся, шоковым реформам в странах Центральной и Восточной Европы.

Идейно-догматический тупик заставляет современных российских псевдомарксистов протаскивать в программах действий сохранение частной собственности как уступку, свидетельствующую о неплодотворности, нежизненности подходов. Отсюда – склонность к компромиссам с разными “народными капитализмами”, “новыми социализмами”, реформизмами, компенсируемая громкой словесной революционностью и угрозами сезонных наступлений.

Увязка социальной справедливости и эффективности

Марксизм создал научную теорию социально-экономической эффективности общественного производства и научно-технического прогресса, в которой впервые проблемы социальной справедливости и экономической эффективности взяты в целостной взаимосвязи как ипостаси единого процесса общественного развития. Доказан приоритет социальных критериев над экономическими, доказана методологическая ущербность вычислительного фетишизма, ставящего количественными вычисления экономические и социальные процессы на одну плоскость.

Выработаны способы ранжирования целей, преодолён барьер тождества социальных результатов при сравнении экономически разноэффективных вариантов. Тем самым теория и методология социально-экономической эффективности, предложенная марксизмом, стала практически применимой как в общественных стратегиях, так и в хозяйственной практике.

Псевдомарксизм силится решить проблему критериев эффективности на путях продолжения узкоэко-

номической методики исчисления эффективности за пределами собственно экономики, механически суммируя экономические и социальные эффекты. Псевдомарксизм склонен идти на компромисс и признавать социально направленными и даже социалистическими варианты капиталистического хозяйствования, при которых экономическая эксплуатация компенсируется государственным перераспределением части эффекта в пользу трудящихся и особенно бедных.

Проблемы плодотворной и практической увязки антагонистически противоречивых экономической эффективности и социальной справедливости ни теоретически, ни практически оказались неразрешимыми вне марксистской методологии. Над этими проблемами безуспешно бились и бьются как идеологии и практики тоталитаризма, так и теоретики и практики социального рыночного хозяйства.

Вопрос о носителе (движущей социальной силе) общественного прогресса

Марксизм с первых шагов своего зарождения поднял вопрос о прогрессивной роли тех или иных социальных сил. К.Марксом и Ф.Энгельсом была по-новому поставлена и разрешена проблема так называемой “язвы пролетариатства”, неподъёмная для буржуазной социальной и экономической науки.

В рабочем классе марксистская идеология усмотрела преемника дела общественного прогресса, способного осуществить руководство обществом и производством, когда буржуазия станет неспособной к этой функции.

Марксизм на основе научного анализа показал генезис индустриального рабочего класса и появление новой исторической фигуры – индустриального (фабричного) рабочего.

К.Марксом и Ф.Энгельсом, а позже В.И.Лениным рассмотрены проблемы формирования рабочего класса

как субъекта исторического действия, процесс его превращения из “класса для капитала” в “класс для себя”. Идейно обоснована освободительная функция рабочего движения и особенно революционного народно-демократического рабочего движения.

Эти выводы марксизма были практически использованы в XIX и в начале XX века в ходе европейского рабочего движения и социалистической революции в Российской империи.

Следует подчеркнуть, что современный марксизм осознаёт недопустимое отставание в разработке проблемы носителя общественного прогресса в современных условиях. Практика капиталистической эксплуатации за последние десятилетия ушла далёко вперед, кардинально изменились организационные и технико-технологические формы производства (НТР и новая производственная революция).

Марксистский анализ изменений характера труда и центральной фигуры современного производства – работника пока что не проведён в необходимых масштабах и с достаточной глубиной. Осознавая крупное отставание теоретической работы от потребностей современной практики в обозначенной сфере, марксизм не торопится ухватиться за: первые попавшиеся поверхностные объяснения назревших вопросов.

Псевдомарксизм, напротив, сохраняет самоуверенность относительно решения вопроса о носителе прогресса, придерживается выводов вековой давности об индустриальном рабочем классе и его роли в общественном прогрессе, закрывает глаза на существенные перемены в составе, характере и доле в общественной структуре индустриальных рабочих. Отсюда – свойственные псевдомарксизму левацко-экстремистские лозунги о ведущей роли *человека от станка* в развитии современного общества. Отсюда же и, казалось бы, нелогичные, а на самом деле вполне закономерные заимствования чуждой идеологии и компромиссные скоропалительные поддакивания утверждениям о выдвижении на роль носителей прогресса

то интеллигенции, то предпринимателей, то крестьян и т.п.

Марксизм с озабоченностью осознаёт реальную вероятность того, что человечество “проскочило” ту историческую ситуацию, при которой носитель общественного прогресса мог сформироваться из среды эксплуатируемого трудового народа (например, в виде индустриального рабочего класса, союза рабочих и крестьян).

Может случиться, что современное так называемое постиндустриальное общество обрекает трудовую массу на такое состояние, при котором в её составе не может возникнуть и окрепнуть достаточно сильный носитель общественного прогресса. Это означало бы, что трудовая масса утратила потенциал освобождения труда, а тем самым и освобождения всего общества от эксплуатации. Это значило бы, что дальнейшее развитие пошло бы под эгидой эксплуататорских классов. Такая перспектива неизбежно порождала бы тенденции утраты человечеством гуманно ориентированного будущего.

Псевдомарксизм не ставит подобных проблем, с пустой беззаботностью уповая на безальтернативность так называемого светлого будущего.

8. РАЗРЕШАЮЩАЯ СПОСОБНОСТЬ МАРКСИЗМА (ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ)

Разрешающая способность марксизма – это проблема **развивающегося** марксизма, осознавшего существование конкретно-исторических границ своей общественной значимости, т.е. своей применимости как познавательной стороны социально-преобразующей практики определённого класса.

Марксизм возник как идеология индустриального рабочего класса в капиталистическом обществе. Его разрешающая способность в этом обществе – быть идеологией социалистической пролетарской революции, а в истории, кроме того, – идеологией построения социалистического и коммунистического общества.

Марксизм не претендует на роль общечеловеческой (надклассовой) идеологии. Если общество и его со-

циальная структура изменяются таким образом, что индустрия перестаёт быть основной формой производительных сил, и если рабочий класс перестаёт быть главной фигурой трудового народа, то возникает вопрос о судьбах марксизма как идеологии.

Очевидно, что есть две возможности. Либо марксизм трансформируется в идеологию освобождения труда от эксплуатации в постиндустриальном обществе, в идеологию преодоления в этом обществе других (возможно, существенно новых) форм насилия над личностью, стандартизации личности, преодоления социальной деградации людей, оттесняемых от созидательной деятельности. Либо появится иная идеология, выполняющая такую же освободительную функцию.

Марксизм не трепещет по поводу возможного исчерпания своей исторической роли и даже по поводу возможного ухода с исторической сцены. Осознание и постоянное обращение к проблеме своей разрешающей способности отличает марксизм от концепций, претендующих на роль надклассовых.

Декабрь 1997 г.

Печатается по тексту
Г.Я.Ракитская. Методология марксизма и историческое поприще её плодотворности. — В книге: Г.Ракитская, Б.Ракитский. Методология марксизма и историческое поприще её плодотворности. М.: Институт перспектив и проблем страны. 1998. Стр. 5-50.

Сходный текст под названием «Марксизм и псевдомарксизм» опубликован в периодическом издании "Альманах Центра общественных наук". – М.: май 1998. №8. Стр. 67-82;
А также в книге: «Постижение Маркса. (по материалам международной научной конференции, посвящённой 180-летию со дня рождения К.Маркса) — М.: Московский университет, ТЕИС. 1998. Стр. 89-103.

2000

==========

Марксистская версия социальных институтов и институциональных преобразований

Опыт анализа и актуального продвижения методологии

Г.Я.Ракитская

Обложка первого издания книги
М.: Институт перспектив и проблем страны. 2000. 96 с.

“... Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.”

(Карл Маркс “Тезисы о Фейербахе”)

“Я отнюдь не капитулировал и не опускал рук, видя неизбежные результаты определенного общественного развития. Нет, так не следует понимать моих слов. Уже тогда я убедился, что здесь к цели ведет только двойной путь. *Глубочайшее чувство социальной ответственности, направленное к созданию лучших условий нашего общественного развития, в сочетании с суровой решительностью уничтожать того горбатого, которого исправить может только могила.”*

(Адольф Гитлер. “Моя борьба”)

“Судьба Марксовой теории доказывает ее верность. И это не только в России. Известно, что западные ученые долго пренебрегали ею как неудачным плодом социально-революционного фанатизма, но время шло, и с течением времени делалось все более и более ясным даже и для глаз, смотревших сквозь очки буржуазной ограниченности, что плод социально-революционного фанатизма имеет, по крайней мере, одно неоспоримое преимущество: он дает чрезвычайно плодотворный метод исследования общественной жизни”.

(Георгий Плеханов. “Карл Маркс)

“Реабилитировать социализм как идеологию не удастся, пока существовавший в СССР строй, ... не будет научно и идеологически идентифицирован с фашизмом. Тут очень важно не согласиться на компромисс и не подменить точное и понятное советским людям понятие *“фашизм”* всякими щадящими выкрутасами вроде *“тоталитаризм”, “олигархизм”* и пр.”

(Борис Ракитский. “Общество, в котором мы жили в СССР”)

Институт перспектив и проблем страны
Российской академии естественных наук
==========

Г.Я.Ракитская

Марксистская версия социальных институтов и институциональных преобразований

Опыт анализа и актуального продвижения методологии

Москва
Институт перспектив и проблем страны
2000

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ

Исходная позиция

Предмет анализа

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я
ИНСТИТУТЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ В МАРКСИЗМЕ — КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

1. Принципиальная схема системной структуризации общественных отношений в марксизме

1.1. Организационно-субъектная структура общества (институты-субъекты)

1.2. Формы общественной организации взаимодействий социальных субъектов (институты-регуляторы)

1.3. Институционализация воспроизводственных процессов

2. Марксистская типизация обществ в категориях социально-организационных отношений

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я
ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫХ (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ) ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В МАРКСИЗМЕ

1. Общественно-экономические институты в переходные периоды

1.1. Соотношение созидательных и разрушительных процессов при революциях и в революционных реформах

а) Устранение старых отношений путем их замены новыми

б) Постепенное вытеснение старого в переходный период к новому общественному строю,

а не единовременная его отмена
в) Минимизация меры разрушения старого
в обозначении целей социальной революции
г) Историческое творчество масс —
способ создания жизнеспособного нового

1.2. Вариантность и эффективность общественно-экономических преобразований в переходный период
1.3. Соотношение принуждения и свободы в революционно-демократических преобразованиях
а) Методологическая установка и задачи раздела
б) Диктатура класса как логическая категория
Организация пролетариата и организация буржуазии в господствующий класс
Исходные социально-структурные реформы переходного периода.
в) Демократия и диктатура как формулы решения практической ситуации

2. Принципиальная оценка институциональных преобразований в современной России — цели, средства, результаты

3. Марксистские подходы к анализу взаимосвязи научно-технических и социально-организационных преобразований

Приложение (к разделу 2 Части второй)[21]
Платформа международного движения “АТТАК” -
Международное движение за демократический контроль над финансовыми рынками и их учреждениями
(Принята на международной встрече
11-12 декабря 1998 г., Париж)

[21] *В настоящем издании это приложение не приводится.*

В В Е Д Е Н И Е

==========

Исходная позиция

Следующие два обстоятельства определили исходную позицию данной работы.

Первое обстоятельство. Понятия “институт”, “институциональные изменения” и т.п. вошли в специфический понятийный аппарат определенного спектра экономических исследований гораздо позже, чем сформировались фундаментальные теоретико-методологические принципы марксизма, в том числе система его базовых категорий. При этом предметная область марксистского обществоведения, в том числе его политической экономии, *не совпадает* с предметной областью институционализма.

Отсюда, во-первых, опасность ошибочного отождествления тех или иных понятий институционалистов с категориями марксизма, в том числе и потому, что в построениях институционалистов иной раз прослеживается влияние терминологии и тех или иных отдельных положений марксистского обществоведения. Отсюда же, во-вторых, опасность не увидеть, что те или иные явления, попавшие в поле зрения институционалистов, хотя и входят в объект марксистского обществоведения, но рассмат-риваются в нём в ином ракурсе, в иных целях и с иными выводами. Иначе говоря, предмет и методология маркси-зма столь специфичны, что правомерно говорить об институционализме и о марксизме как о **разных** науках. А сопоставление теоретико-методологических концепций разных наук – дело неблагодарное хотя бы из-за сложности обоснования целей такого сопоставления.

Второе обстоятельство — неоднозначность и неопределённость самого понятия “институт” (“институция”) у тех, кто использует его в своих работах в качестве базового. Правда, есть исследователи, которые дают до-

статочно ясное определение этого понятия.[22] Но у других, напротив, “институт” — нечто расплывчатое, не имеющее четких границ. Это обусловлено в первую очередь отсутствием ясной практической ориентации теоретических построений и позволяет вязать цепь рассуждений в форме потока мыслей, наблюдений, допущений, предположений, не отвечающих критериям научной обоснованности, научной строгости. К тому же термин “институт” стал нередко применяться сейчас в России и к месту, и не к месту в порядке следования научной моде, в том числе модному демонстрированию того, что автор “интегрирован в мировую науку”.

В связи с указанными обстоятельствами пришлось принять следующую **исходную** позицию в отношении понятия “институт” (общественный, или социальный; общественно-экономический; экономический) и в отношении логиики первой части работы.

Пришлось с самого начала обозначить тот круг явлений и процессов, которые обобщаются в марксизме специфическими для него категориями, но могут быть обозначены (в порядке употребления синонима) и термином “институты” — ***но синонима лишь в рамках марксистской системы представлений, а не в других понятийных системах.***

Другими словами, бесперспективна, как показал предварительный анализ, следующая логика:

---

[22] См., например, понимание институтов Дугласом Нортом:

Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение. — В альманахе: “THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем”, М.: “Начала-пресс”, весна 1993, т.1, вып.2, с. 73. (Пер. с англ. работы, опубликованной в 1989 г.)

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997, с.17-20. (Пер. с англ. работы, опубликованной в 1990 г.)

а) зафиксировать, что такое “институт” у институционалистов;

б) найти у марксистов категории, которые близки по содержанию к “институтам” институционалистов.

Наша логика иная:

а) зафиксируем точный смысл тех категорий марксизма, различные аспекты содержания которых ухватываются исследователями-институционалистами в понятиях “институты”, “институциональные трансформации” и т.п.

б) будем употреблять термин “институты” для обозначения выделенных марксистских категорий как их синоним;

в) строго будем следить за тем, чтобы такое словоупотребление не привело к обеднению марксистских научных положений, не стало препятствием для выявления закономерных взаимосвязей реальных явлений и процессов и чтобы не смешивались в одну кучу такие аспекты действительности и научные категории, как сущность и явление, форма и содержание. В противном случае пришлось бы отказаться от термина “институт” как от неудачного.

Избранная исходная позиция позволяет:

а) строго очертить предмет работы и зафиксировать достижения марксистского обществоведения в соответствующей области, а не примеривать различные термины, суждения и выводы институционалистов к работам марксистов с единственной целью - найти нечто похожее;

б) сравнить (если потребуется) достижения марксистского анализа очерченного круга явлений и процессов с результатами других направлений научной мысли, в которых исследуется нечто похожее. В рамках данной работы задача такого сравнения специально не ставилась, хотя отдельные соображения на этот счет в работе высказываются.

Предмет анализа

Ход и результаты радикальных общественных преобразований в современной России, начало которым положил революционный перехват политической власти антитоталитарными социальными силами в августе 1991 г., выдвинули в число наиболее актуальных научно-практических проблем *проблему формирования новой жизнеспособной и эффективной общественной организации экономической жизнедеятельности общества — формирования социально-хозяйственного механизма.*

В связи с этим правомерен интерес к результатам тех направлений научных исследований, в которых изучаются те или иные аспекты организации сложных систем. Одно из таких направлений в экономической теории – ***институционализм***, который (устами тех, кто работает в этой традиции или же под влиянием этой традиции) претендует на объяснение экономической истории во всем ее многообразии и пытается сделать это путем разработки теории происхождения, функционирования и трансформации так называемых экономических институтов — конкретных форм организации взаимодействий между людьми, накладывающих ограничения на индивидуальное поведение.

Потребности анализа реального хода **радикальных** преобразовательных процессов в современной России (и в странах Восточной и Центральной Европы) и потребности действенного управления этими процессами делают правомерным интерес не только к работам институционалистов, но и к работам ***марксистского направления***. И в первую очередь потому, что проблематика действительно радикальных, то есть *революционных, качественных* общественных преобразований, проблематика перехода к новому общественному строю составляет специфический предмет как классического марксизма (включая ленинизм), так и современных творческих продолжений классического марксизма. В то же время в марксистском обществоведении сформировались теоретико-

методологические подходы и выводы в области анализа организационных отношений применительно к *эволюционным периодам* — в той мере и постольку, поскольку это необходимо для понимания тенденций общественного развития и его прогнозирования, для выработки стратегии прогрессивного реформирования сложившейся общественно-экономической системы и для революционной преобразовательной деятельности.

В работе изложены в сжатом виде результаты обобщения и актуального продвижения основного теоретико-методологического багажа марксизма в той части, которая относится к **закономерностям социальной организации общественно-экономических отношений.**

В системе марксистских представлений в категориях “социальная (или общественная) организация”, “организационные отношения”, “социально-организационные формы” и т.п *организованность* понимается прежде всего как *объективная структурность* общественных процессов, а не как непременно их регламентированность какими-либо конкретными видами норм и правил.

Основной научно-литературный материал, который послужил источником для обобщений, — труды классиков марксизма, работы советских исследователей времен реформы шестидесятых годов и российских исследователей периода вызревания и осуществления четвертой русской революции, современного переходного периода. В тех случаях, когда источником были собственные исследования автора, предшествующие настоящей работе, сделаны отсылки к соответствующим публикациям.

И ещё одно важное вводное замечание. Говоря о марксистской методологии (марксистском подходе и т.п.), я не имею в виду всех на свете пишущих людей, называющих себя марксистами. Под маркой марксизма существуют кардинально разные, несовместимые друг с другом течения общественной (экономической в том числе) мысли. Главные характеристики мировоззрения, теоретических концепций и методологии, имеющих право носить имя

К.Маркса, — последовательный гуманизм, исторический материализм, целостнообществоведческий и конкретно-исторический подход. Этим критериям не отвечает, в частности, сталинизм и различные его разновидности (маоизм, официальная идеология КПСС, КПРФ и т.п.).[23]

В первой части работы основное внимание уделено категориальному аспекту, *во второй части* - закономерностям социально-организационных преобразований.

[23] См. подробнее о критериальных характеристиках марксизма и о псевдомарксизме в работе: Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. "Методология марксизма и историческое поприще ее плодотворности". — М.: Институт перспектив и проблем страны, 1998.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

ИНСТИТУТЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ В МАРКСИЗМЕ – КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

==========

1. Принципиальная схема системной структуризации общественных отношений в марксизме

В силу своей преобразовательно-радикальной целеориентированности марксистское обществоведение стремится к познанию сущности явлений, то есть к выявлению наиболее устойчивых (закономерных) взаимосвязей, объясняющих и определяющих характер общественных процессов и долговременные тенденции в мире конкретных явлений, конкретных событий.

В отличие от институционалистов, исследователи, работающие в марксистской методологической традиции, стремятся строго различать **сущность** общественных процессов и отношений (наиболее устойчивые взаимосвязи), их **объективное содержание** (объективную структуру) и **конкретно-исторические организационные формы**, в которых реально проявляются (“являются”, применяются, складываются) сущностные и содержательно-структурные стороны общественных систем.

В таком методологическом пространстве правомерно под социальными институтами понимать систему форм организации общественных отношений и взаимодействий и выделять в этой системе социально-организационные формы *по меньшей мере* двух разных уровней конкретности:

а) **содержательные формы (институты первого рода)**. Они выполняют в разных обществах и на разных этапах их развития одни и те же по сути (однотипные)

объективно обусловленные социальные функции (государство, собственность, частная собственность, наемный труд, общественное иждивение, предприятие и т.д. и т.п.);

б) **конкретно-явленческие формы (институты второго рода)** - конкретно-исторические организационные формы, обеспечивающие реализацию объективно обусловленных социальных функций (формы государства; конкретные нормы и правила, которые регулируют отношения собственности, способы хозяйствования, порядок найма и использования наемной рабочей силы; конкретные системы социального обеспечения и т.д. и т.п.). Институты второго рода складываются под влиянием целого ряда факторов, в т.ч. чисто случайных, что дает большое разнообразие конкретных форм - регламентирующие и стимулирующие, осознанные и неосознанные, принимаемые (усвоенные) и отчуждаемые и пр. Одинаковы все они в одном - в том, что они есть проявление содержательных объективных отношений, что обеспечивает им характер системы.

В институциональных системах как первого, так и второго рода следует различать две существенно разные подсистемы: институционально-**субъектную** и институционально-**регулирующую**.

1.1. Организационно-субъектная структура общества (институты-субъекты)

“Социальная структура общества”, “общественные отношения” — важнейшие сущностные категории марксизма.

Субъектами общественных отношений являются элементы социальной структуры — социальные группы, социальные общности[24]. Являясь “первичными” субъекта-

---

[24] Социальные группы — классы, касты; внутриклассовые группы (социально-профессиональные, социально-демографические и пр.); социальные слои и сословия и т.п.

ми общественных отношений, социальные группы *в целом* практически никогда не выступают (а социальные общности *в целом* — выступают далеко не всегда) в качестве субъектов конкретных общественных взаимодействий.

Субъектами конкретных взаимодействий, выступают те или иные *организационные структуры* — "вторичные" субъекты, субъекты-представители [25].

Реальные субъекты-представители — это организационные структуры (органы, организации, движения), адекватно выражающие и отстаивающие (представляющие) интересы соответствующих первичных субъектов (социальных групп, социальных общностей).

Совокупность субъектов-представителей уместно называть ***организационно-субъектной,*** или же ***институционально-субъектной социальной структурой общества***.

Такими терминами марксизм не оперирует, а оперирует категориями **"социальная сила", "структура** (расстановка) **социальных сил"**, когда речь идёт о содержательной, а не организационно-формальной характеристике субъектов общественных взаимодействий.

Практическая направленность марксистского обществоведения — быть научной опорой социальной практики рабочего класса (рабочего движения), всех эксплуатируемых трудящихся. Неотъемлемая составная часть классического и современного марксизма — исторический и проблемный анализ процесса превращения рабочих, трудя-

---

Социальные общности — отдельные народы, нации; территориальные, территориально-этнические и религиозные сообщества; производственные и иные сообщества, складывающиеся на базе коллективных форм жизнедеятельности (родо-племенные образования, семьи; общины, коммуны; трудовые коллективы).

[25] Об удвоении субъектов см.: Ракитский Б.В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. Часть первая. — "Трудовая демократия". Вып. 9. М.: ИППС, 1998, с.7.

щихся из пассивных участников социальных процессов в активно и сознательно (целенаправленно) действующие социальные силы. Этот процесс обобщается в классическом марксизме в категориях превращения массы рабочих из “класса по отношению к капиталу” в “класс для себя”[26].

Социальная сила понимается как реальный субъект действительно политических (то есть социально-групповых, классовых) отношений, результат **самоорганизации социальной группы**, а не как вторичный субъект лишь для удобства повседневных практических действий.

Применительно к рабочему классу это означает, что процесс самоорганизации массы эксплуатируемых рабочих рассматривается в неразрывной связи с развитием **идеологической** стороны рабочего движения. Подчеркну, что сам марксизм возник и развивается как **собственная** идеология рабочего класса и рабочего движения. Без освоения собственной идеологии такими субъектами-пред-ставителями рабочего класса, как организованные массовые движения, считается в марксизме невозможной реализация стратегических интересов этого класса.

Марксистский подход позволяет и требует различать: а) социальные силы как *реальные* субъекты соци-

---

[26] Маркс К. Нищета философии. Ответ на “Философию нищеты г-на Прудона (§V. Стачки и коалиции рабочих). - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.4, с. 179,180,182-183. Отмечу, кстати, что в этом параграфе есть следующее наблюдение о влиянии степени институционализации рабочего движения, если говорить в актуальных терминах) на развитие и рост промышленности: “... Вопреки учебникам и утопиям, коалиции ни на минуту не переставали прогрессировать и расширяться вместе с развитием и ростом современной промышленности. В настоящее время можно даже сказать, что степень развития коалиций в данной стране с точностью указывает место, занимаемое ею в иерархии мирового рынка. Англия, где промышленность достигла наивысшей степени развития, имеет также самые большие и наилучшим образом организованные коалиции” (с.182).

ально-групповых отношений и б) *формальные (декоративные)* институционально-субъектные структуры, то есть такие, которые не имеют собственной достаточно широкой (массовой) социальной базы и в силу этого не имеют реального веса в политической жизни общества.[27]

Вместе с тем история XX века дала ряд усложнений, которые марксизмом осмыслены как ***деформации*** исторических процессов. В условиях деформаций (в условиях тоталитарных режимов прежде всего) действует особый тип социальных субъектов, существенно отличающийся как от реальных субъектов-представителей, так и от декоративных субъектов.[28]

Государство в марксизме осмыслено — и на уровне объективных социальных функций, и на уровне конкретно-исторической практики — как субъект-представитель *господствующего* класса, без активной роли которого (государства) в сфере организации общества и хозяйства невозможно сохранение качественной специфики данного общественного строя.[29]

С этих же позиций марксизм объясняет такой феномен XX века, как капиталистическое социальное государство, а также типичную для последних десятилетий XX века смену политической ориентации левых (с левой на либеральную), когда они приходили в капиталистических странах к государственной власти.

---

[27] Категории "социальная сила", "социальная база" с марксистских методологических позиций определены, например, в работе: Ракитская Г.Я. Будущее и настоящее России в идейных представлениях и требованиях (из летописи четвертой русской революции). — "Перспективы и проблемы России". Вып.2. М.: ИППС, 1995, с.55-57.

[28] Из авторов, которые видели и разрабатывали эту проблему с марксистских или же с близких к марксистским позиций, следует прежде всего назвать Л.Д.Троцкого, В.Сержа (В.Л.Кибальчича), М.Джиласа, М.С.Восленского.

[29] Классовая природа государства — положение, вошедшее в "азбуку" марксизма.

Согласно либеральным концепциям, государство является (а в социал-реформистских, социал-партнёрских концепциях – должно быть) надклассовым институтом, то есть государство воспринимается как фактический, в тенденции или в идеале реальный субъект-представитель всех социальных групп, всех классов. Марксизм решительно отвергает такие представления о государстве.

На уровне принципиальной схемы организации (институционализации) общественных отношений марксистский подход позволяет зафиксировать и удвоение такого социального субъекта, как **индивид**.

Первичные субъекты - это конкретные люди (индивиды). Марксизм, однако, не занимается объяснением мотивов, способов и форм поведения людей во всем их конкретном многообразии.[30] В поле зрения марксизма попадает индивид в его той или иной ***социальной роли***.

Социальная роль (роли), в которой выступают люди в их конкретных взаимодействиях с другими социальными субъектами, может быть интерпретирована как *социально-субъектная институционализация индивидов*. Более содержательно о таком вторичном субъекте, как социальная роль, марксист не будет говорить безотносительно к типу (характеру) общества, его социальной структуры. Пояснить эту мысль может отсылка к такой социальной роли, как *“гражданин”,* которая вовсе не является всеобщей (единой для всех типов обществ) формой социально-субъектной институционализации членов общества.

1.2 Формы общественной организации взаимодействий социальных субъектов (институты-регуляторы)

Если использовать термин “институт”, то формы общественной организации процессов взаимодействия

---

[30] ***Именно поэтому марксистов легковесно винят в том, что человек у них находится на заднем плане, а то и вовсе отсутствует.***

социальных субъектов можно называть институционально-*регулирующими*, чтобы отличить их от институционально-*субъектной* структуры общественных взаимодействий. Институты-регуляторы организуют взаимодействия социальных субъектов.

К институтам-регуляторам первого рода относятся такие способы организации общественных взаимодействий, как “согласование (или подавление) интересов и действий”, “общественные требования к результатам и способам функционирования экономики в целом и составляющих ее элементов”, “стимулирование”, “запрещение”, “планирование”, “общественный контроль”, “обычаи”, “традиции” и т. п.

Институты-регуляторы второго рода — конкретные государственно-правовые нормы, конкретные нормы договорного регулирования и морали, конкретные обычаи и традиции, а также сложившийся в дополнение к официально установленным нормам и нормам морали или вопреки им фактический порядок осуществления общественных процессов.

Анализ форм общественной организации взаимодействий социальных субъектов как *содержательных* означает, что в предмет анализа непременно попадает проявляющаяся в конкретных формах *качественная определенность* — их **действительные социальные функции** (объективное содержание), притом в полном сущностном объеме, а не вырванные из контекста общества в целом те или иные содержательные стороны организационных отношений.

Выявление содержательных форм есть реализация в конкретных исследованиях таких фундаментальных теоретико-методологических принципов марксизма, как целостнообществоведческий, классовый и конкретно-исторический подходы.

Выявление содержательных форм открывает возможность объяснять и прогнозировать *характер* изменений в системе организационных отношений и позволяет также отделить случайное, временное, пробно-ошибочное

в конкретном *организационно-правовом* оформлении общественных процессов от закономерного, устойчивого, социально (объективно) обусловленного.

Марксистский подход позволяет при необходимости корректно осуществлять сравнение организационно-правовых систем разных исторических периодов, разных стран. Он требует сравнивать не отдельные и не внешне сходные правовые (писаные и неписаные) нормы, а вычленять и сопоставлять способы реализации *однотипных социальных функций* на уровне *комплексов* организационно-правовых форм. Он требует также не доверять внешнему сходству или внешним различиям, а доводить анализ конкретных форм организации до выявления однотипности или же разнотипности выполняемых ими социальных функций.

Марксистская методология позволяет избежать поверхностных суждений и ошибочных практических действий при обращении к такой проблеме, как заимствование организационного (зарубежного в том числе) опыта. Марксист нацелен на строгое разграничение приемлемого и неприемлемого для перенесения на иную социальную почву. Одним из примеров такого (социально-политического, классового) подхода являются ленинские размышления о роли кооперации в социалистических преобразованиях.

Проиллюстрирую суть отличия марксистского подхода к пониманию форм социальной организации от других подходов на примере одной из базовых категорий марксистской политической экономии — категории “собственность”.

“Чистые” экономисты (а не *политические* экономисты — политэкономы) и юристы-прагматики сводят собственность к имущественным отношениям, причём к *праву* собственности владеть и распоряжаться имуществом.

> В Гражданском кодексе Российской Федерации раздел II называется “Право собственности и другие вещные права”, а открывает этот раздел сле-

дующее положение пункта 1, статьи 209: “Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения имуществом”.

В построениях институционалистов речь также всегда идёт о праве собственности (причём, всегда о конкретной правовой форме — преимущественно о праве частной собственности). Нормы и правила, относящиеся к праву собственности, выступают при таком подходе как *ограничения* (запреты ли, разрешения ли) на поведение социальных субъектов.

В марксистской политической экономии собственность — это в первую очередь объективное структурное отношение, а именно **властное** отношение — **власть в хозяйстве.** *Права* собственности рассматриваются как организационно-правовой институт, оформляющий в конкретно-историческом исполнении присущий данному обществу тип властных отношений в хозяйстве.

В капиталистических обществах, согласно марксизму, социальная функция частной собственности — не защита имущественных прав индивидов для формирования стимулов экономической деятельности, как представляется институционалистам, а обеспечение властно-управляющей роли капиталистического класса в общественном воспроизводстве как собственной основы господствующего положения этого класса в обществе.

При таком понимании социальной роли частной (частнокапиталистической) собственности изменения в конкретных нормах, составляющих права собственности (имущественные права), предстают в совершенно ином свете. Открывается, в частности, возможность понять, почему такой институт-регулятор, как частная (частнокапиталистическая) собственность провозглашается *заведомо* экономически эффективным институтом, принудительно внедряется, сохраняется и охраняется — якобы в целях эффективности, экономического роста и т.п., хотя практика может демонстрировать (и в истории нередко демонстрирует) противоположные результаты. Пример тому — при-

нудительная приватизация в современной России со всем её идеологическим оформлением.

В связи с процессами приватизации в России и демагогическими декларациями о том, что цель реформ — при помощи раздела государственного имущества создать в стране миллионы собственников ("настоящих хозяев"), Б.В.Ракитский, а затем и автор данной работы многократно разъясняли в своих публикациях суть марксистского представления о собственности как о власти в хозяйстве.[31] Автором (совместно с Б.В.Ракитским) была разработана ещё в конце 1990 г. цельная научная концепция демократической реформы собственности как радикальной реформы прежде всего властно-управленческих отношений в хозяйстве. Эта концепция была разработана в порядке научного обслуживания движения советов трудовых коллективов, участники которого своим, так сказать, умом дошли до ряда положений демократической (точнее, буржуазно-демократической) реформы собственности. Наша научная концепция стала основой программно-учредительных документов Союза трудовых коллективов (1990 г.). Однако позже активисты движения (как и лидеры старых и большинства новых профсоюзов) увлеклись имущественной стороной реформы, правом собственности и совершенно упустили из поля зрения, из задач борьбы властный аспект.

Упомянутые активисты и лидеры фактически действовали так, как будто начитались институцио-

---

[31] См., например: Ракитский Б. Основы теории переходного периода. — В кн.: Через тернии. М.: Прогресс, 1990; Ракитская Г.Я. Место трудящихся в будущей России (противоборство идей и реальных тенденций: 1987-начало 1992 гг.) — В сб.: Производственная демократия: теория, практика и проблемы внедрения. — М.: Институт экономики РАН, 1992 .

налистских книжек. В отличие от них либеральные реформаторы (Е.Т.Гайдар, А.Б.Чубайс и пр.) действовали, не оглядываясь на институционалистов, отступая от институциональных рекомендаций. Е.Т. Гайдар, будучи фактически главой правительства, называл “Закон о государственных предприятиях (объединениях)” 1987 г. самым вредным, самым антиреформенным законом. И понятно, почему. Потому что Закон 1987 г. допускал реальное участие трудовых коллективов в управлении предприятиями. Первое, что сделали либеральные реформаторы, — не приватизация, а фактическая ликвидация советов трудовых коллективов. То есть фактическая ликвидация субъектов-представителей трудовых коллективов — потенциальных конкурентов частнику на власть в хозяйстве.

1.3. Институционализация воспроизводственных процессов

Очерченные выше представления о закономерностях структуризации общественных отношений в институционально-субъектной и институционально-регулирующей формах относятся ко всем сферам жизнедеятельности общества, в том числе к воспроизводственным процессам.

Институционально-субъектная структура воспроизводственных отношений может быть рассмотрена со стороны членения хозяйства на низовые относительно обособленные *производственно-экономические (хозяйственные) звенья — предприятия.*

Предприятия выступают во взаимоотношениях друг с другом как производители и потребители, покупатели и продавцы и т.п. ролях. То есть выступают в хозяйственных (экономических) ролях, выполнение которых необходимо для функционирования всей экономики как средства до-

стижения тех целей, которые ставит перед ней данное общество.

Однако предприятие — это конкретная форма организации жизнедеятельности общества и членов общества (индивидуальной жизнедеятельности). В рамках предприятий реально осуществляются взаимодействия индивидов и организационных структур, образующих множество элементов первичных и вторичных социальных субъектов данного общества. Поэтому мало будет проку, если говорить о предприятии вообще, в отрыве от специфики общественного строя, характера общественно-экономических отношений.

Если говорить о *капиталистическом* предприятии и о *капиталистическом* воспроизводстве в целом, то здесь основными взаимодействующими элементами институционально-субъектной социально-экономической (социально-хозяйственной) структуры являются:

а) *государство* как субъект-представитель господствующего капиталистического класса. На уровне конкретных форм социально-хозяйственного механизма (в связи с дифференциацией функций государства) действуют различные государственные органы и учреждения;

б) *капиталисты-собственники.* Эту роль выполняют как отдельные люди, так и группы людей. На уровне конкретных форм социально-хозяйственного механизма (в связи с расслоением функций капитала) действуют такие социальные фигуры, как предприниматели, работодатели, специалисты-управляющие, а также различные организационные структуры - субъекты-представители.

в) *наёмные эксплуатируемые рабочие (работники)*. На уровне конкретных форм социально-хозяйственного механизма действуют: отдельные наёмные работники; органы, выполняющие роль субъектов-представителей наёмных работников данного предприятия (трудовых коллективов); субъекты-представители тех или иных групп работников — от групп в масштабах трудового коллектива до классовых организаций в масштабах всего общества.

Институционально-регулирующие конкретные (на конкретно-явленческом уровне) формы структуризации воспроизводственных процессов — это *нормы и правила,* в которых фиксируются *конкретно-исторические общественные требования* к результатам и способам функционирования социально-экономической структуры (экономики) в целом и составляющих ее элементов.

В систему конкретно-исторических норм и правил входят как государственно-правовые и официально установленные договорные формы организации воспроизводственных процессов, так и фактический порядок осуществления этих процессов. Другими словами, следует различать *декларированный* в данном обществе и *реальный* (фактически действующий) порядок.

Применительно к звеньям хозяйства (предприятиям) конкретно-исторические общественные требования выступают в форме норм и правил *хозяйствования*; применительно к государственным структурам — это нормы и правила (в том числе в форме законов) выполнения *экономических (хозяйственных) функций государства.*

Институты-регуляторы сферы трудовой жизнедеятельности эксплуатируемых наёмных работников — это нормы и правила осуществления каждой из стадий *индивидуального трудового жизненного цикла.* Этими нормами и правилами определяется *тип* индивидуальной трудовой жизнедеятельности наёмного работника, в том числе нормальная для данного общества смена стадий трудового жизненного цикла, включающая и такую “нормальную” для капитализма стадию, как безработица.

К примеру, в систему конкретных институтов-регуляторов сферы трудовой жизнедеятельности наемных работников входят следующие нормы и правила (в том числе и сложившийся неофициальный фактический порядок)[32] :

---

[32] ***Подробнее о конкретно-исторических институциональных формах сферы труда и их опосредующей роли в фор-***

— порядок получения образования, формы профессиональной подготовки и переподготовки людей;

— правила и формы трудоустройства (в том числе изменения места работы); формы организации труда как такового;

— система профессий и должностей как способ специализации трудовых функций и их комбинирования;

— нормы и правила использования трудовых ресурсов в звеньях хозяйства (режим работы и отдыха, система охраны труда, порядок регламентации условий труда, механизм компенсирования неблагоприятных условий труда и пр.);

— системы внутрипроизводственного управления трудом (методы нормирования труда, системы и формы оплаты труда и пр.);

— правила и нормы, определяющие порядок прекращения участия наемных работников в общественном производстве и условия жизни людей, временно, частично или окончательно утративших трудоспособность.

Категория **нормы (правила)** требует высокой методологии для ее точного применения в теории и практике.

У институционалистов, как нам представляется, методология в этом отношении недостаточно высока (тонка). Норма (правило) воспринимается институционалистами (исключения здесь, насколько нам известно, редки, да и то если не придираться[33]) как некая *внешняя* для субъекта

мировании социального типа трудовых судеб трудящихся см: Ракитская Г.Я. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. Препринт. — М.: ВНИИСИ, 1986, с.20-24.

[33] При желании Дугласа Норта, например, можно понять так, что "созданные человеком ограничительные рамки" не диктуют, а "задают структуру побудительных моти-

жесткая реалия, ограничивающая его поведение. Такой подход органически вытекает из фундаментального методологического порока: из восприятия экономического мира исключительно как рыночного и первичного мира и надстраивания над рыночным первичным миром внешнего для рынка (и для экономики — вот что важно!) дополнительного мира ограничений, этакого вожатого при пионерском отряде субъектов рыночного хозяйства. Из одного мира получаются два мира, из них один — внешний, продуцирующий ограничения в виде норм и правил хозяйствования.

Марксистская методология, последовательно продолжая традиции европейской общественной науки, не сводит экономику к рынку, человека — к экономическому ("рациональному") человеку. В марксизме экономика рассматривается как хозяйственная подсистема общественной деятельности, экономическая практика — как составная часть более обширной общественной практики. Отсюда для марксиста невозможно представлять себе цели, которые стоят перед экономикой, как выработанные *самой экономикой*. Такие цели ставятся перед экономикой обществом. Даже хозяйствующему субъекту, будь он всецело нацелен на чистоган (чем заслуживает у марксиста полное презрение), не отказано в том, что это — общественный субъект, субъект общественной практики, и в том, что его стремление к чистогану конкретизирует на уровне хозяй-

---

вов человеческого взаимодействия", то есть оставляют выбор (см.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997, с.18). Но выбор, заметим, всё-таки в ограничительных рамках (и это важно), созданных человеком, как пишет Д.Норт. При добром желании эту расплывчатую, в общем-то, мысль можно воспринять как выпускающую субъектов из непременно внешних для них ограничений. Но это только при добром желании и если не идти дальше первой страницы первой главы указанной книги Д.Норта.

ствования общественное устройство и общественные цели, а не есть проявление будто бы естественной природы человека.

В контексте таких взглядов на общество реалия ограничения трактуется как категория *объективного* в хозяйстве. Объективного, то есть независимого от воли и сознания хозяйствующего субъекта, — некоего существующего реально и заставляющего с собой считаться отношения или системы отношений, а вовсе не как *выдуманные и так или иначе зафиксированные* ограничения, или (как у Д.Норта) "созданные *человеком* (выделено мною — Р.Г.) ограничительные рамки"[34]. Не человек создал объективное, а общество сложилось и развивается как система, объективная для конкретных социальных субъектов (хозяйствующих, сочиняющих музыку, рожающих детей, получающих нобелевские премии и пр.).

Приложим обозначенный методологический водораздел к проблематике ***хозяйственного механизма.***

В 60-е годы в СССР проходила интенсивная дискуссия о плане и рынке, о реформах хозяйственного механизма, о моделях регулирования хозяйственных процессов. Проблематика была сходной с той, которую рассматривают современные институционалисты (неоинституционалисты) на Западе. Сходной по содержанию, но зеркально симметричной по исходной постановке задачи. Институционалисты, имея дело с рынком как реальностью, ищут систему внешних для рынка рациональных регулирующих ограничений, способных понизить хозяйственные риски монополии, конкуренции и недобросовестной конкуренции и тем самым повысить эффективность экономики (излишне, наверное, напоминать, что никакой эффективности, кроме экономической, институционалисты в виду не имеют).

---

[34] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997, с.17.

Участники теоретических дискуссий о хозяйственном механизме в СССР имели дело с иной реальностью — с полным зажимом рынка, с тоталитарной организацией хозяйственных процессов, то есть все хозяйство состояло из внешних для хозяйствующего субъекта ограничений. Дискутирующие искали способы создать некоторое пространство для самостоятельных действий хозяйствующих субъектов, а если говорить точнее — способы хотя бы частичного оживления абсолютно мертвых (формальных) хозяйствующих субъектов, превращения их из хозяйствующих *объектов* в *реальные* хозяйственные *субъекты*. Реальная проблема, которая должна была быть решена, — дать хозяйственным звеньям пространство выбора, пространство вариантности действий. То есть, если подняться на один уровень обобщения, задача эта сходна с задачами институционалистов — поиск оптимального соотношения хозяйственной свободы и ограничений этой свободы.

Как решалась эта задача дискутирующими о хозяйственном механизме в СССР? Здесь было два принципиально разных подхода. Одни, как ни парадоксально, предвосхищали современный институционалистский подход и до сих пор не потеряли права оспорить методологический приоритет. Это подход, который развивала официальная политическая экономия, стоявшая на позициях экономико-материалистической методологии, на позициях сталинизма и метафизики. Фактический разрыв с марксизмом позволял этой политэкономии трактовать проблематику хозяйственного механизма **по схеме “план и рынок”, “государство и рынок”.** На уровне теории регулирования эта методология отливалась в концепцию о прямых и косвенных методах регулирования. При этом прямые методы понимались не иначе как административные, государственные, плановые (госплановские), антиподы рыночным, удерживающие рыночные действия в безопасных для общества границах. А косвенные понимались не иначе как экономические, рыночные, стихийные, антиподы плановым, более того — активно разрушающие плановые.

Если сейчас провести исследования по истории дискуссии о хозяйственном механизме в СССР начиная с конца 50-х и примерно до конца 70-х годов, то можно без труда доказать, что такие экономисты, как И.И.Кузьминов и вся его школа из Академии общественных наук, Н.А.Цаголов и вся его школа с экономического факультета МГУ развили в достаточно полном объёме, но более последовательно систему методологических идей современного институционализма. Почему более последовательно? Потому что это были высокого класса методологи насквозь метафизического сталинистского направления, экономико-детерминистского направления.

Другое, марксистское представление о проблемах реформирования хозяйственного механизма, **не принимало противопоставление плана и рынка, государственных и рыночных методов регулирования** и уж тем более не сводило экономику к рынку (Я.А.Кронрод, Б.В.Ракитский, Л.В.Никифоров, Р.А.Отсасон, по большому счету — вся школа Я.А.Кронрода, ученики Б.В.Ракитского, Н.Я.Петраков, В.Г.Стародубровский и др.)

Это направление мысли решало проблему оптимизации свободы хозяйственных действий и эффективного регулирования хозяйства на основах представлений об обществе как целостности, о системе хозяйствующих субъектов — как конкретизаций социальной структуры общества, а о системе норм и правил хозяйствования — как системы объективных общественно-экономических отношений *in concreto*, то есть в хозяйственной сфере. Прямые и косвенные методы регулирования рассматривались в рамках этого подхода не как планово-государственные и рыночные, а как **директивы и стимулы**; не как административные и экономические, а как **всегда экономические** и в своём нормальном виде происходящие всегда в правовой (административной) форме. Отсюда государство у большинства перечисленных выше исследователей не рассматривалось как надстройка, как нечто внешнее для

хозяйствующих субъектов. Оно входило в состав хозяйствующих субъектов, но на своём месте в системе.[35]

Примечательно в контексте противопоставления метафизической (институционалистской ли, сталинистской ли) методологии и марксистской методологии рассмотрение **отношений стимулирования**. Проблематика стимулирования представляет огромное неудобство для институционалиста. Она ставит его в тупик. Потому что расходится с его трактовкой института как внешнего ограничения. Стимул же, как ни крути, есть *побудительный мотив*, *заинтересовывающее условие*. Даже если придираться к тому, что стимул — заинтересовывающее УСЛОВИЕ и тем самым действует на субъекта ИЗВНЕ (как условие), то он во всяком случае *не есть ограничение*, а есть *позыв, призыв*. Отсюда и возникают у институционалистов расширительные трактовки институтов, что делает их концепции крайне неопределенными, неинструментальными, практически сложно применимыми.

В марксизме стимул есть один из типов взаимоотношения хозяйствующего субъекта с обществом. Этот тип отличается от прямых ограничений, запретов, директив, разрешений, но входит в состав регуляторов.

> "...Стимул устанавливает связь размера вознаграждения (дохода) с объёмом и качеством деятельности, направленной на достижение более общего (коллективного или общественного) интереса. Сравнительно же обособленный интерес, являю-

---

[35] См., например: Ракитский Б.В. О характере и основных формах осуществления экономической роли социалистического государства. — В кн.: "Учение В.И.Ленина об экономической роли государства и современность". Научная конференция. /Тезисы докладов и сообщений. — М.: 1969, с.12-16; Ракитский Б.В. Методологические проблемы разработки и гипотеза общей теории хозяйственного расчета. — В кн.: "Вопросы хозяйственного расчета и механизма социалистического хозяйствования". — М.: Институт экономики АН СССР, 1973, с.56-155.

щийся другим звеном соизмерения, связывает размер вознаграждения с величиной необходимых потребностей. Таким образом, в материальной заинтересованности проявляется взаимосвязь трёх объективных экономических явлений: количества и качества общественно полезной деятельности, реального дохода (поощрения, вознаграждения) и уровня развития потребностей". "Материальная заинтересованность (личная и коллективная) складывается на основе определённого сочетания (соизмерения) стимула и интереса".[36]

Не представление о нормах и правилах хозяйствования как об исключительно ограничениях, а понимание объективного содержания материальной заинтересованности служит для марксиста основой для объяснения и моделирования поведения хозяйственных звеньев.

Проблематику ***индивидуального трудового поведения*** с марксистских позиций активно разрабатывал ряд советских экономистов-трудовиков и особенно социологов труда в 70-е и 80-е годы. При этом, естественно, никому из них не приходило в голову объяснять индивидуальное социальное поведение (в том числе трудовое, в том числе на рынке труда), исходя из модели экономического человека или же из модели рационального человека, ориентированного непременно на "выгоду" (пусть и неэкономическую).

Марксистская методология логично привела к объяснению характера индивидуального трудового поведения (в том числе и поведения трудящегося на рынке труда) на основе анализа взаимосвязи системы личных интересов в целом с системой общественных стимулов к труду — ма-

---

[36] Ракитский Б.В. Что такое экономические методы хозяйствования. — М.: Московский рабочий, 1969, с.49-50.

териальных, моральных и творческих[37] стимулов и интересов. Нематериальные (неэкономические) стимулы и интересы рассматривались не как факторы, “также-влияющие” и потому желательные быть учтенными для уточнения картины, а как неотъемлемые от сущности изучаемого явления. К середине 80-х годов усилиями советских марксистов-обществоведов (в том числе не в последнюю очередь и усилиями автора) была разработана теоретическая концепция социально-трудовых отношений, в рамках которой были даны содержательные характеристики *разных* социальных типов индивидуального трудового поведения, в том числе разных типов индивидуального трудового поведения в условиях казарменного “коммунизма” (казарменного “социализма”).

В рамках этих исследований было ясно показано, что среди объективных обстоятельств, формирующих характер трудового поведения, есть такие, которые не являются ни внешними (в том числе неформальными) ограничениями, ни действующими извне стимулами. Так, создание *моральной* заинтересованности в труде не обязательно опосредуется внешним престижным поощрением, удостоверяющим человеку общественную значимость его деятельности. В создании моральной заинтересованности роль вознаграждения может выполнять самооценка индивидом своей деятельности как общественно значимой (причём, эта самооценка может не совпадать с традиционными нормами морали). А в условиях ослабленной по тем или иным причинам моральной заинтересованности личный *творческий* интерес может сформировать трудо-

---

[37] Творческая заинтересованность, как показали исследования тех лет, — неудачный термин, искажающий существо дела. Более точные термины — заинтересованность в развивающем труде, или же заинтересованность в труде как в развивающей деятельности (см., например: Ракитская Г.Я. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. Препринт. — М.: ВНИИСИ, 1986, сс.39-44).

вое поведение, так сказать, анархического (предельно свободного) типа — то есть поведение, порождающее результаты, объективно противоречащие интересам данного общества, зафиксированным в системе его стимулов-регуляторов, в том числе в системе традиционных моральных норм[38].

Итак, если для институционалиста регулятор и ограничение — одно и то же, то для марксиста регуляторы включают как ограничения, так и стимулы. При объяснении функционирования и при моделировании хозяйственных систем, при проектировании управленческих решений разница этих подходов чувствуется особенно сильно.

2. Марксистская типизация обществ в категориях социально-организационных отношений

Марксизм различает разнообразные закономерные состояния общества — разные типы исторических фаз. Среди них:

— стабильные (устойчивые) и нестабильные (переходные);

— формации и деформации (в том числе исторические тупики);

— фазы развития, стагнирования, разложения и разрушения общества

и пр.

Если говорить о ***стабильных (устойчивых)*** состояниях, то здесь марксизм, обращаясь к анализу и прогнозу сущностной специфики обществ, различает *эксплуататорские и неэксплуататорские формации.* При этом на уровне содержательных конкретизаций в европейской истории фиксируются такие разные эксплуататорские фор-

---

[38] См.: Ракитская Г.Я. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. Препринт. - М.: ВНИИСИ, 1986, сс. 13-15,39-43.

мации, как *античная (рабовладельческая), феодализм, буржуазная (капитализм).* В теоретических моделях будущего прогнозируется как возможность существования эксплуататорских формаций, так и возможность существования по меньшей мере двух разных неэксплуататорских формаций - *социалистической и коммунистической.*

Марксистские исследования закономерных состояний общества неевропейских цивилизаций еще не дали достаточно строгих развернутых теоретических концепций, хотя сами основоположники ввели в свое время понятие “азиатский способ производства”.

В основе классификации эксплуататорских и неэксплуататорских формаций лежит один и тот же признак — ***степень реальной свободы трудящихся в обществе*** (свободы их развития и социального поведения). Она качественно разная у раба, крепостного крестьянина, наемного эксплуатируемого работника и определяется способом привлечения людей к труду, то есть конкретно-историческим содержанием институтов власти в обществе и в хозяйстве и институтов-стимулов к труду.

По теории, степень реальной свободы у трудящихся социалистического общества и членов коммунистического общества также качественно разная. Социализм представляется обществом без эксплуатации, но с социально-групповыми различиями людей по фактическим условиям их существования и развития. Коммунизм представляется обществом, в котором “свободное развитие каждого является условием свободного развития всех”[39] (синоним — обществом социально-экономического равенства).

И современные марксисты,[40] и ряд других гуманистически ориентированных исследователей, обобщая со-

---

[39] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд. Т.4, с.447.

[40] Подчеркну: к современным марксистам я не отношу тех, кто считает сталинизм направлением (или развитием) марксистской мысли, а казарменный строй, утвер-

циально-политическую историю XX века, подошли к необходимости различать два типа общественных систем *с социально-экономическим неравенством людей* — ***классово-демократические и казарменно-кастовые*** (тоталитарные, диктатурные). В основу такой типизации также положен признак “степень реальной свободы”, но в данном случае свободы *всех социальных субъектов* (включая свободу личности и свободу образования и функционирования субъектов-представителей).[41]

Современные марксисты считают капитализм и социализм общественными системами классово-демократического типа, а строй, сложившийся в сталинскую эпоху в СССР, гитлеровский фашизм и т.п. — системами тоталитарного (казарменно-кастового) типа.

Принципиально различная степень свободы социальных субъектов в классово-демократических и тоталитарных обществах однозначно связана со спецификой организации политических (социально-групповых) отношений. А именно — со спецификой доминирующих способов взаимоувязки интересов и действий социальных субъектов

дившийся в СССР, - социализмом, пусть даже и “ранним”, “неразвитым” и т. п. Позиция, которой я придерживаюсь, имеет строгие обоснования (см., например: Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Стратегия и тактика перестройки. - М.: Наука, 1990, сс.20-43; Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. “Методология марксизма и историческое поприще ее плодотворности”. — М.: Институт перспектив и проблем страны, 1998, сс.36-50 и др.)

[41] Первобытнообщинный строй можно рассматривать как предельный случай несвободы человека, поскольку в этом уже человеческом (производящем) обществе отдельный человек еще не является индивидом как таковым (см., например, Давыдов Ю.Н. “Труд и свобода”. — М.: “Высшая школа”, 1962, сс.33-34). Поэтому, используя современную терминологию, первобытный строй следует называть первобытным тоталитаризмом, а не первобытным коммунизмом.

в целях обеспечения целостности общества, его функционирования как единого социального организма.

Другими словами, различная степень реальной свободы социальных субъектов в классово-демократических и тоталитарных обществах определяется различным содержанием институтов власти и институтов-стимулов общественно значимой (общественно приемлемой) деятельности. Конкретные правовые нормы, формы и методы управления в демократических и тоталитарных обществах — институты второго рода — реализуют (а при внешнем сходстве маскируют) существенно разное содержание и сочетание властных отношений и стимулов.

Содержание (социальные функции) демократической системы норм и правил — *согласование* противоречивых интересов для обеспечения единства (однонаправленности) действий социальных субъектов.

Содержание (социальные функции) системы норм и правил в обществах тоталитарного типа, противоположного классово-демократическому, — *подавление* интересов и действий, расходящихся с интересами правящей группы (касты). В предельном случае стимулы практически исключаются из системы регуляторов, которая приобретает характер *командно-карательный.* При этом конкретно-явленческие формы осуществления диктатуры могут быть законно закреплены (не следует путать законное с демократическим), но могут быть нормами и правилами государственного произвола (беззакония).

На базе экономической эксплуатации может произрастать как демократическая организация общества, так и казарменная его организация. В то же время казарменной организации адекватна именно эксплуатация как следствие отчуждения всех, кроме правящей касты, от власти и управления. Но казарменной организации (тоталитаризму) адекватна не только экономическая эксплуатация. Ей свойственны также уравнивание всех в несвободе, бесправии и социальной пассивности, нивелирование условий жизни, предельное ограничение возможностей развития личности, в том числе возможностей формирования

сколько-нибудь существенного разнообразия личных потребностей.

Подчеркну, что признак “степень свободы в обществе”, положенный в основу классификации общественных систем, есть содержательная характеристика объективных отношений, а не характеристика тех границ, в которые общество (в том числе государство) якобы вынуждено загонять неких абстрактных человекоподобных “рациональных” (как у неоинституционалистов и у пр.) индивидов, дабы обуздать их естественно-природное стремление исклю-чительно к личной выгоде.

Примитивное, вульгарно материалистическое представление о мотивах человеческого поведения, конечно, не новое слово в экономических воззрениях. В свое время К.Маркс, анализируя историю объединения рабочих для сопротивления капиталу, писал: “Если первой целью сопротивления являлась лишь охрана заработной платы, то потом, по мере того как идея обуздания рабочих в свою очередь объединяет капиталистов, коалиции, вначале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы. До какой степени это верно, показывает тот факт, что рабочие, к крайнему удивлению английских экономистов, жертвуют значительной частью своей заработной платы в пользу союзов, основанных, по мнению этих экономистов, лишь ради заработной платы.”[42]

Приведу также выдержку из изданной в 1962 г. книги, безусловно, выдающегося марксиста советского времени Ю.Н.Давыдова, которая специально посвящена изложению общих философских и социологических предпосылок марксистского решения проблемы свободы: “... Как только мы начинаем конкретно-исторически ставить вопрос об отношении свободы одного индивида к свободе

---

[42] Маркс К. Нищета философии. Ответ на “Философию нищеты” г-на Прудона (§V. Стачки и коалиции рабочих). — К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч, 2-е изд. Т. 4, с. 183.

другого, мы тотчас же сталкиваемся с тем обстоятельством, что люди никогда не выступали в истории в качестве обособленных социальных “атомов” (“монад”). В реальной эмпирической истории они всегда были представителями определенных общественных классов, социальных слоев, группировок и пр. Поэтому вопрос об отношении свободы одного индивида к свободе другого имеет своей предпосылкой решение вопроса о свободе тех социальных слоев, к которым они принадлежат, социальных групп, к которым они примыкают, общественных классов, представителями которых они являются. Стало быть, прежде всего этот вопрос выступает как вопрос о реальных отношениях упомянутых социальных образований друг к другу”[43].

Живой современной иллюстрацией этого марксистского положения может служить знаменитая шахтёрская забастовка, начавшаяся в Кузбассе (г.Междуреченск) 11 июля 1989 г. После забастовки “социологи взялись изучать её причины. Раздали анкеты, собрали ответы. Обсчитали, обобщили. Собрали шахтёров и доложили результаты опроса. Те самые люди, которые порознь отвечали на вопросы о причинах забастовки, собравшись вместе, решительно отвергли итоги опроса, даже возмутились ими. Отвечая порознь, они упускали из виду нечто, чего не упускали из виду, находясь и действуя вместе. Это общее (совместное) нечто не раскладывается на множество индивидуальных частей и не складывается из них. Это гражданское и человеческое достоинство. В реальной общественно значимой форме оно существует лишь как массовое, социально-групповое свойство”.[44]

Согласно марксистским представлениям, угроза демократии проистекает из неравновесия социальных сил, а не из-за отсутствия каких-либо конкретных форм пред-

---

[43] Давыдов Ю.Н. Труд и свобода. — М.: Высшая школа, 1962. С.31-32.

[44] Газета “Рабочая политика”, 5 марта 1998 г.

ставительства социальных групп в политической системе. Неравновесие социальных сил в классово-демократическом обществе всегда несёт опасность скатывания к политической диктатуре, чреватой — *независимо от субъекта диктатуры* (буржуазная, пролетарская или какая-либо иная) — казарменно-кастовым перерождением общества.

В то же время, согласно марксистским представлениям, неравновесие социальных сил с перевесом на стороне эксплуатируемых трудящихся открывает *возможность* социальной революции в целях исключения экономической эксплуатации из жизни общества.

Ликвидация эксплуатации означала бы устранение наиболее глубинной причины возникновения тоталитарных систем. И классики марксизма, и современные марксисты рассматривают такой вариант развития одним из реально возможных, но *вовсе не неизбежным, не предопределенным*.

В отличие от этого псевдомарксисты, сталинисты в том числе, настаивают на том, что “коммунизм — светлое будущее всего человечества”, игнорируя реальные сложности перехода обществ не только в русло социалистического развития, но и в русло буржуазно-демократического развития. В марксизме, напротив, сложность таких переходов вполне осознана и накоплен ряд серьёзных обобщений о закономерностях социально-организационных преобразований революционных эпох.

Об этом — во второй части работы.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫХ (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ) ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В МАРКСИЗМЕ

==========

1. Общественно-экономические институты в переходные периоды

Марксистское обществоведение нацелено на революционное преобразование общества в интересах трудящихся. Поэтому проблематика перехода от той или иной формации к более прогрессивной по критериям трудящихся - **собственный** (специфический) предмет марксизма. Это коренным образом отличает его от всех направлений буржуазной общественной науки (в том числе и от институционалистов), которая ставит и решает те или иные задачи “в рамках той хозяйственной системы, в которой мы живем” (Д.Кейнс).

В центре внимания марксизма оказывается возникновение (создание) социально-экономических механизмов, обеспечивающих переход к более прогрессивной общественной формации и устойчивое функционирование новой общественной системы. Применение марксистских подходов к этой проблематике позволяет понять логику институциональных изменений в ходе современного переходного периода в России и достоверно прогнозировать реально возможные принципиальные линии продолжения институциональных изменений.

1.1. Соотношение созидательных и разрушительных процессов при революциях и в революционных реформах

Отмечу прежде всего, что непосредственным объектом реформаторской деятельности **при общественных** преобразованиях являются общественные институты и **только** общественные институты**.** Суть общественных отношений (причина содержательной устойчивости) не существует **рядом** с конкретно-явленческими формами Сущность «является». Если не вмешиваться впрямую в биологическую природу человека, то **невозможно** изменить общество, общественные отношения, **минуя институциональный уровень**, то есть формы структуризации (организации) общественных отношений. Этот тезис согласуется с марксистским представлением о человеке как совокупности общественных отношений. Меняются общественные отношения — и в этом смысле и в этом объёме меняются люди.

Абсолютно противоположная марксизму позиция исходит из представлений о том, что общество есть сумма индивидов, а потому для смены характера общественных отношений требуется изменить самого человека [24]. Одна-

---

[24] В.И.Ленин в августе-сентябре 1917 г., разбирая один из конкретных вопросов организации управления после социалистической революции, акцентировал, что нельзя "оттягивать" революцию "до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь ..." [Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. — Ленин В.И. ПСС, 5-е изд. Т.33, с. 49].

Такой же подход и через 2,5 года после Октябрьского переворота: "Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это

ко непосредственное (минуя общественные институты) воздействие на природу человека не относится к категории **общественных** преобразований. Такое воздействие, конечно, в принципе возможно. И если не как акция богов или не как результат естественно-биологического развития человека, то как акция **антигуманной**, с точки зрения марксизма, **неинституциональной**, так сказать, практики выведения новой породы человека научно-техническими средствами.

На деле в истории человечества до сих пор концепции изменения природы человека как предпосылки изменения общества порождали либо наивные надежды на массовое распространение практики самосовершенствования, самоперевоспитания людей, либо выливались в тоталитарную практику массового перевоспитания «народа», навязывания религиозно-фундаменталистских или иных моральных (например, КПСС-го) кодексов. В предельных вариантах - выливались в фашистскую практику массового физического уничтожения якобы «неполноценных» людей, этнических и пр. чисток.

Вероятность применения антигуманных **не**институциональных способов преобразования общества в современных условиях возрастает. Эта угроза сегодня исходит, например, от применения таких научных технологий, как генная инженерия, клонирование и т.п.

Осознание **социально-деградирующего** итога современных реформ в России актуализировало вопрос о допустимой мере разрушения при революциях, в общем виде - о соотношении созидательных и разрушительных процессов при переходе к новому общественному строю.

В этой области в марксизме накоплены серьезные теоретико-методологические подходы и обобщения. При-

---

очень “трудно”, слов нет, но всякий иной подход к задаче так не серьезен, что о нем не стоит и говорить” [Ленин В.И. Детская болезнь “левизны” в коммунизме. — Ленин В.И. ПСС. Т. 41, с. 33].

веду далее основные положения из этого багажа с рядом иллюстраций из области теоретико-методологического решения проблемы революционного перехода буржуазного общества в русло социалистического развития.

а) Устранение старых отношений путем их замены новыми

Социальная революция, согласно марксизму, ни в коей мере не сводится к разрушению старого и, естественно, не является акцией тотального разрушения (разрушения общества). Революция и революционные реформы устраняют старое не иначе как путем его **замены, вытеснения** прогрессивным новым. Вот одно из рассуждений о судьбе пролетариата и буржуазного государства в социалистической революции, демонстрирующее марксистский способ мышления: *“Пролетариат берёт государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство”*[25].

С классическим марксизмом и его творческими продолжениями не имеют ничего общего представления о том, что революция должна **сначала** уничтожить все старое и лишь **затем** на пустом, так сказать, месте строить новое. Такие представления о последовательности акций революции - продукт метафизического мышления. Те, кто приписывает их марксизму, могут аргументировать это лишь ссылкой на эмоционально-песенное оформление пролетарской идеологии, да и то в искаженном варианте, в котором вместо “разроем” поют “разрушим”: *“Весь мир*

---

[25] Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. — К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т.20, с.291.

насилья мы разроем до основанья, а ***затем*** *мы наш, мы новый мир построим ...”*

Марксизм как одно из течений общественной мысли трудящихся классов противостоит нигилистическому экстремизму, который в отрицании старых порядков не идет дальше их критики и стремления эти порядки устранить, **разрушить**.

Итак, не сначала — разрушение, а потом — создание нового, а замена, вытеснение старого новым.

б) Постепенное вытеснение старого в переходный период к новому общественному строю, а не единовременная его отмена

В вытеснении старого с исторической сцены после политической победы революции (после взятия политической власти революционным классом и “деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения”[26] важен момент **постепенности.** Переходный период к новому общественному строю — это время радикальных (то есть коренных) перемен в социально-экономических отношениях. Но “радикально” вовсе не означает “быстро”. (У В.Ленина: *“... Руководя буржуазными элементами, используя их, делая известные частные уступки им, мы создаем условия для такого движения вперед, которое будет более медленно, чем мы первоначально полагали, но вместе с тем более прочно, с более солидным обеспечением базы и коммуникационной линии, с лучшим укреплением завоевываемых позиций”* [27] .

Радикальное переустройство общества обеспечивается зарождением в переходный период **новых жизне-**

---

[26] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т.4, с.446

[27] Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. - Ленин В.И. ПСС. Т.36, с.187

способных социальных механизмов, которые направляют и удерживают развитие общества в **новом русле прогресса**, открывают простор для появления прогрессивного нового во всех областях общественной жизни, заставляют старые привычные формы жизнедеятельности постепенно отступать или же приспосабливаться к переменам.

В методологическом отношении плодотворны размышления классиков марксизма о судьбе государства после перехода государственной власти к пролетариату — об "отмирании", "засыпании" государства.

В.И.Ленин, комментируя рассуждения Ф.Энгельса об "отмирании", "засыпании" пролетарского государства, подчеркивает: *"Буржуазное государство не "отмирает", по Энгельсу, а "у н и ч т о ж а е т с я" пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство. ... Мы все знаем, что политической формой "государства" является в это время самая полная демократия. ... Речь идет здесь, следовательно, у Энгельса, о "засыпании" и "отмирании" д е м о к р а т и и. ... Демократия есть т о ж е государство... Буржуазное государство может "уничтожить" только революция. Государство вообще, т.е. самая полная демократия, может только "отмереть"*[28] .

Марксистские представления об отмирании ("засыпании") государства после революции противостоят анархистским представлениям о немедленной (быстрой) его отмене как способе решения стратегических задач революции. В марксизме, напротив, центральная и наиболее сложная проблема перехода к новым общественным отношениям - созидание и устойчивое закрепление жизнеспособного прогрессивного нового.

Чем определяется темп, то есть скорость, мера постепенности преобразований в переходный период? Готовностью масс? Да, именно готовностью масс, но готов-

---

[28] Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. - Ленин В.И. ПСС. Т.33, с.18,19.

ностью к чему? К разрушению старого или к творчеству нового? Опыт всех революций показывает, что готовность революционных сил к разрушениям старого на порядок (качественно) превосходит их готовность к созиданию прогрессивного жизнеспособного нового. Проблема постепенности революционных преобразований — это проблема приведения в соответствие друг с другом этих двух готовностей, проблема отказа от избыточных разрушений и сосредоточения революционных сил преимущественно на созидании новых плодотворных форм общественной, в том числе экономической жизни.

в) Минимизация меры разрушения старого в обозначении целей социальной революции

Положение о минимизации меры разрушений в обозначении целей социальной революции как закономерное свойство революционных идеологий сформулировано и раскрыто по главным аспектам в одной из работ современного марксизма[29]. Приведу выдержку из этой работы. *“При всей ее страстности любая революционная идеология крайне ответственна в вопросах разрушения и обычно очень и очень строго обозначает тот необходимый и достаточный минимум разрушений (уничтожений, ликвидаций), которых добивается и которые, вероятно, принесёт с собой революция. Это закономерное свойство революционных идеологий — минимизировать разрушения по критерию формирования общественных условий, необходимых и достаточных для исторической реализации варианта будущего, предлагаемого той или иной революционной идеологией. Это свойство можно*

---

[29] Ракитский Б.В. Особенности и закономерности переходной экономики и их учёт в государственном строительстве. — “Перспективы и проблемы России.” Вып.7. М.: Институт перспектив и проблем страны, апрель 1997, сс.18-22.

проследить, ознакомившись с любой революционной идеологией хоть из прошлого, хоть из настоящего".

Цель **социалистической** революции в категориях разрушения марксизм определяет как уничтожение эксплуатации, или (что то же самое) уничтожение частнокапиталистической (эксплуататорской) собственности.

Уничтожение эксплуатации, деления общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, монополии капиталистического класса на власть в обществе и в хозяйстве - эти тождественные по смыслу формулы заключают в себе указание на необходимую и достаточную меру разрушения старого в общественных отношениях. Необходимую и достаточную для чего? Для перехода общества в качественно новое прогрессивное русло развития. Если эксплуатация уничтожена, **больше ничего разрушать не надо**. Не требуется[30].

Марксистский подход к определению целей социалистической революции есть подход, вполне сознательно **минимизирующий** разрушительное воздействие революции на общество.

Следует для ясности подчеркнуть, что марксизм вовсе не ограничивается в определении целей пролетарского движения указанием на то, что должно быть разрушено. Напротив, в программно-идеологическом обозначении стратегических целей социалистической революции (у К.Маркса — целей *коммунистической* революции) разрушительный и созидательный аспекты неразрывны: *"На место старого буржуазного общества с его классами и*

---

[30] Имеет смысл обратить внимание на то, что и стихийно, и часто сознательно (со стороны новых властей) разрушительная энергия масс в революциях направляется на разрушение символов старого общества (памятников, прежних названий и т.п.). Не является ли такая канализация разрушительной энергии в борьбе со старым одним из механизмов, способствующих минимизации разрушения более важных сторон общественной жизни, чем культурно-символическая сторона?

классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех"[31].

Марксистская постановка целей революции, минимизирующая ее разрушительную программу, характеризует задачу разрушения на уровне **сущности** старых общественных отношений, а не на уровне тех или иных конкретных **институциональных** форм.

Применительно к социалистической революции это позволяет и требует сосредоточивать усилия не на борьбе против **каждой** конкретной формы эксплуатации (против тех или иных конкретных институтов), а на деятельности другого типа. На деятельности по созиданию и утверждению социальных механизмов, **предотвращающих** возникновение эксплуатации и позволяющих обществу не только воспроизводиться без эксплуатации, но и прогрессировать по пути создания общественных условий для свободного развития каждого и всех членов общества (по пути к социально-экономическому равенству). У В.Ленина этот подход выражен, например, так: *"На очередь дня выдвигается ... переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия. Ясно, что это — задача неизмеримо более высокая и что без разрешения её социализма ещё нет"*[32].

Определение минимально необходимых разрушений через сущностные характеристики общественных отношений, а не через институциональные их проявления позволяет облегчить выполнение созидательных функций революции, так как все полезное и эффективное процедурное и инструментальное содержание, накопленное институциональными формами, **может быть целиком ис-**

---

[31] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4, с.447.

[32] Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. - Ленин В.И. ПСС. Т.36, с.175.

пользовано при революционных реформах (если, конечно, оно в принципе отделимо от обслуживания прежних эксплуататорских отношений).

Даже по отношению к буржуазному государству (важнейшему институту эксплуататорского общества), которое подлежит уничтожению, “смене пролетарским государством”, классики допускали возможность применения разной тактики в зависимости от обстоятельств. В.И. Ленин, разбирая позицию К.Маркса, специально отмечает, что Маркс свой вывод о сломе бюрократически-военной государственной машины считал предварительным условием всякой действительно народной революции в семидесятых годах прошлого века *на континенте,* а для Англии, которая в 1871 г. *“была еще образцом страны чисто капиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии”* революция *“представлялась и была тогда возможной* ***без*** *предварительного условия разрушения “готовой государственной машины”*[33].

Подход такого же типа, ориентированный на использование полезного старого, — ко всем конкретным институтам, например, к парламентаризму: “*Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в* ***“работающие”*** *учреждения”*[34].

г) Историческое творчество масс – способ создания жизнеспособного нового

Степень жизнеспособности новых прогрессивных форм общественной жизни зависит от того, насколько широка их поддержка в обществе. Согласно марксистским представлениям, наиболее прочной является поддержка

---

[33] Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. — Ленин В.И. ПСС. Т.33, с.38.

[34] Там же, с.46.

таких форм жизни, которые рождены творчеством масс. Сама социальная революция понимается как наиболее развитая форма социальной активности, социально-исторического творчества масс.

Стратегические цели любой революции формулируются в терминах мировоззренческого (сущностно-идеологического) характера. Так обозначается и то, что революция стремится отменить, разрушить, и облик нового общества, к которому революция устремлена.

Ярко выраженный мировоззренческий характер носит и социальный идеал, сформулированный в первоначальном марксизме и до сих пор выполняющий роль стратегической цели в научной идеологии социалистического движения, - ликвидация эксплуатации, создание условий для свободного развития каждого и всех.

В **реальной революционно-преобразовательной деятельности** центр тяжести перемещается на созидание, поиск, отбор **конкретных форм** общественной жизни. Таких форм, в которых может происходить сложный процесс становления и утверждения новой по своей сути системы общественных отношений. Революционно-преобразовательная практика, по марксистским представлениям, не может быть успешной без привлечения к социально-историческому творчеству самых широких общественных сил, не желающих “жить по-старому”. При этом необходимо, что не менее важно, задействовать такие социальные механизмы, которые позволяли бы перенимать и распространять накопленный полезный опыт. (У В.Ленина: *“... Главной задачей ... в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России ... является положительная или созидательная работа налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети* ***новых организационных отношений*** (выделено мною — Р.Г.), *охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей. Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном истори-*

ческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся"[35].

Кабинетное (и лабораторное) конструирование новых конкретных форм общественной жизни марксизм решительно не приемлет. Этот подход классического марксизма воспроизводится и развивается в современном марксизме. (В качестве одного из примеров: *"...Борьба сама по себе может являться выражением интересов той или иной части общества, быть связана с частным требованием, в то время как создание целого нового общества - работа для широких масс." "... Можно строить какие угодно гипотезы и проигрывать сценарии, но с войнами и революциями эксперимент в лабораторных условиях не поставишь, реальность оказывается всегда сложнее предположений"*[36].

Кабинетное конструирование — специфическая черта утопических течений общественной мысли. Прогнозы и рекомендации относительно конкретных институциональных форм марксист считает дозволительным только тогда, когда реальный опыт дает к тому основания.

Приведу для пояснения выдержки из ленинского анализа методологии К.Маркса в постановке и поиске ответа на вопрос о том, чем заменить буржуазное государство.

"Чем заменить разбитую государственную машину? На этот вопрос в 1847 году, в "Коммунистическом Манифесте", Маркс давал ответ еще совершенно абстрактный, вернее, указывающий задачи, но не способы их разрешения. Заменить "организацией пролетариата в господствующий класс", "завоеванием демократии" -

---

[35] Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. - Ленин В.И. ПСС. Т.44, с.171.

[36] Бенсаид Д. Разбитое зеркало неолиберализма (комментарии к статье коммандante Маркоса "Четвертая мировая война уже началась"). Перевод Л.Михайловой. — "Альтернативы", 1998, № 4 (зима), сс. 23, 23-24.

таков был ответ "Коммунистического Манифеста". Не вдаваясь в утопии, Маркс от ***опыта*** *массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы эта организация пролетариата, как господствующего класса, станет выливаться, каким именно образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным "завоеванием демократии". Опыт Коммуны, как бы он ни был мал, Маркс подвергает в "Гражданской войне во Франции" самому внимательному анализу. ... У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал "новое " общество. Нет, он изучает, как естественноисторический процесс,* ***рождение*** *нового общества* ***из*** *старого, переходные формы от второго к первому. Он берёт фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он "учится" у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса, никогда не относясь к ним с педантскими "нравоучениями" (вроде плехановского: "не надо было браться за оружие" или церетелевского: "класс должен самоограничиваться.")*[37].

К этому следует добавить, что сам В.Ленин точно таким же образом "учился" у опыта народной революции 1905-1907 гг., родившего Советы рабочих депутатов и Советы крестьянских депутатов.

При социалистических революционных преобразованиях, согласно классическому марксизму, жизнеспособность нового обеспечивается лишь в том случае, если историческое творчество масс дорастает до осуществления властно-управленческих функций. На институциональном уровне такой социальный механизм исторического творчества называется **социалистической (пролетарской, народной) демократией**.

---

[37] Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. — Ленин В.И. ПСС. Т. 33, сс. 40, 48.

Марксистский подход к соотношению созидательных и разрушительных процессов при революциях и в революционных реформах переходного периода в главных его чертах четко представлен в следующей выдержке из В.Ленина: *“Всё, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы. Это было установлено с научной точностью. И мы это знали, когда мы брали в свои руки знамя социализма, когда мы объявляли себя социалистами, когда основывали социалистические партии, когда мы преобразовывали общество. Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразований, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношения решающие указания именно потому, что для нашего дела, для дела строительства социализма недостаточно опыта сотен и сотен тысяч тех верхних слоёв, которые делали историю до сих пор и в обществе помещичьем и в обществе капиталистическом”*[38].

Напомню читателю, что основная задача и основное содержание данной работы — анализ теоретико-методологической стороны марксизма. Сопоставление результатов такого анализа с историей второй и третьей (1917 г.) и четвертой (1991 г.) русских революций чрезвычайно интересно в научном отношении и исключительно важно в практическом плане. ***Насколько, почему, как именно в***

---

[38] Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. — Ленин В.И. ПСС. Т. 36, сс. 379-380.

ходе революций и революционных реформ была превышена допустимая, по теории, мера разрушения? Исследование революционного опыта с этой точки зрения могло бы стать предупреждениям будущим поколениям революционеров и, следует надеяться, помогло бы им избежать ошибок и преступлений предшественников.

1.2. Вариантность и эффективность общественно-экономических преобразований в переходный период

1. Представления о вариантности общественно-экономических преобразований в переходный период вытекают в марксизме из представлений о социальной революции.

Социальная революция (в случае ее успеха) — это такая смена типа власти в обществе и в хозяйстве, которая обеспечивает выход общества из его системного кризиса. В результате социальной революции восстанавливается социальная устойчивость общества — его способность к функционированию как целостного качественно своеобразного и саморазвивающегося социального организма. Другими словами, социальная революция есть переход общества к новой (иной, чем докризисная) исторически прогрессивной для данной стадии развития общественно-экономической формации. По завершении успешной социальной революции развитие общества (вплоть до нового системного кризиса) осуществляется по эволюционному типу — как его самосовершенствование, самореформирование в рамках новой формации.

Переход от системно кризисного к исторически прогрессивному социально устойчивому (формационному) состоянию никогда не является единовременным актом. Более или менее единовременным может быть только первый шаг социальной революции — **завоевание государственной власти** революционной силой**,** или (что то же самое) **политический переворот, политическая** революция.

Политический переворот не гарантирует осуществления целей революции. Он лишь открывает **возможность** радикальных общественных, в том числе экономических, преобразований. (У В.Ленина: *“После решённой задачи величайшего в мире политического переворота перед нами стали иные задачи — задачи культурные ... Надо этот политический переворот переварить, сделать его доступным массам населения, добиться, чтобы этот политический переворот остался не только декларацией”*[39]. *“Создав новый, советский, тип государства, открывающий* ***возможность*** (выделено мною — Р.Г.) *для трудящихся и угнетенных масс принять деятельнейшее участие в самостоятельном строительстве нового общества, мы разрешили только небольшую часть трудной задачи. Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайший учёт и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда,* ***обобществить*** *производство* ***на деле”***[40] .

2. С политического переворота начинается **переходный период** — процесс выбора обществом социального типа своего будущего (процесс исторического выбора). Историческое место конкретного переходного периода характеризуется двумя позициями: переход **от чего** и переход **к чему.**

Содержание переходного периода составляет борьба социальных сил по поводу путей выхода из системного общественного кризиса. Каждая из социальных сил отстаивает свой вариант выхода из кризиса, соответ-

---

[39] Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. — Ленин В.И. ПСС. Т. 44, сс. 168-169.

[40] Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. — Ленин В.И. ПСС. Т. 36, с. 171.

ствующий её интересам и представленный (в более или менее развёрнутом виде) в её идеологии.

Понимание переходного периода как процесса исторического выбора означает, что социальный тип постпереходного общества **нельзя однозначно** определить заранее. Пока переход не завершился, его конечный социальный результат (характеристика *“*переход *к чему”*) поддаётся лишь **многовариантному прогнозированию.**

О завершении переходного периода и о том, “к чему перешли”, правомерно говорить, когда социальная направленность переходных процессов стала **необратимой**. Необратимой в том смысле, что все более или менее значимые социальные силы, сопротивлявшиеся такому итогу, добровольно “сложили оружие” (став по большей мере внутрисистемной оппозицией) или же задавлены.

О борьбе социальных сил после Октябрьского переворота В.И.Ленин говорил, например, так: *“... Решив вопрос завоевания власти, ...мы увидали, что борьба классов после этого не прекращается, что победа над капиталистами, помещиками не уничтожила эти классы, она их только разбила, но окончательно не уничтожила.... Будь то военное, хозяйственное положение или какой-либо другой момент социального уклада, борьба продолжается ... Мало того, что сопротивление свергаемого класса развивалось после его свержения, оно получило новый источник своих сил из взаимоотношений пролетариата и крестьянства. ... Нужно подумать, как и при каких условиях пролетариат, имеющий в своих руках такой сильный аппарат принуждения, как государственная власть, может привлечь крестьянина, как труженика, и победить или нейтрализовать, обезвредить его сопротивление, как собственника”* [41] .

До тех пор, пока противоборствующие стороны имеют реальную силу, существует **реальная разнокаче-**

---

[41] Ленин В.И. Речь на III Всероссийском съезде профессиональных союзов 7 апреля 1920 г. — Ленин В.И. ПСС. Т. 40, сс. 302, 303, 304.

ственная вариантность будущего. В число возможных вариантов будущего входит и вариант *поражения революции.*

В.Ленин, объясняя в 1921 г. смысл новой экономической политики, выразил кратко эту особенность переходного периода формулой **“кто кого?”:** *“Весь вопрос — кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше сорганизоваться, — и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого? Или пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчинённый государству и служащий ему?”*[42]. *“Задача нашей партии развить сознание, что враг среди нас есть анархический капитализм и анархический товарообмен. Надо ясно понимать эту сущность борьбы и добиваться, чтобы самые широкие массы рабочих и крестьян эту сущность борьбы ясно понимали — “кто кого? чья возьмёт?”*[43].

3. Обозначение социальной направленности переходных процессов непременно присутствует в программе той социальной силы, которая осуществила политический переворот, завоевала государственную власть. Но это есть обозначение **целей** политического переворота и социальной революции в целом, а не характеристика действительных процессов.

Действительный результат может существенно отличаться от первоначальных программ тех сил, которые пришли к государственной власти. Облик конечного результата принципиально зависит от средств, с помощью

---

[42] Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. — Ленин В.И. ПСС. Т. 44, с.161.
[43] Там же, с. 163.

которых силы, осуществившие политический переворот, добиваются реализации своих целей и программ, в том числе от реакции общества на способы действия новой власти.

В исторической практике как прогнозы в ходе переходного периода, так и оценки фактических итогов переходных процессов носят **классовый** характер. Одни и те же преобразования и одни и те же социальные результаты квалифицируются по-разному не только современниками, но и последующими поколениями в порядке развития новых, но всегда (в реальной мировой истории) классово ориентированных идеологических и научных систем. Это относится и к двум переходным периодам в России в XX веке.

Переходный период, который *программно* обозначался большевиками как переход от капитализма к социализму, завершился утверждением крайней формы диктатуры фашистского типа в её сталинистской разновидности, маскирующейся под социализм. *Социалистическая революция потерпела поражение* в форме возвращения общества к перманентно кризисному (тупиковому) состоянию с видоизменением конкретных форм протекания кризиса. Это оценка с марксистских позиций. С иных позиций общество, утвердившееся в СССР, оценивалось и оценивается иначе, в том числе и как социализм.

О завершении современного переходного периода, начавшегося после отстранения от власти КПСС и распада СССР, говорить ещё рано. Его социальная направленность *программно* обозначалась новой властью и в 1991 г., и в 1993 г. как переход к капитализму развитых стран западноевропейского типа (демократическое правовое социальное государство, социальная рыночная экономика)[44].

---

[44] См., например: Ельцин Б.Н. Выступление на Пятом (внеочередном) Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 г. — "Советская Россия", 29 октября 1991 г.; Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. — М.: Юрид. лит., 1993.

Правда, поначалу ориентация на переход к капитализму выражалась идеологами “шоковых” реформ несколько туманно: “переход к демократии”, “переход к рынку”. Но речь шла о буржуазной демократии и о капиталистическом рынке, а необходимой предпосылкой формирования рынка с самого начала была объявлена крупномасштабная приватизация.

С марксистских позиций (с позиций, выражающих интересы эксплуатируемых трудящихся) сразу же была дана характеристика реформ как *существенно отличных от программных деклараций*. Воспроизведу оценки, данные в феврале и в апреле 1992 г.:

“Нынешнее правительство... призывает народ потерпеть, не срывать своими требованиями, забастовками, голодными бунтами его замыслы “спасения” Отечества. Словами о необходимости приватизации, перехода к рынку, а теперь — и стабилизации экономики прикрывают политику ускоренного первоначального накопления капитала, то есть политику создания многочисленного слоя бедного и беднейшего населения при одновременной концентрации капиталов и материальных ресурсов в руках немногих лиц”[45].

“Суть экономической и социальной политики, проводимой с ноября 1991 г. правительством с согласия пятого (внеочередного) Съезда народных депутатов РСФСР, — создание многочисленного слоя бедного и беднейшего населения, лишённого средств производства (НОВОГО НИЩЕГО КЛАССА), при одновременной концентрации национального богатства (в том числе капиталов и земли) в руках немногих частных лиц. Эта политика ускоренного первоначального накопления капи-

---

[45] ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА второй сессии Комиссии Правления СДПР по связям с рабочим движением и профсоюзами (16 февраля 1992г., г. Москва). — “Новости социал-демократии”, № 12 (44), апрель 1992 г. (Спецвыпуск комиссии Правления СДПР по связям с рабочим движением и профсоюзами), с.2.

тала проводится с использованием методов диктатуры в интересах КРУПНОГО капитала. ... Правительственная стратегия порождает мощный фактор массового обнищания — массовую безработицу. ...Появились не менее опасные признаки деградации, люмпенизации населения, следствием чего может стать его отказ от активной самозащиты, от ценностей демократии, социальная апатия и приспособление, открывающие путь к очередной фашизации России"[46].

Анализ ситуации и многовариантный прогноз с марксистских позиций (учитывающий соотношение социальных сил, в том числе непременно — уровень развития рабочего и профсоюзного движения) констатируют к концу 1999 г. не движение в сторону реализации заявленных программных целей, а видоизменение ("трансформацию", если угодно) исторического тупика в любом из реально возможных в ближайшей перспективе вариантов будущего [подробнее об этом — ниже, в разделе 2].

4. Марксистский подход требует строго различать два аспекта вариантности в переходный период.

Один аспект — возможность развития по таким принципиально разным линиям, которые ведут к разным типам общественного устройства. Это **социальная** вариантность.

Другой аспект — возможность осуществления одних и тех же задач революции, одних и тех же социальных функций в разных организационных формах, с помощью разных материально-технических средств. Это **организационно-политическая, организационно-экономическая,**

---

[46] Проект Резолюции 1V съезда СДПР "О положении в стране, задачах и тактике СДПР (основной политический документ Съезда). (Предлагается группой сторонников платформы левых социал-демократов в СДПР, 25 апреля 1992 г.). — "Новости социал-демократии", № 18-22 (51-54), май 1992 г. Спецвыпуск к 1V съезду СДПР, с.23.

хозяйственно-структурная, технико-технологическая и т.п. вариантность.

Проблема институциональных преобразований переходного периода в поле такой методологии — это проблема формирования системы организационных отношений **определённого социального типа.** Она выражается в таких ходовых терминах (приемлемых и для марксизма), как "государственное строительство", "демократический процесс" и т.п. Вариантность и эффективность институциональных преобразований рассматриваются не в отрыве, а в жёсткой привязке к определённому социальному варианту развития.

На начальных этапах революционных реформ эффективность новых организационно-экономических отношений понимается марксистами не иначе как **социальная**, точнее даже, **политическая** эффективность, **политическая целесообразность.**

По К.Марксу, деспотическое вмешательство в право собственности и в буржуазные производственные отношения — это мероприятия, *"которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства"*[47].

Конечно, задача развития производительных сил никуда не девается (ведь без этого невозможно решение социальных задач пролетарской революции). Но этот критерий прогресса никогда не применяется марксистами к **каждому** мероприятию, к **каждому** акту институциональных преобразований, а применяется ко **всей** системе преобразований и на **своем месте** в системе критериев.

У В. Ленина такой подход сформулирован, например, в тезисах по аграрному вопросу для Второго съезда Коминтерна следующим образом. *"Что касается до вопроса о способе хозяйства на земле, конфискованной по-*

---

[47] ***Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. 4, с. 446.***

бедоносным пролетариатом у крупных землевладельцев, то в России, в силу ее экономической отсталости, преобладал раздел этих земель в пользование крестьянства... Для передовых капиталистических стран Коммунистический Интернационал признаёт правильным ***преимущественное*** *сохранение крупных сельскохозяйственных предприятий и ведение их по типу "советских хозяйств" в России. Было бы, однако, величайшей ошибкой преувеличивать или шаблонизировать это правило и никогда не допускать даровой передачи* ***части*** *земель экспроприированных экспроприаторов окрестному мелкому, а иногда и среднему крестьянству".* И далее, отметая *"обычное возражение против этого, состоящее в указании на техническое превосходство крупного земледелия":* ***"Ради успеха ... революции пролетариат не вправе останавливаться перед временным понижением производства*** (выделено мною — РГ), *как не остановились буржуазные враги рабовладения в Северной Америке перед временным понижением хлопкового производства вследствие гражданской войны 1863-1865 гг. ...* ***Обеспечение пролетарской победы и её устойчивости есть первая и основная задача пролетариата*** (выделено мною — РГ). *А устойчивости пролетарской власти быть не может без нейтрализации среднего крестьянства и обеспечения поддержки весьма значительной доли, если не всего, мелкого крестьянства"*[48].

Принцип приоритета социальных критериев над экономическими мы видим и при теоретическом решении В.Лениным вопроса о лучшей (для трудящихся) форме **буржуазно-демократического** аграрного переворота в период первой русской революции.

Сопоставляя аграрные программы, выдвинутые в революции разными классами, В.Ленин отмечает, что аграрное законодательство Столыпина *"прогрессивно в научно-экономическом отношении",* так как *"облегчает,*

---

[48] Ленин В.И. Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала. — Ленин В.И. ПСС. Т. 41, сс. 177-178.

толкает вперед” капиталистическое развитие. Но, по Ленину, социал-демократы должны поддерживать *“не буржуазную эволюцию помещичьего типа, а буржуазную эволюцию крестьянского типа”.* Доводы в пользу второго типа развития (помещичье хозяйство разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья, крестьянин эволюционирует в капиталистического фермера): он даёт *“наиболее быстрое развитие производительных сил и наилучшие (какие только возможны вообще в обстановке товарного производства) условия существования крестьянской массы”*. А первый путь (крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное) *“означает наибольшее сохранение кабалы и крепостничества (переделываемого на буржуазный лад), наименее быстрое развитие производительных сил и замедленное развитие капитализма, означает неизмеримо большие бедствия и мучения, эксплуатацию и угнетение широких масс крестьянства, а следовательно, и пролетариата”.* И хотя здесь **по форме** экономический критерий (развитие производительных сил) ставится вроде бы в один ряд с социальными критериями, но **по содержанию и с учётом всего контекста** социальные критерии у В.Ленина — главные *(“тактика социал-демократии в русской буржуазной революции определяется ... задачей поддержки борющегося крестьянства”)*[49].

Знаменитая ленинская формула о развитии производительных сил как *“высшем критерии общественного прогресса”*[50] предваряет процитированную нами характеристику двух типов буржуазной аграрной эволюции. Эту же формулу можно встретить и в других произведениях В.Ленина. Она сбивала и

---

[49] Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов. — Ленин В.И. ПСС. Т. 16, сс. 216, 219, 220.

[50] Там же, с. 220.

до сих пор сбивает с толку многих, считающих себя марксистами, но склонных к догматической канонизации высказываний классиков.

Эта формула является у В.Ленина явно чужеродной мыслью. Она — результат влияния на формирование его взглядов вульгарной трактовки исторического материализма как экономического материализма. Такая вульгаризация была широко распространена в западноевропейском рабочем и социалистическом движении в конце XIX века (особенно под влиянием лассальянства). Именно эту вульгаризацию имел в виду Ф.Энгельс, когда писал: *“Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодёжь иногда придаёт больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчёркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки”*[51].

Точно так же и у Ленина. Как только дело доходило у него до анализа живой конкретно-исторической ситуации и особенно до анализа движущих сил, мотивов действия и критериев выбора вариантов действия, тут его формула о развитии производительных сил как о высшем критерии общественного прогресса выглядела (в контексте этого живого анализа) как не пришей кобыле хвост.

Если обобщить методологию, то схема отбора варианта для реализации выглядит следующим образом.

---

[51] Энгельс Ф. Йозефу Блоху в Кёнигсберг, 21 [- 22] сентября 1890 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37, с. 396.

Экономические критерии эффективности, в том числе затратного типа, можно применять лишь тогда, когда предварительно установлены:

а) *социальная необходимость,* или *целесообразность* варианта (его соответствие первоприоритетным социальным целям);

б) *социальная допустимость* варианта (непротиворечивость сопутствующих социальных результатов, социальных последствий первоприоритетным целям, стратегической линии развития);

в) *экономическая реалистичность* варианта (достаточность общественных ресурсов для его реализации в приемлемые исторические сроки).

Такая же многоступенчатая процедура — и при оценке эффективности фактических или прогнозируемых организационных преобразований[52].

Институциональные реформы новой власти направлены на то, чтобы сузить до предела социальную вариантность, обеспечить в конечном итоге реализацию первоначальных целей социальной революции. Чтобы выполнить эту задачу, преобразования осуществляются по двум направлениям:

— формирование новой системы социальных субъектов;

— формирование новой системы организации взаимодействий социальных субъектов[53].

---

[52] Такая методология оценки социально-экономической эффективности преобразовательной деятельности применена и развита в работе: Ракитская Г.Я. Цели социально-экономического развития и эффективность научно-технического прогресса. Препринт. — М.: ВНИИСИ, 1982. Исходный пункт методологии — понимание сущности эффективности процесса (деятельности) как принципиального соответствия этого процесса целям, средством достижения которых он является.

[53] Напомню, что принципиальная схема социальной организации общественных отношений в марксистских тер-

5. Мероприятия новой власти и их последовательность, формы, в которых общество “переваривает” институциональные нововведения (осваивает их, сопротивляется им, отторгает их), — всё это испытывает на себе влияние множества конкретно-исторических факторов, включая степень компетентности реформаторов, достигнутый уровень культуры в обществе, силу традиций, международную обстановку и пр. Марксистская теоретико-методологическая позиция требует не только учёта такого рода факторов в стратегии и тактике социальной революции, но придаёт конкретно-историческому подходу роль одного из основополагающих принципов при анализе и прогнозе общественных процессов и при осуществлении революционных реформ.

В то же время марксистский подход в отличие от преимущественно описательного и прагматического подходов ориентирован на анализ закономерных черт революционных реформ и переходных процессов, которые в той или иной форме проявляются в любой социальной революции. В разделе 1.1 второй части работы рассмотрены фундаментальные закономерности перехода общества от системно кризисного к исторически прогрессивному устойчивому (формационному) состоянию с точки зрения соотношения разрушительных и созидательных процессов, социальных механизмов возникновения нового.

Социальная вариантность будущего в переходный период возводит также в ранг фундаментальных закономерностей выхода общества из системного кризиса в сторону прогресса *соответствие (адекватность) форм и способов преобразований целям социальной революции.* Проблема адекватности содержательно конкретизируется

минах и с использованием термина “институт” рассмотрена в первой части настоящей работы. В рамках этой схемы различаются институты-субъекты (система субъектов-представителей) и институты-регуляторы (система форм общественной организации взаимодействий социальных субъектов).

применительно к демократическим революциям, если рассматривать переходные процессы с точки зрения соотношения принуждения и свободы в историческом выборе. Об этом — в следующем разделе.

1.3. Соотношение принуждения и свободы в революционно-демократических преобразованиях

а) Методологическая установка и задачи раздела

Современные критики марксизма предъявляют ему в качестве главного обвинения антигуманный характер общественных систем СССР-овского (так называемого советского) типа. Основанием служат самоназвания таких обществ (“социализм”) и их официальной идеологии (“марксистско-ленинская”). Позиция данной работы иная: официальной идеологией в СССР был фальсифицированный, или вульгарный марксизм, а строй, утвердившийся в СССР, не отвечает научным критериям социализма.

Отличительная черта марксизма (научного социализма, или научного коммунизма) — *революционный* ***гуманизм*** мировоззрения и подходов к решению теоретических и практических проблем. Достаточные основания для того, чтобы считать первоначальный марксизм историческим истоком последовательной революционно-гуманистической идеологии и науки следующие:

а) ключевое место категории “свобода” в сформулированном К.Марксом и Ф.Энгельсом социальном идеале; б) ориентация на научно-теоретическое решение проблемы устранения эксплуатации из жизни общества, на анализ реальных движущих сил социального прогресса в интересах трудящихся;

в) признание социальных революций (наряду с эволюцией) закономерными формами общественного прогресса.

Дам строгое определение: *марксизм (научный социализм, научный коммунизм) есть идейно-теоретиче-*

ская основа рабочего движения эпохи индустриального капитализма, которая выражает интересы рабочего класса и всех эксплуатируемых трудящихся в форме последовательного революционного гуманизма.

Из направлений общественной мысли, самоопределяющихся в XX веке как марксистские, я отношу к нефальсифицированному (невульгаризированному) марксизму лишь такие направления, которые являются продолжением и творческим развитием революционно-гуманистических составляющих в воззрениях основоположников[54].

Задачи данного раздела работы:

— охарактеризовать марксистские (в изложенном выше понимании) подходы к проблеме соотношения принуждения и свободы в революционно-демократических преобразованиях;

— высветить принципиальные отличия марксистских позиций и подходов от таких, которые заявляют о се-

---

[54] Для пояснения приведу фрагмент из моей работы, выполненной в 1997 г., в которой специально рассмотрена проблема отграничения творческого, развивающегося марксизма от псевдомарксизма, вульгаризаций марксизма:

"История жизни марксизма как идеологии отличается от научных и политических биографий конкретных ученых, организаций и движений, причисляющих себя к марксистскому спектру. И среди высказываний самих классиков марксизма, и среди исторически реальных требований и акций рабочего движения есть противоречащие последовательному гуманизму. Но это - факты из личных биографий классиков и биографий конкретных движений. Это факты из истории вульгаризаций марксизма, отступлений от (продолжение сноски см. на следующей стр.) него, из богатой истории эклектического мышления, а не факты из истории становления и развития идеологии последовательного гуманизма" (Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Методология марксизма и историческое поприще ее плодотворности. — М.: Институт перспектив и проблем страны, 1998, с. 7).

бе как марксистские, а фактически в решении этой проблемы *отходят от гуманизма*.

Начать придется с вопроса о *диктатуре пролетариата*, поскольку именно этот вопрос является наиболее деликатным в смысле наследства, которое получает от классического марксизма современный революционный гуманизм. Отказывается ли последовательный революционный гуманизм от тезиса о диктатуре пролетариата или не отказывается?

б) Диктатура класса как логическая категория

Организация пролетариата и организация буржуазии в господствующий класс

Завоевание политической власти революционной силой — это, как уже сказано выше, лишь начало социальной революции. В “Манифесте Коммунистической партии”, программном документе первоначального марксизма (1848 г.), читаем: *“... Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата* ***в господствующий класс****, завоевание* ***демократии****”* (выделено мною — РГ)[55].

Установку “Манифеста...” на **завоевание демократии** “забывают” критики и фальсификаторы марксизма. Напротив, акцентируется внимание на характеристике политического господства пролетариата как **диктатуры** пролетариата, которая появилась у основоположников после “Манифеста...”. В.Ленин в своих работах специально и подробно рассматривал вопрос о диктатуре пролетариата, придавая ему первостепенное значение.

Анализируя тексты Маркса и Энгельса при подготовке книги “Государство и революция”, Ленин осмысливает категорию “диктатура пролетариата”, в частности, следующим образом:

---

[55] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. 4, с. 446.

“Кажись, термина “диктатура пролетариата” ещё нет (речь идёт о “Манифесте...” — РГ)*... Государство, т.е. организованный господствующий класс пролетариат — это и есть диктатура пролетариата”*[56].

Эта интерпретация вполне согласуется с представлением основоположников о главной общественной функции государства как института политической власти в классовом обществе: *“политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого”*[57].

Исходя из такого представления, Маркс приходит к выводу, что организованное господство пролетариата как класса (пролетарское государство) должно существовать после революции до тех пор, пока не уничтожены условия существования классовой противоположности, пока существуют классы. В “Манифесте...”: *“Когда* ***в ходе развития*** (выделено мною — РГ) *исчезнут классовые различия...*, *публичная власть потеряет свой политический характер”*[58]. Положение об исторически длительном процессе исчезновения общественных основ существования классовых различий конкретизировано Лениным[59].

---

[56] Ленин В.И. Подготовительные материалы к книге “Государство и революция”. — Ленин В.И. ПСС. Т. 33, с. 199.

[57] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, с. 447.

[58] Там же, с. 447.

[59] Например: “... Для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить ещё и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми умственного и физического труда. Это — дело очень долгое (выделено мною — РГ). Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперёд в развитии производительных сил ...” [Ленин В.И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу.

Маркс в 1852 г. в письме к Иосифу Вейдемейеру называет государство периода перехода к бесклассовому обществу, как представляется, *для ясности* “диктатурой пролетариата”[60].

Диктатура пролетариата, следовательно, — научная категория из области *логики* истории, констатирующая необходимость государственной организации политического господства пролетариата как в переходный период от капитализма к социализму, так и в течение всей “первой фазы коммунистического общества” вплоть до собственно коммунизма (до “высшей фазы коммунистического общества”)[61].

В таком понимании и в таком контексте диктатура пролетариата *не противостоит демократии*, демократическому государству. Она противостоит *диктатуре* ***буржуазии,*** то есть демократии, в которой безусловно доминирует, господствует буржуазия. Пролетарское государство противопоставляется буржуазному государству как организованному политическому господству буржуазии. Противопоставление пролетарского государства буржуазному отражается также в терминах “диктатура большинства” и “диктатура меньшинства”.

По поводу “коммунистических субботников”). — Ленин В.И. ПСС. Т. 39, с. 15].

[60] “...Мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. ... То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определёнными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведёт к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов” [Маркс К. Маркс — Иосифу Вейдемейеру в Нью-Йорк, 5 марта 1852 г. — К.Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 28, сс. 424, 427].

[61] Маркс К. Критика Готской программы. — К.Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, сс. 19, 20.

Такое противопоставление даёт марксистам методологический ключ к определению специфики государств типа так называемого “шведского социализма” (социальных государств, или государств с социальной рыночной экономикой). То, что это капиталистические государства, никем всерьёз не оспаривается. Но в истории, однако, существуют не только устойчивые социальные формы, но и формы неустойчивые (промежуточные). Правомерно рассматривать социальные государства как исторически неустойчивую форму, в которой механизмы социального компромисса ущемляют интересы буржуазии в ряде областей. Однако в ситуациях, когда компромисс заходит слишком далеко (начинает угрожать интересам сохранения капиталистической эксплуатации как основы строя), социальные государства эволюционируют не в сторону социализма, а в сторону жёсткого капитализма. Неолиберальная политика национальных (даже левых) правительств отбирает у трудящихся завоевания “золотого тридцатилетия” и возвращает социальные государства к устойчивой модели безусловного доминирования интересов крупного (сегодня, в условиях осуществления стратегии глобализации, — крупного *международного*) капитала, то есть к *диктатуре (господству) буржуазии*. Следует добавить, что социальные государства (с социальным партнёрством между классами буржуазного общества) — результат стечения целого ряда конкретно-исторических обстоятельств. Они были и во время “золотого тридцатилетия” исключением, а не правилом для мира XX века

Следует признать, что термин “диктатура пролетариата” в научном отношении **крайне неудачен** для обозначения всего лишь того факта, что на смену буржуазному государству приходит пролетарское государство. Словом “диктатура” обычно обозначаются **полицейско-деспотические** государства, **командно-карательные** политиче-

ские режимы,[62] исключающие демократические формы организации общественной жизни[63]. Основоположники, кстати, редко употребляли термин “диктатура пролетариата”. У Ленина, напротив, он не только часто используется (причём в разных смыслах), но написаны целые книги, брошюры и разделы брошюр о диктатуре пролетариата[64].

Исходные социально-структурные реформы переходного периода

Диктатура класса как историко-логическая категория не отражает и не может отражать такую специфику **способов действий** государства в переходный период после политического переворота, которая ведёт к историческому выбору, соответствующему целям социальной революции.

---

[62] “Военно-полицейское государство” — это у Г.Плеханова в 1883 г. о царской России [Плеханов Г.В. Программа социал-демократической группы “Освобождение труда”. — Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В пяти томах. Гос. изд. полит. лит. Т. 1. 1956, с. 373]. В СССР утвердилось к концу 20-х — началу 30-х годов не пролетарское демократическое государство, а командно-карательное государство, диктатура партийной касты (номенклатуры).

[63] Именно такое понимание диктатуры положено в основу классификации закономерных состояний общества по признаку доминирующих способов организации социально-групповых (политических) отношений. По этому признаку правомерно различать два противоположных типа обществ: а) классово-демократические и б) казарменно-кастовые, или диктатурные [см. раздел 2 первой части данной работы, а также: Ракитская Г.Я. Взаимосвязь политической системы и хозяйственной власти (общая теория и методология). — В пер.изд. “Перспективы и проблемы России”. Выпуск 1. Есть ли у России будущее? — М.: Институт перспектив и проблем страны, 1994].

[64] “Государство и революция. Учение...” [ПСС. Т.33], “К истории вопроса о диктатуре (Заметка)” [ПСС. Т.41], “О диктатуре пролетариата” [ПСС.Т.39] и др.

Особенности способов действий пролетарского государства в переходный период проистекают (должны проистекать) из последовательно демократического характера целей социалистической революции. В России перед пролетарским государством после Октябрьского переворота стоял и ряд таких задач, которые должна была выполнить, но не выполнила вторая (буржуазно-демократическая) русская революция.

Согласно основоположникам, мероприятия, с которых **начинает** преобразовательную деятельность победившая пролетарская революция, *“чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал”*, будут различными в разных странах. В то же время для *“наиболее передовых стран”* они сочли возможным дать перечень мер, которые *“**могут*** (выделено мною — РГ) *быть почти повсеместно применены”.* Среди этих мер: экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов; высокий прогрессивный налог; отмена права наследования; централизация кредита в руках государства; централизация всего транспорта в руках государства; увеличение числа государственных фабрик; одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий и др.[65].

В контексте нашей работы важны **характер и главная задача** этих начальных мер, а не их конкретный перечень, конкретные формы преобразований. По своему характеру они являются *“**деспотическим** вмешательством в право собственности и в буржуазные производственные отношения”*. Их назначение — быть *“средством для переворота во всем способе производства”*[66], то есть они должны радикально изменить организационные основы общественного строя — отменить старые и заложить новые основы общественной организации.

---

[65] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, с. 446.

[66] Там же, с. 446..

Говоря сегодняшним языком, исходный пункт **революционных институциональных** преобразований — радикальные **социально-структурные** реформы, направленные на перемену **типа** властно-хозяйственных и социально-трудовых отношений. [В “Манифесте...”: коммунисты *“выдвигают на первое место вопрос о собственности, как основной вопрос движения”*[67]. Собственность — это власть в хозяйстве, властно-хозяйственные отношения.]

Радикальные социально-структурные реформы не могут, конечно, быть проведены на базе государственно-правовых (конституционных в том числе) норм старого общества. Это невозможно потому, что реформы эти направлены **против** интересов как раз тех классов (каст), которые господствовали в старом обществе и господство которых оформлялось (если оформлялось) старыми законами. Реформы должны осуществляться на новой демократической правовой базе.

Мыслима, правда, ситуация, когда старые законы имели мало общего с реальными общественными отношениями и вполне годятся для радикального прогрессивного переустройства общества. Так, например, старый российский КЗоТ вполне пригоден (особенно после уже внесенных в него изменений) для целей буржуазно-демократической и даже (с небольшими изменениями) для целей социалистической революции. Стремление российских властей принять новый Трудовой кодекс проистекает не из того, что КЗоТ, доставшийся в наследство от тоталитаризма, плох для наемных работников, а из того, что он (в случае налаживания в стране правопорядка) содействовал бы развитию механизмов социальной рыночной экономики, социального партнерства. Но именно это не подходит современной российской власти (и Правительству, и Госдуме), которая реализует иную модель капитализма — периферийного колониального (полуколониального) типа.

---

[67] ***Там же, с. 459.***

Исходные социально-структурные реформы могут проводиться на базе законов, принятых новыми представительными органами, как было поначалу в России после Октябрьской революции. Они могут проводиться на основе единоличных или же коллегиальных решений (указов, декретов) лиц, наделённых особыми полномочиями[68]. Так было в России после августовской (1991 г.) революции — особые полномочия для проведения реформ были даны Президенту. Такие отличия в правовой основе революционно-демократических реформ, конечно, важны. Но суть не в них, когда речь идёт о принудительном или же о непринудительном характере начальных реформ переходного периода.

Суть в том, что направленность против интересов старых господствующих классов, на радикальное изменение их положения в обществе неизбежно делает исходные социально-структурные реформы **принудительными по отношению к прежде господствовавшим классам (кастам).** [В "Манифесте...": *деспотическое* вмешательство; пролетариат *"силой упраздняет старые производственные отношения"*[69].] Принятие соответствующих законов не отменяет принудительного — в указанном отношении — характера реформ.

Принудительный (по отношению к экспроприируемому классу) характер исходных социально-структурных реформ ни в коей мере не является особенностью победившей пролетарской революции (диктатуры пролетариата). Такой же характер носят эти реформы, когда осуществляются победившей буржуазной революцией (буржуазной диктатурой).

С принудительного вмешательства в право собственности, в том числе с радикальной земельной реформы, начались революционные преобразования в России в

---

[68] Я не имею здесь в виду ситуацию узурпации власти (диктатором, хунтой, партией и т.п.).

[69] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, сс. 446, 447.

1917 г. Они были (по своей логике) направлены на ликвидацию основ капиталистической и помещичьей эксплуатации.

С деспотического вмешательства в отношения собственности (в форме форсированной приватизации) начались в России революционные преобразования современного переходного периода. Причём начались не на основе принятых законов, а на основе решений авторитарной президентской власти. Это была акция буржуазной революции и **буржуазной диктатуры,** направленная (по своей логике) на ликвидацию основ казарменно-кастового строя.

Идеологи шоковых реформ и правящие реформаторы пытались поначалу маскировать факт неконституционности, незаконности (по отношению к старым правовым нормам) фактически проведённых исходных социально-структурных преобразований. И только когда главные цели, поставленные перед реформой собственности, были выполнены, они признали: *"...Распределение собственности в России, как, впрочем, и в других странах, происходит пропорционально существованию властных элит"*[70]. В отличие от этого пролетарские идеологи *"считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения"*[71] и открыто признают деспотическое вмешательство в право собственности исходным шагом социальной революции, актом диктатуры класса, ниспровергающего старый общественный строй. То есть в сущности позиция та же, что и у А.Чубайса, — собственность распределяется по власти, значит, надо брать власть.

Важно подчеркнуть, что революционно-демократические преобразования начинаются с социально-структурных реформ, которые направлены **против** интересов прежних господствующих классов, но которые должны од-

---

[70] Чубайс А.Б. — "Известия", 6 декабря 1995 г.

[71] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, с. 459.

новременно осуществляться **в интересах** тех классов, которые были в старом обществе в подчинённом положении.

Другой важный аспект — необходимость осуществления исходных и всех других преобразований переходного периода таким образом, чтобы в жертву целям революции приносились **старые формы организации** общественной жизни *(старые институты)*, **а не люди** по принципу “нет человека — нет проблемы”.

Проблема соотношения принуждения и свободы в революционно-демократических преобразованиях — это проблема следования революции (и в теории, и в практической политике) гуманистическим и демократическим принципам как безусловно **самоценным** принципам, допускающим ограничение свободы исторического выбора (принуждение) лишь в определенной степени.

Превышение допустимой меры принуждения может происходить по разным направлениям, в разных формах и по разным причинам. Теория революции и её история — вещи разные. Подход научного социализма (марксистский подход) требует не оправдывать политическую практику, в которой доминируют методы принуждения к новым формам общественной жизни, а анализировать причины и следствия такой практики и извлекать уроки из следствий отступления от демократических и гуманистических принципов.

в) Демократия и диктатура как формулы решения практической ситуации

Диктатура, как показано выше, не противостоит демократии, когда речь идёт о диктатуре пролетариата или диктатуре буржуазии как синонимах словосочетаний “господство пролетариата”, “господство буржуазии”[72].

---

[72] ***Конечно, пролетарское демократическое государство (социалистическое государство) должно отличаться от буржуазного государства по сути и по содержательным формам, в том числе и в переходный период. Но здесь речь не об этом.***

Диктатура **противостоит** демократии, когда речь идет о противоположных политических практиках — о принципиально разном ***характере действий*** политической власти, которыми устанавливается и поддерживается господствующее положение в обществе тех или иных социальных субъектов, доминирование их интересов, достижение выдвигаемых ими целей.

Марксистскому подходу соответствует понимание демократической политической практики как способа обеспечения единства общества при помощи **согласования** противоречивых общественных интересов.

Диктатура как политическая практика, противоположная демократии, понимается как способ обеспечения единства общества при помощи **подавления** интересов и действий, расходящихся с интересами правящей группы[73].

Понятия, тождественные диктатуре как формулы политической практики, решения практических ситуаций, или же отражающие конкретные формы диктатуры, — командно-репрессивный режим, политический произвол, политический террор, полицейский деспотизм и т.п.

Особый в теоретическом отношении вопрос — методы исторического творчества народа в периоды **“революционных вихрей”.**

Революция в узком значении слова — это период *“революционных вихрей”*[74]: народных восстаний, гражданских войн, период перехвата политической власти. В период революционного вихря народ творит свою историю

---

[73] Подробнее о демократии и диктатуре как противоположных способах взаимоувязки интересов и действий социальных сил см.: Ракитская Г.Я. Социалистическая демократия: политико-экономические аспекты. — “Вопросы экономики”, 1989, № 7, сс. 36-39.

[74] Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии. — Ленин В.И. ПСС. Т. 12, с. 315.

особыми приёмами, особыми методами, ***чуждыми*** *иным периодам политической жизни*[75].

Обобщая в 1906 г. опыт первой русской революции, Ленин указывает на следующие наиболее существенные из этих особых методов:

"1) ***"захват" народом политической свободы,*** *— осуществление её, без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний хотя бы в университетах, свобода печати, союзов, съездов и т. д.);*

2) создание новых органов ***революционной власти,*** *— Советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и пр. и т. п. ...";*

*3)"****применение народом насилия по отношению к насильникам над народом****"*[76].

Ленин трактует особые методы исторического творчества народа в период революционного вихря как диктатуру. В первую очередь это относится к новым органам, которые создавались самодеятельностью народа и действовали как власть: *"Описанные нами органы власти были, в зародыше, диктатурой, ибо эта власть не признавала* ***никакой*** *другой власти и* ***никакого*** *закона,* ***никакой*** *нормы, от кого бы то ни было исходящей."*

В этой ленинской трактовке диктатуры революционного народа акцентируется внимание на том, **как** в период "революционного вихря" *"вырастает, возникает"* новая власть *"наряду со старой, против старой власти, в борьбе против неё"*. Диктатура имеет здесь иной смысл, нежели категория "диктатура пролетариата", фиксирующая государственный характер власти пролетариата. Диктатура имеет здесь иной смысл и в другом отношении: *"Люди привыкли видеть только полицейскую власть и только полицейскую диктатуру. Им странным кажется,*

---

[75] Там же, с.317 и Ленин В.И. К истории вопроса о диктатуре (Заметка). Т. 41, с. 379.

[76] Там же, сс. 317-318 (Т.12) и сс. 380-381 (Т.41).

что может быть власть без всякой полиции, может быть диктатура неполицейская"[77].

В пылу полемической борьбы В.Ленин формулирует в брошюре 1906 г., а затем воспроизводит в 1920 г. следующее определение: *"Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стеснённую, непосредственно на насилие опирающуюся власть"*[78].

Ленинские рассуждения о диктатуре в периоды революционных вихрей отражают действительный характер действий революционных элементов народа в такие периоды.

Отступлением от научного социализма (марксизма) является **распространение** приведённых выше положений о характере революционной самодеятельности народа в период "революционного вихря" на другие периоды, в том числе на период исторического выбора (переходный период) **после революционно-демократического политического переворота.** Это такой теоретико-методологический сбой, который на практике ведёт к превышению допустимой меры принуждения в историческом выборе, к деформации переходных процессов относительно демократических целей революции.

Превышение в переходный период допустимой меры принуждения к новым формам общественной жизни ведет к **институционализации принуждения как доминирующей формулы политической практики.** В конечном счёте это ведёт к утверждению не демократического (буржуазно-демократического или социалистического) государства, а режима диктатуры под теми или иными правовыми и идеологическими масками. Именно это обстоятельство заставляет современных марксистов не соглашаться с либеральным тезисом о необходимости диктатуры для перехода к демократии.

---

[77] Там же, с. 319 и с.382.

[78] Там же, с. 320 и с. 383.

Соотношение принуждения и свободы (добровольности) в переходный период — мало разработанный вопрос и в марксизме, и в других научных направлениях. В целом в этой области можно констатировать этап накопления фактов и отдельных обобщений, а не этап формирования общей теории вопроса, охватывающей причины, направления, формы и результаты превышения политической властью допустимой меры принуждения в революционно-демократических преобразованиях.

Для марксистов особенно важна та часть теоретического осмысления проблемы, которая относится к социалистической социальной революции и формулирует свои положения с учетом истории переходного периода в России после Октябрьского переворота, завершившегося установлением политического режима диктатуры, перерождением самих целей власти по сравнению с первоначальными целями революции. Существенный шаг в сторону разработки марксистской теории вопроса — концепция деформаций и перерождений социализма, опубликованная впервые в 1988г.[79].

В современный переходный период в России политическая власть осуществляла реформы как по преимуществу **разрушительные** и по преимуществу **принудительные** по отношению к трудящемуся большинству населения. Обобщенная характеристика результатов этих реформ и прогноз социальных итогов переходного периода с позиций, отвечающих марксистской методологической традиции, — в следующем разделе.

---

[79] Очерки политической экономии социализма / Под редакцией академика Н.П.Федоренко. — М.: Наука, 1988, сс. 57-65. См. также: Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Стратегия и тактика перестройки. — М.: Наука, 1990, сс. 20-29.

2. Принципиальная оценка институциональных преобразований в современной России – цели, средства, результаты

1. Практически общепризнано существеннейшее расхождение между официально объявленной в России в октябре 1991 г. направленностью реформ, с одной стороны, и реальными результатами преобразований, с другой.

Главное в этих расхождениях:

а) существенное ухудшение всех параметров функционирования экономики вплоть до её разрушения, потери экономической независимости и обороноспособности страны — вместо прогрессивной структурной перестройки (включая разумную степень конверсии гипертрофированного ВПК) и перехода в режим устойчивого экономического роста;

б) подавленная гиперинфляция, натурализация обмена в реальном секторе экономики, размах финансово-спекулятивной деятельности — вместо современной (т.н. “цивилизованной”) рыночной экономики;

в) многоразовое скачкообразное понижение уровня жизни большинства населения вплоть до развития процессов социальной деградации, сверхрост социальной дифференциации — вместо улучшения социального положения трудящегося большинства, уменьшения социальной дифференциации;

г) обвальный рост социальных рисков для населения и хозяйствующих субъектов, полубесплатный-полупринудительный труд как массовое устойчивое явление — вместо социальной рыночной экономики и соответствующей системы социальной защищённости населения и предпринимательства;

д) отсутствие элементарного правопорядка (в том числе массовое нарушение трудового законодательства), беспрецедентные масштабы развития теневой экономики, коррупции, организованной преступности, прямого разграбления (с огромным вывозом за рубеж) национального богатства — вместо преодоления беззакония и произвола,

теневых процессов, создания механизмов правового государства на базе политической, социальной и экономической демократии;

е) чрезвычайно медленное освоение населением практики самоорганизации для организованного солидарного востребования и защиты своих прав, свобод и интересов — вместо развития социальной структуры и социальных механизмов гражданского (реально многосубъектного) общества, в том числе механизмов социального партнёрства.

В обобщённом виде можно констатировать, что в результате осуществления по преимуществу ***разрушительных*** и ***принудительных*** (по отношению к большинству населения) преобразований Россия движется в целом по пути социальной деградации.

2. Из-за расхождения декларированного и фактического говорят о «неудаче» реформ и даже о «крахе» избранного курса.

Те, кто осмысливает происходящее в духе институционализма, считают ***непосредственной*** причиной «неудачи», «краха» реформ недостаточное внимание реформаторов к институциональному аспекту рыночно-капиталистических преобразований.

В предельном случае (когда говорят о невнимании к институциональному аспекту как таковому) это утверждение абсолютно *бессмысленно,* поскольку, как разъяснено выше (см. раздел 2.1), непосредственным объектом реформаторской деятельности при общественных преобразованиях являются именно общественные институты**.**

Более осмысленной является позиция, которая исходит из предположения о намерениях реформаторов осуществить переход к эффективной рыночно-капиталистической экономике (причём к социальной рыночной экономике) и нацелена на поиск *конкретных ошибок* реформаторов при проведении институциональных реформ. В рамках этой позиции рассуждают о том, какие из институтов современного рыночно-капиталистического хозяйства не были предварительно созданы или же созданы не та-

кими, как во всем «цивилизованном мире», или же созданы без учёта той или иной российской специфики и т.п.

3. И в первом (бессмысленном) случае, и во втором ***исходной*** причиной «неудачи» реформ считается институциональная, так сказать, некомпетентность реформаторов, их неспособность обратиться к опыту других стран (например, к опыту послевоенных преобразований в ФРГ, к опыту Пиночета и пр.). Или же (при лучшем отношении к реформаторам) исходную причину усматривают в безответственном поведении оппозиции, будто бы не позволившей (и будто бы не позволяющей до сих пор) провести такие трансформации экономических институтов, которые были необходимы для выхода страны из кризиса, для осуществления задач реформ.

4. Взгляд на российские реформы, отвечающий марксистской традиции, переводит анализ из плоскости выявления перечня конкретных институциональных ошибок или же контринституциональных происков оппозиции, из плоскости увлекательных разгадок запущенных неправильных механизмов (институциональных «ловушек») в совершенно иную плоскость. А именно, в плоскость выявления ***социально-политических причин***, по которым ***были проведены именно такие*** реформы (по преимуществу разрушительные и принудительные с социально-деградирующим итогом) и по которым был проигнорирован теоретический багаж экономической науки и реальный мировой опыт созидательных рыночно-капиталистических преобразований. К социально-политическим относятся и причины того, что худо-бедно организованная псевдокоммунистическая оппозиция «его величества Президента», имея доступ к государственной власти, не оказала на деле решительного сопротивления ни одной сколько-нибудь существенной акций реформаторов, за исключением разве что сопротивления антиконституционным действиям Б.Н.Ельцина в конце сентября 1993 г.

5. В СССР тоталитаризм достиг такой стадии, когда внутри самого общества не было реальных сил, способных вывести его на прогрессивную демократическую ли-

нию развития. Требовался не только толчок извне, но и реальная поддержка извне демократическим процессам. Такой толчок и такая поддержка поначалу были оказаны структурами, проводящими интересы ведущих групп международного капитала, — но лишь в той мере, в какой это поставило Россию под контроль внешних сил, заинтересованных в преимущественно разрушительных процессах в России.

Линия ***разрушения, навязываемая*** извне, осуществлялась одновременно с другой линией — собственно российской линией, порожденной теми причинами и интересами, которые выросли из стадии тоталитаризма. Эта линия — небывало хищническое первоначальное накопление капитала, ***паразитирующее*** на разрушительных процессах.

В результате в России на месте тоталитаризма возникла система политического и экономического бандитизма, действующего (как и внешние силы) как фактор разрушения общества, как фактор его деградации. При этом введение и культивирование парламентарных и других буржуазно-демократических институтов не только не предотвратили, не воспрепятствовали и не оказали заметного сопротивления бандитскому разрушительному действию международного и отечественного капитала, но и весьма украсили этот процесс. Так что идея институтов-демиургов общества показала в России свою полную бесплодность.

6. Вопрос об эффективности институциональных социально-экономических преобразований ставится и решается марксистами применительно к проведенным в России реформам, как и всегда, не абстрактно, а конкретно-исторически и на основе классового подхода.

Анализ с таких позиций приводит к констатации вполне сознательной ***демагогической маскировки*** реформаторами курса, реально проводимого с конца 1991 г., и к констатации ***принципиального совпадения*** результатов институциональных преобразований с ***фактическими***

целями ***тех социальных сил, которые реально руководили российскими реформами***.

Другими словами, российские реформы являются **высоко эффективными**, если оценивать их на соответствие стратегии международных политических и финансовых организаций, представлявших в ходе реформ интересы тех финансово-промышленных групп, которые господствуют в современном мире и осуществляют очередной передел мира в форме так называемой глобализации (мондиализации).

Не было никаких существенных ошибок у тех, кто осуществлял эту стратегию. Не было институциональной неграмотности и возникших из-за этого институциональных «ловушек». Напротив, никогда ещё, пожалуй, за всю историю в столь короткие сроки без применения военной силы, без массовых репрессий, а с помощью **чисто институциональных** мер **удалось** запустить механизмы **ускоренного саморазрушения** общества. Успех тем более поразительный, если учесть, что одновременно создан был ряд правовых институтов-регуляторов буржуазно-демократического характера. Это открывало возможность становления институционально-субъектной структуры гражданского (многосубъектного) общества и развития не только организованного сопротивления разрушительным акциям в социально-экономической сфере, но и организованного конструктивно-оппозиционного воздействия на властно-государственные структуры. Однако разрушительные процессы шли в опережающем режиме, открыв зелёную улицу процессу замещения социальной структуры казарменно-кастового общества структурой, отражающей преимущественно процессы разрушения и социальной деградации.

Было заблокировано становление реально производящего эффективного капиталистического предпринимательства (так называемых эффективных собственников), в том числе сколько-нибудь значительного по масштабам производящего “среднего класса”. И, главное, было заблокировано формирование *рабочих как класса* и,

соответственно, развитие организованного рабочего движения как самостоятельного (с собственной идеологией) и влиятельного социального субъекта, способного противостоять принудительным антинародным реформам. Это определило **социально-деградирующий итог переплетения разрушительных и прогрессивных созидательных преобразований.**

Марксистский подход фиксирует, таким образом, на институциональном уровне в качестве непосредственной причины социально-деградирующего итога реформ вовсе не ошибки в сфере обустраивания рынка, а сознательную политику российского государства, направленную **против** субъектной институционализации общества по буржуазно-демократическому типу и, прежде всего, **против *реальной институционализации*** трудящихся, рабочего класса — против их превращения в реальные субъекты политического действия.

7. Марксистский подход приводит к интегральной социально-политической оценке российских институциональных реформ как ***недемократических, антидемократических***, а все конкретные институциональные перемены и их социально-деградирующие результаты в экономической сфере, в том числе противоположные становлению развитой рыночно-капиталистической экономики, — **как средства и следствия осуществления стратегии глобализации применительно к России**[80]. Эта стратегия и способы её осуществления в России, повторяю, не ошибки, а деятельность, соответствующая интересам

---

[80] ***Характеристика политики глобализации неплохо представлена в Платформе недавно оформившегося движения демократической левой ориентации, в котором активно участвует целый ряд зарубежных образованных марксистов, — движения "АТТАК. Международное движение за демократический контроль над финансовыми рынками и их учреждениями".***

Эта Платформа приведена в Приложении. (В настоящем издании не приводится — Б.В.Ракитский).

вполне определённых (на качественном уровне, а не поименно) социальных сил современного мира — интересам, которые весьма эффективно обслужили российские государственные структуры, действуя по типу колониальной администрации.

Можно предложить такую общую характеристику итога российских реформ **на сегодняшний момент: *видоизменение (трансформация) исторического тупика***, в котором находился СССР накануне перестройки (тупика тоталитаризма). При этом политическая активизация населения, широкие антитоталитарные, общедемократические движения, зародившиеся в СССР в период перестройки, позволяли говорить о революционной ситуации в России накануне августа 1991 г., о ситуации исторического выбора. Однако этот шанс не был использован для выхода из исторического тупика.

8. Как дальше может развиваться ситуация?

Главная задача и проблема российской политической власти на текущей стадии переходного периода — установление механизма устойчивого, регулярного воспроизведения новой общественно-экономической системы, который не позволял бы возвращаться к ситуации актуальной многовариантности. Это задача и проблема *завершения* переходного периода.

Из-за отсутствия сколько-нибудь мощных общественных сил, ***противостоящих с демократических*** позиций закреплению сложившихся порядков и тенденций, проблема завершения переходного периода — это проблема “кто кого” в противостоянии разных групп международного и крупного российского капитала, в интересах которого проводились социально-деградирующие реформы. Приходится констатировать, что из-за массовой социальной деградации населения, сменившей период революционного демократического подъёма 1989-1991гг., собственно российская линия в этом противостоянии, существенная по мощи, — это линия не на демократический выход из нового тупика, а линия великодержавная, имперская. Эта линия связывает спасение России с диктатурой как фор-

мулой политической практики — с приходом к власти “сильной руки”, с ужесточением власти, с ограничениями политических и гражданских свобод, а не с развитием политической активности народа.

Анализ расстановки и перспектив расстановки социальных сил приводит к выводу о реальном возможных следующих вариантах завершения переходного периода, *если расстановка сил принципиально не изменится:*

а) периферийный капитализм колониального (полуколониального) типа с выполнением политической властью функций колониальной администрации;

б) фактический распад России, её разделение по “сферам влияния” разных групп международного финансового капитала. Это может произойти и при формальном сохранении России как единого государства, но может приобрести и форму прекращения существования России как геополитической реальности;

в) открытый фашизм, опирающийся на деградировавшую массу населения при поддержке отечественного капитала.

Эти варианты не являются полностью взаимоисключающими. Они могут переплетаться, сочетаться, но с преобладанием того или иного варианта как магистральной линии развития. К примеру, в первом варианте (колониальная зависимость) реально появление минидиктаторов (минигитлеров), если это в каких-либо отношениях будет отвечать интересам реальных хозяев России (международного капитала) или же не будет существенно затрагивать их интересы.

Характер всех реально прогнозируемых вариантов заставляет говорить о ближайшем будущем России не как о выходе из исторического тупика тоталитаризма, а как о видоизменении исторического тупика и о реальной угрозе такого видоизменения исторического тупика, как открытый фашизм без всякой маскировки псевдомарксистской фразой.

Главная проблема современной России — **кто** *может провести* или *заставит* власти провести социально-

организационные (институциональные) реформы, способные переломить обозначившиеся, поистине страшные тенденции развития, чтобы вывести российские народы в русло социального прогресса?[81].

Каждое научно-идеологическое течение по-своему отвечает и на этот вопрос, и на вопрос о том, что считать социальным прогрессом для России.

В современном марксизме все более осознаются сложности формирования субъекта-носителя общественного прогресса не только в странах, попавших в глубокую колею тоталитаризма или колониализма. Осознано, что к концу двадцатого столетия перспектива утраты гуманно ориентированного будущего реальна и для человечества в целом. Преемственность современного марксизма с первоначальным марксизмом лежит на линии, связывающей возможность гуманизации общества с социальной активностью масс. Именно поэтому современные марксисты признают самым важным достижением четвертой русской революции (а возможно, и пока единственным исторически значимым ее достижением, если не считать распада СССР-овской империи) появление в России зачатков гражданского, многосубъектного общества. Получили право на жизнь разные идеологии, разные научные школы, разные общественные и политические организации и движения. В этом — шанс выхода российских народов в демократическое будущее.

3. Марксистские подходы к анализу взаимосвязи научно-технических и социально-организационных преобразований

Долгое время олицетворением прогресса производства было создание и улучшение машин, их системы.

---

[81] См. подробнее: Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Пространство ответов: кто сделает или кто заставит сделать? — В кн.: Россия в актуальном времени-пространстве /Под ред. Ю.М.Осипова и др. — М.-Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2000, сс.391-397.

И до сих пор машина остается основным видом техники. Ее совершенствование было в последние полтора столетия основным способом практического приложения научных знаний. Отсюда и сам термин “научно-технический прогресс”.

Между тем возникновение и развитие машинной техники с самого начала шли рука об руку с кардинальными преобразованиями организационно-экономических отношений производства. Так что прогресс организации с самого начала был непременным компонентом того разностороннего процесса совершенствования производства, который получил отражение в понятии “научно-технический прогресс”. Среди других компонентов было и остается совершенствование технологии. С течением времени, однако, взаимосвязь техники, технологии и организации изменилась, роль технологических сдвигов и переворотов возросла, роль организации стала решающей в повышении эффективности производства.

Сейчас стало более или менее ясным, что нельзя трактовать существо научно-технической революции (НТР) по методу возведения в главную черту или закономерность одного из конкретных направлений возможных или происходящих преобразований в производстве. Равным образом неправомерно искать суть НТР в революционных переменах какой-либо одной из сторон производственного процесса. Требуется иного типа подход, продемонстрированный К.Марксом при осмысливании им первой промышленной революции.

Любопытно, что крупнейший современный авторитет институционалистского направления экономической мысли Дуглас Норт признаёт безусловный приоритет и непревзойденный до сих пор вклад К.Маркса в изучение взаимосвязи научно-техниче-ских и институциональных изменений: *“Несмотря на то, что по истории технологии и связи технологии с экономическим процессом написано много прекрасной литературы, этот вопрос по существу остался за рамками какого-либо формального*

корпуса теории. Исключение составляют труды Карла Маркса, который попытался соединить технологические изменения с институциональными изменениями. Разработка Марксом вопроса о связи производительных сил (под которыми он обычно понимал состояние технологии) с производственными отношениями (под которыми он понимал различные аспекты человеческой организации и особенно права собственности) представляла собой пионерные усилия, направленные на соединение пределов и ограничений технологии с пределами и ограничениями человеческой организации"[82].

Четвёртая часть всего объема I тома "Капитала" посвящена рассмотрению капиталистической формы повышения производительности общественного труда. Кооперация, разделение труда и мануфактура, машины и крупная промышленность —таковы логические ступени прогресса материально-технической базы. Однако рассматривая их, К.Маркс нигде не абстрагирует логику развития производительных сил от конкретной общественной формы, в которой этот процесс протекает. В результате четвертый отдел I тома "Капитала" являет собой единство истории возникновения и функционирования машинного фабричного производства, индустриального хозяйства и истории возникновения и эксплуатации рабочего класса. В чем же состоит общественно-экономическая сущность промышленной революции? В появлении машин? Нет. В создании фабрики, крупной индустрии? Нет. Ее сущность - **в историческом выборе**, **сделанном обществом под давлением господствующего класса.** Машина стала мощным средством эксплуатации, формирования устойчивой социальной структуры капиталистического общества, укрепления господства буржуа и реального подчинения труда капиталу. Не случайно поэтому четвертый отдел

---

[82] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997, с.168.

I тома “Капитала”, содержащий осмысление первой промышленной революции, носит название “Производство относительной прибавочной стоимости”, что означает: развитие эксплуатации с помощью научно-технического прогресса [83] .

На подход К.Маркса к анализу первой промышленной революции опирался В.И.Ленин, настаивая в полемике с народниками на необходимости целостного видения процессов изменения технико-технологических условий производства и изменения общественных отношений.*“ ... Преобразование, которое принято называть в экономической науке industrial revolution (промышленная революция)”,* представляло *“крутое и резкое преобразование всех общественных отношений под влиянием машин (заметьте, именно под влиянием машинной индустрии, а не “капитализма” вообще). ...Это была полнейшая “ломка” всех старых, укоренившихся отношений, экономическим базисом которых было мелкое производство”* [84].

Обозначенный подход противостоит описательному анализу множества *последствий* научно-технического прогресса, предвидению и обобщению его материально-технической стороны. Рассмотрение современного научно-технического прогресса под углом зрения Марксова и Ленинского подхода требует чёткого ответа на вопрос: что же главное, сущностное с обществоведческой точки зрения заключено в многообразных формах, проявлениях и следствиях современного НТП и отражающих их понятиях?

Но сначала — о характере самой связи социальных форм общественного воспроизводства с технико-технологическими его особенностями. Такая связь, конечно, существует. Но насколько жесткой она является? И в какой мере технико-технологический облик производства, следова-

---

[83] Маркс К. Капитал. Т.1 — К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т.23.

[84] Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты. — Ленин В.И. ПСС. Т. 2, сс. 231, 232.

тельно, и характер функций работника в производстве зависят от субъективных факторов — от социальных целей, которые преследуют участники общественного воспроизводства?

Точка зрения экономического и технико-технологического детерминизма, господствовавшая с конца 30-х годов в советской литературе, сильна и поныне. Суть ее состоит в том, что возникновение новых производительных сил и производственных отношений происходит будто бы не в результате преднамеренной, сознательной деятельности людей, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей[85].

В такой трактовке взаимосвязи объективного и субъективного игнорировано то обстоятельство, что каждое новое поколение застает не готовые, завершенные и неизменные, а ***развивающиеся*** производительные силы и производственные отношения. Кроме того, оно застает определенную идеологию их развития, определенные систему интересов, мотивов, общественное сознание, образ жизни. Ни то или иное поколение, ни отдельные люди не трудятся вне общества, а это значит: улучшая что-либо в производстве, то есть осуществляя научно-технический прогресс, люди действуют при наличии сформированных, воспроизводимых и развиваемых обществом представлений о прогрессе и регрессе, о желательном и нежелательном.

Сознательно-целевое отношение к развитию техники, технологии и организации производства, причём дифференцированное в соответствии со спецификой социально-групповых интересов, — причина существования на каждом этапе истории определенного спектра возможных траекторий дальнейшего научно-технического развития, ***социальной его вариантности***. При одном и том же уровне развития материальных производительных сил реально существует возможность различной социальной ор-

---

[85] См.: Сталин И. Вопросы ленинизма. — М.: Гос. изд-во политической литературы, 1953, сс. 598-599.

ганизации производства и всех сфер общественной жизнедеятельности. Существует возможность разнонаправленного развития материально-производственной основы общества, отражающего противоречивость интересов основных элементов социально-классовой структуры. Какой из вариантов осуществляется на деле, какого типа технико-технологические и организационные решения отбираются для реализации, распространяются — это определяется *в конечном счете* не конкретными достижениями НТП, а интересами доминирующих в обществе социальных групп, характером общественной системы.

Продукт первой промышленной революции — фабрично-машинное производство — постоянно питает тенденцию технико-технологического деспотизма по отношению к трудящемуся, тенденцию его формирования как частичного, односторонне развитого работника, по выражению К.Маркса, “придатка машины”, “неполного человека”. Однако такой характер воздействия технологии на работника может быть в значительной мере компенсирован путем расширения сферы его активности в самом производственном процессе — за счёт вовлечения работников в процессы управления производством и трудом. Участие в управлении не только гармонизирует жизнедеятельность работников, но является и одним из необходимых элементов социального механизма, позволяющего направить научно-технический прогресс на гуманизацию процесса труда и общественной жизни в целом.

Современная научно-техническая революция и, особенно, достижения последнего десятилетия XX века — очередная ступень в расширении социальной вариантности общественного развития. Но НТР вносит в этот процесс и принципиальную перемену.

С одной стороны, НТР создаёт столь богатые и разнообразные возможности технико-технологических решений, что поднимает на *качественно новую ступень свободу общества* в формировании, в сознательном развитии производительных сил.

Но, с другой стороны, НТР, давая новые ресурсы развития общества и огромные возможности роста производительности труда, вовсе не обеспечивает автоматически (как не обеспечивала автоматически и первая промышленная революция) гуманистический характер прогресса производительных сил. НТР, напротив, **впервые вплотную подвела человечество к судьбоносному для него выбору**. К выбору социального типа материально-производственной основы общества *из двух кардинально противоположных типов*.

Один из этих типов (один из вариантов развития) — материально-производственная база, обеспечивающая участие ***всех*** людей в ***общественно полезном труде, гармонично развивающем личность.*** Такая социальная направленность производственно-технологического прогресса позволила бы в конечном счёте обеспечить возможность свободного выявления, реализации и развития способностей и наклонностей каждого и всех членов общества в процессе активной социально значимой жизнедеятельности[86].

Другой тип (другой вариант развития) - материально-производственная база, оттесняющая большую часть человечества от участия в формировании средств и условий общественного развития, в их использовании для дальнейшего прогресса созидательной разумной деятельности на Земле и за ее пределами, в Космосе. В этом варианте большая часть человечества “исключается” из общества, выбрасывается в ***социальную резервацию*** с

---

[86] Под гармоничностью (всесторонностью) личности следует понимать не всезнайство или мастерство все руки, а сбалансированность интеллектуально-творческих, социально-нравственных и физических потенций личности, материальных, моральных и творческих интересов, а (см. подробнее о социальной специфике личности в разных общественных системах в работе: Ракитская Г.Я. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. Препринт. — М.: ВНИИСИ, 1986).

суррогатными, человекоподобными (виртуальными, как теперь говорят) формами жизнедеятельности — формами, имитирующими интеллектуально-творческую, социально-политическую и даже сексуальную активность.

Одна из прогнозируемых тенденций второго варианта развития — переход авангардной, целезадающей роли в прогрессе разумной деятельности на Земле к сообществу искусственно созданных существ (очередному изданию биороботов).

Научные и технические ресурсы и того, и другого варианта сегодня практически неограничены. Но выбор первого из них затруднен специфическими для конца XX века социальными следствиями предыдущего развития. Эксплуататорские слои современного мира объективно не на стороне этого варианта. Но специфическая причина — та, что социальная резервация уже реально существует как фактор, противодействующий гуманизации производства и общества. Социальная резервация - это и массовая культура, и потребительская система ценностей, и стандартизация личности.

Во втором варианте вполне могут быть решены такие проблемы, как преодоление бедности, болезней, производственно-технической отсталости тех или регионов и т.п. Но решены так, что социальная резервация становится “нормальным” социальным институтом, закрепляется как форма жизнедеятельности большинства.

К концу XX века возможность разнонаправленного дальнейшего развития производительных сил, отражающая противоречивость интересов различных классов и социальных групп, осознана настолько, что предметом специальных исследований стала так называемая проблема возрождения варварства на современной технической основе. Именно поэтому в современном марксистском обществоведении акцентируется проблема *социальной направленности* научно-технического прогресса, выбора общественной формы осуществления НТР. Акцентируется в связи с этим и проблема создания социально-хозяй-

ственных механизмов, обеспечивающих гуманистическую направленность развития производства, необходимость отказа от иных вариантов, каковы бы при этом ни были сугубо экономические выгоды от их реализации, а точнее - независимо от степени их соответствия тем (по сути своей обособленным, локальным) экономическим интересам, которые адекватно выражаются с помощью присущего товарно-денежному механизму количественно-ценностного способа соизмерения разнокачественных явлений.

Нормы и правила хозяйствования для воспроизводственных звеньев, заданность “сверху” конечных (социальных) результатов их функционирования — это есть такие ограничения, необходимость соблюдения которых превращает их в социальные критерии эффективности производства. Марксистское обществоведение стоит, однако, на том, что *никакие* организационно-экономические преобразования в рамках общества, основанного на политической и хозяйственной власти капиталистического класса, не могут кардинально решить проблему обеспечения социально-гуманистической эффективности производства, научно-технического прогресса.

Итак, классический марксизм рассматривал проблематику взаимосвязей развития производительных сил и их общественной, в том числе организационно-общественной формы, на примере становления и развития машинного производства. Это обстоятельство не препятствует применению выработанной классическим марксизмом методологии такого рассмотрения и к современным стадиям взаимосвязей динамики производительных сил и их общественных форм. Методология остается той же самой, поскольку до сих пор не доказана качественная несоразмеримость объектов исследования на доиндустриальной, индустриальной и так называемой постиндустриальной фазах.

В самом деле, что общего, казалось бы, между мануфактурой и фабрикой? Здесь качественное различие, по-видимому, не меньшее, чем между индустриальным и так называемым информационным производством. Тем не

менее К.Маркс дал блистательный и научно достоверный анализ перехода от одной фазы (мануфактуры) к другой фазе (машинному производству). Тем самым была впервые в истории общественной науки создана методология изучения взаимосвязей динамики производительных сил и их общественной формы, включая организационные формы этой динамики. Была тем самым создана методология, пригодная для исследования промышленной революции.

Нет убедительных аргументов, что методология, пригодная для исследования одной революции в общественном производстве, не пригодна для исследования следующих революций в общественном производстве. Современные марксисты считают, что эта методология вполне пригодна для таких целей.

Другое дело, что марксизм второй половины XX века не дал глубокого систематического анализа второй промышленной революции и научно-производственной революции (НТР). Не дал, в частности, и потому, что называющие себя марксистами исследователи, работающие не на основе исторического материализма, а на основе сталинской методологии, оказались неспособными на такой анализ. Они по существу были и остаются метафизиками, так что в общем и целом вынуждены оставаться на том горизонте исследований, на который могут подняться обществоведы-метафизики и действительно поднимаются в лице институционального, неоклассического, кейнсианского, смешанной экономики и др. направлений. Но любым исследователям, методологией которых является метафизика и эклектика, не дано подняться на уровень выше и достигнуть результатов, которые достижимы на базе марксистской методологии.

2000-2001

==========

Восприятие теоретико-экономических идей в современной России: критически-компаративистский анализ

Пояснения публикатора

Ниже публикуются некоторые файлы с рабочего стола ПК Г.Я.Ракитской, отражающие её «рабочую кухню» как учёного. В 2000-2001 Галина Яковлевна в Институте экономике РАН разрабатывала свой раздел секторской темы. Мне кажется, ознакомление со следами процесса научного поиска может обогатить представление о характере учёного и о своеобразии манеры его работы.

Б.В.Ракитский (2015)

Тема сектора на 2000-2001 г.:
Методология сравнительного анализа институциональных структур
==========

Ракитская Г.Я.
(июнь 2000 г.)

Раздел:
Восприятие теоретико-экономических знаний и опыта в современной России: критическо-компаративистский анализ

Предмет анализа, проблемы и наброски подходов на 2000 год

(в 2001 г. — углубление подходов и расширение объектов анализа)

Наброски 2000 г.

==========

1. Возможные объекты сравнительного анализа.
2. Конкретизация цели и задач работы.

Другое возможное название, раскрывающее смысл работы:

Сравнительный анализ теоретических обоснований российских реформ, программ и реальных институциональных преобразований как применения (переноса) зарубежного опыта рыночных трансформаций.

Задачи-проблемы (методологические):

вычленение действительно различных подходов — как вычленять? что считать действительно различными подходами (направлениями)?

“восприятие” — то есть предполагается, что нового знания в этот период в России не создавалось, а всё заимствовалось? Или же тема исследования так заранее поставлена — так ограничена? И сравнение должно быть только в том, как воспринимали западное и как пытались внедрить?

Я не буду так ограничивать задачу. То есть процесс общественного восприятия будет анализироваться не как процесс восприятия только западного опыта, а и как процесс восприятия (в том числе и отторжения) обществом новых знаний, выработанных в России в ходе переходного периода и раньше. Тогда и этапы обретают смысл.

Этапы возьму с ориентировкой на прошлогоднюю разработку — этапы переходного процесса, когда писала об институтах.

Структурировать — “в пространственном” (направления научные) и историческом (этапы) аспектах.

То, что в программе (июньской) о моделях — стр. 1-4 преимущественно пойдет (с редакцией) в выводы или в сам текст (до выводов). А в начале о моделях — кратко. Без оценок.

Сравнительный анализ — сравниваются модели и сравниваются этапы.

Среди институциональных сценариев рассмотреть нашу модель демократической реформы собственности. Именно она — составная часть переходного сценария (и модели-образца) рыночной экономики.

Методологическая проблема: какие модели и какие сценарии следует считать **действительно различными (качественно различными),** а какие — **в принципе одинаковыми при видимости различий.** Это — одна из главных проблем исследования. Видимо, здесь должен быть итеративный процесс: сопоставить результаты и по результатам делать вывод о социальной тождественности моделей или об их социальном различии. — сопоставление по результатам.

==========

1. Возможные объекты сравнительного анализа.

Целью современного реформирования хозяйственного механизма в России был заявлен переход к рыночной экономике.

В период 1989-2000 г. в российской научной литературе и в программно-политических разработках, в том числе в правительственных программах, в посланиях Президента, присутствуют представления, тяготеющие к разным **моделям-образцам рыночной экономики.**

Поначалу (до проявления последствий шоковых реформ) в качестве рыночных образцов выступали **три модели.**

1) **Модель *свободного рынка.***

Вроде бы эта модель была заимствована у западной либеральной теоретической мысли и практики. Но на деле, как позже было осознано, её отечественная интерпретация (типа *“рынок все расставит по своим местам”* и пр.) была **небезобидным упрощением** модели рыночной экономики, адекватной “жёстокому” капитализму англо-саксонского типа (США, Канада, Англия). Упрощением в том смысле, что сознательно или же неосознанно

(без умысла) в отечественных интерпретациях модели-образца была ослаблена роль государства, не учитывались реалии глобализации (неоколонизации) и др.

2) **Модель *социальной рыночной экономики.***

Эта модель также была вроде бы заимствована у Запада как адекватная “осторожному” (“социально укрощённому”) капитализму рейнско-альпийского типа (ФРГ и др.). Но на деле отечественная интерпретация и этой модели была **облегчённой (пусто абстрагированной)**, поскольку игнорировала отсутствие в России ряда важных социальных условий, необходимых для становления социальной рыночной экономики.

3) **Модель *социалистической рыночной экономики.***

Эта модель частично воспроизводила представления, сформированные в 60-70 гг. в период попыток реформирования хозяйственного механизма, частично шла дальше в представлениях о формах и путях демократизации хозяйственной жизни.

Кроме указанных трёх моделей, есть ещё представления, тяготеющие к следующим **двум моделям-образцам.**

4) Модель командной экономики с элементами рынка (использование рыночных механизмов не исключается, но ограничивается весьма узкими пределами).

5) Левацкая модель безрыночной экономики, которая исходит из идеи, что именно рынок (а не определённый характер социальной структуры общества) является причиной воспроизведения социального неравенства, безработицы, бедности и т.п.

В научной литературе и программных разработках присутствуют, соответственно, и представления (более или менее развёрнутые) **о способах внедрения** моделей-образцов **в части институциональных преобразований.**

По мере проявления последствий шоковых реформ модельные представления **изменялись** (особенно в части представлений о роли государства).

В принципе все пять направлений теоретической и программно-политической мысли (в их динамике — то есть *почему и как они менялись*) могут быть объектами анализа на предмет сравнения их между собой с той или иной целью.

Однако имеет смысл исходить из того, что объективная потребность российского общества накануне августовской (1991 г.) революции (и цель этой революции) — выход России *в русло* ***демократического*** *развития*, а не сугубо экономические потребности и цели (типа: повышение экономической эффективности, устойчивый экономический рост, финансовая стабилизация и т.п.). Демократическое общество не может обойтись без рыночных механизмов в экономике ***(будем считать это аксиомой)***.

Исходя из сказанного, объектами практически значимого (для демократических сил) сравнительного анализа должны быть отечественные теоретические и программно-политические представления о **рыночных** моделях-образцах (т.е. первые три в приведённом перечне) и о способах их внедрения в жизнь в части институциональных преобразований.

В рамках демократически ориентированного исследования представления, тяготеющие к командной с элементами рынка и левацкой безрыночной модели, не сравниваются с представлениями, тяготеющими к моделям рыночной экономики демократических обществ, на предмет выявления тех или иных *конкретных* “недостатков” или “достоинств”, а являются объектами критического анализа на предмет показа их антигуманности, недемократичности, фактического исключения рынка при словесном его признании и т.п.

На первом этапе (2000 г.) в работе не будет критического анализа представлений о командной (с элементами рынка) экономике и левацких представлений о безрыночной экономике.

На первом этапе (2000 г.) будут сопоставлены **лишь первые две** модели**,** т.е. не будут рассматриваться представления о рыночной экономике социалистического общества, поскольку эти представления с началом шоковых реформ стали в России в практическом плане не актуальны. Не актуальны они и на международной арене, поскольку идеологи демократических сил, выступающих против отрицательных социальных последствий глобализации и ориентированных на организацию совместных действий в планетарном масштабе, рассуждая о “новом справедливом мировом порядке”, “новом проекте общественного устройства” и т.п., не выдвигают сегодня всерьёз в качестве таковых социалистическую модель, а помышляют лишь об ограничении хищности капитала, о более справедливом распределении богатств в рамках капиталистического всемирного порядка.

В работе модельные представления будут охарактеризованы в главных своих чертах именно так, как они восприняты и оформлены на бумаге нашими учёными (наиболее серьёзными, а не по всему кругу литературы) и нашими политиками-реформаторами (правительственные программы и т.п.).

Детальное сравнение с исходными теоретическими моделями зарубежного происхождения **не входит** в задачу работы.

2. Цель и задачи работы.

Цель сравнительного исследования моделей-образцов и институциональных сценариев — выявление различий и сходства этих представлений в определённых аспектах, т.е. **по определённым критериям**. А именно

(это уже конкретные задачи работы) сравнение по следующим аспектам:

а) исследование соотношения с декларируемыми и действительными *задачами*;

б) соотношение с *конкретно-историческим контекстом* — российскими условиями и глобальным контекстом (т.е. с социальным контекстом, который может как способствовать, так и препятствовать реализации модели-образца — тормозить, существенно деформировать и т.п.);

в) сопоставление состава и содержания *приоритетных проблем*, на решение которых ориентированы модели-образцы и институциональные сценарии;

г) сопоставление фактических и реально возможных *социально-экономических результатов (последствий)*, к которым ведут институциональные сценарии в наших условиях.

При выполнении перечисленных задач две системы представлений сравниваются между собой **не по тем или иным отдельным элементам** (например, по способам решения вроде бы одних и тех же проблем, по институциональным преобразованиям в одних и тех же сегментах общества или хозяйства и пр.), а **в целом, т.е. концептуально и по типам сценариев.**

При этом ни одна из сравниваемых моделей-образцов, ни один из институциональных сценариев или какие-либо их элементы **не выступают в качестве эталона (идеала).** Напротив, они сравниваются между собой для выявления их различий и сходства по критериям, вытекающим из некой **более общей системы представлений** (из общей “понятийной системы”, сказал бы лингвист, сравнивая разные языки).

Эта более общая система представлений неизбежно отражает социальную структуру общества и поэтому не может быть иной, как **идеологически плюралистской**. Другими словами, сравнительные оценки будут *объективны (многосубъектны), т.е. будут сделаны с позиций разных социальных сил.*

Специфика такой методологии, т.е. плюрализм критериальных (эталонных) представлений особенно будет явной при выполнении задачи *“г”,* поскольку потребуется выбрать комплексы результатов, приоритетных с точки зрения разных социальных субъектов российского общества, интерпретировать результаты с разных социальных позиций.

Предлагаемый методологический подход к сравнительному анализу теоретических и программно-политических представлений позволяет при необходимости осмысленно и плодотворно сопоставлять различные опыты институциональных преобразований, различные предложения в этой области. Этот подход предполагает необходимость (и даёт возможность) сначала определить, из какой модели (из какой системы представлений) вытекает конкретный опыт или предложение. Кроме того, появляется необходимость и возможность прояснить, идёт ли речь об институциональных преобразованиях, направленных на решение действительно одних и тех же проблем, и о структурах, выполняющих действительно одни и те же социальные функции, или же речь идёт о разных проблемах, о разных социальных функциях, но похожих лишь внешне или же лишь на первый взгляд.

3. Предмет исследования на первом этапе (2000 г.)

Нереально взять в качестве предмета исследования для данной работы сравнение различных модельных и институционально-сценарных представлений **по всем** аспектам рыночных преобразований. Поэтому главный стержень работы на первом этапе (2000 г.) — сравнительный анализ представлений о **приватизации**.

Такой выбор обусловлен тем, что и в первом, и во втором направлении теоретической и программной мысли приватизация признаётся необходимой предпосылкой рыночной экономики.

Ракитская Г.Я.

Восприятие теоретико-экономических знаний и опыта в современной России: критическо-компаративистский анализ

1. ***Восприятие знаний и опыта*** как общественный процесс есть вхождение знаний и опыта в состав социокультуры и превращение их (в воспринятом виде) в фактор исторического действия (и исторического выбора).

В переходные эпохи вообще и в революционные в особенности процесс восприятия знаний и опыта идёт с повышенной интенсивностью, так что одно и то же поколение проходит не один, а несколько этапов восприятия. Решающее значение в этапировании восприятия имеет реальная этапность исторического перехода (трансформации) общества. Общественное массовое сознание и управленческое (политическое) сознание имеет свойство ускоряться и «скачком» становиться более объёмным и продуктивным, использовать для ускорения и возрастания продуктивности структурный ресурс фракционного дифференцирования (отход от устойчиво-инерционного массового сознания «среднего класса»), обеспечивать восприятие знаний и опыта в соответствии с потребностями этапов (эпох).

2. В восприятии знаний и опыта в России приходится выделить следующие этапы (эпохи):

а) этап революционной ситуации (так называемая перестройка);

б) этап четвёртой русской революции (перемена политической власти и революционные реформы — примерно 1991-1995 г.г.);

в) этап доминирования глобализационных процессов (1995-начало 2000);

г) этап отчаянных попыток сохранить самостоятельность (экономическую независимость) России (от 2000 г.)

3. ***На этапе революционной ситуации*** восприятие экономических знаний и опыта находилось на втором плане и заслонялось общественным и управленческим интересом к вариантам исторического выбора общественной системы. Именно этим объясняется слабая обоснованность и заёмность экономических программ (при наличии весьма глубоких и системных наработок по экономическому [аспекту] выхода из тоталитарной экономики).

Идеи конвергенции не воспринимаются обществом в силу ошибочного восприятия советского общества как социалистического. Правительство, напротив, видит реальность конвергенции, но вовремя не перестраивает восприятие обществом сути существующего строя. В связи с этим правительственная программа не находит общественной поддержки. Идея радикальной смены системы, напротив, популярна.

4. На этапе революции экономическая программа — не главное. Поэтому общество воспринимает радикальные перемены как тождественные переходу к рынку. «Переход к рынку» — иероглиф, в нём нет реального содержания. Уже в который раз в России революционная власть не имеет содержательной программы экономических преобразований. Наспех властями берётся на вооружение монетаризм с его шоковой терапией. Обществом монетаризм воспринимается поначалу с одобрением, так как он берётся на вооружение властями, одобряемыми большинством.

5. После реформ, в основном завершившихся к середине 1995 г., настало время более критического отношения к воспринятым экономическим знаниям и опыту. Крайний либерализм и монетаризм воспринимаются в последние годы многими как враждебные интересам России теория и практика. Улавливается больше, чем прежде, тесная связь либеральных экономических теорий с практикой закабаления и колонизации страны, то есть связи с процессами глобализации. Критика либерализма и особенно монетаризма усилилась. Практические отступления от рецептов монетаризма не влекут последствий, которы-

ми стращали либералы-теоретики. Назревает общественное ощущение, что «наших просто обдурили».

6. На начинающемся этапе (с 2000г.) главной стала попытка выйти из-под колёс глобализационной зависимости. Правительство решило вторично использовать экстремально-либеральную программу геноцидного типа ради превращения народа в донора освобождения от глобализационной зависимости. Поэтому программа на этот раз разрабатывается тайно и до сих пор не публикуется. Воспринимать населению пока нечего. Научная же общественность не перехватывает инициативу. Дискуссии прекратились, большинство учёных пришло к близкому мнению о необходимости отказаться от практики геноцида. Но идти вразрез с правительством не считает нужным, так как правительство пока поддерживается большинством населения. Продолжает жевать свою либеральную жвачку Ясин. Остальные как будто всё понимают, но молчат. Осознаётся отчуждение большинства научной экономической общественности от властей. И только наука-на-грантах исправно имитирует восприимчивость российской общественности к экономическим знаниям и опыту Запада.

За неимением альтернативы такие занятия могут сформировать и убеждения, оторванные от реальности. «Оторванного» восприятия становится в России всё больше.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Развернутую характеристику расхождений между официально объявленной направленностью реформ и их реальными результатами см. в работе:

Ракитская Г.Я. Марксистская версия взаимосвязи и динамики экономических институтов. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, сектор методологии экономической науки, 1998-1999, сс.58-64. - *4.*

==========

НАБРОСКИ 2001 г.

==========I

Анализ восприятия в обществе демократических ценностей и подходов выявляет следующие сущностно важные черты этого процесса в 1989-1991 гг.

1) освоение демократических идей в неизменном виде, т.е. их заимствование как инвариантных к конкретно-историческим социальным условиям с рекомендациями их к внедрению в жизнь с целью сделать в СССР (в России) так как “во всем цивилизованном мире”. Это — навязывание — успешное или безуспешное (не проходит или же получаются совершенно иные результаты).

2) освоение идей в модифицированном виде (развитие идей) в связи с идеей учесть российские условия, но с верным или неверным учётом российских условий (при адекватной или неадекватной оценке российских условий).

3) активное отторжение идей (замалчивание их в том числе). Отторжение по двум разным причинам - - идей проходимых в России, но классово неподходящих для субъекта отторжения; идей непроходимых в принципе в России (в российских условиях).

4) искажение “на входе”. По неграмотности или социально обусловленное искажение. То есть искажение не на основе анализа российских условий, а произвольное. И искажение на основе классовой позиции.

Моё исследование — **конкретных содержательных форм развития общественного сознания. До этого я исследовала идеологии — без конкретных форм.**

Поскольку пошли к капитализму, то актуально исследование истории заимствования буржуазных моделей и механизмов. Почему получилась колония? а не социальная рыночная или хотя бы американская модель?

А реакционные идеи — евразийство, к примеру? Или мондиализм?

Это — на этапе глобализации особенно важно..

==========

Деидеологизация

Анализ конкретных форм, в которых происходило становление демократического сознания, позволяет говорить о сложной структуре и противоречивости этого процесса.

И, напротив, даже на первой стадии переходной эпохи (на следующих — всё более отчетливо) кажущаяся простота и однозначность общенациональных, общечеловеческих и официально внедряемых идей, позиций и ценностей оборачивалась на деле их полной или почти полной бессодержательностью и неработоспособностью в структурном, фракционно дифференцированном восприятии.

==========

Основные этапы (стадии) переходной эпохи в России как основа сравнительного анализа теоретической и программно-политической мысли

В переходные эпохи вообще и в революционные в особенности процесс общественного восприятия знаний и опыта идёт с повышенной интенсивностью, так что одно и то же поколение проходит не один, а несколько этапов восприятия. Решающее значение в этапировании общественного восприятия имеет реальная этапность исторического перехода (трансформации) общества. Общественное массовое сознание и управленческое (политическое) сознание имеет свойство ускоряться и «скачком» становиться более объемным и продуктивным, использовать для ускорения и возрастания продуктивности структурный ресурс фракционного дифференцирования (отход от устойчиво-инерционного массового сознания «среднего класса»), обеспечивать восприятие знаний и опыта в соответствии с потребностями этапов.

С учетом реальной этапности современной переходной эпохи в России выделим следующие этапы (стадии) в общественном восприятии знаний и опыта.

Первый — этап революционной ситуации в СССР, в том числе в России (последние годы так называемой перестройки — 1989-1991 гг.).

Второй — этап четвёртой русской революции (перемена политической власти и революционные реформы — примерно 1991-1995 гг.).

В ***пределах этого этапа*** следует различать два разных периода:

а) революционные социально-структурные реформы новой власти (1992 г.);

б) закрепление социально-экономического курса новой власти (1993-1995 гг.).

Третий - этап доминирования глобализационных процессов (1995-начало 2000).

Четвертый - этап отчаянных попыток сохранить самостоятельность (экономическую независимость) России (от 2000 г.)

Анализ, ориентированный на сформулированные выше цели и задачи, должен учитывать различия и содержательная специфику тех проблем, которые объективно стояли перед обществом на разных этапах современной переходной эпохи. Притом учитывать, что эти проблемы стояли не в общем виде — перед страной в целом. Подобное бывает только в исключительных, чрезвычайных ситуациях, а во всех других случаях есть банальное восприятие общественных проблем. Эти проблемы стояли перед обществом в дифференцированном, социально-групповом виде. Соответственно разные линии (тенденции) в развитии общественного сознания, в том числе особенности восприятия тех или иных конкретных составляющих знаний и опыта, динамика привлечения тех или иных теоретических идей и практических подходов — всё это может быть понято лишь с учётом социально-групповой дифференциации интересов и процесса актуализации тех или иных проблем.

Первый этап — революционная

ситуация (1989-1991 гг.).

1989-1991 гг. — это годы разворачивания антитоталитарных (так сказать, “антисоветских”) движений, в том числе национально-освободительных движений (в первую очередь в Прибалтике и на Кавказе), годы всё более ясного общественного осознания тоталитарной, казарменно-карательной сути советского общества и государства. Это одновременно и время освоения научным и политическим сознанием демократических ценностей и подходов.

В противоположных демократическим линиях трансформации общественного сознания в этот период прослеживаются две тенденции. Одна тенденция — сдача одной позиции за другой с временным закреплением в процессе отступления на новых оборонительных рубежах. Другая — агрессивно наступательная с освоением и развитием собственно отечественных и с заимствованием зарубежных комплексов реакционных идей. Агрессивно наступательная линия на первом этапе ещё мало значима. Она становится существенной в структуре общественного сознания на следующих этапах.

Две главных линии становления демократического общественного сознания на первом этапе: а) освоение (заимствование и модификация) буржуазно-демократических ценностей и подходов; б) освоение и развитие социалистических демократических ценностей и подходов.

Освоение (заимствование и модификация) буржуазно-демократических ценностей и подходов. На экономику эти идеи проецируются в виде распространения представлений о необходимости переноса на отечественную почву частнокапиталистических отношений собственности и механизмов так называемого свободного рынка. Отсюда появляются затем идеи разгосударствления и приватизации.

Освоение и развитие социалистических демократических ценностей и подходов. Это, как правило, ценности и подходы, рождённые отечественной наукой и

практикой ещё в 20-е годы, а затем начиная с 60-х годов. На экономику они проецируются в форме представлений о возможности и необходимости социалистического рынка и политических демократических преобразований как предпосылке радикальной экономической реформы.

Примеры буржуазной линии.

Первая тенденция — Горбачёв (Съезд народных депутатов в 1989 г., Рыжков-Абалкин — их Программа).

Происходит это подчас в весьма причудливых формах — демократические идеи носят зачаточный, случайный, неустойчивый характер. Первоисточник той или иной идеи трудно уловить, поскольку первоначальная идея сильно искажена воспринимающим сознанием. Демократическая идея только ещё пробивается, искрит, она как предчувствие, а не как ясная мысль. Она ещё вся в шелухе номенклатурного сознания, которое стремится соединить несоединимое — продвинуться в сторону демократизации (сделать, как во всем "цивилизованном мире") и одновременно сохранить привилегированные позиции старых правящих каст. (И нашим, и вашим ...). Например, у Горбачева — "смешанные" идеи. Но что здесь верно — это неосознанные идеи конвергенции казарменного советского строя с частно-капиталистической собственностью и рынком. Осознанно идеи конвергенции были высказаны были А.Д.Сахаровым. Но он вёл речь о политической конвергенции, что было утопией — демократия и тоталитаризм не могут быть соединены. Или — или. Практика Китая подтвердила, что идеи экономической конвергенции были реализуемы.

Чётче там, где идёт прямое заимствование: Программа 500 дней Явлинского и К.

Вторая линия — книга ЦЭМИ с главой Ракитского.

В рамках буржуазно-демократической линии были две. Одна — последовательно демократическая. Это концепция экономических преобразований, начинающаяся с

демократической реформы собственности. В основе концепции лежали отечественные идеи о трудовом коллективе государственного предприятия как представителе государства на предприятии. Идея сугубо отечественная.

Концепция, развитая в основных своих моментах, а не зачаточная, не смутная. В ней финансовым, стабилизационным, макроэкономическим проблемам, повышению эффективности производства и пр. открыто отводилась роль менее приоритетных, решение которых зависело от политических преобразований и от демократизации хозяйственного механизма. (см. “Стратегия и тактика перестройки”). Союз трудовых коллективов. Исходит из идеи конвергенции — что это реально возможно, так как нет социализма, но можно перейти к демократическому устройству на основах эксплуатации или отложить решение этого вопроса на будущее. Главное — гражданское общество и активизация.

Другая — реформа номенклатурной приватизации. Это главное поприще борьбы, которое на Западе не понимали. Никакого заимствования, Вырастало из отечественной казарменной почвы.

Для Ежовой и Верки — господь надоумливает.

Консолидация общественного сознания и демократического движения **на двух главных проблемах и целях** — ликвидация монополии КПСС на власть и ликвидация имперского характера СССР.

Буржуазно-демократическая линия в развитии теоретико-экономического сознания

Импульсы к демократизации и рынку — после августовской революции..

Социалистическая линия — Взять из “Замыслов” — как идти к рынку и к ликвидации инфляции. “Стратегия и тактика перестройки”.

Взять из “Замыслов” — как идти к рынку и к ликвидации инфляции.

==========

2001

==========

Институт перспектив и проблем страны
Школа трудовой демократии
Общественное движение “Демократический контроль”

Материалы
к научной геополитической конференции
“Глобализация и антиглобализм”
Москва 9 ноября 2001 г.

РАКИТСКИЙ Борис Васильевич
РАКИТСКАЯ Галина Яковлевна

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА КАК НОВЕЙШИЙ ЭТАП СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

(глобализация социальной непримиримости)

Москва 2001

ТЕРМИН

Термином ***глобализация***[45] в последнее десятилетие двадцатого века стали обозначать совокупность ряда явлений и процессов капиталистического развития, сфера распространения которых выходит за рамки отдельных государств, охватывает целые регионы, континенты и – реально или в тенденции – приобретает мировой (планетарный) масштаб.

Как это не раз бывало в истории общественной мысли и общественной практики, в новый термин поначалу вкладывается (а лучше сказать, складывается) крайне разнообразное содержание, и он существует как своего рода иероглиф, по-разному не только прочитываемый и разное обозначающий для имеющих разные мировоззрения, разный кругозор и разные интересы. Некоторое время новый термин моден как якобы “общий язык”, и, ценя возможность общения, обществоведы и общественные деятели не спешат уточнять его смысл, делают вид, что и так всем всё ясно.

На сегодняшний день всё ещё длится именно такая ситуация. Чаще всего говорится просто “глобализация”. Но кое-кто уже не может обойтись без уточнений и говорит: “глобализация экономики”, “финансовая глобализация” и даже “глобализация капитализма”.

Словоприменение, конечно, заслуживает внимания. Но решающее значение чем дальше, тем больше приобретают смысл и содержание.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАЗА РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА. ЛОГИКА ПРОГРЕССА ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ

---

[45] В буквальном переводе с английского глобализация (the globalization) означает “распространение во всем мире”, “всемирнизация”. От английских “the globe” – мир (земной шар), “global” (мировой, всемирный). Французский термин с таким же смыслом – мондиализация (“la mondialisation” – от “le monde”, “mondial”).

ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПРАКТИКИ) ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Человечество выделило себя в природе осознанием её неполного соответствия человеческим потребностям и представлениями о желательных свойствах окружающего мира, отличных от реально имеющихся. Отсюда намерения и целенаправленные действия по преобразованию окружающего мира, то есть практика. Производство (воспроизводство, экономика, хозяйство) - доминирующий вид практики.

История общественно организованного производства длительна и содержательна. Доминирующие тенденции в ней – тенденции к обобществлению, интегрированности, к укреплению хозяйственных связей и образованию всё более надёжных, устойчивых и эффективных связей, к возрастанию организованности. Разделение (специализация) труда и производства; кооперация труда и производства; внутренняя и международная торговля; обслуживающие хозяйство коммуникации; банки, биржи и другие институты рыночного хозяйства; организованное денежное обращение; система защиты от хозяйственных рисков, в том числе законодательство, международная договорная практика, судебная система; планирование, прогнозирование и программирование, налоговые системы; внутренние и международные финансы; и многое другое – бесценный опыт человечества на пути последовательного обобществления производства.

Когда говорят “глобализация экономики”, имеется в виду именно эта сторона процесса - содержательная хозяйственная интеграция, подошедшая в наше время к своему **новому качественному рубежу** – **к становлению всемирного хозяйства как всемирно организованного производства.** Прежний качественный рубеж – величайшее достижение предшествующего этапа – мировой рынок. Это тоже было мировое хозяйство, но его организующим стержнем была международная торговля. Переход на новую ступень связан не с умалением международной торговли, а с выходом на первый план международной

плановой организации производства (поначалу в форме транснациональных корпораций, международных хозяйственных проектов и др.).

Быть против такой глобализации – значит быть прекраснодушным реакционером, мракобесом, эмоциональным одноклеточным существом. Приписывать современным борцам с глобализацией сопротивление тенденциям к обобществлению мирового хозяйства[46] – значит быть политическим демагогом или журналистом – выпускником журфака МГУ (апломба много, а в головке пусто).

Кстати, получается, что ходовые ныне термины “антиглобализм”, “антиглобалисты” не только крайне неточны, но и несут в себе зерно дезинформации и дезориентации массового сознания.

НОВАЯ РЕАЛЬНАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ – ЗЕМНОЕ (МИРОВОЕ) ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Процессы обобществления общественно организованного производства внесли свой причинный вклад в исторически существенный и, потенциально, исторически судьбоносный результат – в возникновение новой реальной глобальной исторической общности – земного (мирового) человечества. На эту новую историческую реалию глобального масштаба стоит обратить пристальное внимание. С её деятельностью или бездеятельностью, с характером её деятельности связаны варианты будущего.

---

[46] Вот свежий пример. Журналист “Общей газеты” А.Сухотин берёт “из первых рук” интервью у “антиглобалиста” профессора И.Н.Мысляевой (председателя Общественного движения “Демократический контроль (АТТАК-Россия)”:

“А.Сухотин: – А почему вы против глобализации?

И.Н.Мысляева: – Мы не против глобализации – это объективный и неизбежный процесс. Мы против её несправедливой модели...”. (Общая газета. 1-7 ноября 2001 г. № 44. Стр. 8)

Исторической социальной общностью называется форма исторического развития, содержательное своеобразие и целостность (устойчивость) которой зиждятся на обретении и воспроизведении некоторой совокупности сущностных свойств, общих для разнородных социальных форм жизни. Пример исторической общности – народы. В их образовании и судьбах в ряду разных факторов находится и объединяющая в единый народ хозяйственно-производственная деятельность.

Процессы хозяйственной глобализации в современных условиях подвели человечество к таким рубежам, когда у человечества в целом формируются сущностные и содержательные свойства, характерные для единого народа. Всё возрастающая объединённость хозяйственной деятельности в мировых масштабах, вполне отчётливые уже признаки становления всемирного хозяйства как всемирно организованного производства – вот основа и движитель уже наметившегося и крепнущего формирования новой глобальной исторической общности.

КТО ГОВОРИТ ОТ ИМЕНИ МИРОВОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА? КТО ВЫРАЖАЕТ ЕГО ИНТЕРЕСЫ?

И народы, и мировое человечество социально структурны. Факт этот – сверхсуществен, тем более, что структуры всех без исключения существующих ныне обществ антагонистичны.

С мировым человечеством происходит то же самое, что и с каждым из современных народов. От имени народа всегда говорит государство, в котором руководящую роль играет господствующий в обществе класс. Свой классовый интерес господа изображают как общенародный со всеми вытекающими отсюда претензиями.

В демократических обществах господствующий класс не запрещает и другим классам выражать свои интересы и бороться за свои идеалы. Демократические общества располагают такой ценностью, как множествен-

ность идеологий, и таким защитительным механизмом, как недопущение обязательной или государственной идеологии. Достижения четвертой русской революции в этой области зафиксированы в пунктах 1, 2, 3, 4 Конституции РФ.

Нечто схожее происходит с мировым человечеством. Имеются международные организации (ООН и др.), в которых сильные страны говорят от имени мирового человечества. Никакие идеологии не считаются обязательными и официальными мировыми.

Но как в отдельных странах, так и в мировом человечестве разнообразие идеологий не означает, что в их ряду не выделяется самая влиятельная, доминирующая. Ею становится обычно идеология господствующего в стране класса, идеология сильнейших государств (и их господствующих классов).

ПОТРЕБНОСТЬ В МИРОВОЗЗРЕНИИ, СПОСОБНОМ ЦЕЛОСТНО И АДЕКВАТНО ОТРАЗИТЬ ПРОИСХОДЯЩЕЕ И ПРЕДВИДЕТЬ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ МИРА

Основные классы современного общества, представляющие их на политической арене силы и организации по-разному отражают одни и те же процессы, по разному проблемно видят происходящее, применяют в оценках разные критерии, отражающие коренные различия в целях и чаяниях, в понимании допустимости средств для достижения целей.

Классовые интересы ставят ныне, как и в предшествующие века, существенные ограничения в познании происходящего и в предвидении перспектив. У некоторых классов (и даже у некоторых народов) нет потребности в мировоззрении, способном целостно и адекватно отразить происходящее и предвидеть исторические перспективы мира. Но есть классы, у которых такая потребность остра. Это трудящиеся и эксплуатируемые классы и угнетённые эксплуатируемые народы.

Способно ли эксплуатируемое и угнетённое большинство человечества обрести мировоззрение (идеологию) позволяющую целостно и адекватно отразить происходящее и предвидеть исторические перспективы мира, вооружить мировые трудящиеся массы и народы ясным представлением о цели и способах переустройства социального мира, самоосвобождения от эксплуатации?

Вопрос этот, как и предыдущие полтора века, остаётся открытым.

Такая идеология выработана и поддерживается в состоянии, пригодном к усвоению и действию. Но от её выработки до усвоения массой и применения в историческом действии – огромная дистанция, напичканная ловушками и срывами.

Мировоззрение, позволяющее целостно и адекватно отразить происходящее и предвидеть исторические перспективы, – это научный социализм.

КРИЗИС СУЩЕСТВУЮЩЕГО МИРОПОРЯДКА – СТАРАЯ ПРОБЛЕМА НОВОГО МИРА. ЛОГИКА ЭСКАЛАЦИИ ЭКСПЛУАТАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ФОРМЫ ПРОГРЕССА

К концу XX в. человечество оказалось обремененным комплексом острых, неотложных и притом фундаментальных практических проблем. В сущности это те же самые проблемы, попытки решить которые определили облик XX в. Эти попытки много раз в нашем веке мобилизовали значительную часть человечества и значительную часть его ресурсов. Первая мировая война, череда социалистических революций, эпидемия фашистских режимов, антифашистские движения и коалиции, вторая мировая война, крушение имперских политических образований, научно-техническая революция, зловещая гонка вооружений и язва "сверхдержавности", мировой кризис взаимоотношений производства и природы...

Общий затянувшийся кризис сложившегося миропорядка налицо. Налицо и неэффективность (по крупному

историческому счету) попыток его разрешения. Но налицо и новая реальная историческая общность – земное человечество. Это один из немногих, пожалуй, обнадёживающих результатов всего XX в.

Возрастающая скорость истории и обгоняющее ее обострение всемирных проблем скрадываются и выводятся из сферы внимания бедственным положением миллиардных масс и боязнью "золотого миллиарда" утратить привычное уже относительное благополучие "средних классов" и "стран первого мира". Текущие тревоги, заботы и хлопоты поглощают тех и других. Фактически большинство современного человечества занято повседневным выживанием. Проблемы развития, обеспечения качественно более благоприятной перспективы не относятся для большинства к числу актуальных, требующих личного активного участия.

Будущее для большинства проектирует и формирует властвующее в мире меньшинство. Будущее человечества приватизировано, узурпировано меньшинством. Настоящее и прошлое было приватизировано и узурпировано меньшинством еще раньше. В этом суть сложившегося миропорядка. Порядка столь противоречивого и для большинства неблагополучного и несправедливого, что если он продолжится навеки, то история для большинства человечества станет бессмысленной, бесчеловечной. Именно это, мы полагаем, имел в виду Карл Маркс, назвав всю предшествующую историю предысторией. Прорыв, выход из предыстории в историю означал бы освобождение всего человечества от таких форм общественного процесса, которые являются фундаментальной первопричиной социального антагонизма, т. е. непримиримого раскола общества в каждой стране и мирового сообщества в целом — не примиримого ни в настоящем, ни в будущем (если тип обеспечения общественного прогресса не переменится радикально).

Задача прорыва из предыстории в историю, задача преодоления этого проклятия человечества – социального антагонизма, – такая задача ставилась, вернее, стояла,

возобновлялась в истории непрерывно. Хранителями этой задачи, обеспечивающими ее непрерывность, возобновляемость были (потенциально) все гуманистические идеологии, а актуально – освободительные гуманистические идеологии. Однако практические действия по избавлению общества от социального антагонизма, практическую борьбу с этим антагонизмом вели лишь немногие субъекты и не постоянно, а эпизодически. В лучшем случае эта борьба охватывала целый народ или порождала коалиции народов. В этих лучших случаях защитники социального антагонизма неизменно терпели поражение, хотя бы на время отступали или переходили в оборону.

В итоге уже свершенной части предыстории трудно однозначно определить, продвинулось ли человечество к свободе от социальных антагонизмов или же, напротив, погрязло в них, дойдя до грани необратимости, непреодолимости.

Появление в XX веке нового реального субъекта мировой истории – земного человечества – не переменило тип задачи освобождения от социального антагонизма. Но многие прежние постановки выглядят теперь масштабнее, сложнее, содержащими как бы новый фактор решения.

Чтобы проникнуться сутью кризиса мирового порядка надо вникнуть в то, что ускользает от внимания не то что отдельных людей, а целых поколений. Обобществление производства происходит в эксплуататорской общественной форме. Дойдя до ступени глобализации, этот конфликт качественно не переменился, он только стал ещё более зловещим, нежели всегда.

Долгое время олицетворением прогресса производства было создание и улучшение машин, их системы. И до сих пор машина остается основным видом техники. Ее совершенствование было в последние полтора столетия основным способом практического приложения научных знаний. Отсюда и сам термин “научно-технический прогресс”.

Между тем возникновение и развитие машинной техники с самого начала шли рука об руку с кардинальны-

ми преобразованиями организационно-экономических отношений производства. Так что прогресс организации с самого начала был непременным компонентом того разностороннего процесса совершенствования производства, который получил отражение в понятии “научно-технический прогресс”. Среди других компонентов было и остаётся совершенствование технологии. С течением времени, однако, взаимосвязь техники, технологии и организации изменилась, роль технологических сдвигов и переворотов возросла, роль организации стала решающей в повышении эффективности производства.

Сейчас стало более или менее ясным, что нельзя трактовать существо научно-технической революции (НТР) по методу возведения в главную черту или закономерность одного из конкретных направлений возможных или происходящих преобразований в производстве. Равным образом неправомерно искать суть НТР в революционных переменах какой-либо одной из сторон производственного процесса. Требуется иного типа подход, продемонстрированный К.Марксом при осмысливании им первой промышленной революции.

Любопытно, что крупнейший современный авторитет институционалистского направления экономической мысли Дуглас Норт признает безусловный приоритет и непревзойденный до сих пор вклад К.Маркса в изучение взаимосвязи научно-технических и институциональных изменений: *“Несмотря на то, что по истории технологии и связи технологии с экономическим процессом написано много прекрасной литературы, этот вопрос по существу остался за рамками какого-либо формального корпуса теории. Исключение составляют труды Карла Маркса, который попытался соединить технологические изменения с институциональными изменениями. Разработка Марксом вопроса о связи производительных сил (под которыми он обычно понимал состояние технологии) с производственными отношениями (под которыми он понимал различные аспекты человеческой организации и особенно права собственности) представляла*

собой пионерные усилия, направленные на соединение пределов и ограничений технологии с пределами и ограничениями человеческой организации"[47]

Четвёртая часть всего объема I тома "Капитала" посвящена рассмотрению капиталистической формы повышения производительности общественного труда. Кооперация, разделение труда и мануфактура, машины и крупная промышленность – таковы логические ступени прогресса материально-технической базы. Однако рассматривая их, К.Маркс нигде не абстрагирует логику развития производительных сил от конкретной общественной формы, в которой этот процесс протекает. В результате четвертый отдел I тома "Капитала" являет собой единство истории возникновения и функционирования машинного фабричного производства, индустриального хозяйства и истории возникновения и эксплуатации рабочего класса. В чем же состоит общественно-экономическая сущность промышленной революции? В появлении машин? Нет. В создании фабрики, крупной индустрии? Нет. Её сущность **– в историческом выборе**, **сделанном обществом под давлением господствующего класса.** Машина стала мощным средством эксплуатации, формирования устойчивой социальной структуры капиталистического общества, укрепления господства буржуа и реального подчинения труда капиталу. Не случайно поэтому четвертый отдел I тома "Капитала", содержащий осмысление первой промышленной революции, носит название "Производство относительной прибавочной стоимости", что означает: развитие эксплуатации с помощью научно-технического прогресса[48].

На подход К.Маркса к анализу первой промышленной революции опирался В.И.Ленин, настаивая в полемике с народниками на необходимости целостного видения

---

[47] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997, с. 168.

[48] Маркс К. Капитал. Т.1 – К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т.23.

процессов изменения технико-технологических условий производства и изменения общественных отношений. *“... Преобразование, которое принято называть в экономической науке industrial revolution (промышленная революция)”,* представляло *“крутое и резкое преобразование всех общественных отношений под влиянием машин (заметьте, именно под влиянием машинной индустрии, а не “капитализма” вообще). ...Это была полнейшая “ломка” всех старых, укоренившихся отношений, экономическим базисом которых было мелкое производство”*[49]

Обозначенный подход противостоит описательному анализу множества *последствий* научно-технического прогресса, предвидению и обобщению его материально-технической стороны. Рассмотрение современного научно-технического прогресса под углом зрения Марксова и Ленинского подхода требует чёткого ответа на вопрос: что же главное, сущностное с обществоведческой точки зрения заключено в многообразных формах, проявлениях и следствиях современного НТП и отражающих их понятиях?

Но сначала – о характере самой связи социальных форм общественного воспроизводства с технико-технологическими его особенностями. Такая связь, конечно, существует. Но насколько жёсткой она является? И в какой мере технико-технологический облик производства, следовательно, и характер функций работника в производстве зависят от субъективных факторов – от социальных целей, которые преследуют участники общественного воспроизводства?

Точка зрения экономического и технико-технологического детерминизма, господствовавшая с конца 30-х годов в советской литературе, сильна и поныне. Суть её состоит в том, что возникновение новых производительных сил и производственных отношений происходит будто бы

---

[49] Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты. – Ленин В.И. ПСС. Т. 2, сс. 231, 232.

не в результате преднамеренной, сознательной деятельности людей, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей[50]

В такой трактовке взаимосвязи объективного и субъективного игнорировано то обстоятельство, что каждое новое поколение застает не готовые, завершенные и неизменные, а ***развивающиеся*** производительные силы и производственные отношения. Кроме того, оно застает определенную идеологию их развития, определенные систему интересов, мотивов, общественное сознание, образ жизни. Ни то или иное поколение, ни отдельные люди не трудятся вне общества, а это значит: улучшая что-либо в производстве, то есть осуществляя научно-технический прогресс, люди действуют при наличии сформированных, воспроизводимых и развиваемых обществом представлений о прогрессе и регрессе, о желательном и нежелательном.

Сознательно-целевое отношение к развитию техники, технологии и организации производства, причем дифференцированное в соответствии со спецификой социально-групповых интересов, - причина существования на каждом этапе истории определенного спектра возможных траекторий дальнейшего научно-технического развития, ***социальной его вариантности***. При одном и том же уровне развития материальных производительных сил реально существует возможность различной социальной организации производства и всех сфер общественной жизнедеятельности. Существует возможность разнонаправленного развития материально-производственной основы общества, отражающего противоречивость интересов основных элементов социально-классовой структуры. Какой из вариантов осуществляется на деле, какого типа технико-технологические и организационные решения отбираются для реализации, распространяются – это определяется *в конечном счете* не конкретными достижениями

---

[50] См.: Сталин И. Вопросы ленинизма. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1953, сс. 598-599.

НТП, а интересами доминирующих в обществе социальных групп, характером общественной системы.

Продукт первой промышленной революции – фабрично-машинное производство – постоянно питает тенденцию технико-технологического деспотизма по отношению к трудящемуся, тенденцию его формирования как частичного, односторонне развитого работника, по выражению К.Маркса, “придатка машины”, “неполного человека”. Однако такой характер воздействия технологии на работника может быть в значительной мере компенсирован путем расширения сферы его активности в самом производственном процессе – за счёт вовлечения работников в процессы управления производством и трудом. Участие в управлении не только гармонизирует жизнедеятельность работников, но является и одним из необходимых элементов социального механизма, позволяющего направить научно-технический прогресс на гуманизацию процесса труда и общественной жизни в целом.

Современная научно-техническая революция и, особенно, достижения последнего десятилетия XX века – очередная ступень в расширении социальной вариантности общественного развития. Но НТР вносит в этот процесс и принципиальную перемену.

С одной стороны, НТР создаёт столь богатые и разнообразные возможности технико-технологических решений, что поднимает на *качественно новую ступень свободу общества* в формировании, в сознательном развитии производительных сил.

Но, с другой стороны, НТР, давая новые ресурсы развития общества и огромные возможности роста производительности труда, вовсе не обеспечивает автоматически (как не обеспечивала автоматически и первая промышленная революция) гуманистический характер прогресса производительных сил. НТР, напротив, **впервые вплотную подвела человечество к судьбоносному для него выбору**. К выбору социального типа материально-производственной основы общества *из двух кардинально противоположных типов*.

Один из этих типов (один из вариантов развития) – материально-производственная база, обеспечивающая участие ***всех*** людей в ***общественно полезном труде, гармонично развивающем личность.*** Такая социальная направленность производственно-технологического прогресса позволила бы в конечном счёте обеспечить возможность свободного выявления, реализации и развития способностей и наклонностей каждого и всех членов общества в процессе активной социально значимой жизнедеятельности[51].

Другой тип (другой вариант развития) – материально-производственная база, оттесняющая большую часть человечества от участия в формировании средств и условий общественного развития, в их использовании для дальнейшего прогресса созидательной разумной деятельности на Земле и за ее пределами, в Космосе. В этом варианте большая часть человечества "исключается" из общества, выбрасывается в ***социальную резервацию*** с суррогатными, человекоподобными (виртуальными, как теперь говорят) формами жизнедеятельности – формами, имитирующими интеллектуально-творческую, социально-политическую и даже сексуальную активность.

Одна из прогнозируемых тенденций второго варианта развития – переход авангардной, целезадающей роли в прогрессе разумной деятельности на Земле к сообществу искусственно созданных существ (очередному изданию биороботов).

---

[51] Под гармоничностью (всесторонностью) личности следует понимать не всезнайство или мастерство все руки, а сбалансированность интеллектуально-творческих, социально-нравственных и физических потенций личности, материальных, моральных и творческих интересов, а (см. подробнее о социальной специфике личности в разных общественных системах в работе: Ракитская Г.Я.Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. Препринт. – М.: ВНИИСИ, 1986).

Научные и технические ресурсы и того, и другого варианта сегодня практически неограничены. Но выбор первого из них затруднен специфическими для конца XX века социальными следствиями предыдущего развития. Эксплуататорские слои современного мира объективно не на стороне этого варианта. Но специфическая причина – та, что социальная резервация уже реально существует как фактор, противодействующий гуманизации производства и общества. Социальная резервация – это и массовая культура, и потребительская система ценностей, и стандартизация личности.

Во втором варианте вполне могут быть решены такие проблемы, как преодоление бедности, болезней, производственно-технической отсталости тех или регионов и т.п. Но решены так, что социальная резервация становится “нормальным” социальным институтом, закрепляется как форма жизнедеятельности большинства.

К концу XX века возможность разнонаправленного дальнейшего развития производительных сил, отражающая противоречивость интересов различных классов и социальных групп, осознана настолько, что предметом специальных исследований стала так называемая проблема возрождения варварства на современной технической основе. Именно поэтому в современном марксистском обществоведении акцентируется проблема *социальной направленности* научно-технического прогресса, выбора общественной формы осуществления НТР. Акцентируется в связи с этим и проблема создания социально-хозяйственных механизмов, обеспечивающих гуманистическую направленность развития производства, необходимость отказа от иных вариантов, каковы бы при этом ни были сугубо экономические выгоды от их реализации, а точнее – независимо от степени их соответствия тем (по сути своей обособленным, локальным) экономическим интересам, которые адекватно выражаются с помощью присущего товарно-денежному механизму количественно-ценностного способа соизмерения разнокачественных явлений.

Нормы и правила хозяйствования для воспроизводственных звеньев, заданность “сверху” конечных (социальных) результатов их функционирования – это есть такие ограничения, необходимость соблюдения которых превращает их в социальные критерии эффективности производства. Марксистское обществоведение стоит, однако, на том, что *никакие* организационно-экономические преобразования в рамках общества, основанного на политической и хозяйственной власти капиталистического класса, не могут кардинально решить проблему обеспечения социально-гуманистической эффективности производства, научно-технического прогресса.

Итак, классический марксизм рассматривал проблематику взаимосвязей развития производительных сил и их общественной, в том числе организационно-общественной формы, на примере становления и развития машинного производства. Это обстоятельство не препятствует применению выработанной классическим марксизмом методологии такого рассмотрения и к современным стадиям взаимосвязей динамики производительных сил и их общественных форм. Методология остается той же самой, поскольку до сих пор не доказана качественная несоразмеримость объектов исследования на доиндустриальной, индустриальной и так называемой постиндустриальной фазах.

В самом деле, что общего, казалось бы, между мануфактурой и фабрикой? Здесь качественное различие, по-видимому, не меньшее, чем между индустриальным и так называемым информационным производством. Тем не менее К.Маркс дал блистательный и научно достоверный анализ перехода от одной фазы (мануфактуры) к другой фазе (машинному производству). Тем самым была впервые в истории общественной науки создана методология изучения взаимосвязей динамики производительных сил и их общественной формы, включая организационные формы этой динамики. Была тем самым создана методология, пригодная для исследования промышленной революции.

Нет убедительных аргументов, что методология, пригодная для исследования одной революции в общественном производстве, не пригодна для исследования следующих революций в общественном производстве. Современные марксисты считают, что эта методология вполне пригодна для таких целей.

Другое дело, что марксизм второй половины XX века не дал глубокого систематического анализа второй промышленной революции и научно-производственной революции (НТР). Не дал, в частности, и потому, что называющие себя марксистами исследователи, работающие не на основе исторического материализма, а на основе сталинской методологии, оказались неспособными на такой анализ. Они по существу были и остаются метафизиками, так что в общем и целом вынуждены оставаться на том горизонте исследований, на который могут подняться обществоведы-метафизики и действительно поднимаются в лице институционального, неоклассического, кейнсианского, смешанной экономики и др. направлений. Но любым исследователям, методологией которых является метафизика и эклектика, не дано подняться на уровень выше и достигнуть результатов, которые достижимы на базе марксистской методологии.

СОЦИАЛИЗМ – ЧТО ЭТО ТАКОЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?

Не в наше время, а ещё в прошлые века, особенно в XIX веке понятие “социализм” приобрело многие смыслы. Часть из этих смыслов пустые, а все содержательные так или иначе соотнесены с проблемами классовых взаимоотношений, а если ещё точнее – с проблемами социальной справедливости, уменьшения или устранения несправедливости во взаимоотношениях классов. Так что социализм – проблематика всегда политическая (“Политика есть взаимоотношения классов” – это азбука обществознания).

Не счесть подходов (и их оттенков) к проблемам социальной несправедливости и социальной справедливости. Можно выделить основные:

1. Идеологии социальных улучшений. Это идеологии улучшений социального положения тех классов, групп, общностей, которые имеют относительно худшее положение, но улучшений – это важно! – без изменения общественного строя, устройства общественной системы. Таковы все христианско-социалистические и христианско-социальные идеологии и концепции. Такова идеология демократического социализма с его социальным рыночным хозяйством. Таковы все социал-реформистские идеологии, на которые ориентированы профсоюзы социал-партнёрского и тред-юнионистского типа, а также многочисленные современные социальные движения (движения безработных, бездомных, бездокументных в развитых странах капитала, разнообразные протестные движения, всемирное движение сопротивления глобализации – АТ-ТАК, и др.).

2. Идеологии социалистической революции. Это идеологии полного устранения социально-классового неравенства из жизни общества, идеологии социального равенства (не путайте сами и не слушайте путаников-либералов, которые идеи ***социального*** равенства готовы трактовать как идеи поголовного нивелирования и тотального обобществления всего и вся, отчего без конца выплывают пошлости об “общих жёнах”, “общем одеяле” и чуть ли не об отрезании голов у высоких и пришивании их низкорослым).

Социализм как идеология революционного переустройства общества сосредоточена на коренном пороке современного общества – на эксплуатации. ***Эксплуатация есть такое базовое (заложенное в самой общественной системе) взаимоотношение классов (социальных групп) в обществе, при котором и в результате которого одни социальные группы (классы) существуют как доноры лучшего социального положения других классов (групп).*** Классы-доноры –

эксплуатируемые. Классы, пользующиеся социальным донорством в своих интересах, – эксплуататоры. Идеологии социальных улучшений исходят либо из вечности и естественности отношений эксплуатации, либо из невозможности, нереальности их устранения в обозримом будущем. Идеологии социалистической революции исходят из реальной возможности полного устранения эксплуатации из жизни общества.

Что это значит? Это значит, что социальная структура общества будет складываться на основаниях, исключающих эксплуатацию (вынужденное донорство каких-либо социальных групп в пользу иных социальных групп). В социальной структуре такого общества не может возникать эксплуататорских и эксплуатируемых классов и социальных групп. Только и всего. “А какие же социальные группы будут в обществе без эксплуатации?” - могут спросить и спрашивают социалистов. “Не к нам вопрос, – отвечают социалисты. – Это вопрос к будущему обществу. Мы же знаем о его социальной структуре одно: она не будет основана на эксплуатации”.

Ф.Энгельс и В.И.Ленин удачно формулировали эту историческую задачу социализма: “Социализм есть уничтожение классов”. Современная (уточнённая не по содержанию, а чисто стилистически) формула этой же самой задачи может быть такой: “Социализм есть уничтожение эксплуатации как основы социально-классовой структуры общества”.

Итак, социализм социализму – рознь.

Но и социализм социальных улучшений (смягчения эксплуатации), и социализм полного устранения эксплуатации являются научными идеологиями. Они сходятся в том, что эксплуатация (социальное неравенство) имеет общественную природу, что она порождает социальную несправедливость и что с этой несправедливостью следует активно бороться.

А различия вот в чём.

“Безреволюционный социализм” ограничивает эту борьбу исключительно задачами смягчения эксплуатации

или компенсации её очень тяжёлых (или, по крайней мере, её некоторых самых тяжёлых) социальных последствий. Отсюда неизбежность социального компромисса и социального партнёрства эксплуататоров и эксплуатируемых не просто как тактики, а уже как принципа политического поведения, определяющего политическое лицо таких социалистов. Таков весь Социалистический Интернационал с его идеологией демократического социализма.

В отличие от этого революционный социализм никогда не снимает и не может снять с повестки дня *свою стратегическую цель – полное устранение эксплуатации, то есть социалистическую революцию.* Ослабление эксплуатации как тактическая задача ни в малейшей мере не отрицается, просто эта задача стоит на своём месте - в разделе “программа-минимум”. Подготовка же социалистической революции и её свершение – всегда главная, стратегическая задача.

Каковы социальные силы, которые являются ***субъектами исторической реализации*** “безреволюционного социализма” и революционного социализма?

Практика “безреволюционного социализма” осуществляется по преимуществу “осторожной буржуазией”, то есть капиталом, учитывающим исторический опыт классовой борьбы труда и капитала. Страны Западной Европы располагают такой буржуазией. Кроме того, следует учесть ряд особенностей, расширяющих социальные резервы “осторожного капитализма” и в Западной Европе, и не только в ней.

Во-первых, в Западной Европе с XIX века распространился *социал-реформизм в рабочем движении*.

Во-вторых, процессы глобализации (особенно финансовой глобализации) в соединении с возрастанием информационных и наукоёмких технологий в хозяйственной деятельности привели к сокращению доли индустриальных рабочих и возрастанию доли информационных работников и служащих в составе наёмных и эксплуатируемых трудящихся. *По глубинной логике истории, постиндустриальный тип эксплуатируемого наёмного работ-*

ника потенциально более революционен и более социалистичен. Но пока эти потенции далеки от активной исторической реализации. Постиндустриальный тип эксплуатируемого работника туго реагирует на революционный социализм как на собственную идеологию, на профсоюзные и партийные формы классовой борьбы, морщит нос при одном только упоминании классовой борьбы, вообще пока что не осознаёт себя политически, то есть классом (разве что пресловутым аполитичным средним классом). И пока постиндустриальный эксплуатируемый наёмный работник проходит свою дополитическую фазу социализации, он – резерв и ресурс "осторожного капитала", его фактический социальный партнёр.

Почему так? И когда, при каких условиях и предпосылках, в каких неизвестных пока формах исторического действия станут реализоваться и побеждать новые революционные потенции постиндустриального наёмного и эксплуатируемого труда? Это захватывающе интересное поприще для новых марксов и энгельсов, для новых научных обществоведческих прорывов (за которые, предупреждаем, ни в жизнь не дадут Нобелевских премий). Это и великое и перспективное поприще для новых ульяновых, умеющих задумывать и создавать партии нового типа, поднимать массы на "последний и решительный" классовый бой и, как показала история, умеющих сделать крайне мало вероятное – выиграть гражданскую войну силами революционного народа. Но всё это – не сегодня, не в ближайшие годы, а после и в результате титанической подготовки новых социалистических революций.

В-третьих, разросся сектор наёмного эксплуатирующего труда (труда наёмных управленцев).

В-четвёртых. Поскольку Западная Европа занимает в целом место эксплуататора в мировом хозяйстве, часть эксплуатируемых западных европейцев получает ослабление эксплуатации и этим как бы соучаствует (партнёрствует) в эксплуатации остального мира.

Стало быть, в ряде лидирующих капиталистических стран в XIX веке сложилась и в XX веке продолжилась си-

туация, когда стал возможным социальный симбиоз осторожной буржуазии и соучаствующей в эксплуатации мира части наёмных эксплуатируемых и наёмных эксплуатирующих работников. Источником и основой их сотрудничества является донорство эксплуатируемых стран. Без этого донорства в странах “первого мира” и особенно в Западной Европе не могли бы распространиться идеология и практика демократического социализма, социального рыночного хозяйства, социального государства.

Революционный социализм как идеология распространился по преимуществу в странах эксплуатируемых (особенно колониальных, полуколониальных, экономически зависимых). Исторически социальным субъектом, способным практически осуществить революционный социализм, являлся и является трудящийся и эксплуатируемый народ. Революционный социализм – собственная идеология всех трудящихся и эксплуатируемых, основа революционных союзов их классов и социальных групп. В капиталистическом обществе, основанном на капиталистической фабрике, на крупном частном машинном предприятии, рабочий класс был самой организованной и последовательной революционной социальной группой в составе трудящегося и эксплуатируемого народа. Это научный вывод ещё XIX века. Со сменой технико-технологической базы капиталистического производства меняются массовидные социальные фигуры капиталистической эксплуатации, хотя антагонизм эксплуатации остаётся. Вопрос о конкретном облике потенциально революционных сил в составе трудящегося и эксплуатируемого народа в так называемом постиндустриальном обществе исследован крайне недостаточно. В этом смысле научное обоснование революционного социализма существенно ослабло. Тем не менее принципиальные основы революционного социализма остаются доказанными и научно обоснованными.

Практика революционного социализма пока что узка. Она состоит в факте нескольких социалистических революций (в их числе и Великая Октябрьская социалистическая революция), в факте выигранной социалистической

революцией в России гражданской войны и ряде выигранных национально-освободительных войн, в факте успешного и весьма новаторского приступа к социалистическому строительству. Однако социалистические революции до сих пор терпели историческое поражение в результате тоталитарных контрреволюций (пример – сталинская контрреволюция конца 20-х – начала 30-х годов, установившая фашистский режим в СССР) и установления тоталитарных деформаций социализма[52] (режимов-антиподов социализма, прикрытых социалистическим самоназванием и социалистической фразеологией).

К концу XX века капитал господствует в мире. Он , казалось бы, вправе снова объявлять коммунизм призраком, но уже не тем призраком, которого панически страшился, а призраком поверженного врага. Отчего же так суетливо и нервно ведут себя идейные защитники “естественной и вечной частной собственности”? Отчего так стервенеют антикоммунисты? Чего они всё ещё боятся? Что подсказывает “победителям” их чуткий классовый инстинкт?

Он подсказывает им очевидную тайну: 1) идеология социализма неистребима, пока в мире есть хоть один наёмный и эксплуатируемый; 2) социалистическая революция реально возможна, пока в среде наёмных и эксплуатируемых не изведены под корень люди с человеческим достоинством, готовые и способные ценить свободу дороже жизненных удобств и даже дороже собственной жизни[53].

---

[52] Теория деформаций и перерождений социализма создана в 70-е годы, но впервые опубликована с возникновением так называемой гласности в СССР. См.: “Очерки политической экономии социализма” М:”Наука”, 1988. Стр.57-65; Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская Стратегия и тактика перестройки в СССР. М: “Наука” 1990. Стр.20-42. Имеются и другие публикации.

[53] В этом отношении сверхинтересны наблюдения А.И.Солженицына в “Архипелаге ГУЛАГ” о действиях

СУТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИЗМА – ПРИВАТИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО ЗЕМНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Научный социализм призвал общественное сознание, общественное воображение и общественную деятельность, призвал совесть человека и человечества руководствоваться очень высоким и – главное – не псевдо-, а реально человечным, реально гуманистическим критерием исторического добродействия, исторического прогресса. Этот критерий прост, его формулы отчётливы.

Например, так: ***Общество должно стать таким, чтобы в нём свободное развитие каждого было условием свободного развития всех.***

Или вот так: ***Человек может быть по-настоящему, реально свободным только в обществе и при активном содействии общества.***

Или вот так: ***Если даже индивидуальные антагонизмы и неустранимы, то пусть никакие из них не вырастают из общественных условий их жизни, пусть общество станет поприщем социального мира и сотрудничества, а всё богатство индивидуальных различий и особенностей пусть свободно развивается в благоприятной социально неантагонистической среде.***

Реальная свобода, освобождение ***от*** рабства и порабощения в любых его формах, ***от*** угнетения, ***от*** эксплуатации, свобода ***для*** реальной человечности, ***для*** всемирной человечности – вот цель и критерий общественного прогресса.

Сталина и сталинского режима, беспрестанно перекладывавшего в ГУЛАГе "большой пасьянс социалистов". Это контрреволюция страшилась социализма, изводила, истребляла социалистов. А позже номенклатура КПСС пряталась за высокими заборами, опасаясь за свои в общем-то жалкие привилегии в случае, как тогда шутили, "если красные придут".

И это же рубеж в ходе человеческих и общественных событий. Все общества, в которых эксплуатация, социальная жестокость и ***социальное*** неравенство лежат в основе их устройства, – это общества вне реального гуманизма, свобода в них относительна, фрагментарна, не всеобща. Эти общества из предыстории. История начнётся с реально гуманистических обществ, с обществ без эксплуатации, обществ всеобщей свободы.

До этого ныне так далеко, что научное социалистическое видение будущего объявляется утопией. Утопия, должны вас уведомить, – это не несбыточное в истории. Утопией несвободный ум, сознание несвободного общества называют картину свободного общества. Даже если видение свободного общества надёжно подкреплено общественной наукой.

Почему мы так много говорим о Свободе, о столь прекрасном идеале и столь великолепной исторической цели, тогда как обсуждаем опасности глобализации в её капиталистической форме? Мы говорим о Свободе потому, что главная угроза глобализации капитала – навсегда лишить большинство населения планеты именно Свободы, сделать несвободу навеки судьбой большинства.

Если угроза утратить перспективу освобождения от эксплуатации кажется вам, дорогие коллеги, слишком уж общими словами, алармизмом, нагнетанием страстей на пустом месте, тогда как не решаются самые простые проблемы голодных, мёрзнущих, безработных, если вам проблемы освобождения от эксплуатации кажутся неактуальными, – значит угроза несвободы больше, чем может предполагать исторический оптимист, значит она (угроза) наполовину уже реализована.

Эксплуатация – это общественно организованное систематическое принудительное социальное донорство одних социальных групп (эксплуатируемых) в пользу других, господствующих социальных групп – эксплуататоров. Эксплуатация совершенствовалась из века в век. Начавшись с истребления, ограбления и порабощения побеждённых племён, она преобразовалась в рабовладение, в

крепостничество и систему оброков и даней, в крестовые походы и экспансии церквей, в наёмный труд и капитал, в тоталитарное рабство. Она загубила, исключила из истории многие народы и даже целые цивилизации, например, цивилизацию майя.

Получив в своё распоряжение сперва машинную фабрику, а потом электричество, химические технологии, средства массового уничтожения, эксплуататорские системы открыли полосу новых эпох массового порабощения. Охватив весь мир и сделавшись всемирно скоординированной, система эксплуатации вышла в конце XX века на новые рубежи, угрожающие человечеству и человеку. Система эксплуатации пришла к пониманию, что большая часть человечества ей не нужна, мешает развитию по её эксплуататорским законам. Так открылась эра глобализации, та самая, которая угрожает сделать большинство человечества исключённым из истории, то есть либо физически уничтоженным, либо навеки порабощённым.

Спросим себя: происходило ли прежде обобществление хозяйства и социальной жизни в планетарных, глобусных (глобальных), всеземных масштабах? Да, происходило, и притом исключительно в эксплуататорских формах, очень часто, прямо скажем, в зверских, бесчеловечных формах. Но то, что мы ныне обозначаем понятием “глобализация”, – явление качественно нового порядка. И угроза нового типа.

Антигуманность эксплуатации как базового принципа организации социума в том, что она оборачивает возрастающие научно-познавательные и преобразовательные ресурсы человечества против человечества, против человечности. Открытое примитивное рабство и крепостничество были откровенно жестокими, но перед судом истории они могли бы оправдываться отсутствием безработицы, полной занятостью. Кстати, тоталитарные системы XX века возвели полную занятость в ранг своих преимуществ, пытаясь заслонить этим совершенно откровенный или чуть прикрытый рабский или полурабский характер этой полной занятости.

Но вот возникает машина, а с начала XIX века – машинная фабрикация. Возникает новый пролетариат в двух его видах: 1) рабочий класс – класс придатков машин и 2) деклассированные, не нужные, с точки зрения капитала, слои общества. С тех пор это части большинства населения – наёмные эксплуатируемые трудящиеся и социальные слои, лишённые социальной перспективы, фактически исключённые из общества и истории.

Капиталистическая система с самого начала освоила технологии вытеснения самых губительных и разрушительных своих последствий на периферию планеты, в колонии и полуколонии. Уже ткацкие фабрики Англии разорили и физически истребили индийских ткачей. Это был экономический геноцид. И с тех пор он не прекращался никогда. Процветающие Европа и Северная Америка расчищали от лишних людей экономическое пространство на периферии мира. Лишённая своего колониального периферийного пространства для имперского способа разрешения своих противоречий промышленно развитая Германия стала бороться за жизненное периферийное пространство в Европе и дважды развязывала ради этого мировые войны.

Борьба за жизненное пространство не может быть прекращена, пока общественная система остаётся эксплуататорской (капиталистической или тоталитарной – в конечном счёте всё равно). Научно-техническая революция даёт такие новые технико-технологические (и информационно-технологические) возможности, которые позволяют вести эту борьбу и без открытых массовых военных действий. Прямое насильственное уничтожение лишнего населения планеты в газовых камерах, концлагерях, на фронтах, в экологических катастрофах, в техногенных катастрофах, в крупномасштабных карательных операциях становится отныне “грязной”, устаревшей технологией очистки земного пространства от лишних для капитала людей. Достаточно экономического геноцида, достаточно шоковых реформ. Тем более, что грамотные исполнители такого “правого дела” всегда находятся.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИЗМА: СОЦИАЛЬНАЯ РЕЗЕРВАЦИЯ КАК НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЙ ОБЛИК БУДУЩЕГО ДЛЯ БОЛЬШИНСТВА ЗЕМНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Одной из теорий, объясняющих существо процессов современной глобализации, стала ныне теория социальной резервации. Она имеет своим предметом (целью изучения, объяснения) качественно новые взаимоотношения господствующих классов с социальными группами “лишних” людей.

“Лишние люди” – социальное явление, причиной которого является устройство общества на началах эксплуатации. Именно применение к обществу, к населению критериев, исходящих из верховенства частных интересов, приводит к оценкам части населения как “лишнего”, то есть не требующегося для достижения частных целей господствующих классов. Так как частные классовые цели и интересы господствующих классов преподносятся в виде общественных целей и интересов (а подчас и в виде общечеловеческих и даже естественных, данных самой человеческой природой), оценка части населения как “лишних людей” приобретает форму общественного мерила, общественного критерия.

В относительно скрытом виде отношение к части населения как к “лишним людям” существует в любом эксплуататорском обществе. В античном рабовладельческом мире имел место пролетариат – низшие неимущие, а с 1 века деклассированные слои. В феодальных обществах деклассированная часть населения существовала в виде бродяг, “социального дна”. Скачкообразно повышается доля “лишних людей” с переходом к капитализму. Здесь впервые “лишние” для целей капиталистического воспроизводства делятся на бесперспективных “лишних” и “резервную армию труда”. Безработные (“резервная армия труда”) могут считаться исторически первой формой того

явления, которое с конца XX века стало принято называть социальной резервацией.

Логика развития капиталистической эксплуатации как общественной системы приводит капитал и его государство к необходимости отчасти смягчать социальную несправедливость. Делается это путём обеспечения для части “лишнего” населения особых условий существования, при которых исключение “лишних” из полноценного и полноправного участия в общественных делах фактически закрепляется, но потребности массы целенаправленно деформируются, сводятся к стандартизированным и удовлетворяются на уровне, вполне удовлетворяющем “лишних” людей. То есть возникает социальная группа довольных граждан, лишённых основных гражданских ценностей – участия в обществе в качестве субъектов реального исторического творчества.

В общем плане такое “гармоничное” распределение ролей в обществе обозначено в постановочно-концептуальном виде Ф.М.Достоевским в “легенде о Великом Инквизиторе” (“Братья Карамазовы”, книга “Pro и contra”). В плане практической политики эксплуататорских классов социальная резервация как новый тип исключения “лишних” из истории и из исторической перспективы приобрела значение в центрах капиталистической цивилизации в XX веке. Этот тип, скорее всего, будет взят капиталом на вооружение в XXI столетии, что, пожалуй, примирит большинство с глобализацией.

Этот новый тип **–резервации** сперва для десятков, затем для сотен миллионов, а если понадобится, то в конце концов –и для миллиардов. У людей в резервациях будет всё по их умело сформированным стандартным потребностям, всё – за исключением участия в реальной истории, то есть за исключением свободы.

Технологии, которые будут систематизированы и усовершенствованы в резервациях, уже нарабатываются. Есть первые крупные успехи: массовая культура, массовые зрелища для “фанатов”, провоцирование социальной активности спецслужбами, разыгрывание спектаклей

“Борьба с глобализацией”, “Борьба за чистую планету”, современные СМИ, бульварная литература, наркомания и т.п. Там, где масса вдруг начинает действовать вне связи с предшествующими своими жизненными проявлениями, – ищи технологии резервации. Любое зомбирование массы или личности толкает в сторону разрастания предпосылок оформления резерваций.

Глобализация устроила гигантский полигон на просторах России. Шоковые реформы применили к народу России экономический геноцид. Деградация приняла массовый характер. Российское жизненное пространство наполовину расчищено для международного капитала. Станет нас поменьше – и вполне вероятно образование резервации для выживших народов России.

Собственно говоря, наша Россия – уже резервация. Народ уже 10 лет не имеет возможности созидательно работать, делать, производить, творить то, что способен. По крайней мере, был способен. Если произойдёт нормализация, то за счёт чего? За счёт того, что народ приступит к работе или за счёт так называемого вожделенного рентного фактора?

В XIX в. выдвигалась идея “откупиться” от буржуазии и мирным путём исключить эксплуатацию из жизни общества. Сегодня роли переменились, и уже мировой капитал предлагает большинству мирового человечества уступить право самому делать историю за стандартное потребительское изобилие.

Всемирная резервация для большинства, с завидными для нищего и бездомного условиями потребления, – в обмен на свободу. Исключение большинства из реального исторического действия – в обмен на стандартное потребительское изобилие. Это суть социальной резервации. Это главная угроза XXI века.

Но это угроза для свободного человека. Для раба, которого не тяготит рабство, – это рай, это процветание, это – светлое будущее.

Такое будущее капитал смело может предлагать и уже предлагает. На пути к такому будущему он заставит

народы всех без исключения стран преодолеть многие трудности, развяжет кризисы и катастрофы.

Соглашаться и партнёрствовать с эксплуататорской цивилизацией – значит соглашаться на резервацию для большинства. Не соглашаться на резервацию – значит становиться социалистом, бороться за освобождение от эксплуатации. Выбор, собственно говоря, всё тот же, что и в XIX, что и в XX веках. Но в XXI, есть основания полагать, он будет сделан окончательно.

СОВРЕМЕННЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И НОВОЕ ПРИГОДНОЕ ДЛЯ НЕГО ПОНИМАНИЕ "ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА". МЕЖИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ БИТВА ЗА МИРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭКСПЛУАТАЦИИ

События 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне и последовавшие за этим новые бомбардировки "по усмотрению США" заставили вернуться к серьёзному обсуждению проблем существующего миропорядка и происходящей глобализации капитала.

Многие мыслители, политики и комментаторы оказались совершенно не готовы к серьёзному обсуждению. Призадумались и многие "антиглобалисты" умеренного толка, склонные вести борьбу "в пределах дозволяемого, безнаказанного и финансируемого".

Хлынула невразумительная жвачка о мировой бедности и мировом богатстве, об исламизме... Вырисовывается нечто вроде того, что мировая бедность пошла войной на мировое богатство, исламизм напал на неисламизм... Всё это, как нам кажется, не по существу и крайне надуманно.

С позиций, изложенных выше, смысл происходящих событий представляется нам таким.

Современный миропорядок, начиная с конца XIX века, устанавливается и поддерживается империалистами и по-империалистически. Стержнем империалистических интересов остаётся "жизненное пространство". Когда-то

оно представлялось в виде подвластных периферийных стран, за счёт которых можно было ослаблять классовые антагонизмы в центрах капиталистического мира. Теперь колонии в прежнем виде не требуются и даже невыгодны. “Жизненное пространство” ныне – это реальное пространство эксплуатации. Научившись хозяйствовать по-капиталистически вне зависимости от государственных границ, капитал формирует своё “жизненное пространство” много свободнее и экономически эффективнее.

Кто же боролся в XX веке за “жизненное пространство эксплуатации”? Сперва две коалиции: группа стран с колониями и группа стран без колоний. Эта фаза дала две мировых войны.

Затем гонка вооружений расколола мир натрое: две сверхдержавы, претендующие на доминирование в мире, и “третий мир”, из которого обе сверхдержавы пытались сделать ресурс в борьбе друг с другом. “Первый мир” выиграл гонку вооружений. СССР как сверхдержава перестал существовать. Стал возникать вроде бы однополюсный мир. Россия и Китай забеспокоились.

Однако выяснилось обстоятельство, долгое время не принимавшееся в расчёт. В рамках третьего мира на средства и потребу “первого мира” в период противостояния двух сверхдержав был взрощён союзник США по борьбе с СССР – теневой мировой капитал. Став на ноги, он обзавёлся собственным транснациональным теневым сектором (наркобизнес, производство запрещённых видов оружия и др.). Теперь он вышел “на тропу войны” с первым миром за “жизненное пространство эксплуатации”. Конечно, название “террористический” слабо отражает его природу. Различие не столько в методах ведения борьбы, сколько в уровне легитимности.

Россия в период войн в Чечне столкнулась с теневым мировым капиталом на поле боя. В обстановке идущей открытой войны двух мировых капиталов Россия разумно не ввязывается в их войну. Должно быть, нервничает Китай: совсем не исключено, что победитель выступит

против него как обладателя весомого “жизненного пространства эксплуатации”.

Третья, да нет –- уже четвёртая (если считать “холодную”) – империалистическая война является стержнем сегодняшних мировых событий. Международный капитал легальных транснациональных корпораций и международный капитал теневых транснациональных корпораций занимаются переделом “жизненного пространства эксплуатации”. В орбиту этого своего генерального мирового конфликта они стараются втянуть и втягивают все другие более или менее содержательные конфликты (этнические, религиозные, внутриполитические и т.п.). Естественно, происходит некоторая “окраска” этих немировых конфликтов и их определённая деформация. Но они при этом “отводят глаза” от основного мирового конфликта – от четвертой империалистической войны.

Трактовка существа и содержания процессов современной глобализации капитала имеет решающее значение для выработки программ действий сил сопротивления современному империализму. Эти программы имеют пока что очень существенные резервы углубления и наполнения.

2002

==========

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ МАРКСИЗМА В СВЯЗИ С ПОПЫТКАМИ

ИХ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ
(методологический аспект)

Готовя к изданию «Основные труды» Галины Яковлевны Ракитской, я обратил внимание на несколько неопубликованных её произведений. среди них работа 2002 года «Трансформация социально-экономических концепций марксизма в связи с попытками их практической реализации (методологический аспект)» и работа 2003 г. «Анализ диагностики постсоветского экономического кризиса в российской марксистской (по самоопределению) литературе».

2002-2003 годы – период завершения Г.Я. Ракитской крупного исследования и издания знаменитой монографии «Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России)» — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. 480 с. Тем не менее, в Институте экономики РАН Галина Яковлевна выполняет свою часть плановых исследований сектора методологии экономической науки (в Центре политикоэкономических исследований). Общая тема 2002 г. называется «Соотношение теоретического и прикладного знания», общая тема 2003 г. — «Социально-экономическая диагностика как форма реализации теоретического знания».

Обе работы Г.Я. Ракитской глубоки, насыщены смыслами, безупречно логичны и …изящны. Есть в науке особенное понятие — «нетленка». Публикуемые работы — как раз из таких.

Б.В.Ракитский. Август 2016.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предварительные пояснения и исходные понятия

Наука и практика; теория и политика

Узловые проблемы: направления развития и вульгаризации

I. Социальный идеал

II. Направленность общественного прогресса

III. Социальные предпосылки революционно-демократических преобразований

Проблема класса-носителя общественного прогресса

Демократическое пространство жизни трудящихся классов

«Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»
(Маркс К. Тезисы о Фейербахе. Т. 3. С. 4. (Написано в 1845 г.)

Предварительные пояснения и исходные понятия

1.

Необходимо сначала пояснить, какое направление общественной мысли является объектом анализа в насто-

ящей работе. Слово «марксизм» в названии работы не определяет это с достаточной ясностью.

Один из возможных подходов к вычленению различных идейно-теоретических течений – считать признаком принадлежности к тому или иному течению ***соответствующую самоидентификацию*** авторов идей и концепций. Назову такой подход формальным.

Другой, существенно иной, подход – *не придавая решающего значения самоидентификации*, относить к определённому научному течению только те идеи и концепции, которые соответствуют ясно сформулированным содержательным критериям. Назову такой подход содержательным, или аналитическим.

Использование содержательных критериев в историоведческих исследованиях общественной мысли – почти что стандартный приём. Историк мысли, если он стремится выделить разные ветви древа научного познания, а не просто пересказывать произведения отдельных авторов, не может обойтись без введения содержательных признаков классификации. Такой подход отторгается, когда речь идёт о марксизме, по причинам, как правило, *социально-классового* характера. Наука, обслуживающая эксплуататорские классы современных обществ, так сказать, по определению ориентирована на дискредитацию идейно-теоретических основ социалистического (коммунистического) рабочего движения, которые – по имени одного из основателей — справедливо называют марксизмом. Этой задаче как нельзя лучше соответствует зачисление в марксисты всех, кто себя таковыми называет, вплоть до сталинистов.

Социальной позиции, с которой выполняется данное исследование, и его целям отвечает *содержательный (аналитический)*, а не формальный подход.

2.

При содержательном подходе к классификации научных течений исследователь выбирает свою систему критериальных признаков, позволяющую отграничивать

анализируемое течение от других, причислять к нему те или иные идеи, концепции, тех или иных авторов.

Если речь идёт о научном направлении, носящем название его основателя, то нельзя игнорировать следующее обстоятельство. Мыслители, возведенные их последователями в ранг основателей-классиков, ─ люди своего времени, своей исторической эпохи. К тому же взгляды и научные построения основателей-классиков зачастую претерпевали изменения в течение их собственной жизни. Отсюда вытекает (и реализуется) возможность избирать в качестве содержательных признаков принадлежности к данному течению **разные** моменты**,** взятые у основателей. Может при этом получиться (в случае с марксизмом – так и происходит), что исследователи с разной социальной ориентацией придают роль основополагающих разным положениям, взятым у основателей.

Можно ли предложить удовлетворительный способ преодоления такого *субъективного,* а точнее, *классового* подхода? Нет, нельзя и, главное, абсолютно никому не нужно. Но можно и нужно, точнее, необходимо и достаточно требовать от исследователя объяснения своего подхода к анализу, своих принципов и признаков классификации направлений общественной мысли.[54]

Критерии классификации и сама классификация направлений мысли, самоопределяющихся как марксистские, были разработаны мною в 1997 г. в порядке выполнения плана сектора методологии экономической науки Института экономики РАН.[55] Приведу (не повторяя, разу-

---

[54] Речь идёт, разумеется, не об обязывающем требовании, а об условии, только при соблюдении которого имеет смысл приступать к изучению предлагаемой доктрины, то есть об условии, позволяющем априорно допускать вероятность её научного характера.

[55] Результаты исследования опубликованы в кн.: Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Методология марксизма и историческое поприще ее плодотворности. М.: Институт перспектив и проблем страны, 1998. С. 5-50.

меется, аргументацию) те выводы, вытекающие из этого исследования, которые являются отправными для настоящей работы.

В общественной мысли, которую принято называть марксистской (по имени основателей или же по причине такого самоопределения), важно различать:

1. *Научный коммунизм* по меньшей мере в трех конкретно-исторических формах:

а) первоначальная форма – первоначальный марксизм (К.Маркс, Ф Энгельс),

б) научный коммунизм периода кризиса Российской империи и трех русских революций (конец XIX – начало XX века),

в) научный коммунизм советского и постсоветского периода (со времени осознания антигуманного характера идеологии и социальной практики сталинизма).

2. *Сталинизм и другие вульгаризации научного коммунизма*, маскирующиеся под научный коммунизм при помощи самоназваний «марксизм», «ленинизм», «марксизм-ленинизм» или указаний на родство с ними. Уместно называть эти вульгаризации *псевдонаучным коммунизмом* [56].

К.Маркс, естественно, сам не называл своё учение марксизмом. Он называл его ***реальным гуманизмом***. «Реальным» — чтобы противопоставить свои представления различным социальным утопиям. К сожалению, термин «реальный» был опорочен в советские времена апологетической концепцией так называемого «реального со-

---

Разработанные мною подходы позволяют, кстати, относить к последовательному революционно-гуманистическому направлению и такие положения, которые принадлежат авторам, не называющим себя марксистами.

[56] «…Маркс говорил о французских “марксистах” конца 70-х годов: “Я знаю только одно, что я не марксист”» (Энгельс Ф. Письмо Конраду Шмидту в Берлин, 5 августа 1890 г. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 370)

циализма»[57]. Поэтому сегодня наиболее подходящей формулой для краткого определения сути научного коммунизма является формула ***последовательный революционный гуманизм.***

Гуманизм – в соответствии с гуманистическим характером социального идеала, на реализацию которого ориентирована теория. Гуманизм – главный критерий при анализе идейно-теоретических течений, которые провозглашают свое родство с первоначальным марксизмом. Акцент на гуманистической составляющей чрезвычайно важен при анализе общественной мысли и социальной практики XX века и, надо полагать, станет еще важнее в XXI веке.

Последовательный гуманизм – потому, что это идеология и теория устранения из жизни общества не только экономической эксплуатации, но и *любых* способов угнетения и господства человека над человеком, произвола и насилия над личностью, идеология и теория перехода к такому общественному устройству, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (1848 г.)[58].

Революционный гуманизм – потому, что «краеугольным камнем» этой идеологии и теории является признание необходимости социальной революции (социалистической по целям и движущим силам) для перехода

---

[57] Апологеты сложившегося в СССР тоталитарного (фашистского) строя усердно изображали его как реальный социализм. Отсюда получался вывод: марксизм (научный коммунизм) описывает социальный идеал, а общество советского типа есть его безальтернативное реальное воплощение (Р.Косолапов, А.Ципко и др.; практически вся буржуазная литература об обществе и буржуазная пропаганда).

[58] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 447.

Далее при цитировании работ К.Маркса и Ф.Энгельса по этому изданию указываю после названия работы номер тома и номера страниц.

общества в русло последовательно гуманистического развития. Под социальной революцией понимается радикальное изменение типа (характера) власти в обществе и в хозяйстве.

3.

Введу ещё два определения.

Пролетарский гуманизм – конкретно-историческая форма последовательного революционного гуманизма *эпохи индустриального капитализма*.

Современный научный коммунизм – конкретно-историческая форма последовательного революционного гуманизма *эпохи перехода капитализма от индустриальной к новой (так называемой постиндустриальной) форме.*

К последовательному революционно-гуманистическому направлению общественной мысли я причисляю:

а) из наследия первоначального марксизма (наследия К.Маркса и Ф.Энгельса) – те мировоззренческие положения, методологические подходы и научно-теоретические результаты, которые не утратили до сих пор своего значения для гуманистического ориентирования общественной революционно-преобразовательной практики;

б) творческие продолжения гуманистической линии первоначального марксизма (в том числе гуманистические составляющие ленинского наследия; современные продолжения гуманистической линии в разработке идейно-теоретической стороны революционно-освободительных движений трудящихся).

Наука и практика; теория и политика

Суть представлений научного коммунизма о соотношении науки и практики: *«Наука в целом и любая её специальная отрасль возникают и развиваются только потому, что человечество преобразует окружающий его мир. … Наука и есть та сторона преобразовательной деятельности человечества, которая обеспечивает*

ориентированность практики, включая целеполагание, оценку реальности и целесообразности активного воздействия на мир, а также соответствия его результатов целям»[59].

Сам пролетарский гуманизм с момента зарождения решительно заявил претензию на свою включенность в общественную практику – в классовую борьбу пролетариата, в ***рабочую политику***[60]. (У Ф.Энгельса в 1847 г.: *«… Что такое коммунизм? …Коммунизм есть учение об условиях освобождения пролетариата»*[61]).

У научного коммунизма нет проблемы поиска области «внедрения» теории как результата сугубо познавательной (познавательно-созерцательной) деятельности. Нет потому, что его теоретические разработки – это ответ на «заказ» социально-классовой борьбы трудящихся, нуж-

---

[59] Очерки политической экономии социализма / Под ред. акад. Н.П.Федоренко. М.: Наука, 1988. С.22.

[60] «...Борьба класса против класса есть борьба политическая» (Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. Т. 4. С. 183). «…Всякая классовая борьба есть борьба политическая» («Манифест Коммунистической партии». Т. 4. С. 433).

Современное развёрнутое определение политики: «Политика – общественные взаимодействия, взаимоотношения структурных частей общества (прежде всего таких устойчивых, как социальные группы, слои, классы, национальные и территориальные общности). Содержание политических отношений – формирование, предъявление и отстаивание интересов классов и других социальных групп, национальных и территориальных общностей. … Интересы субъектов политической жизни охватывают различные общественные сферы (экономику, социальное положение, культуру, экологию и т.п.). В зависимости от сферы интересов политика конкретизируется на экономическую, социальную, культурную, демографическую и др.» (Энциклопедия трудящегося и эксплуатируемого народа. Выпуск 2. – М.: Институт перспектив и проблем страны, 2001. С.3).

[61] Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Т.4. С.322.

дающихся в знании закономерностей устройства и развития общества, чтобы действовать не вслепую, а в расчёте на определённый результат.

Ориентированность на реальные запросы классовой борьбы (политики) – это констатация *прагматического* характера научного коммунизма. Его теоретические выводы имеют практическую значимость для эксплуатируемых классов, до последнего времени в первую очередь – для рабочего класса. Это ***классово-прагматическая*** идеология и теория.

Наука, обслуживающая интересы эксплуататорских классов, может позаимствовать кое-что из методологии научного коммунизма в области *анализа* общества, может учесть (но, как правило, не учитывает) кое-что из *прогноза* общественного развития. Но она не может взять на вооружение научный коммунизм в целом, поскольку он – «руководство к действию» эксплуатируемых в их борьбе с эксплуататорами за коренное (революционное) переустройство общества на неэксплуататорских началах[62].

---

[62] Когда мы говорим «революционный прагматизм», это, конечно же, полемический вызов прагматизму как методу мышления. Прагматизм противостоит на самом деле не научному коммунизму и не революционной научной методологии, а каузальному подходу, свойственному европейской научной мысли в целом. Прагматизм сознательно избавляется от сущности как конституирующего качества изучаемого, отображаемого объекта (а в обществознании и субъекта, ибо субъектно-институциональная ипостась реальности объективна, часть объекта). Теория значения, предложенная Чарлзом С.Пирсом (1839-1914), основана на исключении сущности (и закономерности как сущностной связи) из познания: «Рассмотрите, каковы те практические последствия, которые, как мы полагаем, могут быть произведены объектом нашего понятия. Понятие о всех этих последствиях и есть полное понятие объекта» (см. Философская энциклопедия. М., «Советская энциклопедия», 1967. Т.4. С.337).

Классово-прагматическая ориентированность идейно-теоретической стороны научного коммунизма конституирует *необходимость и возможность* единства (взаимосвязи и взаимообусловленности) теоретической деятельности и практической политики трудящихся классов. При этом действительные успехи революционного гуманизма как ***общественного движения*** обеспечиваются при условии *реального* единства идейно-теоретического знания, программно-стратегических разработок и исторических действий.

Опираясь на сказанное, сформулирую следующее положение.

Идеология и теория научного коммунизма – необходимая сторона революционно-преобразовательной практики эксплуатируемых трудящихся. Они развиваются вместе с ней

В экономической науке прагматизм расцвёл в «Economics». Это мыслительная культура для бизнесменов, кругозор которых не должен быть обременён чем-либо, выходящим за пределы фирмы и её коммерческих интересов. Уже Адам Смит для бизнесмена избыточен из-за его попыток теоретизировать на уровне сущности (невидимая рука рынка и прочие сущностные излишества). Рикардо – тем более. Понятия стоимости и закона стоимости не вписываются в «Economics».

А тем не менее сходно выглядит в научном коммунизме и в прагматизме критерий истинности научных знаний. Критерий истинности – практика. Это говорит и марксист (научный коммунист), и прагматик. Но практика у них у каждого – своя. У марксиста (как ученого европейской культуры мышления) практика есть преобразовательная деятельность общества, общественная практика. У прагматика практика есть практика фирмы, практика не целообщественного, а частного субъекта. Для марксиста как последователя античной, кантовской, гегелевской философии истина – закономерность, сущность, связь сущностей; для прагматика – удачный алгоритм действия, хорошая инструкция, ведущая к хорошим «значениям» показателей «на выходе».

как её теоретико-программное сопровождение (обслуживание), а лучше сказать – как её *свойство.*

Сказанное выглядит как крайняя претенциозность. Поэтому требуется некоторое пояснение ради того, чтобы эти заявки не были отброшены с порога как вздорные и научно малограмотные.

Странно, но факт: буржуазно-демократическое общество и господствующий в нём класс капитала признают идеологическое многообразие (плюрализм) и даже могут закреплять его конституционно. Однако буржуазная наука отрицает научный плюрализм в обществознании. Мыслительная конструкция в общественном сознании буржуазного класса касательно науки, структуры научного знания признаёт научной (истинной, объективной) только свою классовую науку. Науку, базирующуюся на идеологии класса-антагониста, она отказывается признавать наукой в силу её «идеологичности», то есть в силу её основанности на другой картине мира (идеологии), нежели своя идеология.

Это можно объяснить только недоразвитостью (в смысле нецелостности) представлений учёного, обслуживающего класс буржуазии, традиционной оторванностью его научных занятий от практики класса в целом. Его труд исследователя, как правило, настолько отделён, специализирован в рамках познавательной стороны практики, что он искренне считает науку областью деидеологизированной, неполитической.

Буржуазный экономист, например, искренне считает, что его экономические занятия могут быть никак не связаны с идеологией или могут состыковываться с любой идеологией. Однако на практике он состыковывает (если состыковывает) свои занятия обычно с какой-либо из эксплуататорских идеологий (особенно охотно — с религиозной идеологией). Но эта потребность возникает нечасто. В обычном, распространённом случае проблема оторванности профессиональных научных знаний от целостной картины мира проявляется в проблеме взаимодействия кон-

кретных знаний с методологией. Общие теории бывают крайне редки и то характерны больше для европейской культуры мышления. В случае появления общеэкономических теорий всегда легко проследить, в чём состоит момент их интеллектуального прорыва. Он состоит обычно в том, что в набор специальных теорий врывается краешек представлений о целом. Например, кое-что социальное берётся в расчёт экономистами. На этих деформированных (в смысле – не целостных, а частичных) представлениях зиждется непрерывающийся пафос междисциплинарных подходов.

Понимание научного коммунизма как программно-теоретического сопровождения (свойства) исторической практики его класса-носителя, конечно же, не означает, что единство теории и классового поведения существует всегда и во всём. Напротив, проблема достижения их единства присутствует постоянно.

Проблема соотношения науки и практики, теории и политики, общей теории и конкретного (прикладного) знания выступает в научном коммунизме в форме проблемы ***соразмерного*** (можно сказать – синхронного) развития теоретической, программно-стратегической и тактической сторон ***классовой борьбы рабочего и других угнетённых классов.***

Выработка мировоззренческих и теоретических представлений, их освоение действующей массой как собственных (то есть действительно выражающих её интересы), их проверка, варьирование и развитие в программах и требованиях реальных организаций и движений, в конкретных организованных действиях – это сложная история научного коммунизма как общественного движения. (У

Г.Плеханова: *«.. Без революционной теории нет революционного движения, в истинном смысле этого слова»*[63])

Стремление действовать «по теории», но без класса, вместо класса (пусть и от имени класса, и в интересах класса) – это всё что угодно, но только не научный коммунизм. Такого рода политическая практика вписывается в историю нарушения, разрушения единства теории и исторического действия – в историю псевдонаучного коммунизма.

Не разделение труда между образованными теоретиками и другими участниками движения является причиной нарушения единства идеологии, теории и реального действия. Их разрыв (вульгаризация научного коммунизма) непременно возникает, если масса социально пассивна, если классовая борьба нерадикальна, а то и вовсе затухает. Активная политическая практика класса требует соразмерного изменившейся общественной обстановке (синхронного ей) развития научного знания, а не обобщений и рекомендаций задним числом, постфактум.

Анализ задним числом тоже, конечно, имеет смысл, если выводы анализа ориентированы на нужды новой (современной анализу) волны движения. После смерти Сталина «партия сурово осудила культ личности». Осудила – и что? Осуждение постфактум с позиций одной из групп правящей касты – это было не развитием научного коммунизма, а сведением счетов внутри правящей касты. В конце 80-х годов демократическое движение «выдало» запрос на научную оценку советского строя. Научный диагноз с демократических позиций и, тем более, с позиций последовательного революционного гуманизма

---

[63] Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. – Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В пяти томах. Гос. изд. полит. лит. 1956-1958. Т. I. С. 95.

Далее цитирую Г.Плеханова по этому изданию и привожу после названия работы номер тома и номера страниц.

имел мало общего с куцыми оценками типа «культ личности».

В современной России демократические ветви рабочего движения легко воспринимают выводы научного анализа о казарменном характере советского строя, о его псевдосоциалистичности, о его близком родстве с гитлеровским фашизмом. Эти выводы – теоретическое подспорье в ориентировании демократических ветвей российского рабочего движения не на восстановление старого («восстановление» – ключевое слово КПРФ и других осколков КПСС), а на борьбу за реализацию действительно демократических принципов. В то же время бескомпромиссные оценки советского строя воспринимаются по большей части весьма настороженно в левом политическом, рабочем и профсоюзном движениях на Западе. Причина – современный кризис этих движений. А во времена их кризисов трезвые оценки истории, ориентирующие на выработку новых радикальных постановок, мало кому нужны.

Научный коммунизм не может заготовить нужные движению *конкретные* выводы надолго впрок. Он «заготовил» лишь общие мировоззренческие представления и теоретико-методологические принципы. Но и они годны до тех пор, пока существенно не меняется характер общества, положение трудящихся в нем, пока общественное развитие идет по варианту, в котором формируются социальные группы и социальные силы, нуждающиеся в освободительных, гуманистических концепциях.

У Г.Плеханова: *« Отправлялись ли мы в народ с целью распространения социалистических изданий, селились ли мы в деревнях для организации протестующих элементов нашего крестьянства, вступали ли мы в непосредственную борьбу с представителями абсолютиз-ма, – мы везде повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали в расчёт во всей его полноте ожидающего нас сопротивления общественной среды и* ***торопились возве-***

сти временно благоприятствуемый обстоятельствами способ действия в универсальный принцип, исключающий все другие способы и приёмы (выделено мною – **ГР**)*. Все наши программы находились благодаря этому в совершенно неустойчивом равновесии, из которого их могла вывести самая незначительная перемена в окружающей обстановке. Чуть не каждые два года меняли мы эти программы и не могли остановиться на чём-либо* ***прочном****, потому что всегда останавливались на чем-нибудь* ***узком и одностороннем****»*[64]*.*

У В.Ленина: *«Все, что мы знали, …это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы. Это было установлено с научной точностью. …Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразований, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли»*[65]*.*

У Ф.Энгельса через 40 лет по поводу перечня мер победившей пролетарской революции, перечисленных в «Манифесте Коммунистической партии» как такие, которые могут быть применены в наиболее развитых странах: *«…Революционным мероприятиям, предложенным в конце II раздела отнюдь не придаётся самодовлеющего*

---

[64] Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. Т. I. С. 96.

[65] Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. – Ленин В.И. Полн.собр.соч. Издание пятое. Т. 36. С. 379, 380.

Далее цитирую В. Ленина по этому изданию. Указываю после названия работы номер тома и номера страниц.

значения. В настоящее время это место во многих отношениях звучало бы иначе»[66].

Все конкретные теоретические конструкции научного коммунизма устаревают и требуют корректировки, если масса активно действует. В периоды социальной пассивности трудящихся (тем более, в периоды политической реакции) теоретические достижения научного коммунизма всегда находятся ***под угрозой догматической канонизации.*** Они превращаются в *псевдонаучные* основы политической практики, если «проснувшаяся» масса берёт их на вооружение в прежнем, неизменном виде.

Превращаются в псевдонаучные основы, например, по причине и в форме безграничного доверия к вождю-теоретику, вождю-идеологу, который либо давно умер, либо не успевает теоретически работать в режиме, синхронном с практикой. Конкретный пример: теоретический сбой В.И.Ленина и его единомышленников, антитоварные взгляды которых, почерпнутые у первоначального марксизма, задержали выработку необходимой революции новой экономической политики, как минимум, на 2 года. РКП(б) приняла в 1919 г. карикатурно антитоварную программу партии и за короткий срок поставила под угрозу возникший во время революции и Гражданской войны союз рабочего класса и крестьянства (то есть всего трудящегося и эксплуатируемого народа). Этот сбой откликнулся позже, в сталинской контрреволюции, и сказывался во всей советской экономической науке и практике вплоть до уничтожения советской тоталитарной системы. У современных троцкистов антитоварность лежит в основе их теоретизирования.[67]

---

[66] Энгельс Ф. Предисловие к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1888 года. – Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – М.: Политиздат, 1989. С.12.

[67] См., например, работу одного из лидеров-теоретиков IV Интернационала, бельгийского ученого-экономиста Эрне-

Сегодня можно с уверенностью говорить, что единство идеологии, теории и реальной политики классатворца и класса-пользователя (общественного субъекта) последовательного революционного гуманизма может быть обеспечено при соблюдении *как минимум* следующих методологических подходов к постановке и решению общетеоретических и конкретных (так сказать, прикладных) проблем:

– *целостнообществоведческий подход*, а не подход с позиций и средствами какой-либо специализированной отрасли науки;

– *классовый (он же – конкретно-исторический) подход*, а не подход с общенациональных, общечеловеческих и иных излишне абстрактных позиций;

– *демократический подход,* то есть установка на *историческое творчество масс* в революционно-преобразовательной деятельности для созидания демократических и последовательно гуманистических форм общественной жизни, а не установка на их кабинетное конструирование силами теоретиков и внедрение в жизнь вождями, партиями-авангардами и т.п.

Соблюдение в революционном гуманизме (как общественном движении) этих принципов позволяет формировать и поддерживать ***соответствие*** способов реальных действий характеру стратегических целей. А это и есть единство идеологии, теории и политики.

Выше было сказано, что наука не может заготовить надолго вперёд конкретные выводы, нужные освободительным движениям трудящихся, что каждая новая волна движения предъявляет спрос на научное сопровождение, соразмерное (соответствующее) конкретно-исторической обстановке.

ста Мандела «Власть и деньги». – М.: Экономическая демократия, 1992.

В то же время теоретики способны (при прочих равных условиях) удерживать мировоззренческие и общетеоретические представления научного коммунизма *в жизнеспособном виде,* спасая их от вульгаризации в ходе идеологических гражданских войн, которые (в отличие от других войн) не прекращаются даже в периоды жесточайших политических реакций. При этом жизнеспособность идейно-теоретической стороны научного коммунизма обеспечивается не канонизацией ранее выработанных представлений, а их творческим развитием посредством применения (и развития, конечно, тоже) специфических методологических инструментов (подходов) при анализе реального хода общественных процессов, для новых теоретических обобщений и социального прогнозирования.

Г.Плеханов о Марксовой теории: *«Известно, что западные учёные долго пренебрегали ею как неудачным плодом социально-революционного фанатизма, но время шло, и с течением времени делалось всё более и более ясным даже для глаз, смотревших сквозь очки буржуазной ограниченности, что плод социально-революционного фанатизма имеет, по крайней мере, одно неоспоримое преимущество: он даёт* ***чрезвычайно плодотворный метод исследования общественной жизни****»* (выделено мною – **ГР**)[68].

Социалистическая революция (1917 г.) в Российской империи, а затем становление, закрепление и кризис казарменного (тоталитарного) строя в СССР дали научному коммунизму реальный исторический материал для проверки теории, для ее корректировки и развития. Мощный импульс для применения своей методологии и развития теории научный коммунизм получил во время кризиса советского строя, антитоталитарной революции (1991 г.) в СССР и современного переходного периода в России и дал целый ряд аналитических, программно-стратегических и прогнозных разработок, соразмерных объективным за-

---

[68] Плеханов Г.В. Карл Маркс. Т.II. С.722.

дачам демократических движений и их реальному состоянию.

Задача следующего раздела – очертить, ***по каким направлениям шло развитие*** теоретической мысли научного коммунизма как процесс, объективно нацеленный на решение проблемы единства идеологии, теории и практической политики, и ***по каким направлениям шла вульгаризация*** научного коммунизма.

Поставленная задача решена в работе в порядке первого прохода (первого этапа), для чего отобраны несколько узловых теоретических проблем.

Исследование может быть продолжено по следующим направлениям:

— расширение вовлекаемых в анализ теоретических проблем;

— детализация проблем и их теоретических решений на основе более широкого круга вовлекаемых в анализ научно-литературных и программно-политических источников.

Узловые проблемы: направления развития и вульгаризации

В творческом развитии концептуальной стороны научного коммунизма прослеживаются три взаимосвязанные основные линии – тенденция последовательной гуманизации, очищение от излишних (преждевременных) конкретизаций и преодоление дефицита целостного видения.

I. Социальный идеал

Утверждение тоталитарной системы в СССР заставило заново осмыслить роль последовательно гуманистического понимания стратегической направленности (цели) революционно-освободительных движений трудящихся. К.Маркс и Ф.Энгельс сформулировали цель рабочего движения как создание общества, в котором «свободное раз-

витие каждого является условием свободного развития всех»[69].

По Марксу, полное и свободное развитие каждого индивидуума – *основной принцип* более высокой общественной формы[70], которая должна придти на смену классово-эксплуататорскому обществу.

Многократно цитируемая в советские времена ленинская формулировка конечной цели пролетарской революции: «для обеспечения *полного* благосостояния и ***свободного*** **(**выделено мною **– Р.Г)** *всестороннего* развития *в с е х* членов общества»[71]. Это – в 1902 г., когда шла подготовка проекта программы Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Однако в Программе, принятой вторым съездом партии в 1903 г., формула иная: «для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества»[72]. Она включена и в Программу Российской коммунистической партии (большевиков), принятой восьмым съездом партии в 1919 г., т.е. уже после Октябрьской революции 1917г.[73]. Таким образом, стратегические ориентиры пролетарской революции были «освобождены» от категории «свободное развитие». Это существенное отклонение от представлений идеологов-основателей. Это такая их вульгаризация, которая чревата казарменной (тоталитарной) деформацией пролетарского государства.

Термин «свобода» стал всплывать в послесталинской партийной риторике, но *не как главная* характеристи-

---

[69] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Т. 4. С. 447.

[70] См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. – Т. 23. С. 605.

[71] Ленин В.И. Замечания на второй проект программы Плеханова. Т. 6. С. 232.

[72] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1970. Изд. 8-е. – М., Политиздат, 1970. Т. 1. С. 61.

[73] То же издание. Т. 2. С. 38.

ка стратегической направленности развития, а в окружении множества по контексту равнозначимых, а на самом деле разноплановых и разноуровневых других характеристик будущего коммунистического общества. Характерно в этом отношении многострочное определение коммунизма в Программе КПСС, принятой XXII съездом партии в 1961г.

В нем есть такие слова: «Коммунизм – это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников …». Но перед этим есть и такие: «…Вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются потоком …» и т.д. и т.п.

Включение в Конституцию СССР 1977 г. формулы основателей о свободном развитии каждого как условии развития всех (ст. 20) было, конечно, не теоретическим достижением, а «развитием» партийной демагогии в условиях начавшегося разложения тоталитарного режима.

Действительное освоение и развитие представлений основателей о социальном идеале, отвечающем интересам трудящихся, шло как результат теоретического обобщения и отрицания антигуманной социальной практики становления и функционирования так называемого «реального» социализма. Шло (силами учёных и идеологов, сознательно противопоставившихся тоталитарной системе) по следующим основным направлениям.

1. Осмысление *ключевого* значения категории «свобода» в собственной идеологии рабочего класса, эксплуатируемых трудящихся и неприемлемости выдвижения на первый план в характеристике социального идеала категории «*всестороннее* развитие личности» для целей социального прогнозирования и, тем более, социального управления.

2. Уточнение смысла категории «свободное развитие каждого» как характеристики типа индивидуальной жизнедеятельности в рамках совместной созидательной

(общественно полезной) деятельности всех членов общества.

В связи с этим более глубокий анализ (нежели классические, но наивные формулы «превращение труда в первую жизненную потребность каждого человека», «от каждого по способностям – каждому по потребностям») принципиальных черт социального механизма, который способен обеспечить сознательное и полное приятие индивидом общественно полезной деятельности в качестве способа своего существования.

3. Преодоление первоначальной трактовки категории «всестороннее развитие человека» в духе всезнайства человека и его мастерства на все руки. Такая трактовка, идущая от основателей (есть она и у В.Ленина), была осознана как излишне конкретная, а потому и вульгарная. И к тому же, если рассуждать строго, она предполагает антигуманную по сути практику выведения новой «породы» человека.

Было выработано существенно иное представление о всесторонности развития. Суть его такова. Нельзя ***a priori*** *ни утверждать, ни отрицать,* что в будущем человек будет иметь возможность свободной смены конкретных занятий в течение жизни. Требование всесторонности развития имеет глубокий смысл, но его следует относить *не к человеку, а к общественным условиям и способам* формирования и реализации индивидуальных способностей, в том числе к развитию материально-технических средств и институциональных форм жизнедеятельности.

II. Направленность общественного прогресса

Представление о социальном идеале как стратегической цели революционно-гуманистических движений трудящихся и реальная направленность исторического процесса – это (в современном понимании) проблемы хоть и связанные, но разные.

В первоначальном марксизме фундаментальному анализу объективных противоречий и закономерных тен-

денций развития экономических отношений капитализма, который составляет главное содержание «Капитала» К.Маркса, предшествовало формирование целостной теоретической картины общественного развития. Эта картина в главных своих чертах нарисована в первых программных произведениях основателей научного коммунизма – «Принципы коммунизма» (Ф.Энгельс, 1847 г.)[74] и «Манифест Коммунистической партии» (К.Маркс и Ф.Энгельс, 1948 г.)[75].

Целостное видение мироустройства не является спецификой представлений основоположников научного коммунизма. Оно присуще ряду философских систем, начиная с древних времен. Специфика первоначального марксизма – в том, что историческое движение общественного целого рассматривается сквозь призму интересов эксплуатируемых классов, а реализация их интересов связывается не с «устранением социальных бедствий с помощью всякого рода заплат» и не с «чисто политическими переворотами», а с революционной борьбой рабочего класса *«за коренное переустройство общества».*[76] Приступая к «Капиталу», К.Маркс знал ***облик (пафос)*** конечного результата своего теоретического труда[77] – доказательство провозглашённой в «Манифесте …» *«неизбежно предстоящей гибели современной буржуазной собственности»*[78].

---

[74] Маркс К., Энгельс Ф. Т. 4. С. 322-339

[75] Маркс К., Энгельс Ф. Т. 4. С. 419-459.

[76] Энгельс Ф. Предисловие к английскому изданию 1888 г. «Манифеста Коммунистической партии». – Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Политиздат, 1989. С. 10.

[77] Как пел Владимир Высоцкий, «так оставим ненужные споры. Я себе уже всё доказал».

[78] Энгельс Ф. Предисловие к немецкому изданию 1890 г. «Манифеста Коммунистической партии». – Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Политиздат, 1989. С. 15.

(К.Маркс: *«Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, … развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»*[79].

«То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что ***существование классов*** *связано лишь* ***с определёнными историческими фазами развития производства****, 2) что классовая борьба необходимо ведёт к* ***диктатуре пролетариата****, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к* ***уничтожению всяких классов и к обществу без классов»***[80].)

Переход общества в состояние, соответствующее социальному идеалу, должен, согласно первоначальному марксизму, осуществиться *непременно*. Этот исторический оптимизм связан у основателей со следующими представлениями:

– о линейности (поступательности) общественного прогресса, естественно-историческом его характере;

– об определяющей (в конечном счёте) роли развития материальных производительных сил в общественном прогрессе;

– о закономерном созревании предпосылки перехода от «предыстории» к подлинно прогрессивной (в интересах трудящихся) истории – организации рабочих как клас-

---

[79] Маркс К. К критике политической экономии. Т. 13. С.7-8. (Написано в 1858-1859 гг.)

[80] См.: Маркс К. Письмо Иосифу Вейдемейеру в Нью-Йорк, 5 марта 1852 г. Т. 28. С. 424.

са, революционная борьба которого включена в механизм перехода [81].

Отмечу главные тенденции в формировании современных представлений о направленности общественного развития, которые существенно отличаются во многих отношениях от тех, которые выработаны первоначальным марксизмом. Однако стоит ещё раз подчеркнуть, что новые научные результаты получены с помощью последовательного применения и развития целостно обществоведческого, конкретно-исторического и демократического подходов, которые свойственны были первоначальному марксизму.

1. Преодолены представления о закономерной линейности (поступательности) общественного прогресса, если оценивать происходящее на планете по критериям трудящихся и эксплуатируемых классов.

По Марксу, «азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»[82]. Это действительно так, если выстроить эти «эпохи» (теперь мы говорим «общественные формации») в один ряд по критерию «расширение степени свободы трудящихся в обществе». Обобщение социально-политической истории с учетом XIX и XX столетий дало основания отказаться от представлений о неизбежной поступательности общественного прогресса. Наряду с формациями (качественно устойчивыми состояниями) выделены как типичные состояния общества, а не как временные заминки на пути прогресса переходные

---

[81] «Из всех орудий производства наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс. Организация революционных элементов как класса предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества» (Маркс К. Нищета философии. Т. 4. С. 184.)

[82] Маркс К. К критике политической экономии. Т. 13. С. 7.

эпохи, тоталитарные деформации и тоталитарные перерождения, состояния стагнирования, разложения, разрушения.

2. Развита теория исторического выбора. Суть этой теории: в условиях системного кризиса общества возникает ситуация социальной многовариантности будущего; реально возможны качественно различные варианты дальнейшего развития, в том числе и такие, которые переводят общество в русло регресса, если оценивать их по гуманистическим критериям.

Осознана обозначившаяся к концу XX века реальная угроза утраты человечеством демократических завоеваний цивилизации, возрождения «варварства»[83] на новейшей технической основе, утраты человечеством способности к развитию в сторону расширения свободы человека в обществе.

Концепция определяющей (пусть только и в конечном счете) роли развития материальных производительных сил, их развития как исходной причины прогрессивной смены производственных, а затем и всех других общественных отношений сменилась существенно иными представлениями, свободными от технико-технологического и экономического детерминизма.

Согласно целостному подходу, все стороны общественной жизнедеятельности находятся во взаимосвязи и взаимодействии, обуславливают друг друга, причины и следствия постоянно меняются местами в ходе реальной истории. Энгельс в письмах 1890-1893 гг. несколько раз возвращался к проблеме взаимодействия различных сторон общественной жизни (по терминологии основателей – экономического базиса, юридической и политической

---

[83] О состояниях «внезапно наступившего варварства» есть у основателей, но они так обозначили периоды кризисов перепроизводства, когда общество «оказывается вдруг отброшенным назад» (Манифест коммунистической партии. Т. 4. С. 430).

надстройки, общественного сознания)[84]. Он объясняет свою точку зрения на причину распространения экономического детерминизма как вульгаризации подхода к пониманию истории, выработанного им и Марксом: *«Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодёжь иногда придаёт больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчёркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии»*[85].

Сложилось понимание, что несколько волн научно-технической революции в XX веке, расширив границы вариантности развития материально-производственной основы общества, не только обнажили, но и усилили существенную роль так называемого субъективного, а точнее, ***субъектного*** фактора. Субъектный фактор – это итог сознательного противоборства различных социальных групп, социальных сил, каждая из которых отстаивает свой интерес в общественном развитии.

Субъектный фактор превратился в ведущий (задающий) фактор формирования социального облика будущего в масштабах всей планеты и фактором отбора (в конечном счёте) для реализации такого типа технико-технологических и институционально-организационных решений, которые соответствуют этому социальному облику. Сегодня реально возможно движение общественного (общепланетарного) целого по разным руслам, противоположным по социальной направленности: гуманный ва-

---

[84] См.: Энгельс Ф. Письмо Конраду Шмидту в Берлин, 5 августа 1890 г. Т.37. С. 370; Энгельс Ф. Письмо Францу Мерингу в Берлин, 14 июля 1893 г. Т. 39. С. 84; Энгельс Ф. Письмо Йозефу Блоху в Кенигсберг, 21[-22] сентября 1890 г. Т. 37. С. 394-396.

[85] Последнее из писем, указанных выше. С. 396.

риант и вариант антигуманный с оттеснением большинства человечества в социальную резервацию.

3. Осознано наличие ряда тенденций, свидетельствующих о том, что гуманный и антигуманный варианты дальнейшей истории не являются равновероятными. Хотя научные и технические ресурсы и того, и другого варианта сегодня практически не ограничены, антигуманная социальная направленность общественного «прогресса» представляется более вероятной.

Первоначальный марксизм утверждал и доказывал, что закономерно и неизбежно формирование революционного рабочего класса как предпосылки коренного переустройства общества и необратимого развития в гуманном русле. Этот исторический оптимизм сменяется иными конкретно-историческими оценками итогов и перспектив политической самоорганизации и гуманно ориентированной революционной борьбы класса-придатка машин. Первоначальный марксизм справедливо заслужил название *научного* коммунизма (*научного* социализма) в отличие от *утопических* коммунизма и социализма в том числе и тем, что обосновывал свой оптимистический социальный прогноз анализом закономерных тенденций социально-классового структурирования буржуазного общества. Научность подхода состояла в установке на поиск и доказательство формирования общественного субъекта не только *заинтересованного* в ликвидации эксплуатации, но и *способного* организованно и последовательно бороться за осуществление освободительных идей. Первоначальный марксизм дал вывод: таким общественным субъектом (социальной силой) является рабочий класс.

Необходимость такой же методологии для анализа состояния и направлений изменения социальной структуры современного общества (с непременным учетом социальной сущности процессов глобализации капитализма) осознана. Однако современный революционный гуманизм не может ещё предъявить глубокие теоретико-аналитические разработки в этой области. *(Подробнее о проблеме*

класса-носителя общественного прогресса см. ниже – в разделе III).

В обобщения современного революционного гуманизма внесли свой вклад как учёные, осознающие себя марксистами, научными коммунистами, так и люди с другой научно-идеологической самоидентификацией.

На фоне современных обобщений утверждения типа *«коммунизм – светлое будущее всего человечества»* выглядят и являются на деле крайней вульгаризацией научного коммунизма конца XX – начала XXI столетий.

III. Социальные предпосылки революционно-демократических преобразований

Представления современного революционного гуманизма о фундаментальных закономерностях перехода общества в русло демократического (в том числе социалистического) развития достаточно подробно рассмотрены мною в работе, выполненной по плану сектора методологии экономической науки Института экономики РАН в 1998-1999 гг.[86] Все рассмотренные там проблемы имеют непосредственное отношение к вопросу о взаимосвязи (единстве) идеологии, теории и практической политики. Это такие проблемы, как соотношение разрушительных и созидательных процессов в революционных реформах, социальный механизм возникновения нового, социальная вариантность и социальная эффективность в переходный период, соотношение принуждения и свободы в революционно-демократических преобразованиях.

В рамках настоящей работы отмечу далее те направления развития представлений о предпосылках революционно-демократических преобразований, которые

---

[86] Полный текст этой работы опубликован в 2000 г. (См.: Ракитская Г.Я. Марксистская версия социальных институтов и институциональных преобразований. Опыт анализа и актуального продвижения методологии. – М.: Институт перспектив и проблем страны, 2000)

стали наиболее актуальными к концу XX века с точки зрения соразмерного теоретического обслуживания политической практики.

Проблема класса-носителя общественного прогресса

1. Следует констатировать, что в осмыслении проблемы класса-носителя общественного прогресса наличествует явное отставание концептуально-теоретического знания от потребностей научного сопровождения современных рабочего, профсоюзного и новых (зародившихся к концу XX века) широких по составу социальных движений. Главное отставание идет по линии отсутствия глубоких теоретико-аналитических разработок относительно реальных демократических, гуманистических и революционных потенций этих движений.

2. Существует явный дефицит в научно-идеологическом сопровождении стратегии и тактики новых социальных движений, которые с середины 90-х годов стали объединяться вокруг тех или иных инициатив в масштабах стран, регионов, континентов и в мировом масштабе. Одна из причин идёт, как представляется, от самой практики, которая не дала ещё достаточно материала для серьёзных обобщений.

Западная левая интеллигенция (в том числе научная), которая включена в новые социальные движения, инициирует и закрепляет протестно-оборонительную направленность идейной стороны и акций новых социальных движений: доминирует мотив «против» – против глобализации, против неолиберализма, против приватизации социальной сферы, против дискриминации и т.д. В основе этого лежит боязнь вызвать раскол неокрепшего и организационно неоформленного объединения многообразных ветвей движения, если вести серьёзные дискуссии на тему «за что», т.е. дискуссии о программно-стратегических ориентирах, о наступательной стратегии и тактике. Говорят, напротив, о кризисе старого (марксистского) «социального

проекта» и о сложности выработки (даже невозможности и ненужности) позитивной новой платформы, единой для всех ветвей движения, для всех стран и континентов.

Вульгарные мотивы, идущие от участников движения с марксистской самоидентификацией, весьма сильны, живучи. Главным вульгарным мотивом экономического плана остается возложение ответственности за все социальные бедствия трудящихся на товарно-денежный характер хозяйственных связей.

3. Осознана или не осознана (не решена, а хотя бы осознана) актуальность разработки вопроса об общественном субъекте (классе или классах-носителях) последовательного революционного гуманизма в современном мире – это, без преувеличения, показатель творческой ориентации называющих себя марксистами в противовес склонности к догматизации выводов 100-150-летней давности.

Отмеченные выше особенности научного коммунизма как идеологии (единство теории и социального действия, поддержание идеологии в жизнеспособном виде и др.) требуют ясной постановки и ясного ответа на вопрос: идеологией какого субъекта или каких субъектов исторического творчества является сегодня последовательный революционный гуманизм?

Для XIX века и эпохи индустриального развития считалось, что марксизм (научный коммунизм, научный социализм) – идеология всех трудящихся, эксплуатируемых и угнетённых и что авангардной (последовательно революционной) силой является индустриальный рабочий класс. Основное противоречие общества в субъектном разрезе выглядело как противостояние наёмного труда и капитала. Капиталистическая система в ту пору идеологами марксизма воспринималась как мировая, как господствующий в мировом хозяйстве уклад и поэтому социальная революция мыслилась не иначе как мировая револю-

ция[87]. Примерно на этих представлениях и до сих пор остаются идеологи IV (троцкистского) Интернационала. Однако другие социалисты, ведущие свою идеологическую родословную от первоначального марксизма, в существенных отношениях отходили в конце XIX и в XX веке от этой схемы. Модернизации марксизма касались пред-

---

[87] У К.Маркса и Ф. Энгельса в Манифесте Коммунистической партии (Т.4. С.428, 429): «Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продукции гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи. Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций… Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. …Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т.е. становиться буржуа. Словом, она создаёт себе мир по своему образу и подобию».

Если не указать источник и добавить что-нибудь о финансовых механизмах, а вместо «варварские нации» написать «страны Юга и Востока», то легко можно принять эти выдержки за описание современной глобализации капитализма.

ставлений как о капиталистическом хозяйстве в целом, так и о субъектах революционного исторического творчества – носителях социалистической идеологии.

Мировое капиталистическое хозяйство в XIX веке, дойдя до стадии империализма и государственно-монополистического капитализма, с новой глубиной обозначило структуру этого хозяйства, не взятую в полном объеме во внимание первоначальным марксизмом. Первоначальный марксизм грешил европоцентризмом, и мировая революция рисовалась на его основе скорее как всеевропейская революция.

Глубокая пропасть в хозяйственном, культурном и социальном развитии между Европой как средоточием имперских метрополий и остальным миром не включалась в достаточной мере в модели первоначального марксизма. Однако когда дело стало подходить к высокому накалу классовой борьбы в Европе, стало понятно, что мировая революция в конце XIX века мало реальна в силу неготовности мировых союзников пролетариата к такой революции. Первым это понял капитал и предпринял шаги к социальному партнерству, т.е. к включению рабочего класса европейских стран в систему капиталистической эксплуатации периферийного мира. Почти одновременно возник так называемый социал-реформизм. Идеологи II Интернационала стали на платформу приемлемости для пролетариата смягчения эксплуатации вместо революционного уничтожения эксплуатации как системы. Идеологическая основа обособления рабочего движения лидирующей группы капиталистических стран – центров империализма была создана.

В.Ленин отошел от концепции мировой революции, считая реальной победу пролетарской революции в одной из стран. В то же время необратимость революционной победы в России В.Ленин и его единомышленники прямо связывали с революцией в Европе.

Сегодняшняя оценка перспектив революционного поворота в сторону последовательного гуманизма и необходимой масштабности революции (в одной стране, на

одном континенте или во всем мире) для закрепления победы, для гарантированности от казарменного перерождения по советскому типу требует учёта ряда новых факторов.

Во-первых, перемены (со времени зарождения научного коммунизма) в составе, характере и доле индустриальных рабочих в общественной структуре.

Во-вторых, тенденция возникновения нового типа работника в условиях смены индустриальной формы производства так называемой постиндустриальной.

В-третьих, тенденция утраты европейскими (и североамериканскими) трудящимися, в том числе рабочим классом, тех преимуществ социального положения, которое они имели как соучастники капиталистической эксплуатации периферийного мира. Эта тенденция наметилась в связи с особенностями современного этапа развития мировой капиталистической системы, которую называют глобализацией. (Кстати, в связи с этой тенденцией исчезают основания для социал-реформизма как эффективной стратегии защиты и улучшения положения трудящихся в странах первого мира. У социал-реформизма, по современным оценкам научного коммунизма, все меньше шансов на единство своей идеологической и практически-политической сторон. Он превращается в *социальную утопию*).

В-четвёртых, специфические для конца XX века социальные следствия предыдущего развития – возникновение и расширение в социальной структуре общества устойчивой и масштабной *социальной резервации* как фактора, противодействующего гуманизации производства и общества[88]. Эта возрастающая по масштабу нездо-

---

[88] О социальной резервации см. подробнее в работе: Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Глобализация капитализма как новейший этап социальной организации человечества. Доклад на Научно-геополитической конференции «Глобализм и антиглобализм». Москва. 9 ноября 2001 г. – М.: Институт перспектив и проблем страны, 2001.

ровая часть общества – ресурс консерватизма и реакции вплоть до ресурса фашизма. Людей, оттесненных в социальную резервацию, отлученных от исторического творчества можно, конечно, жалеть, но на них нельзя рассчитывать в борьбе за демократию, тем более в борьбе за коренное переустройство общества на последовательно гуманистических началах.

Научный коммунизм не может ещё указать и убедительно аргументировать, какие социальные группы становятся (могут стать) в XXI веке движущей социальной силой гуманистически ориентированного прогресса.

В современную постановку проблемы об общественном субъекте последовательного революционного гуманизма входят и такие вопросы: не утратило ли человечество в связи с новыми тенденциями социально-классового (в тенденции – социально-кастового) структурирования потенциал освобождения труда, а тем самым и освобождения всего общества от эксплуатации? не проскочило ли человечество развилку, от которой одна из дорог шла к социальному идеалу, сформулированному первоначальным марксизмом?

Демократическое пространство жизни трудящихся классов

Завершение переходного периода после Октябрьской (1917 г.) революции в России утверждением тоталитарного (казарменного) строя и все еще печальные для трудящихся итоги современного переходного периода (дрейф России в сторону периферийно-колониального капитализма с криминальным уклоном) заставили заново осмыслить проблему социокультурных предпосылок перехода от капитализма к социализму, от тоталитаризма к демократии.

У Ф.Энгельса о революции 1848 г.: *«…Повсюду эта революция была делом рабочего класса, именно он строил баррикады и расплачивался своей кровью. Но одни только парижские рабочие, свергая правительство,*

имели совершенно определенное намерение свергнуть и буржуазный строй. Однако, хотя они и сознавали неизбежный антагонизм, существующий между их собственным классом и буржуазией, ни экономическое развитие страны, ***ни духовное развитие*** (выделено мною – **ГР**) *массы французских рабочих не достигли еще того уровня, при котором было бы возможно социальное переустройство. Поэтому плоды революции достались в конечном счете классу капиталистов»*[89].

У К.Маркса и Ф.Энгельса: *«Буржуазия ведёт непрерывную борьбу: сначала против аристократии, позднее против тех частей самой же буржуазии, интересы которых приходят в противоречие с прогрессом промышленности, и постоянно – против буржуазии всех зарубежных стран. Во всех этих битвах она вынуждена обращаться к пролетариату, призывать его на помощь и вовлекать его таким образом в политическое движение. Она, следовательно, сама передаёт пролетариату элементы своего собственного образования, т.е. оружие против самой себя»*[90].

Эти постановки представляются сегодня верными в принципе, однако недостаточными. С проблемой неготовности массы к демократическим формам жизнедеятельности (правда, по разным причинам) впрямую столкнулась и Октябрьская социалистическая революция в России (1917 г.), и современная нам антиказарменная революция в СССР.

В последовательном революционном гуманизме формируется представление о необходимости создания *собственного демократического пространства жизни*

---

[89] Энгельс Ф. Предисловие к итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1893 года. – Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – М.: Политиздат, 1989. С.21.

[90] Маркс К. Манифест Коммунистической партии. Т.4. С. 433.

трудящихся классов в рамках буржуазного общества для накопления ими *демократического опыта жизнедеятельности.* Этот опыт мог бы стать гарантией от казарменных перерождений целей и методов преобразования общества, если политическая революция передаст трудящимся классам власть в обществе и в хозяйстве.

Жизнедеятельность в собственном демократическом пространстве, как представляется, должна строиться на иных принципах, нежели те, которые соответствуют буржуазной (пусть и демократической) социокультуре, в том числе ее парламентско-политической практике.

Конкретные формы жизнедеятельности трудящихся в демократическом пространстве жизни сегодня накапливаются и теоретически осмысливаются как у нас, так и на Западе в рамках деятельности по научному сопровождению современного рабочего, профсоюзного и новых социальных движений. Во всяком случае стало ясным, что собственные организации трудящихся (в том числе политические организации) не должны строиться ни на принципах буржуазного парламентаризма, ни, тем более, на принципах казарменного централизма (как КПСС и современные осколки-продолжатели дела КПСС). Здесь оказались полезными обобщения принципов и методов демократического самоуправления на предприятиях хозяйственных укладов с собственностью работников.

При осмыслении роли, принципов и конкретных форм коллективного демократического самоуправления революционный гуманизм многое почерпнул в анархо-синдикалистских идеях и практическом опыте анархо-синдикализма. Можно с уверенностью говорить о конвергенции в этом вопросе научного коммунизма и анархо-синдикализма.

Накопление трудящимися демократического общественного опыта в условиях тоталитаризма – это, конечно, утопия. Именно поэтому *научный* коммунизм, с одной стороны, исключительно критически оценивает итоги для трудящихся социально-экономической составляющей революционных реформ современного переходного периода

в России. С другой стороны, он оценивает антитоталитарную революцию в России как реальную возможность для российского народа выйти (в конечном счете) в русло демократии и последовательного гуманизма. Но только лишь ***возможность, а не неизбежность***.

В отличие от этого *псевдонаучный* коммунизм в соответствии с присущим ему плоским, нецелостным взглядом применяет для оценки современной российской ситуации преимущественно экономические критерии. По этим критериям получается, что не надо было российскому народу покидать теплую советскую казарму в поисках демократии и свободы.

Печатается по рукописи 2002 г.

2003

==========

АНАЛИЗ ДИАГНОСТИКИ ПОСТСОВЕТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИЙСКОЙ МАРКСИСТСКОЙ (ПО САМООПРЕДЕЛЕНИЮ) ЛИТЕРАТУРЕ (2003 г.)

Необходимое пояснение публикатора

В конце 1990-х – начале 2000-х Галина Яковлевна работала в секторе методологии экономической науки Института экономики РАН. В качестве плановых исследований сделала ряд серьёзных работ, самая крупная из которых – «Марксистская версия социальных институтов и институциональных преобразований. Опыт анализа и актуального продвижения методологии» (1998-1999). Все эти работы были разделами в более обширных секторских темах исследования, научное руководство которыми осуществлял заведующий сектором Олег Игоревич Ананьин. В духе ельцинского времени Олег Игоревич был нацелен на интеграцию отечественной экономической науки в мировую науку. Интеграцию же эту понимал не иначе, как одностороннее заимствование отечественной наукой методологии и теоретических разработок западных учёных либерального направления. В России, считал Олег Игоревич, самостоятельной экономической науки нет и быть не может.

Бывало, он мягко упрекал Галину Яковлевну: «Как же Вы можете интегрироваться в мировую науку, если Вы не читаете западных коллег в подлинниках?» На это она как-то ответила: «Ну, это ещё полбеды. Я их немало читаю в переводах. А западные коллеги вовсе топчутся на месте: похоже, не читают меня ни в подлиннике, ни в переводах».

Выполненные по плану работы Г.Я.Ракитской институтом не публиковались и на Учёном Совете, как правило, не обсуждались. Это задевало Галину Яковлевну (характер ей был дан бескомпромиссный к несправедливостям).

Но, к счастью, печататься уже было где. И прежде всего – в изданиях Института перспектив и проблем страны и Школы трудовой демократии.

Б.В.Ракитский. Сентябрь 2016

Окончательный вариант

Институт экономики РАН
Центр политико-экономических исследований
Сектор методологии экономический науки

==========

Г.Я.Ракитская

Раздел 5.3.

АНАЛИЗ ДИАГНОСТИКИ ПОСТСОВЕТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИЙСКОЙ МАРКСИСТСКОЙ (ПО САМООПРЕДЕЛЕНИЮ) ЛИТЕРАТУРЕ (2003 г.)

(Плановая тема: ***Социально-экономическая диагностика как форма реализации теоретического знания.***

Руководитель темы: ***О.И.Ананьин)***

«Мы изучаем не столько реальные общественные процессы, сколько высказывания друг друга об этих процессах»
(лауреат Государственной премии СССР, доктор экономических наук, профессор Ф.Н.Клоцвог. 2003 г. [14, с.17])

I.
Обоснование выбора объекта исследования

Объект исследования в настоящей работе – отечественные научные публикации и программно-политические материалы, принадлежащие авторам или организациям, сохраняющим в той или иной мере марксистскую (социалистическую, коммунистическую) самоидентификацию или фразеологию. Такой объект задан данному разделу замыслом руководителя темы. Будем далее называть весь этот *сегмент* общественной мысли *“марксистским по самоопределению”*.

Необходимо пояснение по поводу литературы, которая попала в сферу нашего анализа при реализации указанного подхода к определению объекта исследования.

В настоящее время, как и в течение всего XX века, родство своих взглядов, выводов и подходов с марксизмом (с теми или иными уточнениями, оговорками или без них[91]) признают представители существенно разных идейно-теоретических течений вплоть до противоположных – как с демократической, так и с тоталитарной идеологией, если принимать во внимание суть идеологии, а не используемую фразеологию. О разных идейно-теоретических течениях в марксистской по самоопределению отечественной общественно-экономической мысли правомерно говорить потому, что мы обнаруживаем в этом сегменте:

во-первых, существенно разное понимание сути советского строя и сути кризиса, назревшего в СССР на рубеже 1980-1990-х;

во-вторых, существенно разные представления о желаемом социальном облике будущего России, о степени реальности желаемого будущего и о способах перехода к нему

---

[91] ***Уточнениями или оговорками типа “современный”, “творческий”, “истинный” марксизм, “неомарксизм” (неомарксистами себя объявили недавно А.Бузгалин и А.Колганов), “марксизм-ленинизм”, “ленинизм-сталинизм” и пр.***

(короче: разные представления о целях и стратегиях развития российского общества).

Анализ отечественной литературы (за период с конца 1980-х годов по настоящее время) позволяет зафиксировать, что в сегменте марксистской по самоопределению общественно-экономической мысли существуют и развиваются в разных направлениях **три основных идейно-теоретических течения.** Исходя из социально-политической ориентации (идеологического тяготения) взглядов, представлений и выводов, эти течения правомерно называть (частично используя Марксову терминологию) следующим образом:

1. ***Имперский (русский великодержавный)*** социализм и коммунизм.

2. ***Критически-утопический*** социализм и коммунизм.

3. ***Научный последовательный гуманизм***, восходящий к первоначальному марксизму как к одному из своих истоков.

Объектом нашего анализа ***не являются*** представления, которые относятся или тяготеют к научно-гуманистическому направлению современной российской мысли, признающей свое родство с марксизмом.

Необходимо объяснить причину такого сужения объекта исследования.

Верная характеристика существующего (по меньшей мере, с середины 1980-х годов) и развивающегося направления отечественной общественно-экономической мысли, которое я называю научным последовательным гуманизмом, *невозможна*, если исключить из анализа совместные и самостоятельные работы Б.В.Ракитского и Г.Я.Ракитской[92]. Результа-

---

[92] ***Теоретические представления и аналитические оценки, которые содержатся в наших работах, составляют основной багаж научного последовательного гуманизма как одного из направлений современной отечественной общественно-экономической мысли. Они стали, кроме того, основой разработки в 1990-1992 гг. (нашими силами или при нашем ведущем участии) программно-политических документов ряда***

ты наших исследований регулярно публикуются[93]. За вычетом наших работ в литературе можно найти лишь отдельные фрагменты, которые можно отнести к этому течению, причём фрагменты, содержание которых очень часто заимствовано из наших работ и часто – с искажениями наших положений[94].

С 1987г. мы систематически осуществляем ситуативный (конкретно-исторический) анализ социально-экономических процессов, происходящих в России. Критерии социальных оценок и прогнозов, которые мы применяем в ситуативном анализе, носят сущностный и содержательный характер. По этому признаку именно наш анализ правомерно считать *диагностическим, а не описательно-констатирующим*.

демократических организаций. Нашими усилиями, в частности, сформирован (начиная с 1992 гг.) основной теоретический аппарат научного исследования социальной политики и социально-трудовых отношений, обоснованы программные установки (стратегия и приоритеты) демократической социальной политики и демократизации социально-трудовых отношений в современной России.

[93] С 1994 г. Институтом перспектив и проблем страны издано более ста наших брошюр (общим объёмом более 200 п.л.), в том числе специальная серия брошюр под общей рубрикой "Смысл событий". Издан ряд докладов и монографий. Опубликована с конца 1980-годов серия наших статей в журнале "Вопросы экономики", в других журналах и научных сборниках. Ряд работ выполнен нами в РАГС при Президенте РФ и опубликован в изданиях, подготовленных в РАГС.

[94] Один из примеров: цитируемая ниже работа "Экономика для человека (Антикризисная программа Демократических левых)", в которую включён в качестве Приложения мой материал "Социальные требования демократических левых к экономическим преобразованиям в условиях оппозиции". Этот материал вынесен в Приложение по моему настоянию потому, что большие куски из него (с не принадлежащими мне редакционными правками) хотя и были включены в основной текст работы "Экономика для человека…", но выглядят в нём инородной частью, во многом противоречащей другим местам основного текста.

Однако если включить наши работы в объект настоящего исследования на предмет анализа методологии и результатов социально-экономической диагностики, то мне пришлось бы выступать и в роли субъекта, и в роли объекта исследования. В связи с этим руководитель темы (на стадии обсуждения этой деликатной проблемы) специально указал на необходимость обратиться к иной литературе, нежели работы Г.Я.Ракитской и Б.В.Ракитского.

Следуя этой установке, я ограничилась ссылками по ходу изложения на некоторые из наших публикаций и документов демократических организаций, которые были разработаны нами или при нашем ведущем участии.

В то же время именно *с позиций научно-гуманистического течения* я квалифицирую другие (из числа основных) течения марксистской по самоопределению мысли как имперское и критически-утопическое и даю оценки диагностических потенций и конкретных выводов, относящихся или тяготеющих к этим течениям. Таким образом, система теоретических представлений и методологических подходов последовательно гуманистического характера выступает в данной работе не объектом анализа, а **критерием оценки** других представлений и подходов.

Цель и задачи (предмет) исследования

Цель исследования – охарактеризовать (с цитатными иллюстрациями) представления о постсоветской экономике и перспективах ее развития в имперском (русском великодержавном) и критически-утопическом направлениях отечественной общественной мысли, которые сохраняют в той или иной мере марксистскую самоидентификацию или марксистскую фразеологию. Эти направления я буду далее называть *“псевдокоммунистическими”*.

Задачами (предметом) исследования, которые реализовали бы поставленную цель в полном её объёме, являются

1) характеристика ***оценочных представлений***, то есть таких, которые (при прочих равных условиях) можно считать представлениями-*"диагнозами"* в социально-экономическом анализе, включая оценки:

а) *состояния* российской постсоветской экономики и объяснение *причин* этого состояния,

б) *характера (специфики) реформ* постсоветского времени и их *социальных следствий,*

в) *тенденций* развития российского общества и российской экономики (прогнозы);

2) характеристика ***критериальных*** представлений, то есть таких, которые играют (должны играть) роль критериев в социально-экономической диагностике, включая характеристику

а) представлений *о целях и стратегиях* развития общества и экономики (представлений-*"рецептов"*),

б) представлений об *"упущенных" в ходе реформ возможностях* (не состоявшихся альтернативах);

3) оценка качества критериальных и оценочных представлений на предмет их причисления к инструментам и выводам научно обоснованной социально-экономической диагностики;

4) характеристика социально-политической подоплёки критериев и оценок.

В настоящей работе перечисленные задачи выполнены не в полном объеме, но анализ и обобщающие комментарии ориентированы на эти задачи.

Следует отметить, что в работе подвергнута критическому анализу сама оценка состояния постсоветской экономики как "экономического кризиса" (и, соответственно, подвергнута критике характеристика сути стратегий как рецептов преодоления экономического кризиса).

В постановке цели и задач работы зафиксирован научно-исследовательский, а не реферативно-описательный ее характер. Ориентация на характеристику экономических пред-ставлений как составных частей определенных течений общественной мысли переходной эпохи, переживаемой современной Россией, обеспечивает практически (политически

то есть) значимую ценность данной работы. Экономическая мысль переходных эпох не существует и не может быть понята в отрыве от идеологических позиций ее творцов и их теоретических представлений об обществе в целом.

Выполнение задач исследования не в полном объеме и степень подробности изложения результатов анализа обусловлены заданным изначально (плановой схемой разработки темы) журнально-статейным объемом настоящего раздела.

II.

Прежде всего следует зафиксировать, что основные представления, которые составляют специфический багаж псевдокоммунистических течений общественно-экономической мысли, – продукт творчества по преимуществу профессионально подготовленных обществоведов (экономистов, философов, юристов). Именно поэтому мы находим в этих представлениях много верных моментов.

Однако верными правомерно называть (без всяких оговорок) лишь такие положения псевдогуманистических течений, которые **идеологически инвариантны.** Это представления, которые носят *констатирующий (описательный)* характер. К таким констатациям относятся: описание перемен в структуре и объемах производства; характеристики положения (и перемен положения) страны в целом и положения населения (динамика доходов, заработной платы, занятости, демографических показателей и пр.); описание экономических механизмов, формирующих реальные перемены.

Другое дело – *теоретико-аналитические* и *программно-политические* представления. Такие представления нельзя квалифицировать (без определённых оговорок) как верные или неверные именно потому, что они тесно связаны с идеологическими установками, причём сама методология анализа определяется этими установками. Идеологический плюрализм – реальность социально-структурных обществ. Каждая из идеологий и общественных стратегий верна, если имеет хоть какой-то шанс на реализацию. В этом смысле верны (то есть реалистичны, практичны) и реакционные, антигуманные идеологии и стратегии.

Теоретико-аналитические и программно-политические установки псевдогуманистических течений я оцениваю с позиций их расхождения или совпадения с теми или иными представлениями научно-гуманистического направления общественно-экономической мысли, а не с других каких-либо (например, с либеральных) позиций.

Для псевдокоммунистических течений характерны ***исключительно негативные*** оценки констатирующего (описательного) плана. Негативными являются не только оценки состояния экономики и социальных следствий реформ, но и характеристика самих замыслов реформ и способов их проведения. Попытки найти что-либо позитивное в происходящих переменах и их результатах не характерны для этих течений.

Главной причиной, сформировавшей состояние экономики и социальное положение населения, считается *сознательная* социально-экономическая политика постсоветского государства. Считается также, что для перелома негативных тенденций требуется *кардинальное изменение государственной политики.*

В то же время есть значимые различия имперского (великодержавного) и критически-утопического направлений в части теоретико-аналитических и программно-политических представлений.

Обозначим более конкретно основное содержание представлений, входящих в предмет нашего исследования.

1. Оценки состояния постсоветской российской экономики и причин этого состояния

Одно из наиболее полных изложений интересующих нас представлений, опубликованное *в конце 1992 г.* (первого года “шоковых” реформ), — два варианта работы “Экономика для человека (Антикризисная программа Демократических левых)” [1; 2][95]. Если не принимать во внимание включён-

---

[95] ***Публикация была приурочена к Седьмому съезду народных депутатов Российской Федерации (декабрь 1992 г.). Текст второго (окончательного) варианта работы под-***

ные в эту работу материалы, разработанные Г.Я. Ракитской[96], то тогда её справедливо квалифицировать как в целом тяготеющую к критически-утопическому направлению марксистской по самоопределению отечественной мысли.

Общая оценка состояния российской экономики к концу 1992 г. в этой работе — ***"перерастание кризиса в самораспад экономики"*** [2, с.12].

Эту оценку предваряет характеристика состояния советской (дореформенной) экономики как "глобального соци-

---

готовлен д.э.н. А.В.Бузгалиным и д.э.н. А.И.Колгановым, которые сформировали его на основе материалов 27 авторов (опубликованных материалов, научных докладов и результатов их обсуждений в ходе работы неформальной международной творческой группы).

В работе приведён перечень участников неформальной творческой группы и авторов, чьи материалы были использованы: А.Белоусов (к.э.н., ИНП РАН), А.Бузгалин (д.э.н., МГУ), Л.Вартазарова (д.э.н.), В.Дементьев (к.э.н., ЦЭМИ РАН), К.Дохера (исследователь, Ливан), В.Кизима (д.э.н., Украина), А.Клепач (к.э.н., ИНП РАН), А.Колганов (д.э.н., МГУ), Д.Котц (проф., США), Т.Крауш (доктор, Венгрия), А.Леонтьев (к.э.н., МГУ), К.Липсиг-Мумме (директор Центра труда, Канада), Р.Макинтайр (проф., США), С.Микаэль (доктор, Греция), Р.Паркер (советник сената США), Й.Пиньор (экономист, Польша), Г.Ракитская (к.э.н., ИЭ РАН), Б.Ракитский (академик РАЕН), Дж.Росс (советник члена Парламента Великобритании), К.Самари (доктор, Франция), Б.Славин (д.ф.н.), О.Смолин (нар.деп.России), Ю.Сухотин (д.э.н., ЦЭМИ РАН), В.Тихонов (нар.деп.России), Е.Торкановский (д.э.н., ИЭ РАН), Р.Франкуэза (профсоюзный лидер, Испания), М.Ярош (проф., Польша) [2, с.4].

[96] Эти материалы в том виде, как они были мною представлены, вынесены (по моему настоянию) в Приложение. Эти материалы включены и в основной текст, но уже с несанкционированными мною правками, добавками и изъятиями составителей всего текста (А.Бузгалина и А.Колганова).

ально-экономического кризиса", который "срощен с социально-культурным, геополитическим и даже этническим". "Кроме того, – отмечается в работе, – наша кризисная экономика отличается принципиально более *слабым влиянием собственно экономической мотивации и детерминации* труда и т.д., причем не отдельных лиц, но и социальных групп, представляющих их институтов, даже правительств. *Неэкономические факторы в кризисной экономике являются решающими детерминантами* социально-экономического пространства нашего отечества ... ". Авторы объясняют причины такой детерминации тем, что "прежняя система социально-экономических отношений разрушается (и потому уже не выступает как базисный детерминант), а новая еще не сложилась как господствующая экономическая реальность (и потому еще не является таким детерминантом)" [2, с.10]. Замечу, что из текста не ясно, к какому периоду (постсоветскому, советскому или же к тому и другому) относится утверждение об отсутствии новой системы социально-экономических отношений в условиях разрушения старой, что делает невозможной оценку этого утверждения на соответствие реальности.

Авторы указывают, что в советское время "глубокий кризис сложившейся в нашей стране социально-экономической системы нашёл непосредственное экономическое выражение" в структурном кризисе, инвестиционном кризисе, в кризисе трудовой мотивации [2, с.10, 11]. По мнению авторов, во второй половине 80-х годов на эти долгосрочные составляющие кризиса наложился ряд дополнительных факторов внутреннего и международного характера – падение мировых цен на энергоносители, распад СЭВ, спад производства в отраслях, зависящих от импорта, рост внешней задолженности [2, с. 11]. Таким образом, курс реформ, которые в работе названы "шоком без терапии" [2, с. 12], начал осуществляться в обстановке глобального социально-экономического и структурного кризиса [2, с. 11].

Причины перерастания глобального социально-экономического кризиса в самораспад экономики авторы работы связывают с ***монетаристской политикой россий-***

ского правительства, "продиктованной Международным валютным фондом".

Эта политика привела "к обострению всех составляющих кризиса. Политика либерализации цен, внешнеэкономической открытости, жесткой бюджетной экономии, ускоренной приватизации спровоцировала несравненно более глубокий экономический кризис, нежели тот, в котором Россия находилась к концу 1991 г. Все составляющие этой политики внесли свой вклад в углубление кризиса" [2, с. 12]. В работе описана логика экономического механизма, который привел "к сокращению производства, перераспределению ресурсов в пользу монополизированного сектора и неконтролируемой гиперинфляции" [2, с. 12]. Отмечено, что "кризис неплатежей был во многом спровоцирован правительством, сдерживающим рост денежной массы". Отмечено также, что внешнеэкономическая политика российского правительства "создает огромные преимущества обладателям экспортных ресурсов" и в конечном итоге "сажает российскую промышленность, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство на голодный паек" [2, с. 13].

Можно согласиться с составителями окончательного текста работы в части описания экономического механизма (в том числе роли сознательной политики правительства в его запуске), сформировавшего состояние российской экономики к концу 1992 г. Однако оценка этого состояния как продолжения и углубления кризиса советской экономики представляется поверхностной, отвлекающейся от радикальной ***перемены вектора*** (русла) общественного развития после августовского (1991 г.) политического переворота.

Состояние российской экономики в свете нового вектора общественного развития – это не продолжение (пусть и с углублением) кризиса советского общества, в том числе его экономических отношений (экономики). Это возникновение в России ***нового типа общества и экономики*** в ходе и в результате целенаправленно осуществляемых новой властью революционных (социально-структурных) реформ. Характеристика сути этих реформ была дана в моих (и Б.В. Ракитского) разработках сразу же, как только они начались [см., например, 3].

Мы обозначили суть реформ как сознательную правительственную политику “ускоренного первоначального накопления капитала, то есть политику создания многочисленного слоя бедного и беднейшего населения при одновременной концентрации капиталов и материальных ресурсов в руках немногих лиц” [3, с.2]. (Эта оценка позже получила достаточно широкое распространение, в том числе и в либеральной литературе). Мы отмечали, что “новое правительство проводит жесткую линию на стимулирование частных предпринимателей за счет урезания потребления трудящихся, за счет подмены принципа социальной защищённости, социальных гарантий эпизодическими подачками лишь некоторым из самых малоимущих слоев населения”, что “фактически правительство осуществляет диктатуру в интересах нарождающейся буржуазии, пренебрегая как законными правами и свободами граждан, так и правами, зафиксированными во Всеобщей Декларации прав человека” [3, с.2, 3].

При таком видении ухудшение всех параметров функционирования экономики (включая ее разрушение, потерю страной экономической независимости и обороноспособности) – это не экономический кризис, который должен, по логике экономических закономерностей, смениться экономическим подъемом. Это явление иного типа. Его следует рассматривать в составе процессов поворотно-исторического масштаба, в которых экономика выступает лишь средством реализации социальных целей.

Составители “Экономики для человека…” включили нашу характеристику сути реформ не только в Приложение к этой работе [2, с.68], но и с искажениями — в основной текст [2, с.19][97]. Но наша характеристика, естественно, плохо сочетается с оценкой состояния экономики как ***продолжения*** советского кризиса, которая принадлежит составителям основного текста.

---

[97] ***И добавили к ней свою характеристику: “трансформация тоталитарно-бюрократической системы с элементами социализма в “номенклатурный” капитализм”, под которой я, конечно, подписаться не могу.***

В “Экономике для человека…” постсоветская экономика квалифицируется как переходная экономика – “переходная экономика, находящаяся к тому же в глубоком кризисе” [2, с.36]. При этом авторы пытаются ответить на вопрос: к чему осуществляется переход? к какой экономике?

Ответ такой: осуществляется переход к ***смешанной экономике***, понимаемой как соединение рынка с другими формами хозяйствования – программированием, самоуправлением и централизованным регулированием экономики [2, с.36], в другом месте – как “соединение механизмов современного рынка и демократического регулирования” [2, с.37].

Но есть в тексте и другой ответ: переходная экономика – это уже экономика смешанная (в указанном выше смысле), а осуществляется – в соответствии с общемировой тенденцией (“постепенным, нелинейным, но неуклонным развитием механизмов регулирования рынка”) – переход ***к экономике без рынка***. “…Рынок – это не цель экономических реформ, а одна из форм хозяйствования (наряду с планом и др.), которые можно и должно эффективно использовать в переходной экономике, находящейся к тому же в глубоком кризисе. Рассматривая рынок как форму товарной экономики, мы отдаём себе отчёт, что его развитие связано с отчуждением человека, подчинением его вещи – товару, деньгам, частной собственности и другими следствиями, противоречиво сочетающимися с задачей свободного развития человека, преодоления отчуждения. В то же время, как реалисты, мы понимаем, что переходная экономика России будет включать рынок, в том числе – капиталов и рабочей силы” [2, с.36]).

Приходится, оценивая указанные представления о постсоветской экономике как переходной (переходной к смешанной ли или к безрыночной экономике), констатировать, что составители окончательного текста “Экономики для человека …” не удерживаются даже на уровне ленинских представлений о переходном периоде, не говоря уж о том, чтобы развивать теорию переходного периода с учётом социальной практики XX века.

Характеристика “переходность”, по нашим представлениям, относится не к экономике, а к обществу в целом, точ-

нее, к переходу от одного общественного устройства к другому [см, например, 7 и другие работы Б.Ракитского и Г.Ракитской]. Содержание переходного периода – столкновение противоборствующих социальных сил по поводу путей выхода из общественного (а не экономического!) кризиса, по поводу формирования социального облика будущего (в том числе и характера социально-экономических отношений). Пока переходный период не завершён, бессмысленно говорить о том, к чему осуществляется переход, но можно говорить о противоборствующих тенденциях. У составителей “Экономики для человека…” представления о разных тенденциях (когда они всё же как-то касаются этого вопроса) не адекватны реальности, утопичны [см. об этом специально ниже – в разделе “2. Прогнозы (оценки тенденций) развития российского общества и экономики”].

Излишне, наверное, напоминать, что антирыночные установки критически-утопического направления марксистской по самоопределению постсоветской мысли есть повтор (в слегка измененном виде) тех представлений, которые господствовали в официальной советской науке и которым противостояла идеология и теория социалистической рыночной экономики. Но нелишне напомнить об исторических истоках этой антирыночной направленности. Я имею в виду антирыночный (в том числе против наёмности труда) пафос первого тома (особенно четвертой главы) “Капитала” К.Маркса. Научно-гуманистическое течение отечественной общественной мысли, признающее свое родство с первоначальным марксизмом, в то же время развивает (причём, с советских времен) иные представления о причинах эксплуатации и отчуждения, чем у К.Маркса и других авторов, признаваемых до сих пор и признававшихся классиками марксизма. А именно: причины эксплуатации, отчуждения усматриваются не в рынке, не в купле-продаже рабочей силы, не в наёмности труда, а в отстранённости трудящихся от власти в обществе и в хозяйстве, в монополизации власти господствующим классом (кастой) [см., например: 4, с. 73-74; 5, с. 89-135]

Антирыночность – одна из тех черт идейно-теоретического кредо, которая придаёт ему одновременно ***и утопи-***

ческий, и реакционный характер. Но утопический, если речь идёт о характеристиках демократического (буржуазно-демократического или социалистического) общества и хозяйства. Антирыночные представления вполне укладываются в тоталитарные модели устройства общества и хозяйства, которые были в истории (например, советская модель) и вполне реальны в будущем.

Антирыночность – неотъемлемая черта идейного кредо такой, например, организации, как РКРП. В Программе этой партии (в редакции 1996 г.) читаем: “Кризис в СССР конца 80-х - 90-х годов – острый конфликт между интересами людей труда и насаждаемой и углубляемой не только изнутри, но и извне капитализацией страны. Это принудительное, ломающее коренные устои жизни народов внедрение реакционных рыночных программ, …” [12, с.9].

Иная, нежели в критически-утопическом социализме (его наиболее последовательные представители — А. Бузгалин и А.Колганов), характеристика состояния советской (дореформенной) экономики – в имперском русском социализме. Говорится не о “кризисе”, а гораздо мягче – о застое. Приведу одну из практикуемых этим течением формул.

“Деградация системы народнохозяйственного планирования была причиной возникновения крупных диспропорций общественного воспроизводства и экономического застоя. … Консервация производственных отношений, свойственных раннему социализму, в условиях качественно возросшего уровня производительных сил и общественного сознания неизбежно порождали застойные явления. Началось резкое снижение темпов роста общественного производства, его эффективности, уровня благосостояния” и т.д. [15, с.65]. (Прекрасный, как видим, пример примитивной сталинистской методологии анализа образца 1994 г.: производительные силы обогнали (!) производственные отношения).

Состояние постсоветской экономики, напротив, характеризуется как кризисное. И не только экономики. Нет и стремления определить постсоветское состояние как продолжение (углубление) советского кризиса. Возникновение причин постсоветского кризиса связывается с постсоветским

временем. “В настоящее время Российская Федерация, как и другие республики СССР, переживает глубокий экономический, политический и идеологический кризис. Внутренние и внешние антисоциалистические силы сумели реализовать свои стратегические цели: превратили значительный массив общенародной собственности в частный, разрушили плановое хозяйствование, уничтожили государственную монополию внешней торговли, систему общественных фондов потребления и социальных гарантий. Им удалось создать социальную опору капиталистической реставрации в лице спекулятивно-криминальной буржуазии и коррумпированного чиновничества. В результате произошел двукратный спад производства. … Резко усилилась зависимость страны от иностранного капитала. … Демонтаж социалистического строя привел Россию на грань катастрофы” [15, с.65]. Одна из непосредственных причин экономического кризиса и народных бедствий, по представлениям КПРФ, РКРП и т.п., – “распад” (“расчленение”) СССР и последовавший за этим разрыв хозяйственных связей.

Характер анализа и оценок состояния постсоветской экономики практически не изменился в *послеельцинский период (2000-2003 гг.).* Проиллюстрирую это выдержками из одной из последних работ С.Ю.Глазьева [6]. Она хороша тем, что является добросовестным и достаточно ёмким (кратким) сводом интересующих нас представлений, которые есть в отечественной литературе.

С.Ю.Глазьев констатирует отсутствие к концу 2003 г. положительных тенденций в развитии экономики: “… Официальные средства массовой информации, контролируемые администрацией президента и правительством, усиленно пытаются создать иллюзию положительных тенденций в экономике России” [6, с.6]; “всё, что нам досталось от Советского Союза, на сегодняшний день почти полностью проедено, изношено, утрачено или разрушено” [6, с.7].

Справедливости ради надо отметить, что среди профессиональных экономистов, обслуживающих пвевдокоммунистов, есть и такие, которые усматривают положительные тенденции в послеельцинской экономике: “После десятилет-

него экономического спада, обусловленного сменой общественного строя, Россия вошла в полосу реальной политической и экономической стабилизации. За 2001-2003 годы ВВП России увеличился на 16%, промышленная продукция – на 15%, инвестиции в основной капитал – на 30%. Замедлился рост инфляции. Сократились невыплаты зарплаты". [17, с.3]. Правда, далее автор работы Ф.Н.Клоцвог объясняет эти положительные явления как в основном следствие сложившейся конъюнктуры, но не только этим. Например, указываются и такие "нерыночные факторы", как "заметное увеличение государственного заказа", и то, что "был возможен безинвестиционный рост", поскольку "в результате глубокого экономического спада, произошедшего в предшествующем десятилетии, российская экономика располагает большим резервом незагруженных производственных мощностей, в особенности в обрабатывающих отраслях промышленности. Достаточно было увеличить спрос для того, чтобы обеспечить значительное расширение производства"[17, с.3].

С.Ю.Глазьев напоминает, что у России всё ещё имеется ядерная кнопка, страх перед которой понуждает Запад не отнимать у России внешние атрибуты принадлежности к первому миру (постоянное членство в Совете Безопасности ООН, участие в "большой восьмерке" и др.) [6, с.7]. Однако за 10 лет потеряна половина производственного потенциала, "оборонный потенциал страны снизился втрое", "население России в 2 раза меньше, чем население СССР в конце 1980-годов" (заметьте, что сравнение – с СССР, а не с Россией!), объем ВВП в 2001 году составил 67,1% ВВП 1990-го года.

Обобщённая (качественная) оценка ситуации в экономике – столь же поверхностна, как и в "Экономике для человека…" в 1992 г. Состояние экономики оценивается как её кризис: "Кризис российской экономики приобрёл патологические черты – налицо хаотический распад экономической системы, её деградация и упадок" [6, с.41].

В марксистской по самоопределению литературе шоковые реформы с самого начала получили квалификацию *антинародных* реформ. Имеет смысл отметить, что определение государственной политики как "экономического геноци-

да населения", которое было дано в январе 1992 г. в статье, подписанной А.В.Руцким, в последние годы стало подтверждаться многочисленными и разнообразными (причём, серьёзными) научными исследованиями, авторы которых придерживаются (явно или неявно) социал-демократической и даже либеральной социально-политической ориентации.

В псевдокоммунистических направлениях мысли с самого начала и до сих пор настойчиво присутствует один и тот же мотив – надо **возвратить** собственность народу, **возродить** народовластие и т.п. И у КПРФ, и у РКРП (теперь – РКРП-РПК) термины *"возвратить", "возродить"* – ключевые [см. 12; 15; 16]. Реакционность представлений, ориентированных на возврат прежних общественных порядков, в том числе экономических институтов и механизмов, очевидна. И у А.Бузгалина и А.Колганова проскакивает мотив "возврата": "Демократическая реформа отношений собственности рассматривается нами прежде всего как мера не только реализации требований социальной справедливости – возврата народу собственности, созданной его трудом, …" [2, с.29].

2. Прогнозы (оценки тенденций) развития и характер рецептов оздоровления российского общества и экономики

Прогнозы развития российской экономики принципиально не изменились с 1992 г., хотя и дополнились рядом детализаций, а также – в последние годы – привязкой прогнозной проблематики к процессам глобализации.

Работа "Экономика для человека…" (конец 1992 г.) содержала следующий общий прогноз: ""Шоковая" терапия и "углубление реформ" не только не исправляют наиболее глубокие пороки, заложенные прежней бюрократизированной системой хозяйства, – они усугубляют эти пороки, добавляя к ним новые. "Шоковая терапия" – это путь в тупик, к деградации страны до уровня сырьевого придатка более развитых стран, к катастрофической деиндустриализации

и гибели научно-технического потенциала державы” [2, с.14].

В этой же работе отмечалось, что приватизационная политика правительства не способна повысить эффективность экономики. Указывались две причины. Одна причина – невозможность провести приватизацию с высокой скоростью, так как “для этого отсутствуют институциональная база и необходимое количество свободных капиталов”. Другая причина – “смена форм собственности в российской экономике не способна излечить ее структурные недостатки”. [2, с.14]. Авторы явно недооценили в то время степень устремленности правительства на “реформистский прорыв” – на ускоренное первоначальное накопление капитала любыми способами (в том числе на принудительную ускоренную приватизацию, но вовсе не с целью превратить поголовно все население в частных собственников). В то же время авторы в общем-то верно прогнозировали, что “переход предприятий-монополистов … в частные руки лишь усугубит негативное воздействие монополизма на экономику” [2, с.14].

Прогноз, данный в “Экономике для человека…”, надо сказать, оправдался, если говорить о чисто количественных показателях: “Затягивая экономику в петлю катастрофического спада, политика российского правительства подрывает потенциал будущего экономического роста, ведя экономику не к оживлению в послекризисный период, а к затяжной депрессии. Если политика спада не будет приостановлена, на восстановление докризисного уровня экономики может потребоваться более 10 лет” [2, с.18].

Действительно, 10 лет прошло, а дореформенный объем производства так и не восстановлен. Президент провозгласил задачу удвоить нынешний ВВП (то есть восстановить дореформенный объем производства) к 2010 г. Однако ясно, что если это и произойдет, то в России не будет восстановлено многоотраслевое хозяйство, обеспечивающее экономическую независимость страны. Облик хозяйства России предопределён (в случае неизменности социально-экономического курса) планами международного разделения труда и

сегрегации населения планеты, которые соответствуют стратегии глобализации капитализма.

Разработка *детальных* экономических программ, которые следовало бы осуществить в интересах народа и для “спасения” Отечества, – это специфическая черта псевдокоммунистических течений. Довольно подробно описывается также и утопистами-социалистами, и имперцами-социалистами устройство будущего общества, в том числе экономики. (Причём, часто описания совпадают текстуально в связи с их тесным сотрудничеством. А оно возможно, поскольку в представлениях конкретных людей присутствуют представления, относящиеся к разным идейно-теоретическим течениям. Например, много текстуальных совпадений у работ [2] и [15]).

Подробные описания будущего справедливого (социалистического, коммунистического) общества и экономики, программ переходных мероприятий и механизмов ни к чему не обязывают, поскольку обещающие “спасти” Отечество не находятся у власти.

Рецепты оздоровления проистекают, естественно, из представлений о социально-экономическом облике общественного прогресса вообще и, соответственно, о желаемом будущем российского общества.

В “Экономике для человека…” содержалась подробная (хотя и довольно-таки эклектичная) разработка конкретных направлений, мероприятий, механизмов, которые должны оздоровить экономику, затормозить спад производства, а затем обеспечить экономический рост. Были в первый год реформ и другие весьма конкретные и подробные программные разработки псевдокоммунистического типа, например, экономическая программа д.э.н. А.Сергеева [8]. Систематически появлялись подробные рекомендации на тему “что делать” и в последующие годы – как авторские, так и программы организаций (КПРФ, НПСР и др.).

Анализ работы “Экономика для человека…” [2] позволяет за весьма, правда, многословными и эклектичными рекомендациями-предложениями рассмотреть утопическое видение перспектив развития России. К примеру: “Вхождение в

экономику XXI века и эффективное “задействование” человеческого потенциала в период НТР требует движения от труда наёмника к деятельности свободного работника. В полной мере в среднесрочной перспективе эта задача разрешима лишь отчасти, ибо в смешанной экономике будут сохраняться отношения эксплуатации и отчуждение. Однако стратегически возможно и необходимо начать движение в этом направлении – направлении поддержки и стимулирования инициативного, производительного, творческого труда” [2, с.33].

Далее в работе приводится перечень конкретных мер, направленных на то, чтобы обеспечить движение российского общества в сторону “освобождения труда”. В этом перечне есть и хорошие требования-пожелания. Однако все они вместе и в целом игнорируют реальные исторические координаты и вектор развития постсоветской России.

Можно частично оправдать утопический оптимизм авторов тем, что написано это в конце 1992 г. Однако в имперском русском социализме – еще больше оптимизма через 2 года (в 1994 г.): “Демонтаж социалистического строя привёл Россию на грань катастрофы. Страна оказалась на перепутье между двумя направлениями дальнейшего развития: либо вернуться к капитализму и пройти весь драматический путь его развития…, либо сохранить свое историческое лидерство, став вновь на путь социалистического развития, последовательного перехода к новой ступени социализма” [15, с.65]. (Замечу, кстати, что в этой же работе новая ступень социализма названа “*народным* социализмом”. Видимо, подсознательно имеет место противопоставление планируемого нового социализма советскому *антинародному* “социализму”).

Научно-гуманистическое течение сформировало к 1992 году существенно иные представления, проистекающие из конкретно-исторического анализа, в том числе из анализа реального соотношения социальных сил в российском обществе.

Реалистический анализ показывал, что в России нет необходимых условий не только для становления со-

циалистических отношений (то есть для развития в русле ликвидации эксплуатации, освобождения труда от эксплуатации), но и для становления социально-экономи-ческих отношений, свойственных развитым капиталистическим странам даже в их “жёстком” (а не только в “мягком”, социал-партнёрском) варианте. Это заставляло уже тогда совершенно иначе выстраивать социальные приоритеты, иначе определять стратегические и ближайшие задачи демократических движений трудящихся. Даже демократическая реформа собственности (*буржуазно*-демократическая, а не социалистическая) была мало вероятной, поскольку концепция такой реформы не находила сколько-нибудь широкой поддержки в обществе, даже в рабочем и профсоюзном движении. Разработанная ещё в 1990 году мною при участии Б.В.Ракитского (в порядке научного обслуживания организации “Союз трудовых коллективов страны”, для её программных документов) концепция демократической реформы собственности была включена в “Экономику для человека…” (в Приложение и в основной текст). Но при этом составители основного текста нас “подправили”: “Приоритетно развивать отношения собственности и хозяйствования, в которых отсутствует эксплуатация человека человеком (демократическая реформа собственности)” [2, с.27].

В 2003 г. С.Ю.Глазьев полон оптимизма на тот счёт, что “при всех колоссальных потерях в экономике мы всё ещё производим немало”, “доля ВВП России составляет 2,5% мирового ВВП. Для страны, население которой составляет 2 с небольшим процента человечества, это далеко не безнадёжный показатель”[98]. Отсюда вывод: “мы уже сейчас должны жить гораздо лучше, чем живем”, “наряду с необходимостью повышения темпов экономического развития, не менее актуа-

---

[98] С.Глазьев также с удовлетворением отмечает, что по размеру ВВП на душу населения Россия относится не к третьей, а ко второй из трёх групп стран (первая группа – 15 тыс. долларов на душу населения, вторая – от 5 до 15 тыс., третья – менее 5 тыс.) [2, с.7].

лен вопрос справедливого распределения национального богатства” [6, с.8].

С.Ю.Глазьев отмечает, что “правильно организованный переход к рыночной экономике должен был обеспечить повышение эффективности и расширение производства”. Он ссылается на расчеты Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН: “В случае научно обоснованного перехода к рынку можно было бы добиться экономического роста с темпом не менее 3% в год” [6, с.16]. Вообще у С. Глазьева – обилие самых разнообразных цифр, что подтверждает его экономическую эрудицию. Его вывод: “Вот такие нерадостные цифры, к сожалению. И говорят они о том, что у нас осталось очень мало времени, чтобы изменить ситуацию. Если мы не хотим окончательно впасть в зависимость от высокоразвитых стран, нам необходимо немедленно предпринимать кардинальные шаги, которые могут уже в ближайшее время обеспечить экономический рост” [6, с.18].

Как обеспечить перелом ситуации? Рецепт, по Глазьеву, оказывается, весьма прост: нужно, “чтобы у руля государства оказались те, кто способен развернуть политику в иную сторону – в сторону общенародных интересов” [6, с.37]. Ну, прямо как у наших либералов – всё сделает элита, а народ пусть ждёт, о нём позаботятся, когда придёт время.

Детальное вычленение действительных позиций, скрывающихся за обещаниями разработчиков программ подъёма экономики для “спасения” Отечества, не входит в задачи настоящей работы. Достаточно сказать лишь следующее.

Все рецепты псевдокоммунистических течений оставляют в тени проблему реальности кардинальной перемены социально-экономического курса, которая (согласно историко-материалистическому подходу) есть в первую очередь проблема движущих социальных сил радикальных общественных (и только в их составе – экономических) преобразований.

Научно-гуманистическое течение, напротив, ставит в центр внимания именно вопрос о движущих социальных силах радикальных прогрессивных перемен, то есть не

вопрос **“что делать”**, а вопрос “**кто сделает”** или “**кто заставит сделать”** (см., например, [9, с.391-397]). Сейчас, как и 10 лет назад, приходится констатировать, что в России нет реальных социальных сил, способных отстоять последовательное и устойчивое развитие буржуазно-демократического общества, не говоря уж о социалистическом. Напротив, уже в 1992 г. были все основания для того, чтобы прогнозировать тенденцию фашизации массового сознания (см. именно такой прогноз в [10, с.23]). Этот наш прогноз подтвердился. В 2000 г. пришлось констатировать, что “из-за массовой социальной деградации населения, сменившей период революционного демократического подъёма 1989-1991 гг., собственно российская линия …, существенная по мощи, – это линия не на демократический выход из нового тупика, а линия великодержавная, имперская” [11, с.81].

Сегодня фашизацию массового сознания можно фиксировать как свершившийся факт. Этот факт подтверждён предпочтениями населения на выборах в Государственную думу 7 декабря 2003 г.

Оценки псевдокоммунистических течений на этот счёт не имеют ничего общего с российской реальностью. В частности, КПРФ, РКРП и другие организации, называющие себя коммунистическими, традиционно изображают ситуацию каждый раз как предреволюционную, как очередной подъём народного движения за социализм и коммунизм, причём в идейном кредо псевдокоммунистов социалистическая и коммунистическая фраза соединяется с великодержавным русским патриотизмом (см, например, [12]).

Фашизм (тоталитаризм) с адекватной ему милитаризацией хозяйства и при, говоря словами С.Глазьева, “сохраняющейся у нас ядерной кнопке” обеспечит, без сомнения, экономический рост и занятость населения. Псевдокоммунисты объявят это выходом из экономического кризиса, спасением Отечества, возрождением России. Демократические течения общественной мысли – и буржуазно-демократические, и народно-демократические (по-

следовательно гуманистические) – воспримут такой “выход из экономического кризиса” как трагедию Отечества, российских народов, как трансформацию (видоизменение) советского тоталитаризма.

III
Краткие выводы

1. Псевдокоммунистические (псевдосоциалистические) направления общественной мысли, сохраняющие в той или иной мере марксистскую фразеологию или самоидентификацию, сформировали к настоящему времени такие оценки положения дел в российской экономике, которые носят по преимуществу поверхностный – *обличительно-констатирующий,* а не научный – *аналитико-диагностический* характер**.**

В оценках преобладают не качественные характеристики, а статистические данные. Это предопределяется характером идейно-теоретических установок, которые реально играют роль критериев при формировании оценочных представлений.

2. Для псевдокоммунистических (псевдосоциалистических) течений характерна метафизическая (экономико-детерминистская) методология сталинизма. Отсюда – бузгалинско-колгановский “винегрет” в представлениях о советском обществе, оценки состояния российской экономики как экономического кризиса, утопический характер и реакционность основных рекомендаций по оздоровлению (развитию) российского общества и экономики. Это в худшем случае. В лучшем случае получается недопонимание, *жёстко сплавленное* с демагогией.

3. В рамках псевдокоммунистических (псевдосоциалистических) течений намечается, по нашей гипотезе (она требует специальной проверки), идеология, связывающая развитие экономики и улучшение жизни населения с социальными технологиями социальной резервации. Эта гипотеза основана на том, что в последнее время активно педалируется вопрос об изъятии государством “у олигархов” природной ренты и её “справедливом” распределении.

В Заявлении “Комитета в защиту прав граждан России на общенациональные природные богатства” (объявлено, что его подписали С.Ю.Глазьев, Ж.И.Алферов, О.Е.Кутафин, Д.С.Львов) читаем: “Как будет расходоваться природная рента? Средства на развитие экономики и повышение уровня жизни в регионах должны рассчитываться и направляться на места с учётом количества проживающих там людей. Часть средств может направляться на персональные счета граждан” [13].

Псевдокоммунисты, таким образом, сбрасывают марксистскую фразеологию и уже не обещают освободить труд от эксплуатации, а обещают населению депрессивных регионов сытый нетрудовой образ жизни (социальную резервацию) за счёт сверхдоходов от использования природных ресурсов других регионов. Это весьма показательная трансформация идеологии.

Литература

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И., Ракитская Г.Я. и др. Экономика для человека (Антикризисная программа Демократических левых). *Материал для обсуждения, 1-ый вариант, ноябрь1992 г.* – М.: Экономическая демократия. 1992.

2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. и др. Экономика для человека (Антикризисная программа Демократических левых). *Материал для обсуждения, вариант 1а, декабрь 1992 г.* – М.: Экономическая демократия. 1992.

3. Памятная записка второй сессии Комиссии Правления СДПР по связям с рабочим движением и профсоюзами (16 февраля 1992 года, г.Москва). – Новости социал-демократии, №12 (44), апрель 1992 г. Спецвыпуск Комиссии Правления СДПР по связям с рабочим движением и профсоюзами.

4. Перспективы и проблемы России. Выпуск 2. Идейная борьба за будущее России. – М.: Институт перспектив и проблем страны, 1995.

5. Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003.

6. Глазьев С.Ю. Благосостояние и справедливость: как победить бедность в богатой стране. – М.: “Б.С.Г. – ПРЕСС”, 2003.

7. Ракитский Б.В. Основы теории переходного периода. – В кн.: Через тернии. – М.: Прогресс, 1990.

8. Сергеев А. Экономическая программа советского правительства. – Народная правда, дек. 1992 г., № 48 (50).

9. Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Пространство ответов: кто сделает или кто заставит сделать? – Россия в актуальном времени-пространстве. – М-Волгоград: Волгоградский университет, 2000.

10. Резолюция IV Съезда СДПР “О положении в стране, задачах и тактике СДПР (основной политический документ Съезда). *Проект (предлагается группой сторонников платформы левых социал-демократов в СДПР)”.* – Новости социал-демократии, № 18-22, май 1992 г. Съездовский спецвыпуск.

11. Ракитская Г.Я. Марксистская версия социальных институтов и институциональных преобразований. *Опыт анализа и актуального продвижения методологии.* – М.: Институт перспектив и проблем страны, 2000.

12. Программа Российской коммунистической рабочей партии. Устав Российской коммунистической рабочей партии. – Издание Информационно-методического центра РКРП по рабочему движению. М., 1996.

13. Вернём себе Россию! “Родина” (народно-патриотический союз). Листовка избирательного блока. 25.11.03 г.

14. Клоцвог Ф.Н. О социально-экономической природе советского строя и современного российского общества. – В сб.: Трансформационные процессы и экономическое развитие. – М.: ИЭ РАН, 2003.

15. Путь России к народовластию и социализму (концепция социально-экономической программы). Принята на

научной конференции, проведённой ЦИК КПРФ 28-29 марта 1994 г. в г. Москве. – ИЗМ, 1994, № 1.

16. Программа Коммунистической партии Российской Федерации. – III Съезд Коммунистической партии Российской Федерации (Материалы и документы). – М.: Информпечать, 1995.

17. Клоцвог Ф.Н. Условия и пути удвоения ВВП России (Материал к парламентским слушаниям “Удвоение ВВП – стратегическая задача России первого десятилетия XXI века”. 20 ноября 2003 г.).

Печатается по рукописи 2003 г.

2005

==========

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ

(эксплуатация как тип социально-трудовых отношений)[99]

Проблематика эксплуатации воспринимается донельзя политизированно (в худом смысле этого слова, в смысле оголтелой предвзятости). Российские реформаторы-либералы не любят, мягко говоря, и отрицают понятие “эксплуатация”, поскольку их идейные наставники объявили и эксплуатацию, и классовое деление общества, и типизацию обществ (социализм, капитализм и все прочие

---

[99] Эту статью я направила в сентябре 2005 в журнал «Вопросы экономики». Мне стало подозрительным, что напечатанные в этом журнале в последнее время несколько статей о марксизме явно избегают проблематики эксплуатации. Подозрения оказались не беспочвенными. Редакция была в полном недоумении: «Зачем Вы написали эту статью?» Редакторам проблемы эксплуатации пред-ставлялись абсолютно неактуальными, а тенденция развития системы капиталистической эксплуатации в сторону глобализации тоталитаризма – надуманной, противоречащей реальности. И они откровенно сказали мне об этом, отказавшись от публикации статьи. Я хочу зафиксировать этой статьёй, что в современной России имеются не только наёмные эксплуатируемые, не только наёмные эксплуатирующие (менеджмент), и не только частные капиталистические собственники (эксплуататоры). Есть ещё и учёные-обществоведы, развивающие теорию эксплуатации, надеясь на её практическое востребование российским и международным движением трудящихся и эксплуатируемых. (Г.Р.)

“измы”) “давно прошедшими” заблуждениями. Защитники же прежнего общественного устройства, всё ещё пропагандирующие его как социализм и продолжающие применять социалистическую и марксистско-ленинскую фразеологию, рассуждают об эксплуатации в “уличающе-обличительном” ключе. Ни те, ни другие не судят об эксплуатации в пространстве точного обществознания и научной (классовой по самому своему определению) политической экономии.

Обойтись без рассмотрения проблем эксплуатации никак невозможно, если рассматривается *тип* общественных отношений вообще и социально-трудовых отношений в частности. Следует при этом отвлечься от остро актуального политического и идеологического контекста проблематики эксплуатации, сосредоточиться на её научной стороне, то есть на вопросе о научных подходах и способах типизации общественных отношений.

Вычленим качественное содержание тех отношений, для научного отражения которых применяется категория эксплуатации. Будем исходить из того, что не наименование является исходным и требующим содержательного наполнения. Напротив, в реальной общественной системе имеется нечто содержательное, требующее точного (определённого) научного понятия. Такой подход выводит дискуссию об эксплуатации из пространства спора о словах, ставит на обсуждение вопрос о том, существует или нет в реальности некий содержательный тип и круг социальных отношений (процессов).

Исходный и не требующий специальных доказательств факт – *социализированность* (обобществлённость, совместность) преобразовательной практики. Формы социализированности практики – её разделение (специализация) и кооперация (обмен деятельностью).

Не подвергается обычно сомнению и факт *неравномерного распределения* эффекта (результата) социализированной практики между ее участниками. Вопрос о справедливости или несправедливости такого распределения – это уже вопрос восприятия и ценностной оценки

самого реального факта неравномерного распределения эффекта.

И те, кто обосновывают наличие эксплуатации, и те, кто обосновывают её отсутствие или даже невозможность, имеют перед собою одну и ту же реальность, но рассматривают и оценивают её с разных мировоззренческих позиций. Этим и объясняется, что учение об эксплуатации может иметь высокую практическую ценность, не имея на определённых этапах своего развития достаточно строгих научных доказательств.

Выдвижение современной теории эксплуатации актуально, поскольку в ходе реформ 1990-х годов отечественные адепты западных либеральных учений стали активно переносить в научную литературу на русском языке давно известную аргументацию об отсутствии, невозможности эксплуатации или же об её исторической преодолённости, по меньшей мере, в современных лидирующих странах[100]. Существующие концепции эксплуатации (особенно Марксова теория прибавочной стоимости) критикуются как заведомо слабые, игнорирующие факты или же как отставшие от исторической практики.

Моя позиция относительно существующих концепций эксплуатации состоит в следующем. Защищать от критики целесообразно лишь конечный вывод. Имеющиеся теории эксплуатации (в том числе и Марксова) не используют ряда фундаментальных обоснований. Есть возможность и необходимость подвести под вывод об эксплуата-

---

[100] См., например, материалы заочного круглого стола "Эксплуатация: марксистская теория и реальность" (Мировая экономика и международные отношения // 1992. № 12, 1993. № 1, № 3). Вот типичное утверждение: "…При том общественно-экономическом строе, который, используя созидательную функцию капитала, развивается на Западе, … эксплуатации, как таковой, теперь в принципе нет и быть не может" (Эльянов А. Возможна ли эксплуатация при развитом рынке? // МЭ и МО. 1992. № 12. С. 87).

ции как системе (типе) общественных отношений новую – более строгую систему доказательств и аргументов, вобрав в неё кое-что ценное и несомненное из прежних представлений.

Идеологии и теории, оперирующие понятием “эксплуатация”, выстраиваются на представлениях о социально-экономических отношениях, складывающихся по поводу социализированной практики и распределения полученного эффекта, как о *несправедливой* (с точки зрения трудящихся классов) системе. Несправедливой потому, что пропорции распределения эффекта от социализированной практики между её участниками не соответствуют (несоразмерны) соотношению их трудовых вкладов в этот эффект: доля трудящихся классов меньше, чем доля их трудового вклада в общий эффект. Зафиксирую два основных содержательных постулата теорий эксплуатации.

Первый постулат: противоречие социализированности труда и производства и несоразмерности реального присвоения трудящимися эффекта их реальному участию в труде и производстве *не есть нарушение* общественного устройства (порядка), а *есть само существо* определённого общественного устройства. Это существо воплощается в регулярно воспроизводимый и совершенствующийся механизм осуществления общественного воспроизводства (распоряжения ресурсами, организации хозяйства, распределения эффекта).

Второй постулат: эксплуатация как система общественно-экономических отношений *не есть нечто естественное и вечное*, самой природой заведённое, а *исторически преходящее*, возникшее как следствие противоположности интересов разных частей общества. Фиксируется и ставится в центр внимания именно исторически возникшая и воспроизводящаяся несправедливость распределения (разделения) эффекта.

Первый из постулатов (об эксплуатации как общественной системе) известен с древних времен. И второй в сущности высказывался вполне отчётливо и разнообразно (к примеру, известная формула П.-Ж.Прудона “Собствен-

ность – это кража”). В отечественном обществознании в советские времена стала безальтернативной Марксова трактовка эксплуатации.

Подчеркну, что теории эксплуатации присущи науке, которая базируется на идеологиях, отражающих интересы трудящихся. Идеологии же и теории, отражающие интересы тех социальных групп, в чью пользу действует система несоразмерности доли присвоения эффекта и трудового вклада, не только не признают эксплуатацию, но отрицают и саму отмеченную несоразмерность. Вести научные дискуссии между учёными, отражающими противоположные классовые позиции и интересы, конечно, можно. Но нет шансов переубедить идейно-теоретических противников. Польза от подобных дискуссий, впрочем, немалая: они помогают тем и другим углубиться до сути вопроса и развивать собственную классовую идеологию и науку и как составную часть культурного пространства жизни класса.

Обратимся к типичным дефинициям эксплуатации.

“**Эксплуатация** – ... присвоение результатов чужого труда собственниками *средств производства* в классово антагонистических общественно-экономических формациях...”[101]. Или: “Наёмный рабочий при вступлении в сделку с капиталистом получает от него лишь эквивалент стоимости рабочей силы и ничего более. Своим же трудом он не только воспроизводит стоимость рабочей силы, но создаёт и *прибавочную стоимость*, а капиталист присваивает этот результат неоплаченного труда наёмного рабочего”[102].

Присвоение результатов чужого труда или присвоение результатов неоплаченного труда – эти определения ухватывают одну из содержательных сторон эксплуататорских отношений. Но они недостаточно строги, неполны,

---

[101] Хандруев А.А. Эксплуатация // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Том 4. М. 1980. С.558.

[102] Политическая экономия. Учебник для вузов. /Медведев В.А., Абалкин Л.И. и др. М. 1988. С. 167.

особенно если несоразмерность присвоенного результата и вклада в его производство вырывается из контекста общественно организованного труда и производства, если не уточняются социальные условия её превращения в эксплуатацию.

Первоисточник распространенных ныне стереотипных определений эксплуатации – учение К.Маркса об эксплуатации, как оно дано в первом томе “Капитала”, особенно в главе четвертой “Превращение денег в капитал”.

Прежде всего приходится с сожалением отметить, что К.Маркс с излишним старанием втискивает человека в модельное прокрустово ложе “экономического человека”, азартно не принимая во внимание всё человеческое, общественное и гражданское, что лишне для модели “экономического человека”. К.Маркс убирает из поля анализа всё, что “выходило бы за рамки анализа товара”[103]. Такой ход мысли был продиктован, по-видимому, внутренней установкой, согласно которой противоречия товара и логика развития товарного обращения порождают деньги, а деньги в порядке самодвижения превращаются в капитал. В истории, однако же, не так. Не деньги порождают капитал как исторически новую форму эксплуатации, а система эксплуатации на определённом этапе своего развития *осваивает товарно-денежные отношения* и перебирается из своей формы по преимуществу внеэкономического насилия в форму капитала.

То, что указанная внутренняя установка существовала и действовала, подтверждает и то обстоятельство, что у К.Маркса, Ф.Энгельса, у В.И.Ленина уничтожение эксплуатации мыслится непременно как уничтожение товарно-денежных отношений, рыночных отношений. Они рассуждают так, будто рынок и товарно-денежные отно-

---

[103] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. М. 1960. С.180 (далее первый том “Капитала” цитируется по этому же изданию).

шения порождают капитал и капиталистическую эксплуатацию[104].

По Марксу, возможность самовозрастания стоимости заложена в особом свойстве товара рабочая сила. В связи с этим Маркс обозначает два условия, необходимые "для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар": "…Владелец денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если найдёт на товарном рынке свободного рабочего, свободного в двояком смысле: в том смысле, что рабочий – свободная личность и располагает своей рабочей силой как товаром и что, с другой стороны, он не имеет для продажи никакого другого товара, гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для осуществления своей рабочей силы"[105].

И следом за этим идёт абзац, который обозначает ту ***развилку мысли,*** от которой К.Маркс повёл анализ не лучшим образом. Вот этот текст: "Вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересует владельца денег, который находит рынок труда в готовом виде как особое подразделение товарного рынка. *И нас он пока интересует столь же мало* (курсив мой – Г.Р.). Мы теоретически исходим из фактического положения вещей, так же как владелец денег исходит из него практически. Одно во всяком случае ясно. Природа не производит на одной стороне владельцев денег и товаров, а на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих

---

[104] Напомню, что введение НЭПа (пусть даже "всерьёз и надолго") считалось "отступлением".

[105] Маркс К. Капитал. Том первый. С.179

экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства”[106].

Целостный конкретно-исторический контекст изучаемого вопроса (откуда взялся “рынок труда в готовом виде как особое подразделение товарного рынка”) К.Марксу виден, но “пока интересует мало”, “выходит за рамки анализа товара”[107]. Вывести эксплуатацию из внутреннего свойства отдельного товара! – вот исследовательское наваждение К.Маркса. Ради этого убираются все свойства и способности человека, кроме способности быть рабочей силой и на срок продавать её как товар. К.Маркс тем самым *полностью выводит человека из целостного общественного контекста* ради того только, чтобы изобразить его равноправным с капиталистом товаровладельцем, который вёл бы с капиталистом взаимоотношения как собственник с собственником[108]. Это, что называется, тощая абстракция, которая вывела К.Маркса из русла его же собственного историко-материалистического подхода.

Двигаясь от “развилки мысли” по пути историко-материалистического (целостнообществоведческого) анализа, мы пришли бы к иному, чем К.Маркс, выводу: чтобы эксплуатация могла начаться и осуществляться в капиталистической форме, она должна была иметься как тип (система) общественных отношений в докапиталистических формах, ибо *рыночные механизмы, товарно-денеж-ные отношения, товары, деньги сами по себе ничего капиталистического (шире – ничего эксплуататорского) в себе не содержат.* Законы рыночных механизмов – стоимостные (косвенные) соразмерения эффектов, эквивалентные обмены. У механизмов эксплуатации законы совсем иные. Исследуя товар и его противоречия, можно логично дойти лишь до появления денег, но невозможно объяснить, почему деньги превращаются в капитал.

---

[106] Маркс К. Капитал. Том первый. С.180.

[107] Там же. С.180.

[108] См.: Там же. С.178.

Не требуется большого воображения, чтобы убедиться, что из выручки за товары капиталист уплачивает наёмным работникам только часть. Более того – только часть из прироста стоимости, которую дало применение рабочей силы. Стоимость рабочей силы меньше вновь созданной стоимости. Но разве такое соотношение – прирожденное, естественное свойство рабочей силы? Почему стоимость рабочей силы и заработная плата не могут достигать величины всей вновь созданной стоимости? Или могут? Эти вопросы остаются за пределами исследования, не выходящего, по словам Маркса, “за рамки анализа товара”. Единственное, что установлено, так это факт уплаты наёмному работнику не всей, а лишь части вновь созданной живым трудом стоимости. Отсюда и берут своё начало стандартные определения эксплуатации как присвоения результата чужого или результата неоплаченного наёмного труда.

В этой связи требуется присмотреться к категории *“присвоение”*. Категория “присвоение” (это удивительно, но факт) не имеет специальной научной трактовки и не встречается в специальных научных словарях и энциклопедиях, хотя её присутствие в ряде ключевых политико-экономических дефиниций – обычное дело. Это можно считать косвенным аргументом в пользу того, что понятию “присвоение” оставляется его обыденный (“здравый”) смысл: “присвоить – значит взять себе, оставить за собой, не отдать другим”.

В этом значении понятие “присвоение” может вполне успешно обслужить научное описание лишь *имущественных,* то есть *субъектно-объектных* отношений и может быть конкретизировано в присвоение-распоряжение, присвоение-владение, присвоение-пользование и др.. Конечно, и “имущественный” смысл присвоения, говоря словами К.Маркса, “несёт на себе следы своей истории” и целостного общественного контекста. Это воспроизводственный контекст. Логическая структура воспроизводства: производство – распределение – обмен – потребление. Присвоение в “имущественном” смысле

оказывается процессом и результатом фазы (сферы) *распределения*. Однако одного только “имущественного” смысла присвоения обществоведению и даже политической экономии мало.

Выявляя законы движения тех или иных типов обществ, политическая экономия и обществоведение в целом обращаются к противоречию характера производства (точнее, воспроизводства) и характера присвоения. К примеру, противоречие общественного (обобществленного) характера капиталистического производства и частнокапиталистической формы присвоения. Категорию “присвоение” привлекают здесь к обозначению свойств *общественной формы* воспроизводства, то есть в ином смысле, нежели имущественный. Принципиальное расхождение между этими смыслами: в “имущественном” смысле присвоение есть отношения субъектов к объектам, а в другом (неимущественном) – отношения между субъектами, *субъектно-субъектные* отношения.

Субъектно-субъектные отношения присвоения – это *властные отношения*, в том числе властно-хозяйственные (собственность есть власть в хозяйстве; это понимание собственности достаточно известно).

Существующие теории эксплуатации, применяя понятие “присвоение”, применяют его в “имущественном” смысле. *Трактовка эксплуатации через “имущественное” понимание отношений присвоения – трактовка плоская, недостаточная, оставляющая в стороне самое главное в отношениях эксплуатации.* Что, собственно говоря, даёт нам для понимания отношений эксплуатации её определение как присвоения результатов чужого труда или результатов неоплаченного труда?

Первое. Превращение денег в капитал трактуется как закономерное следствие саморазвития товарно-денежных отношений. Оно (это превращение) проистекает якобы из внутренних свойств товара и денег (говоря словами К.Маркса, “на основе имманентных законов товарообмена”, “на почве товарного обмена”). Как только пространство рынка (товарно-денежного обращения) распро-

страняется настолько, что товаром становится рабочая сила и деньги могут покупать этот товар, деньги превращаются в капитал. Наём, получается, порождает капитал.

При таких трактовках устранение капиталистической формы эксплуатации из жизни общества неизбежно требует отказа от использования в организации хозяйства товарно-денежных отношений и рынка. История тоталитаризма в СССР отчетливо показала, как опасна антитоварная идеология. Хозяйствование “без услуг прославленной стоимости” (выражение Ф.Энгельса) оказалось в практике XX века адекватным сталинистской (и не только сталинистской) разновидности фашизма. Идеология и теория антитоварности, враждебности к товарно-денежным отношениям и рынку, то есть “рыночный нигилизм”, свойственный догматическим и левацким течениям (называющим себя то марксистскими, то левыми), – следствие методологического заблуждения у основателей-идеологов, излишней прямолинейности у первого поколения их последователей и фанатического скудоумия – у современных последователей.

Второе. Суть эксплуатации усматривается в том, что часть вновь созданной стоимости присваивается (берётся себе) капиталистическим предпринимателем, собственником средств производства.

Стоимость рабочей силы меньше вновь созданной стоимости – вот часть открытой К.Марксом тайны прибавочной стоимости. Но подобная пропорция (деление на необходимый и прибавочный продукт) характерна для всякого расширенного воспроизводства. Не капитал изобрел это деление. И докапиталистические формы эксплуатации состояли в изъятии (“присвоении”) прибавочного продукта господствующими социальными группами – собственниками.

Вопрос о том, *почему* прибавочный продукт стал так называемой прибавочной стоимостью, не может быть решён на основе “анализа товара”. Из него можно извлечь лишь то, что в стоимости товара содержится стоимость прибавочного продукта, а в цене товара – цена прибавоч-

ного продукта. Чтобы доказать превращение прибавочного продукта в сугубо капиталистическую форму эксплуатации – по терминологии К.Маркса, в прибавочную стоимость – одного только “анализа товара” недостаточно. Да, строго говоря, он для этого и вообще не нужен.

Третье. Из “анализа товара” проистекает вывод об *объективном характере* стоимости рабочей силы. Сам по себе вывод о стоимости рабочей силы как объективной реалии верен, но способ, каким он получен, затемняет содержательную природу этой объективности.

По К.Марксу, объективность стоимости товара рабочая сила состоит в том, что “его стоимость, подобно стоимости всякого другого товара, была определена раньше, чем он вступил в обращение, потому что определённое количество общественного труда уже было затрачено на производство рабочей силы …”[109]. Получается некая *предопределенность* уровня нормального заработка. Нормальным представляется заработок, в точности (или почти в точности) соответствующий стоимости рабочей силы. А она, в свою очередь, определяется рабочим временем на производство жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочей силы.

При такой трактовке в состав необходимых жизненных средств (необходимого продукта) включается только то, что *необходимо покупателю и пользователю* наёмной рабочей силы, чтобы “поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности” и чтобы на смену смертному собственнику рабочей силы появлялись его “заместители” (дети рабочих)[110]. А как же продавец – он может требовать чего-то, что необходимо ему как человеку, хотя работодателю (покупателю рабочей силы) не необходимо?

Так поставленный вопрос заставляет оставить в стороне “анализ товара” и заняться анализом общества, то есть идти к стоимости рабочей силы как к объективной

---

[109] Маркс К. Капитал. Том первый. С.184.

[110] Там же. С.182.

категории совсем с другой стороны. Он ставит в центр внимания социальную структуру общества, соотношение и противоборство социальных сил, выходит на социальное положение трудящихся как на результат этого соотношения. Для данного конкретно-исторического соотношения социальных сил и соответствующего ему положения трудящихся рассматривается далее нормальный уровень экономических ресурсов существования и развития. Вот он-то и есть уровень необходимого продукта, объективная стоимость рабочей силы. При купле-продаже рабочей силы эта объективная стоимость и служит законом цен на рабочую силу. В конце концов вроде бы так же, как у Маркса при “анализе товара”. Но это «вроде бы» и «в конце концов». На самом деле разница принципиальная, поскольку при “анализе товара” стоимость рабочей силы – явление по природе своей *рыночное, экономическое*, а при целостнообществоведческом анализе – явление *макросоциальное*, *результат соотношения классовых сил в обществе*, что в экономике и, в частности, при купле-продаже рабочей силы проявляется. Не формируется, а проявляется. Стоимость рабочей силы объективно складывается не в экономике, а на уровне общественного устройства, в итоге взаимодействия (столкновения) и соотношения социальных сил. Но ведь точно так же обстоит дело со всеми экономическими категориями, которые отражают общественные интересы. Поэтому-то они и называются не просто экономическими, а гораздо точнее и глубже – политико-экономическими.

Кстати сказать, методология “анализа товара” в принципе не способна объяснить, отчего это в 1990-е годы в России сперва цена, а затем, очевидно, и стоимость рабочей силы понизились в разы, притом скачком. Что произошло в экономике, в мире товаров объективного, чем можно было бы этот скачок объяснить? Причины лежали не в экономике, а в обществе, в социально-структурных переменах.

Нужно, по нашей логике, решительно отказаться от поиска корня (причины) эксплуатации в особенностях обо-

рота рабочей силы в хозяйстве, в имущественных отношениях, особенно на микроуровне (собственность на средства производства у частного капиталиста и отсутствие средств производства у работника). Это не причины, а следствия, проявления эксплуататорского общественного устройства.

То противоречивое общественное отношение, которое находит своё идеологическое и классово-теоретическое (политико-экономическое то есть) осознание как эксплуатация***, есть отношение структурное, макросоциальное (или макросоциально-экономическое).*** Это означает, что в научном отношении недопустимо (неправомерно) опускать трактовку отношений эксплуатации на *микро*социальный (а тем паче на микроэкономический) уровень[111]. Существо и механизмы эксплуатации суть реалии, категории и закономерности из разряда составляющих каркас устойчивого общественного устройства, из разряда, как теперь выражаются, системных основ.

Такой подход наилучшим образом может быть развит и развивается, если сохраняется должная содержательная связанность предмета рассмотрения с масштабным (но минимально необходимым) контекстом – общество в целом (а иной раз – и мировое человечество в целом). Причину (корень) эксплуатации надо искать в области взаимоотношений основных структурных элементов

---

[111] Критику Марксовой теории эксплуатации вроде бы с таких же позиций повел было Ю.Чешков в статье упомянутого выше заочного круглого стола. Но идеологическая установка автора статьи трансформировала заявленный им макросоциологический подход и повела его к отрицанию эксплуатации в западном капиталистическом обществе "в постиндустриальную эру": "Деполяризация и дезантагонизация основного классового отношения означали изменение природы прежних отношений присвоения – оно теряло характер эксплуатации и приобретало облик экономического неравенства" (МЭ и МО. 1993. № 3. С.79).

общества – основных социальных групп. Иначе говоря, причина эксплуатации – не экономическая, а *политическая.* Она располагается в тех аспектах существования и развития общества, в которых “политика не может не иметь первенства над экономикой”.

Теория эксплуатации, выдвинутая в “Капитале” (теория прибавочной стоимости), если не утрачивает, то как минимум отводит на второй план решающую причину эксплуатации, в том числе капиталистической, – тип политических (социально-групповых) взаимоотношений, а именно ***узурпацию (монополизацию) власти в обществе и в хозяйстве*** одними (господствующими) социальными группами и, соответственно, по сути принудительное ***отстранение от власти остальных (подчинённых) социальных групп.***

Исходя из этого, сформулирую основные положения современной теории эксплуатации.

1. Суть эксплуатации как исторически устойчивой системы социально-групповых (то есть политических) отношений состоит в следующем: господствующие социальные группы, монополизируя власть и управление в обществе и хозяйстве, обеспечивают устойчивое доминирование своих интересов, в том числе воспроизведение своего привилегированного общественного положения, при помощи распоряжения движением ***всего*** результата (эффекта) общественного производства, созданного по преимуществу подчинёнными социальными группами.

Господствующие и подчинённые социальные группы – стержень социальной структуры эксплуататорского общества. Тысячелетия функционирования власти как механизма осуществления отношений господства-подчинения породили представление, будто никакой иной, кроме как господской и принуждающей, власть быть не может. В этих представлениях истоки, с одной стороны, анархизма, а с другой – неверия в реалистичность общества без эксплуатации.

Система власти охватывает общество в целом и его “ресурсную подсистему” – хозяйство, то есть включает

в себя политическую власть и собственность (власть в хозяйстве). Непременное условие для достижения и удержания устойчивости общественного устройства – однокачественность (соответствие) политической власти и власти в хозяйстве.

Господствующий класс (или каста), распоряжаясь движением всего результата общественного производства, определяет пропорцию разделения этого результата на *необходимый* и *прибавочный продукт*. Социально-экономическое предназначение необходимого продукта – фонд жизненных средств трудящихся классов, прибавочного продукта - фонд жизненных средств господствующих классов и такое развитие общественных процессов, которое сохраняет и укрепляет их специфическое положение в обществе. Соотношение прибавочного и необходимого продукта – это *степень (мера) эксплуатации труда.*

2. Понятие частной эксплуататорской собственности. Сосредоточение всей или решающей власти в обществе *у части* общества не нашло специального понятия, а вот сосредоточение власти в хозяйстве у *части* общества, у *части*[112] субъектов хозяйственной деятельности обозначается термином *“частная собственность”*.

Понятие частной собственности не требует уточнений для гражданско-правовых отношений (отношений по поводу имущественных прав). Но для понимания структурных общественных, макросоциальных отношений тре-

---

[112] Наши коллеги-политэкономы, профессиональное сознание которых было сформировано и “отрихтовано” идеологией и теориями сталинизма, бывают совершенно парализованы задачкой: какой была собственность в СССР? По сю пору думают, что общественной. При этом не отрицают, что распоряжалась всем в хозяйстве номенклатура (правящая каста). Номенклатура – не общество, а его обособившаяся господствующая часть. Тот факт, что эта часть не дробилась в своём функционировании на индивидуумы, а была корпоративно спаяна, мешает нашим политэкономам разглядеть корпоративную (совместную) частную собственность номенклатуры.

буется существенное уточнение этого понятия как раз в аспекте разнокачественности пространства хозяйственной власти хозяйствующих субъектов разных типов. Есть хозяйствующие субъекты, которые хотя и ведут своё хозяйство “самовластно”, однако реально непричастны к эксплуатации как эксплуататоры. Таковы все *трудовые частные* (индивидуальные, семейные, коллективные) хозяйства. Их и собственность в них (трудовую, неэксплуататорскую частную) следует отличать от *частных эксплуататорских* хозяйств и частной эксплуататорской собственности.

Господствующие социальные группы, поскольку им принадлежит власть в хозяйстве, являются реальными собственниками – распоряжаются результатами всего общественного производства и труда. *Доходы от собственности* (по праву собственников) являются, как правило, их основным доходом. Для трудящихся же основным источником средств существования и фактором, определяющим их (и членов их семей) социально-экономическое положение, являются не доходы от собственности, а *собственный труд* в общественно организованном воспроизводстве.

3. Эксплуатация как общественный режим движения ресурсов. При отношениях эксплуатации предметом (поводом, объектом интересов взаимодействующих сторон) являются ресурсы существования и развития, добываемые и используемые общественно (социализированно).

К содержательным характеристикам социального режима движения ресурсов могут быть отнесены их социально-экономическое назначение (направленность на удовлетворение тех или иных потребностей), доступность для использования и условия доступности, регулярность использования и т.п. Основные варианты возможного режима движения социализированных по своему происхождению ресурсов – *равенство* и *неравенство* субъектов в сфере *реального использования* ресурсов.

Пример режима равенства: разделение (обеспечение доступности) ресурса в равных долях между потребителями или участвующими в его добыче. Примеры режимов неравенства: разделение (обеспечение доступности) ресурсов по вкладу в их создание, по степени нужды, по соотношению сил (по принуждению). Иные варианты, обычно производные от названных, – по знатности, по авторитетности, по совести (по добровольной договорённости), по традиции (обычаю) и т.п. Реальный режим общественного движения ресурсов существования и развития устанавливается политически и воспроизводится властно.

Эксплуатацией - если она рассматривается со стороны движения ресурсов существования и развития – правомерно считать такой социальный режим движения ресурсов, при котором они (ресурсы), будучи социализированными по способу своего происхождения и воспроизведения, распределяются между претендентами на их использование (“присваиваются” ими) *по силе* (в соответствии с соотношением сил), то есть *принудительно* для части участников добычи и воспроизведения ресурсов.

Если бы речь шла о разовой акции, то уместны были бы такие понятия, как принудительное (силовое) изъятие, грабёж и т.п. Но если акции повторяются, становятся системой, то возникает новое качество, и оно носит уже название дани, набеговой экономики и т.п. **Принудительное изъятие, устроенное и воспроизводимое, защищаемое и развиваемое как устойчивая социальная система, называется эксплуатацией.**

4. Эксплуатация как принудительное социальное донорство[113]. Социально-экономическое содержание эксплуатации адекватно описывается понятием “социальное донорство”, но с одним непременным признаком – до-

---

[113] ***См. такую трактовку содержательного смысла эксплуатации, например, в кн.: Социальная политика: Толковый словарь. Изд. второе, дораб. М.: РАГС. 2002. С.448-451.***

норство *принудительное*[114]. Тогда эксплуатацию можно определить как ***исторически устойчивую общественную систему принудительного социального донорства одних социальных групп (эксплуатируемых) в пользу других социальных групп (эксплуататоров).***

Господствующие социальные группы (классы, касты) имеют возможность таким образом организовать и, как правило, организуют распределение эффекта (не только экономического) от общественного производства, чтобы доля трудящихся в его распределении была существенно меньше, чем доля их трудового вклада в этот эффект. Господствующие группы имеют возможность получать доходы, даже не выполняя никаких полезных для общества и хозяйства (трудовых) функций.

Социальное донорство эксплуатируемых групп может происходить, как известно из теории и истории, в двух формах: как более медленное улучшение их социально-экономического положения по сравнению с улучшением положения господствующих групп (относительное обнищание) и как прямое ухудшение их социально-экономического положения (абсолютное обнищание).

5. Эксплуатация отторгает неэксплуататорские хозяйственные уклады. Отношения эксплуатации относятся к отношениям типа “господство-подчинение”, но это господство и подчинение макросоциального происхождения. Общество и хозяйство устроены на базе господства и подчинения, а потому и все внутриобщественные сферы и институты воплощают в себе в конечном счёте именно это

---

[114] Зачаток глубокой теории принуждения – учение К.Маркса о реальном подчинении труда капиталу. Ценность Марксова подхода: намечена не формальная, а реальная сторона взаимоотношений господствующего и подчиненного. Капиталист и рабочий равноправны при заключении договора найма, а фактически капиталист господствует на рынке труда, поскольку его класс господствует в устроении межклассовых отношений в обществе.

макросоциальное устройство. Попытки построить нечто вразрез с эксплуататорской системой общественных отношений возможны, но они отторгаются как чуждое, а преодоление отторжения требует немалых дополнительных усилий.

Эта сторона отношений эксплуатации теоретически исследована крайне мало, хотя имеется значительный практический материал для анализа действительных возможностей *устойчивого* существования неэксплуататорских укладов в рамках (“в недрах”, как любят говорить политэкономы) эксплуататорских обществ. Интересен не только давний опыт Роберта Оуэна в Нью-Ленарке. Интересен массовый опыт единоличного крестьянства без наёмного труда, ремесленничества, мелких торговцев, предприятий с акционерной собственностью работников, кооперативов без наёмных работников и др. Исследование реального пространства “смешанности общества” могло бы закрыть многие утопические проекты и похоронить множество иллюзий в движениях и идеологиях трудящегося и эксплуатируемого народа.

Наша гипотеза, отчасти проверенная, состоит в том, что эксплуататорский строй и доминирующие в нём хозяйственные уклады (при капитализме – частнокапиталистический и государственно-капиталистический, с которыми другим укладам приходится конкурировать) активно отторгают любые попытки выкроить и тем более удержать пространство, свободное от эксплуатации. Следовало бы обобщить исторический и современный опыт и осмыслить его в двух аспектах. Один аспект – причины и условия, закономерно подталкивающие к трансформации неэксплуататорских хозяйственных укладов в эксплуататорские. Другой – закономерные факторы и социально-экономические механизмы, формирующие подчинённое (эксплуатируемое) положение в обществе коллективного и индивидуального трудовых укладов в целом.

6. Механизм эксплуатации – не чисто экономический, а общественно-экономический, включающий фактор реального соотношения социальных сил. Ме-

тодология “анализа товара” при обосновании механизма эксплуатации имеет существенный изъян: она изображает этот механизм как сугубо экономический и вроде бы сугубо объективный. Стоимость рабочей силы (величина необходимого продукта) выглядит как феномен, объективный для капитала. Так получается из-за подмены понятий “капитал” и “единичный (конкретный, отдельно взятый) капиталистический предприниматель”.

Для единичного предпринимателя уровень оплаты труда (цена труда) и в самом деле объективно (общественно) предопределён стоимостью рабочей силы – реалией рынка труда обычно странового, а то и межстранового масштаба. В либеральных концепциях (начиная от Адама Смита) уровень оплаты труда, который выступает для отдельного капиталистического предпринимателя как в основном объективный (внешне заданный), как нормальный не по индивидуальным, а по общественным меркам, объясняется сугубо экономически – как следствие (функция) соотношения спроса и предложения. Механизм спроса и предложения, самобалансирующийся на точке равновесия, даёт, как объясняет теория, цену рабочей силы в этой точке равновесия. К.Маркс оставил в стороне критику этой доктрины. Между тем она в принципе игнорирует влияние социальных и иных неэкономических факторов на рынок труда и его важнейшие процессы и отношения, включая цену рабочей силы.

Развёрнутое нами понимание эксплуатации как общественной системы не позволяет игнорировать социально-политические факторы, прежде всего – фактор соотношения социальных (классовых) сил. Формой реализации господства эксплуататорских и подчинённости эксплуатируемых классов является специфическое устройство экономического механизма эксплуататорских обществ. Специфика, как уже сказано выше, – в том, что господствующий класс распоряжается движением не только присваиваемой им части общественного продукта, а движением *всего* результата общественного производства.

В рамках этого своего распоряжения всем результатом общественного производства господствующий класс определяет границу, разделяющую необходимый и прибавочный продукт. Граница необходимого продукта – отношение не сугубо экономическое, а *политико-экономическое,* то есть *прямая проекция на экономические отношения соотношения классовых сил*[115]*.* Именно этот смысл и эта специфика делают необходимый продукт (и границу, отделяющую его от прибавочного продукта) реалией (и пропорцией) макросоциально-экономической.

Господствующий класс (действуя в рамках ряда ограничений, одно из которых – сила эксплуатируемых социальных групп) *выделяет* из всего общественного продукта фонд жизненных средств трудящихся (необходимый продукт), полагая этим своим социально-экономическим действием макросоциально-экономическую пропорцию, воспринимаемую индивидуальными эксплуататорами как общественно нормальная, объективно заданная им обществом величина. Для капиталистического индивидуального предпринимателя это и есть стоимость рабочей силы. Если бы всё было не так, то не требовалось бы в эксплуататорских формациях социальное и социально-трудовое законодательство.

Выстроенное нами понимание эксплуатации позволяет отойти от суженного (весьма конкретизированного) её понимания. Благодаря этому из-за различий в конкретных

---

[115] В отличие от К.Маркса у марксиста М.И.Туган-Барановского читаем: "С точки зрения социальной теории распределения, высота заработной платы в данном обществе определяется двумя факторами – производительностью общественного труда, определяющей, как велик общественный продукт, подлежащий разделу между общественными классами, и социальной силой рабочего класса, от которой зависит доля общественного продукта, поступающая в распоряжение рабочего" (М.И. Туган-Барановский. Основы политической экономии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 1998. С. 412).

способах и формах принудительного социального донорства не будет потеряна из виду однотипность макросоциальных отношений капитализма и других общественных систем эксплуататорского типа (феодализм, тоталитаризм, колониализм и пр.). Система капиталистической эксплуатации возникает *не из наёмного характера труда и не из особенностей товара "рабочая сила", а из определённого соотношения классовых сил по поводу власти в обществе (в том числе и в хозяйстве).* Система капиталистической эксплуатации поддерживается перевесом сил капитала в межклассовых отношениях.

7. Понятие нормальной степени эксплуатации класса наёмных работников. В нормально функционирующем капиталистическом производстве величина стоимости совокупной рабочей силы относительно стабильна, то есть необходимый продукт достаётся-таки классу наёмных работников при всех колебаниях цен на конкретные виды труда[116]. Исторический опыт учит, что такая "нормальная" эксплуатация реализуется только при осуществлении "нормальной" классовой борьбы – если эксплуатируемый класс *активно сопротивляется повышению степени эксплуатации, понижению цены и стоимости рабочей силы*.

Трудящиеся России не смогли в ходе реформ 1990-х годов воспрепятствовать падению уровня своих доходов, повышению тем самым степени эксплуатации. Установился базовый для новой России весьма низкий уровень цены рабочей силы, который будет восприниматься новыми поколениями как объективная (нормальная для России) национальная стоимость рабочей силы.

8. Состав социальной группы "эксплуатируемые трудящиеся" в капиталистическом обществе. Социальная группа эксплуатируемых трудящихся в капиталистиче-

---

[116] Необходимый продукт движется, как известно, в форме оплаты труда и в других формах обеспечения необходимых средств существования и развития.

ском обществе имеет свою внутреннюю структуру. Она складывается под влиянием развития общественной организации производства, разделения и кооперации общественного труда. В этой структуре существенно влияние демографических, профессиональных, этнических факторов. Наиболее существенны и устойчивы различия между трудящимися, занятыми в разных социально-экономических укладах общественного производства – частнокапиталистическом, государственном, коллективном, индивидуальном.

Группы трудящихся, занятых в разных укладах, отличаются друг от друга как по социально-экономическому положению, так и по интересам и идеологии (взглядам и конкретным требованиям). Но характер их взаимоотношений с капиталистическим обществом, с господствующими классами один и тот же. Работники-собственники, как и наёмные трудящиеся, не имеют реальной возможности существенно влиять на те принципиальные властно-управленческие решения общенационального (и более широкого) масштаба, которые определяют *основные* условия их жизни, труда, ведения хозяйства. Различными являются только конкретные формы и методы осуществления эксплуатации рядовых наёмных работников и работников-собственников (крестьян, торговцев, владельцев мелких предприятий сферы обслуживания, других “самозанятых”).

Не будем забывать также, что в современной России значительная часть эксплуатируемых работников занята в теневом и криминальном производстве, где механизмы эксплуатации имеют свою специфику.

9. Историческая тенденция развития капиталистической системы эксплуатации. При осознании природы, противоречий, движущих сил и вариантных перспектив развития капиталистического типа социально-трудовых отношений необходимо учитывать, что капитализм не в XX веке стал, а всегда был (от возникновения) целостной мировой системой. Система капиталистической эксплуатации исторически *с самого начала* обладала воз-

можностью *выносить часть своих противоречий на так называемую "периферию" мира* – в колонии, полуколонии, в страны "третьего" мира, где оказывается допустимым то, что недопустимо в первом и втором мирах. Именно это обеспечивало в более развитых (лидирующих) странах качественно более благополучный, чем в периферийном мире, и ***для метрополий нормальный*** тип протекания всех процессов эксплуатации и, в частности, избавление "первого" мира от явлений "язвы пролетариатства" (массового "социального дна").

Абстрагирование от "периферии" капиталистической эксплуатации делает ненаучными практически все суждения о социально-трудовых отношениях, в том числе в современной России, оказавшейся в реальности периферийно-колониального капитализма. Требуется существенное развитие представлений о нормальной капиталистической эксплуатации с учётом двухполюсного устройства капиталистической системы – метрополии и колонии или полуколонии.

На современном этапе развития мировой капиталистической системы, получившем название "глобализация", происходит существенное видоизменение взаимоотношений между господствующими и подчинёнными социальными группами. О формировании нового типа социальных взаимоотношений свидетельствуют следующие главные тенденции (направления развития):

– ключевые средства и условия развития мирового сообщества монополизируются крупным международным капиталом и структурами, представляющими его интересы;

– разрушается обособленность национальных рынков труда и национальных систем социальной защиты населения; создаётся всемирное пространство конкуренции за рабочие места, уровень оплаты труда, социальные гарантии, экологическую безопасность;

– всё большее число стран фактически лишается государственного суверенитета, теряет экономическую и политическую независимость; подрываются и разрушают-

ся системы национальных и международных демократических институтов, создаются предпосылки для тоталитарного перерождения демократических форм и способов жизнедеятельности; появляются новые способы угнетения и господства, произвола и насилия над личностью, в том числе новые формы принудительного, подневольного труда;

– наметилась тенденция *устойчивого* разделения населения в страновых и мировом масштабах на нужную и ненужную капиталу (как организатору общественного воспроизводства) для осуществления созидательной деятельности. Нужной становится меньшая часть человечества (по прогнозам – не более 20% в конечном счёте), что превращает участие в созидательной деятельности (труд) *в социальную привилегию меньшинства* – господствующей касты и её обслуги;

– ненужное капиталу, “лишнее” для него население (по прогнозам – до 80% в конечном счёте) оттесняется от участия в общественной практике, в формировании средств и условий общественного развития не в форме временной безработицы, резервной армии труда, а в форме *вынужденно-нетрудового типа жизнедеятельности* (“исключается” из общества). Труд в жизни большинства населения планеты приобретает не более чем эпизодический характер.

Разделение населения на резервную и излишнюю части имело долгое время преимущественно географическое распределение: резервная – в метрополиях, излишняя – в колониях. Теперь возникает новое явление (во всяком случае, в тенденции) – такое по преимуществу *географическое* распределение утрачивается; вынужденно-нетрудовой, а затем и *принудительно-нетрудовой тип жизнедеятельности* становится наиболее вероятным обликом будущего для большинства населения *и в бывших метрополиях, и в бывших колониях.*

Проблемное осмысление обозначившихся направлений развития заставляет сделать следующий вывод:

исторической тенденцией развития капиталистической общественной системы (капиталистической системы эксплуатации) является ***глобализация тоталитаризма*** *в форме организованной во всемирном масштабе системы сегрегации человечества на* ***господствующую (властвующую) касту созидателей*** *и* ***касту оттеснённых в социальную резервацию.***

В самом деле, что делать дальше с человеком, если он всё менее нужен производству, если технические средства требуют всё меньше живого труда для производства богатства в капиталистической форме, для сохранения господствующего положения руководящей “элиты”? Мирное, так сказать, решение этой проблемы – обеспечить для “лишнего” (или части “лишнего”) населения особые условия существования, при которых исключение “лишних” из полноценного и полноправного участия в общественных делах фактически закрепляется, но потребности массы целенаправленно деформируются, сводятся к стандартизированным и удовлетворяются на уровне, беспротестно приемлемом для “лишних” людей. То есть возникает социальная группа довольных граждан, лишённых основных гражданских ценностей – участия в обществе в качестве субъектов реального исторического творчества.

Конкретные социальные технологии стандартизации и зомбирования личности, имитации интеллектуально-творческой, социально-политической и даже сексуальной активности – технологии, которые будут систематизированы и усовершенствованы в XXI веке в социальных резервациях так называемого постиндустриального общества, уже нарабатываются. Есть первые крупные успехи: массовая культура, массовые зрелища для “фанатов”, провоцирование социальной активности спецслужбами, разыгрывание спектаклей “Борьба с глобализацией”, “Борьба за чистую планету”, современные СМИ, бульварная литература, наркомания, интернет-заменители реальной жизни и т.п.

Принудительное и устойчивое оттеснение большинства от реального исторического действия в обмен на завидное для нищего стандартное потребительское изобилие – в этом суть социальной резервации и главная угроза XXI века. Этот путь чреват не только социальной деградацией индивидов и деградацией человеческого общества как такового. Он чреват также и такими эксцессами, как насилие, уничтожение “лишних” людей, если их число или формы их активности начнут выходить за пределы, установленные господствующей кастой созидателей.

Система постиндустриального глобального тоталитаризма, социальная резервация для большинства – вот реальная историческая перспектива развития системы капиталистической эксплуатации. Антигуманность этой перспективы невозможно вычленить на основе трактовок, сводящих суть эксплуатации к присвоению результатов чужого или результатов неоплаченного наёмного труда. Так узко (а совсем точно – узко-предпринимательски) понимаемая эксплуатация может и не понадобиться для организации жизнедеятельности причастных к созидательной деятельности. Оттесненным же в социальную резервацию средства существования и псевдоразвития будут доставаться, как представляется, без всякого труда.

Альтернатива исторической перспективе глобализации тоталитаризма – отказ от социально-политической организации общества на базе отношений “господство-подчинение”, переход в русло последовательно гуманистического развития в целях создания для каждого и для всех членов общества реальной возможности свободного выявления, реализации и развития своих способностей и наклонностей в процессе активной социально значимой жизнедеятельности. Однако такая перспектива представляется сегодня менее вероятной, чем первая. И уж вовсе невероятно распространить на весь мир такую форму капиталистической общественной организации, как демократическое социальное государство. Эта форма, в которой механизмы социального компромисса ущемляют интересы

господствующего класса в ряде областей, исторически неустойчива, промежуточна. Она была и во время “золотого тридцатилетия” исключением, а не правилом для мира XX века. Демократические социальные государства эволюционируют сегодня в сторону ужесточения эксплуатации труда, разрушения традиционных демократических институтов и одновременно вносят свой вклад в формирование социальной резервации.

Печатается по тексту, опубликованному в периодическом издании «Обществознание большинства» Выпуск 2. 2005. Стр. 3-29.

2007

==========

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГУМАНИЗМ КАК НОВАЯ СТУПЕНЬ В РАЗВИТИИ СОБСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ ТРУДЯЩИХСЯ

Современная общественная наука, стоящая на позициях трудящихся классов, явно отстаёт в теоретическом исследовании путей перехода к обществу, свободному от эксплуатации труда и любых других форм господства человека над человеком. Результаты революционных движений и общественных преобразований под знаменем социалистических (коммунистических) идей, прежде всего – утверждение тоталитарного строя в России вскоре после Октябрьской (1917 года) революции заставляют заново осмысливать вопрос о том, каковы движущие социальные силы и сама вероятность перехода человечества в русло гуманистического общественного прогресса, какими могут (должны) быть гарантии от тоталитарного перерождения постреволюционного общества по советскому или иным типам.

Неудачные до сих пор попытки построения социализма и современные тенденции в развитии социально-групповой структуры капиталистического общества делают всё более настоятельными трезвые размышления и глубокие исследования в двух главных аспектах – содержательном и субъектном.

Содержательный аспект – это модернизация, развитие, обогащение самой социалистической идеологии в направлении, обеспечивающем её последовательно гуманистический характер.

Субъектный аспект – это перспективы формирования социальных групп (классов), способных быть не только субъектом революции под социалистическими лозунгами, но и субъектом последовательно гуманистического исторического творчества.

Обозначу четыре взаимосвязанных гипотезы, которые очерчивают основную проблематику и современные подходы к исследованию содержательных и субъектных предпосылок «прорыва» человечества в русло последовательного гуманизма. Эти гипотезы, будучи развиты до состояния научных теорий, поднимут на новую ступень идеологию и теорию социализма.

От пролетарского – к последовательному революционному гуманизму

В эпоху индустриального капитализма социалистическая идея предстаёт в форме *пролетарского* гуманизма, как собственная идеология рабочего класса и рабочего движения.

Выдвигаю как гипотезу, что ограниченность (можно сказать, ущербность) пролетарского гуманизма связана с тем, что рабочий класс – это ***класс придатков машин,*** класс-придаток машинной цивилизации. Индустриальный капитализм предельно сужает возможности выявления, реализации и развития индивидуальных свойств личности рабочего, поскольку производству не нужен работник с гармонично развитыми физическими, интеллектуально-творческими и социально-нравственными потребностями и способностями.

Индустриальный капитализм лишает рабочего индивидуальности, навязывает ему стандартизированные потребности и унифицированные формы жизнедеятельности как в рабочее, так и в свободное время, превращает – в конечном счёте – рабочего (по выражению К.Маркса) в неполного человека. Представляется поэтому, что рабочий класс эпохи индустриального капитализма в принципе не способен ни самостоятельно выработать, ни воспри-

нять и освоить в полной мере (без вульгаризаций, без недопустимых упрощений и извращений) идеологию *последовательного* гуманизма. Идеологию, в которой ключевая роль принадлежит категориям «народная демократия», «социальная свобода» (свободное развитие каждого и всех), «человеческое и гражданское достоинство личности», «права человека и права народов» и пр.

Формы и способы жизнедеятельности, специфика массового сознания, уровень культуры рабочего класса формируются не только эксплуатируемым положением, но и *организационно-технологическим деспотизмом*, порождающим тоталитарный тип сознания. Надо тщательно изучить, случайно или закономерно тоталитарное перерождение общества при исторических попытках построить социализм посредством авангардной роли класса придатков машин. Надо предельно критически отнестись к установке на возможность «внесения» последовательно гуманистической революционной идеологии в современное рабочее движение. Не обречена ли она заведомо на неудачу?

Предметом постоянных дискуссий является вопрос о том, какой социализм истинный, подлинный, правильный, а какой – нет. Каждая из дискутирующих сторон выдвигает свои взгляды и представления на роль правильных, которыми следует руководствоваться, и критикует иные взгляды и представления как неверные, ошибочные. Думается, что надо иначе смотреть на проблему выбора «правильной» теории социализма.

Эпоха перехода капитализма от индустриальной к новой фазе – это и *новый этап в развитии собственной идеологии трудящихся классов.* Необходимо в полной мере осознать, что идеология последовательного революционного гуманизма, которая могла бы – при прочих необходимых условиях – стать в XXI веке идейно-теоретической основой социалистического движения, формируется на наших глазах и при непосредственном участии или противодействии многих из нас.

Исторические истоки последовательного революционного гуманизма – все прежние достижения гуманистически ориентированной общественной мысли, в том числе, конечно же, общественной мысли, направленной на радикальное переустройство общества в интересах трудящегося большинства. К таким истокам относятся: революционно-гуманистические представления первоначального марксизма и развитая им целостнообществоведческая методология научных исследований; гуманистические составляющие социал-реформистских, анархистских, либерально-демократических концепций; достижения творческих продолжений первоначального марксизма, противопоставившихся левацкому экстремизму идеологов третьей русской революции, сталинизму и другим вариантам казарменного «социализма». И не только они. Но все прежние достижения гуманистической мысли – это *именно истоки, а не составные части* формирующейся современной идеологии и теории социализма и социалистического движения. Целостную идеологию и теорию освобождения трудящихся, адекватную новым реалиям и тенденциям, придется вырабатывать и постоянно развивать, а не искать ее в готовом, законченном виде у кого-то из наших предшественников или наших современников.

Важнейшая роль в становлении последовательного революционного гуманизма принадлежит анализу опыта и итогов антикапиталистических, антиколониальных (национально-освободительных), антитоталитарных (антифашистских) движений эпохи индустриального капитализма. Предстоит в первую очередь научно поставить и исследовать вопрос о соотношении принуждения и свободы в революционно-демократических, особенно в социалистических преобразованиях. В частности, предстоит в связи с этим окончательно «разобраться» с концепциями, выдвигающими диктатуру пролетариата на роль якобы необходимого механизма утверждения социалистических форм общественной жизни.

Результаты начавшегося критического осмысления исторического опыта неплохо фиксирует такое, например,

самоопределение новой идейной позиции, как «антитоталитарные левые». Но термин «последовательный революционный гуманизм» гораздо точнее (адекватно) выражает суть современного этапа в развитии обществоведческой мысли трудящихся и эксплуатируемых.

Итак, **первая гипотеза**. К началу XXI века обозначился новый этап в развитии социалистической идеологии. Он обещает (может) стать этапом перехода ***от пролетарского революционного гуманизма к последовательному революционному гуманизму*** – идейно-теоретической основе освободительных движений тех слоев трудящегося и эксплуатируемого народа, которые становятся (могут стать) в XXI веке движущей социальной силой гуманистически ориентированного общественного развития. Переосмысление, обогащение социалистической идеологии, её наполнение последовательно гуманистическим содержанием – одна из необходимых предпосылок практической реализации социалистических идей.

Об историческом субъекте последовательного революционного гуманизма

Кто тот **исторический субъект***,* идеологией и практическим делом которого станет (может стать) последовательный революционный гуманизм?

Носитель, субъект идеологии – это не только профессиональные идеологи и не только устойчиво активные немассовые политические организации (партии и пр.), но и широкие общественные движения. Известно, что критерием научности идеологии является обоснованное (а не декларативное) указание на ***массовую*** социальную силу как на исторический субъект, ***заинтересованный*** в осуществлении данной идеологии и ***способный*** ее осуществить. Дело науки — доказательство наличия или тенденций формирования такого исторического субъекта.

Что сегодня можно сказать по этому поводу?

Сегодня мы фиксируем не только процесс уменьшения численности и доли индустриальных рабочих в об-

щественной структуре, но фиксируем также процесс увеличения «лишнего» (лишнего для капитала) населения – оттеснение всё большей части людей от участия в созидательной общественной практике, реальном историческом творчестве. Оттеснение в двух формах. В форме развития потребительства, стандартизирующего личность, зомбирования людей, использования разнообразных способов имитации интеллектуально-творческой и социально-политической активности. И в форме возникновения широкого слоя населения с вынужденно-нетрудовым типом жизнедеятельности. Это не временно безработные (резервная армия труда), а в лучшем случае – временно занятые, труд в жизни которых носит эпизодический характер.

«Лишняя» часть населения образует ущербную, социально нездоровую часть общества – **социальную резервацию** (в том числе социальное дно). При этом обозначилась новая тенденция в развитии капиталистической системы эксплуатации: утрачивается прежнее, преимущественно географическое распределение резервной и излишней части населения планеты (резервная – в метрополиях, лишняя – в колониях); *вынужденно-нетрудовой*, а затем и *принудительно-нетрудовой* тип жизнедеятельности становится наиболее вероятным обликом будущего для большинства населения и в бывших колониях, и в бывших метрополиях.

Капиталу – в целях относительно мирного сохранения господствующего положения руководящей «элиты» – приходится «лишнее» население содержать, подкармливать, развлекать, удовлетворять потребности оттесненных в социальную резервацию на беспротестно приемлемом уровне, дабы они не взбунтовались.

Социальная резервация – не ресурс демократии, гуманизма, социализма. Устойчивая и все более масштабная социальная резервация противодействует гуманизации производства и общества. ***Социальная резервация – ресурс консерватизма и реакции вплоть до ресурса фашизма.*** Людей, оттесненных в резервацию, отлученных от исторического творчества, можно жалеть, *но на них*

нельзя рассчитывать в борьбе за демократию, тем более в борьбе за коренное, революционное переустройство общества на последовательно гуманистических началах.

Сегрегация трудящегося населения на нужное мировому капиталистическому рынку и ненужное ему создает почву для закрепления и распространения в массовом масштабе приспособленческого типа общественного сознания и социального поведения, порождает и укрепляет чувство социальной неполноценности вместо чувства человеческого и гражданского достоинства. Набирает темп маргинализация массового сознания. В России (и не только в России) – маргинализация массового сознания (особенно в молодежной среде) по имперско-фашистскому типу.

Революционно-гуманистические потенции современных социальных движений весьма проблематичны именно потому, что их основная социальная база – оттесненные и оттесняемые в социальную резервацию. Именно поэтому некоторым ветвям социальных движений свойственен бесперспективный для трудящихся экстремизм, протестная активность люмпен-террористического толка.

Правомерен вопрос: заинтересованы ли занятые еще в производстве эксплуатируемые трудящиеся в реализации последовательно гуманистических ценностей или же их главным интересом является (становится) сохранение своего привилегированного положения – привилегированного по сравнению с теми, кто вытеснен из производства, оказался в реальности вынужденно-нетрудовой жизнедеятельности?

Исследователи современных изменений в содержании труда указывают на такие процессы, как применение технологий, требующих от работника большей самостоятельности, инициативы; возрастание подлинно творческих элементов в содержании труда; расширение форм участия рядовых работников в управлении; сближение (даже интеграция) интересов рядовых работников и организаторов производства (управляющих). Нередко мы встречаем в литературе восторги по поводу этих процес-

сов, в том числе гимны творческому труду вплоть до отождествления творческого труда с гуманистически ориентированным трудом.

Означает ли в действительности обогащение содержания труда, что общество движется по гуманистическому руслу? Нет, не означает. Почему? По двум причинам.

Первая причина. Обогащение содержания труда – это еще не гуманизм, если процесс обогащения труда происходит *в отрыве от гуманистических нравственных ориентиров трудовой жизнедеятельности.* Передовые технологии *сами по себе* не прокладывают путь к гуманизации общества. Так, например, в период III мировой (холодной) войны мы не знаем ни одного случая, по крайней мере, в странах, которые лидировали в гонке вооружений, чтобы рабочие военно-промышленного (передового по технологиям) комплекса выступали критически по отношению к тому, чем они заняты, чем зарабатывают на жизнь. Другой пример: не внесла вклад в гуманизацию общества карательная психиатрия – весьма творческий вид труда.

Вторая причина. Обогащение содержания труда – это еще не гуманизм, если труд, точнее, причастность к историческому творчеству, к созидательной деятельности становится *привилегией меньшинства.* Нынешний этап глобализации капитализма ведет к разделению населения планеты на *социальную резервацию* (большинство населения) и *касту созидателей* (меньшинство населения). Вполне вероятно, что тем трудящимся, которым удастся не потерять работу, будет мало дела до бывших братьев по классу, навсегда лишившихся работы и перспектив достойного существования. Если это так, то они не могут быть носителем идеологии революционного последовательного гуманизма.

Все тенденции в сфере трудовой жизнедеятельности, которые сейчас оцениваются как прогрессивные, предстают в ином свете, если не закрывать глаза на формирование социальной резервации. Оттесненным от производства по большому счету всё равно, как организованы

трудовые отношения в рамках касты созидателей. А они могут быть организованы даже и *без эксплуатации труда, понимаемой узко экономически* – как присвоение результатов чужого или результатов неоплаченного наёмного труда. Такая эксплуатация может в перспективе и не понадобиться для организации жизнедеятельности касты созидателей.

Так кто же исторический субъект социалистической идеи в ее последовательно гуманистическом исполнении?

Итак, **вторая гипотеза**. Новая фаза развития капитализма (так называемая постиндустриальная, или информационная) ***формирует, не может не сформировать новый социальный тип трудящихся***. Черты этого нового типа только ещё вырисовываются.

Требуются специальные исследования для ответа на вопрос о том, *может ли стать и при каких условиях может стать класс трудящихся нового типа носителем (субъектом) последовательного революционного гуманизма.* Необходимо и возможно, чтобы на выводах таких научных исследований основывались *разработка и реализация новой, конструктивно-наступательной стратегии профсоюзного и политических движений трудящихся.*

Новая стратегия – это борьба за перелом тенденции люмпенизации и оттеснения большинства в социальную резервацию.

Новая стратегия – это также борьба за такой организационно-технологический облик производства и характер научно-технического прогресса, которые обеспечивают расширение и возвышение содержания труда, превращение работника из человека «неполного» в человека гармонично развитого – в человека, в системе основных интересов и ценностей которого присутствуют интересы и ценности последовательно гуманистического характера.

Вероятность гуманного будущего

Был ли у человечества реальный шанс прорваться в русло подлинно гуманистического развития в эпоху становления и утверждения индустриального капитализма? Попытки были, но не было шансов довести дело до конца.

Есть ли такой шанс, такая реальная возможность сейчас, при современном состоянии социальной структуры и общественного сознания? Пока нет. Пока не видно массовой социальной силы, способной быть субъектом-носителем идеологии последовательного революционного гуманизма.

Возникнет ли реальная возможность в будущем? Может возникнуть. Однако вероятность не очень высока, поскольку уже наметилась и реализуется **магистральная историческая тенденция развития капиталистической системы эксплуатации** – **глобализация тоталитаризма**. Глобализация именно тоталитаризма – социальной формы, в которой будет происходить (при прочих равных условиях) дальнейшая глобализация экономики.

Мы наблюдаем сегодня кризис, подрыв национальных и международных буржуазно-демократических институтов – явление не случайное, не временное, если формирование единого всемирного хозяйства будет и дальше направляться и контролироваться крупным международным капиталом. Напротив, тоталитарное перерождение буржуазно-демократических институтов закономерно для условий устойчивого оттеснения большинства человечества в социальную резервацию. Господствующей (властвующей) касте созидателей надо держать социальную резервацию под жестким контролем. Касте созидателей придется (и уже приходится) время от времени прибегать к прямому насилию, чтобы держать социальную резервацию в узде, подавлять ростки сопротивления. Придется (и уже приходится) поливать оттесненных в резервацию бомбами, если их число или формы активности начнут выходить за пределы, установленные господствующей кастой созидателей.

Глобализация тоталитаризма существенно сужает (если не сводит на нет) возможность самоорганизации и

солидарного сопротивления подчиненных социальных групп. Исторический опыт свидетельствует, что *внутри тоталитарного общества* не возникают достаточно мощные социальные силы, способные к массовому революционному действию. Требуется вмешательство внешних (по отношению к тоталитарному обществу) факторов и сил для победы над тоталитаризмом. Откуда взяться этим факторам и силам, если тоталитаризм утвердится во всемирном масштабе, станет общественной формой организации жизнедеятельности всего человечества?

Итак, суть **третьей гипотезы**. У человечества не было реальных шансов прорваться в русло последовательно гуманистического (социалистического) развития в эпоху индустриального капитализма. Нет реальных шансов и сейчас. В то же время ***вероятность такого прорыва возникнет, если формирование необходимых субъектных предпосылок перемены вектора общественного развития опередит глобализацию тоталитаризма.***

Собственное общественное пространство жизни трудящихся классов – предпосылка поворота к социализму

Четвёртая гипотеза: необходимая (хотя, конечно, не единственная) предпосылка поворота в русло последовательного гуманизма – ***формирование в рамках буржуазно-демократического общества собственного общественного пространства жизни эксплуатируемых трудящихся.***

Собственное общественное (народно-демократическое по характеру) пространство жизни трудящихся классов – это *социокультурная* предпосылка перемены направленности общественного развития и реализации социалистической идеи в ее последовательно гуманистическом исполнении.

Народно-демократическое пространство жизни необходимо для накопления трудящимися такого опыта, который мог бы стать, *во-первых*, гарантией от использо-

вания способов революционного действия, не соответствующих гуманистическим целям, уводящим в сторону от них, *во-вторых,* гарантией от казарменного (тоталитарного) перерождения общественного строя, если политическая революция передаст трудящимся классам власть в обществе и в хозяйстве.

Конкретные формы народно-демократической жизнедеятельности накапливаются, а результаты их научно-теоретического осмысления становятся составной частью идеологии последовательного революционного гуманизма. Ясным стало, по меньшей мере, что собственное демократическое пространство жизни трудящихся должно быть организовано на иных началах, чем те, которые соответствуют буржуазной (пусть и демократической) социокультуре.

Собственным общественным пространством жизнедеятельности трудящихся должны быть организации и движения, в том числе профсоюзные и партийно-политические. Здесь не годятся ни принципы буржуазного парламентаризма, ни, тем более, принципы казарменного централизма (на которых строилась КПСС и строятся современные осколки-продолжатели дела КПСС). Предстоит заново освоить и развить формы народно-демократической самоорганизации, которые не раз рождались в периоды подъемов рабочего движения, но никогда еще не закреплялись надолго.

Собственное общественное пространство жизнедеятельности трудящихся – это и демократическое самоуправление на предприятиях с собственностью работников, хотя в условиях капитализма такое пространство непросто защитить.

Для накопления навыков управления предприятиями, которые понадобятся трудящимся классам в случае их прихода к власти, пригодятся идеи и практический опыт анархо-синдикализма, опыт участия трудящихся в управлении капиталистическими предприятиями в демократических социальных государствах и пр.

Составная часть демократического пространства жизнедеятельности трудящихся – система собственного (классового) гуманитарного образования. Чтобы победить эксплуататорский класс, надо превзойти его культурно, включая и превосходство в образовании. А это невозможно без высшего гуманитарного классового образования трудящихся и эксплуатируемых.

Идеологическая беспомощность, обществоведческая неграмотность подавляющего большинства активных участников современного (во всяком случае, в России) рабочего и профсоюзного движений, в том числе выборных активистов (лидеров), удручают. Приходится с сожалением констатировать, что сегодня велика тяга трудящихся к тоталитарным идеологиям, в том числе религиозным.

Создать систему качественного классового образования трудящихся невозможно без гуманитарно образованной интеллигенции народно-демократической (социалистической) ориентации – такой интеллигенции, которая сама участвует в формировании идеологии последовательного революционного гуманизма. При этом старая (верная в принципе) постановка о необходимости «внесения сознания» в рабочее движение требует переосмысления как с содержательной стороны, так и со стороны способов политико-идеологического образования трудящихся.

Демократическое пространство жизни трудящихся – это не «островки» будущих конкретных форм жизнедеятельности в настоящем. Это пространство формирования гуманистической «души» трудящихся классов: классового солидарного сознания, классового благородства, гражданского и человеческого достоинства, милосердия, братства и сотрудничества, трудолюбия.

Часть этих ценностей в свое время приватизировала религия как якобы религиозную духовность. Но религиозные идеологии не могут вывести к последовательному гуманизму. Любая религия считает существующую власть властью от бога, а потому отрицает правомерность революционного преобразования общества. Любая религия – идеология тоталитарная, а потому в принципе антигуман-

на, аморальна. Гуманистическая «душа» трудящихся классов – это накопленная ими культура, накопленная цивилизованность, а не накопленная религиозная духовность.

«Культурным является класс, выработавший, усвоивший, осознавший и культивирующий собственную идеологию и собственную систему гуманитарных ценностей. Культурный класс развивает и обустраивает в обществе свое культурное пространство – *общественное пространство жизни класса.* Именно в этом культурном пространстве накапливается, передается новым поколениям, вызревает и крепнет культура классовой борьбы, необходимая и достаточная для ощутимых тактических побед и для грядущей стратегической революционной классовой победы. Развитие общественного пространства жизни класса (культурного классового пространства) – одно из слабых мест в рабочем движении и других освободительных движениях»[117].

Работать на задачу формирования современной собственной идеологии трудящихся классов, развивать (усилиями всех участников движений трудящихся и эксплуатируемых) социалистические идеи до уровня последовательного революционного гуманизма, обустраивать собственное демократическое пространство жизни трудящихся классов – дело благородное и сегодня чрезвычайно важное. Почему чрезвычайно? Потому что альтернатива переходу в русло последовательно гуманистического развития, альтернатива будущему, в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», –- глобальный тоталитаризм, чреватый не только деградацией оттесненных в социальную резервацию, но и деградацией человеческого общества как такового.

---

[117] ДЕКЛАРАЦИЯ о создании Интернационального Университета трудящихся и эксплуатируемых (Рабочего Университета) от 19 декабря 2001 года. / Университетский ВЕСТНИК {ИУТЭ (РУ)}. Вып.1. С.7-8. – М.: Школа трудовой демократии. 2004.

Январь 2007 г.

Печатается по тексту, опубликованному в периодическом издании: Обществознание большинства. Выпуск 4. – М.: Интернациональный университет трудящихся и эксплуатируемых (Рабочий университет). Декабрь 2007. С. 55-68.:

2008

==========

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА И ГЛАВНЫЕ ФАКТОРЫ ЕГО ВОЗМОЖНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

1. Особенности современного российского капитализма являются следствием (функцией) **современного** соотношения социальных сил как в самой России, так и в масштабах мировой капиталистической системы.

Лобовая постановка вопроса о корнях этих особенностей — коренятся ли они в царских, в сталинских или же в послесталинских советских временах – такая постановка ненаучна, если к поиску корней в прошлом сводится анализ причин исторического развития и общественных состояний. Лобовая постановка предполагает, по сути, отказ от признания возможности социального прогресса, возможности активного исторического (в том числе революционного) творчества масс. Лобовая постановка предполагает, впрочем, и отказ от признания возможности социального регресса.

В прошлом коренится не один-единственный, свершившийся вариант общественного развития, а **существенно разные** социальные варианты настоящего и будущего, за исключением моделей трансплантации общественного устройства извне (экспорт революции, «цветные» революции, социально-структурные реформы по внешним проектам а-ля МВФ и Всемирный банк).

2. Подход по принципу «коренится – не коренится» активно пытаются использовать в России разные силы, в

том числе сталинисты, имперцы всех мастей. Спекуляции на тему корней в далёком прошлом на свой лад демонстрирует ряд организаций, выступающих от имени трудящихся. Так, празднуя 100-летие российских профсоюзов, руководители ФНПР заявляли, что ФНПР – носитель традиций российских профсоюзов начала XX века. Это, конечно, большая ложь.

3. Реальность российских реформ 1990-х годов была существенно отлична от объективных (историко-логических) возможностей антитоталитарной революции, буржуазно-демократических революционных преобразований. В России сложилась наименее благоприятная для трудящихся разновидность капиталистических отношений – периферийно-зависимый (периферийно-колониальный) их тип. Это не было ни следствием перехода от тоталитаризма к капитализму, ни следствием перехода к рыночным механизмам как таковым.

Периферийно-зависимый характер российского капитализма — следствие конкретно-исторических особенностей социально-структурных и социально-экономических реформ, которые проводились в рамках государственной политики формирования основ капиталистического строя **в условиях отсутствия** сколько-нибудь действенных сил, отстаивающих переход к так называемому цивилизованному капитализму. Трудящиеся не предъявляли и не отстаивали в ходе реформ свои интересы как реальная социальная сила, как субъект социальной политики.

4. Специфические черты современной социальной ситуации в России – затянувшаяся зачаточность гражданского общества; социальная деградация (деклассирование, если говорить в старых терминах) значительной части населения; широкомасштабная криминализация (теневой характер) общественных отношений; отсутствие рабочего класса (точнее, класса эксплуатируемых трудящихся) как самостоятельного активного социального субъекта с собственной классовой идеологией. Протестные акции трудящихся, в том числе забастовки, – локальные, разрозненные, с узко экономическими (причём весьма невысоки-

ми) требованиями. Они, говоря словами Ф.Энгельса, «не продвигают движение ни на шаг вперёд». Однако иная ситуация была в 1989-1991 гг., когда шахтёрское движение поднялось до уровня политического движения и сыграло весомую роль в антитоталитарной революции. Следует также напомнить о широких демократических национально-освободительных движениях в ряде республик СССР, которые стали главным фактором распада советской империи.

5. Нельзя рассуждать о перспективах российского общества в отрыве от обсуждения вопроса о новых тенденциях развития капиталистической системы эксплуатации. Эти новые тенденции несёт с собой современный этап глобализации капитализма. Одна из них – устойчивое разделение (сегрегация) населения на нужную капиталу и ненужную ему части с оттеснением «лишних» для капитала людей от полноценного участия в созидательной жизни общества, в социальную резервацию. Россия уже прошла значительный отрезок пути по этой траектории.

Некоторое оживление в последнее время забастовочной активности, новые попытки создания свободных профсоюзов происходят именно на предприятиях, нужных международному капиталу. Эти явления оцениваются многими как подъём рабочего движения. Но такая оценка неоправданно оптимистична. Рабочего и профсоюзного движения – как движения общеклассового – сегодня в России нет. К тому же в условиях глобализации все локальные завоевания – завоевания временные, неустойчивые, если они не защищены не только общенациональной классовой борьбой, но и эффективной международной солидарностью трудящихся, эффективной классовой борьбой, согласованной по стратегии, требованиям, способам действий в международном масштабе. Международное рабочее и профсоюзное движение далеки от такого уровня развития.

6. И всё же: сейчас в России уже выросло новое поколение, гражданское и человеческое достоинство которого не было раздавлено ни царской Россией, ни советским

тоталитаризмом, ни шоком начала 1990-х годов. Если считать современное состояние общественного сознания, рабочего и профсоюзного движения целиком предопределённым прошлым (плюсквамперфект-детерминизм), то следует признать бессмысленность каких-либо действий по изменению российского общества. Но если правильно понимать соотношение исторических влияний и реальных современных факторов развития, то, напротив, надо делать в истории хоть что-нибудь.

7. Вопрос о том, обрела ли современная Россия качественно новое (в сравнении с СССР) жизнеспособное общественное состояние, остаётся пока что дискуссионным. Вместе с тем очевидно, что в последние годы в несколько модернизированном виде восстанавливаются некоторые существенные, чреватые прежними противоречиями, недемократические порядки общественно-политической, экономической и социальной жизни (особенно наличие партии власти и её монополия на власть).

Смена поколений и признаки (пусть и слабые) оживления профсоюзного движения, возникновения социальных движений делают вероятным возвращение российского общества вновь в ситуацию переходности, актуальной социальной разновариантности будущего.

Один, реально возможный и высоко вероятный путь развития, — лишение всех социальных групп (в том числе капиталистического класса), всех социальных общностей реальной социальной субъектности, “наведение порядка” в стране на основе закрепления тенденций к государственно-партийной монополии на власть, к формальности федеративного государственного устройства, к декоративности гражданского общества.

Другой, менее вероятный, но тоже реально возможный путь развития, — социальные преобразования в русле всё ещё нереализованных исторических задач социальной революции 1989-1991 гг. (переход от тоталитарного социального государства к буржуазно-демократическому государству с достойным уровнем жизни граждан; отказ от имперских внутригосударственных отношений).

В числе реально (а не абстрактно) возможных вариантов исторически близкого российского (и не только российского) будущего сегодня не просматривается социалистический путь развития. Не просматривается по многим причинам. Но это – проблема, выходящая за рамки избранной темы. Эта проблема рассмотрена мною в основных своих моментах в статье «Идеология последовательного гуманизма: предпосылки и вероятность реализации», опубликованной в журнале «Альтернативы», 2007, № 1.

6 мая 2008

Печатается по рукописи.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТРУДЯЩИХСЯ И ЭКСПЛУАТИРУЕМЫХ (Рабочий университет)
Кафедра обществознания

ИНСТИТУТ ПЕРСПЕКТИВ И ПРОБЛЕМ СТРАНЫ
==========

Тем, которые к 2030-2040-м станут основоположниками и лидерами нового обществознания

Ракитский Борис Васильевич
Ракитская Галина Яковлевна

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ГЕНОМ БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ, ПОТРЕБНОГО ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

Москва. Институт перспектив и проблем страны. 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Суть проблемы и вступительные пояснения

Социальная структурность – неустранимая особенность общественной практики и обществоведческой истины

Партийность (многопартийность) и разнотипность обществознания. Гуманистически направленное обществознание

Роль идеологии (мировоззрения) и множественности идеологий в формировании научного обществознания

Методология обществознания и методы исследований и изложения результатов

Целостнообществоведческий подход (метод)

Следствие 1. Бесперспективность междисциплинарного подхода и других суррогатов целостности

Следствие 2. Мера целостности знания как мера его необходимой и достаточной практичности

Общая теория и её познавательно-практическая направленность

Проблемная структура общества. Понятие узловой общественной проблемы

ПРИЛОЖЕНИЕ[118]
Список публикаций Б.В.Ракитского и Г.Я.Ракитской, в которых представлены методологические подходы, излагаемые в настоящей работе

Суть проблемы и вступительные пояснения

Логика капиталистической глобализации с высокой вероятностью выводит человечество к глобальному тоталитаризму[119]. Однако общественное будущее вариантно, покуда общество реально сохраняет противоречивую внутреннюю структуру. Взаимоотношения социальных сил удерживают в актуальном состоянии ряд массово осознаваемых идеалов (идеологий), рождают ряд стратегий социального развития и выделяют в ряду возможных вариантов будущего реально возможные. Глобальный тоталитаризм – всё ещё не единственный реальный вариант будущего. При условии, конечно, что социальные силы, противостоящие такому будущему, станут неизмеримо активнее и весомее по меркам истории, станут способными и на сопротивление (историческое выступление), и на созидание (историческое наступление).

Научное обществознание – познавательная сторона (часть) общественной практики. Без неё невозможно обеспечить должную активность и весомость исторических

---

[118] Приложение в данном издании не приводится

[119] Научная аргументация этого вывода содержится в ряде публикаций. См, например: Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Глобализация капитализма как новейший этап социальной организации человечества (глобализация социальной непримиримости). Материалы к научно-геополитической конференции "Глобализация и антиглобализм". Москва, 9 ноября 2001 г. – М.: 2001. 36 с.; Ракитская Г.Я. Современная теория эксплуатации (эксплуатация как тип социально-трудовых отношений) // «Обществознание большинства», №2, 2005.

действий социальных сил. Состояние современного обществознания таково, что оно (по нашим представлениям и оценкам) – весьма неэффективное подспорье социальным силам, способным предотвратить глобально-тоталитарное будущее путём созидания реально гуманистических вариантов будущего общественного устройства.

Обозначим (опуская аргументацию) основные, на наш взгляд, слабости современного обществознания:

– ***фрагментарность обществоведческого знания*** как следствие многовековой специализированности без должной скооперированности. Попытка достичь целостности обществознания на основе исторического материализма (в 19 и 20 веках) по ряду причин не увенчалась успехом. Ряд этих гносеологических и классовых причин заслуживает внимательного научного изучения. Такое изучение в качестве побочного полезного результата дало бы, кстати сказать, вполне строгую и достоверную оценку философско-методологической самодеятельности «естественников» (особенно у кибернетиков и системщиков) и бесперпективным, хотя и героическим попыткам наладить так называемые междисциплинарные подходы. Эклектические «методологии», эта мешанина в головах, в дополнительных оценках не нуждаются;

– ***абсолютизация (канонизация) частных (поидеологических) теоретических знаний***, даже если они выстроены в добротные монистические системы (что вообще-то большая редкость). Абсолютизация помировоззренческих теоретических знаний об обществе – непреодолимая преграда для процесса истины;

– ***неискоренимый грех недопустимого (ненаучного) абстрагирования;***

– ***отделённость от общественной практики, а нередко и противопоставленность общественной практике в её полном объёме*** (доктрины «теория и практика», «общественная наука в долгу перед практикой», «общечеловеческих истин» и т.п.). Научная общественность вроде бы свыклась со слоганом «Наука становится непосредственной производительной силой». По-

пробуйте приложить это к общественным наукам. «Общественные науки становятся непосредственной социальной силой»? Ничто не режет слух?

Общественной практике, способной пересилить сложившиеся тенденции движения к глобальному тоталитаризму, требуется обществознание, не просто лишённое названных фундаментальных недостатков, но обладающее качественно более эффективными познавательными способностями. Суть проблемы – увидеть, представить новый тип обществознания, потребного общественной практике. Это помогло бы целенаправить процесс порождения когорты исследователей-обществоведов нового типа.

Мы сочли правомерным подступаться к решению названной проблемы со стороны выявления методологических подходов, свойственных будущему обществознанию. Разумеется, мы хорошо понимаем, что методология не существует сама по себе и до исследований, то есть не может (не должна) быть декларированной. Вот почему мы считаем своей обязанностью заверить коллег-обществоведов, что излагаемые ниже методологические подходы являются не «затравочными» тезисными набросками «застрельщиков дискуссии», а извлечениями «методологической составляющей» из наших обществоведческих исследований, начиная с 1970-х годов. В приложении (на случай, если возникнет желание проверить) даётся краткий список публикаций, в которых излагались результаты наших исследований.

Социальная структурность – неустранимая особенность общественной практики и обществоведческой истины

Бытие и развитие общества совершается сознательно. Это отличительное свойство общественной формы движения материи. Общество целостно и структурно одновременно, что означает одновременно множественность субъектных действий и социализированность каждо-

го из действующих субъектов. Фундаментальная научная категория, ухватывающая эти особенности, – социальный субъект (социальная субъектность).

Общество в целом не является социальным субъектом. Общество в целом – целокупность социальных субъектов. Общественная практика – деятельность всех социальных субъектов. В этом смысле она структурна при всей своей целостности.

Какова общественная практика – такова и её познавательная сторона (часть). Процесс познания общественных процессов (обществоведческая истина) свершается множеством познающих субъектов и фильтруется множеством социальных субъектов. Каждый из социальных субъектов формирует состав знаний, потребный для его действий в соответствии с собственной идеологией. А связи с этим обществоведческая истина (как познавательный процесс) протекает в форме множественности общественных теорий, сгруппированных множественностью мировоззрений (идеологий). Истина как состояние (как достигнутый промежуточный результат познания) точно так же представляет собою множество теоретических обоснований одних и тех же процессов и явлений. Истина, якобы приподнятая над поидеологическими истинами, – выдумка или же банальность, не имеющая существенного практического значения[120].

Социальная структурность обществоведческой истины – существеннейшая придержка в обосновании методологии качественно нового обществознания.

---

[120] Счастлив тот, кто этого не понимает: он имеет такое возвышенное и вечное занятие, как, к примеру, поиск национальной идеи в условиях, когда отсутствует угроза существованию нации. Давно ли по поручению президента Б.Н.Ельцина искали национальную идею? И если бы президент В.В Путин не утвердил в качестве национальной идеи конкурентоспособность (топор-то, знать, лежал под лавкой), то и до сих пор искали бы. Да, скорее всего, кое-кто и ищет.

Партийность (многопартийность) и разнотипность обществознания. Гуманистически направленное обществознание

Социальная структурность общественной практики и обществоведческой истины предопределяет партийность (а точнее бы сказать – многопартийность) научного обществознания. Критерий научности обществоведческого знания – его подчинённость задачам практической общественной деятельности. А практические деятели – социальные силы. Нет социальных сил вообще, есть конкретные и притом разные социальные силы, каждая со своей собственной идеологией (или с потребностью собственной идеологии[121]). Социально-групповые «картины мира» (идеологии, мировоззрения) обустраиваются предметными (целенаправленными) познавательными усилиями с накоплением и систематизацией научных знаний. В итоге общественные науки многопартийны (многочастны), особенно фундаментальные науки и особенно изучающие те области общественной практики, в которых сталкиваются (противоборствуют или союзничают) социально-групповые интересы.

Мы не станем затрагивать здесь причины, по которым идея партийности (многопартийности) научного обществознания подвергается критике или ёрническому глумлению. Не станем затрагивать и «технологии» преподнесения партийного знания как сугубо объективного (надпартийного или беспартийного), а то и ещё хлеще –

---

[121] Собственная идеология – идеология, соответствующая реальному положению в обществе того или иного класса (социальной группы). Собственная идеология, опираясь на научные представления, восходит к стратегическим (коренным) интересам данной социальной группы, верно отражает конкретно-историческую специфику её общественного положения и перспектив его улучшения, вырабатывает реалистическую тактику в русле общей стратегии, а не уводящую в сторону от неё.

как общенародного (национального) или общечеловеческого. Есть более серьёзные и более насущные проблемы.

Одна из них – разнотипность обществознания.

Проблема разнотипности обществознания напрямую связана с тем (и является следствием того), что общественная практика порождает разные общественные устройства своего свершения. Типы общественного устройства бывают разными, отсюда и разные типичные обстоятельства развития обществоведческого знания (разные потребности господствующих и подчинённых социальных субъектов, разные реальные возможности выработки и распространения обществоведческого знания, разные возможности практического его применения социальными субъектами и т.п.).

Ханна Арендт в «Истоках тоталитаризма» (1947) очень точно отметила, что тоталитарная власть не нуждается в научных исследованиях. Сразу вспоминается нацистское «Национал-социализм не может быть доказан и в доказательствах не нуждается». А и впрямь: для чего тоталитарной власти знать, что происходит в обществе на самом деле, если она решает, что ***должно*** происходить и добивается, чтобы так и только так и происходило? Если, к примеру, сталинизм доводит до вульгарной крайности Марксову ошибку об антитоварности социалистического хозяйствования, то на практике сталинисты устроят либо прямой продуктообмен, либо уничтожат всякий вообще продуктообмен. Если И.В.Сталин определил, что социальную структуру советского общества составляют рабочий класс, колхозное крестьянство и народная интеллигенция, то так оно и будет считаться. Можно ли это опровергнуть? Нет, нельзя. Потому, что исследования социальной структуры советского общества были запрещены за ненужностью, а те, которые всё же попозже предпринимались, гарантированно выводили на рабочий класс, колхозное крестьянство и народную интеллигенцию. Да что там социальная структура! Переписи населения при Сталине переделывались, если выводили на «неправильную» цифру. Так что тоталитаризму не нужны не только исследования,

но и измерения общественных явлений и процессов. Ну, и конечно же, тоталитаризм монополизирует реальную возможность исследований общества. Сам не нуждается в исследованиях и никому в обществе не позволяет.

Что представляет собою тоталитарное обществоведение, хорошо должны помнить советские ещё философы, политэкономы, «научные коммунисты», литературоведы, историки, языковеды и иные гуманитарии-исследователи. Правда, с периода «хрущёвской оттепели» тоталитаризм вступил в фазу разложения и гниения. Но всё же… Пережившие 1930-1940-е годы советские учёные говаривали молодым уже в 1960-е: «Вы счастливые. Вам думать позволено». Но не более того! А.И. Солженицын в «Архипелаге…» высказывает глубокое и тонкое суждение, что с 1930-х в СССР не было литературы. Потому что если литература отражает лишь часть жизненной правды, то это ложь, а стало быть, – не литература. С общественными науками в СССР – та же самая картина. Отдельные успехи отдельных исследователей-гуманитариев по отдельным вопросам отрицать никак невозможно и было бы несправедливостью и даже предательством. Но в целом – нет, не наука. Многие из нас, нынешних учёных-гуманитариев старшего поколения оценивают каждый свою отрасль общественной науки в СССР, исходя из собственных ощущений трудной работы, трудной борьбы, проявленного мужества, радостей продвижения в истине… Оставайтесь, дорогие наши сверстники, с этими ощущениями! Не пробуйте перечитывать публикации периода СССР! Не подвергайте себя глубоким разочарованиям! Применим формулу современных «мудрецов»: «Общественные науки в СССР были такими, какими были».

Более сложный тип обществознания утверждается при диктатурных режимах самодержавного (авторитарного) толка. Полноценная наука и здесь не нужна властвующим классам (или кастам). Нужна апологетика, при этом допускаются и фрагменты реальной науки. Наука распадается на придворную (государственную) и остальную. Многопартийность обществоведческих исследований не

поддерживается властями, но и не приканчивается. В поле зрения государства находится только наука, обслуживающая практику в соответствии с идеологией партии власти[122]. Развитость обществоведческих исследований, потребных для общественной практики иных (кроме партии власти) социальных сил, зависит от развитости и обустроенности общественного пространства жизни тех или иных классов, социальных групп, общностей.

Весьма деформированный тип обществознания складывается в зависимых странах. Несамостоятельность (неполная самостоятельность, относительная вторичность) общественной практики в таких странах отзывается и вторичностью, производностью её (практики) познавательной стороны. Обществознание зависимых стран не претендует на самостоятельность и лидерство в исследованиях. Его лозунгом становится «интеграция в мировую науку», что на самом деле означает одностороннее впитывание результатов исследований в господствующих странах без достойных претензий на взаимоознакомление с результатами исследований. Мы в России за последние 20 лет насмотрелись на такую «интеграцию». Её приходится учитывать при общении с современной научной молодёжью, которая училась зачастую уже по американским учебникам и не владеет больше не только аппаратом и инструментарием, принятым в отечественных и классических европейских общественных науках, но и чужда европейской культуре научной мысли. Именно в этой области произошёл разрыв поколений в российских общественных науках[123].

---

[122] Партия власти - реалия политической жизни в недемократических обществах, одна из форм фактической узурпации политической (и не только политической) власти устойчивой группировкой должностных лиц.

[123] Надо откровенно сказать о явлениях коррозии (и деградации) в отечественных общественных науках, связанных, начиная с 1990-х годов, с исследованиями по грантам американских и международных организаций.

Наиболее благоприятные условия для обществоведческих исследований в капиталистических обществах складываются при буржуазно-демократическом общественном устройстве. Речь, конечно же, не идёт о равных условиях для исследований всех и разных идеологических направлений. В обществе социально неравных такого и быть не может. Однако право на социальное действие признаётся буржуазными порядками за каждой из социальных сил, и, соответственно, право на свою истину – за каждой из идеологий. Сколь ни ограничена реально буржуазная демократия, сколь ни искажается равноправие фактическим социальным неравенством, условия для развития многопартийного обществознания складываются при ней относительно благоприятно. Настолько благоприятно, что реально допускают развитие гуманистически направленного многопартийного обществознания.

Это понятие – гуманистически направленное обществознание – должно быть более или менее растолковано.

Общественная практика обладает способностью вариантной направленности. Возможно гуманистически направленное развитие и антигуманное развитие. Антигуманными показали себя общественные практики при фашистских (тоталитарных) общественных устройствах. На грани гуманизма балансируют диктатурные (в том числе авторитарные) режимы. Но они, к счастью, обычно не бывают долговечными.

Познавательная сторона антигуманных общественных практик своеобразна, но имеет место. В предельных формах она базируется не на научных исследованиях и предвидениях, а на конструировании и технологиях внедрения в массовое сознание антигуманных идей и пред-

---

Это, конечно, в большинстве случаев не исследования, а упражнения с выходом на заранее заданный и обусловленный грантодателем результат. «Персонами гранта» стали не только несамостоятельные прежде апологеты, но и часть серьёзных прежде исследователей. Мы их не осуждаем. Мы скорбим по их незавидной научной судьбе.

ставлений. Таковы, например, расистские учения. Отблеск антигуманных идей и антигуманных социально-психологических технологий находим в современной так называемой массовой культуре и других технологиях из арсеналов социальных резерваций[124].

Познавательная сторона гуманистически направленной общественной практики в своём развитом (и нормальном, недеформированном) виде представляет собою партийные (многопартийные) общественные науки. Развитость той или иной партийной общественной науки определяется развитостью (полнотой, устойчивостью, уровнем культуры) общественной практики того или иного социального субъекта (класса, социальной группы, общности).

Предметом нашего доклада является методология будущего обществознания, потребного гуманистически направленной общественной практике.

Роль идеологии (мировоззрения) и множественности идеологий в формировании научного обществознания

В общественно-практическом контексте идеологии являются формой и фактором самоорганизации социальных сил. Идеологии формируют и удерживают целостные представления о состояниях общества в прошлом, настоящем и будущем, о желаемой и справедливой направленности развития, о соотношениях социальных сил. «Картина мира», мировидение, мировоззрение – вот длящийся результат обретения идеологий социальными субъектами.

Научное познание общественных реалий относительно независимо от идеологий в фазе собственно исследовательской (а исследователю может казаться и полностью независимым, «объективным»). Однако познание это происходит в обществе и ведётся социализированны-

---

[124] См. статью «Социальной резервации теория» в «Энциклопедии трудящегося и эксплуатируемого народа». Выпуск 10. М.: Школа трудовой демократии. 2009.

ми людьми. Вся культурная обстановка содержит в себе социальное восприятие действительности, мир ценностей. Исследователи (и порознь, и тем более в качестве исследовательского сообщества) не стерилизованы мировоззренчески. Предметное видение исследуемых общественных событий, процессов, явлений рождается на почве культуры. Таким образом, социальный импульс (социальный заказ) общественным наукам существует всегда уже в силу культурной среды, в которой происходит научное познание общества. А культурная среда – что это, если не способ существования множественности сосуществующих и борющихся идеологий?

Ещё более значительным проявлением зависимости научного познания общества от идеологий является процесс использования обществоведческих знаний. Из множества выводов, догадок, рекомендаций, остережений, констатаций, оценок и иных плодов научного познания общественная практика формирует тот набор, который соответствует практическим целям, стратегии и приоритетам действия той или иной социальной силы. А эти атрибуты социальной силы впрямую выражают её идеологию. Добывать знания об обществе, заведомо чуждые какой бы то ни было идеологии, – это значит добывать практически невостребованное знание. Таковы банальности об обществе, непригодные даже для создания пропагандистских миражей об объективности, общечеловеческих смыслах и тому подобных шибко тонких эфирах и социальных флогистонах.

Общественные науки, обслуживающие господствующие классы, в последние полтора столетия усиленно маскировали свои идеологические привязанности. Шила в мешке они, конечно, не утаили, но в результате маскировочных «технологий» в обществознании создалась крайняя смысловая сутолока, процветает эклектика и пошлый информационный шум. Настала пора закончить этот маскарад. В интересах науки, как и в интересах социальных сил открыто обозначить и идеологии, и тяготеющие к идеологиям партийные общественные науки. Полагаем,

что именно отчётливая партийность (многопартийность) станет новым добротным качеством будущего обществознания.

Открытая привязанность к той или иной идеологии (а значит – и к общественной практике той или иной социальной силы) не только не повредит научности обществознания, а, напротив, станет фактором её обеспечения (достижения и устойчивости). Вместо бесконечных разоблачений истинных идеологических привязанностей (или пригодностей) тех или иных теорий и интерпретаций фактов станет уместным прямое противопоставление идеологических позиций, так что сами собою отпадут схоластические дискуссии и бесплодные препирательства, ныне нередко заменяющие (и тем самым не допускающие) действительно полезные научные обсуждения.

Роль идеологий в формировании научного обществознания как была, так и останется весомой. Но в будущем обществознании должны бы, на наш взгляд, сойти нанет факторы, мешающие полноценному и плодотворному осуществлению этой роли.

Как именно это произойдёт, пока гадать рано. Но обнадёживает, что стандартные маскировочные технологии всё чаще кажутся обществоведам шитыми белыми нитками. К примеру, Председатель партии «Единая Россия» однажды заявил, что его партия – это партия без идеологии. Это напомнило высказывание Б.Н.Ельцина после августа 1991 г.: «Слава богу, удалось избежать революции!» Подобные суждения политиков уже не дезориентируют обществоведов. Но главное, конечно же, – не понимать истинную цену такого рода маскировок, а сознательно выбирать идеологическую позицию, настраиваться по стратегическим меркам на общественную практику тех или иных социальных субъектов. Пока сами обществоведы не перестанут играть в идеологические прятки, их научные исследования не смогут достигнуть максимума научной полноты и глубины.

В каком отношении важно сказанное, поясним на примере исторической науки. Историки, как известно, тер-

петь не могут сослагательного наклонения. Именно историки, хотя они дружно скандируют, будто сама история не любит сослагательного наклонения. Это напраслина. История соткана из сослагательного наклонения, то есть из вариантов будущего, настоящего и прошлого. Историки же склонны облегчать себе задачу и зачастую игнорируют все бывшие реально возможными, но не осуществившиеся варианты общественного развития. Социально-субъектный ряд в исторических исследованиях нередко укорочен и смазан. В итоге описывается (исследуется) осуществлённый вариант без живого исторического контекста, без борьбы социальных сил, «без сослагательного наклонения».

Философски невежественное шараханье от понятий “партийность” и “классовость” в науке, всё ещё несущее у нас в России на себе генетическую память о пошлом диктате правящей КПСС в любой из наук, надо бы поскорее преодолевать. Обществоведам без понимания партийности (частичности и разной практической целеориентированности) представлений о социальных реалиях работать очень трудно, а обществоведам-теоретикам – вообще невозможно. Пока категория партийности в обществознании не освобождена от следов опасений идеологического диктата или плебейского мелкого мщения “задним числом”, тлетворное дело тоталитарной КПСС всё ещё делается.

Демократическая конституционная норма о признании идеологического многообразия обеспечила прочную правовую основу социально-классовому подходу к исследованиям общественных процессов, не отнимая ни у кого свободы блуждать в лабиринтах внеклассовости или надклассовости.

В тоталитарном обществе подходы к подобным вопросам иные и, на первый взгляд, вроде бы даже и здравые. Считается, что истина одна (и при этом, конечно, что она — не процесс, а результирующий, а то и задаваемый вывод). Отсюда: то, что не есть истина, — заблуждение, ошибка. Широта взглядов на свободу научного творчества

простирается аж до “вольнодумного” допущения: “Учёный имеет право на ошибку”[125]. И т.д. В тоталитарном СССР фразеология о классовости, партийности науки была вульгаризацией первоначального (середины XIX века) марксизма. На деле же никакого многообразия исследовательских подходов, как и многообразия идеологий, не допускалось.

Об этом следует говорить не к тому, чтобы лишний раз покритиковать тоталитарные подходы, а к тому, чтобы подчеркнуть: в освоении демократических возможностей обществоведческих исследований мы (все вместе) сделали ещё совершенно недостаточно. Многообразие идеологий вроде бы уже стало общественной реальностью, но воспринимается, как бы это сказать?... неконструктивно, что ли. От многообразия идеологий обществоведению пока мало проку. Во-первых, потому, что одна из идеологий (либерализм экстремального толка) упорно продавливается как практически государственная, если и не принудительно обязательная, то имеющая во всяком случае приоритет при подготовке государственных решений и охранную грамоту от критики на стадии подготовки таких решений (вплоть до подготовки стратегических социально-

---

[125] В порядке иллюстрации. Летом 1987 г. Отдел науки ЦК КПСС попросил нескольких экономистов написать критический разбор идеологии перестройки (по-видимому, собирались какие-то материалы в связи с подготовкой книги М.С.Горбачёва). Время было уже перестроечное, жёсткость контроля за “нашими учёными” чуть смягчалась. Первый зам. зав. Отделом, желая “раскрепостить” учёных и стимулировать их смелость в критике и постановках, промолвил доверительно: “Пишите смелее, никто не собирается никого наказывать. Учёный ведь имеет право на ошибку. Не так ли?” Вопрос был задан, видимо, как риторический. Но один из участников разговора (Б.В.Ракитский) вдруг возразил: “Конечно, не так. Учёный имеет право на истину. От этого права мы не отказываемся и на право на ошибку не обмениваем”. Начальство было в недоумении.

экономических решений правительства в закрытом режиме). Во-вторых, социально-групповой (классовый) подход шельмуется, дезавуируется, считается “отрыжкой тоталитаризма”. То есть идеологическое многообразие признаётся на словах, но не признаётся и не используется во благо на деле.

А между тем восприятие и освоение идеологического многообразия как реальной идейной основы и демократической атмосферы исследований общественных процессов позволяют резко, по нашим представлениям, *качественно* повысить результативность научных исследований. Эффект заложен в обогащении самой исследовательской культуры - в обогащении методологий.

Методология обществознания и методы исследований и изложения результатов

Методология не существует вне самого исследовательского процесса, хотя и может быть описана специально. Она, прежде всего, не является совокупностью (суммой, набором, агрегатом) конкретных методов исследования и изложения исследовательских результатов, а также рекомендаций для действий. Сумма качественно отличается от целостности, а методология — реалия целостная. Исходными свойствами, характеризующими и дающими понять методологию, являются свойства целого.

В самом деле, приступая к исследованию новых предмета и объекта (а, находясь в развитии, объект всегда нов, а прогрессирующая практика всегда ставит исследовательские задачи по-новому), исследователь никогда не может исходить из того, что накопленная совокупность конкретных методов достаточна для исследования. Одновременно приходится допускать, что не все имеющиеся методы необходимы. Круг методов, который будет применён при исследовании, сложится в ходе исследования, и останется лишь аргументировать их корректность, необходимость и достаточность для обеспечения достоверности выводов. Что же касается методологии, то она у

исследователя должна быть в полной готовности с самого начала, что не исключает её критической проверки и развития в ходе и в результате исследования. Скажем то же иначе: ***целостный взгляд*** на предмет и на подход к изучению объекта у исследователя должен быть с самого начала. Это основа исследовательской культуры в обществознании. В противном случае получится не исследование, а “шарение” в пространстве объекта с выуживанием из него так называемых “элементов научной новизны”[126].

Ниже мы предложим ряд трактовок, раскрывающих *содержание* методологии. Но прежде мы считаем необходимым решительно утверждать, что в методологии доминирующим, организующим (конституирующим, сущностным) её свойством является свойство целостности знания, системности, а не суммарности конкретных методов. Мы, во всяком случае, исходим именно из этого.

Чем обеспечивается целостность методологий в науках об обществе? Их связанностью с идеологиями. Это принципиально важно и должно быть объяснено специально.

Повторим своё исходное положение: наука есть познавательная сторона практики; наука обслуживает практику. Но практика общественного развития — деятельность всегда сознательная, деятельность практикующих субъектов, ставящих цели и (или) добивающихся сознательно поставленных целей. А откуда берутся цели общественного развития?

У экономических детерминистов цели преподносят обществу развивающиеся производительные силы, из которых самый революционный элемент (по И.В.Сталину) — орудия труда. У технических детерминистов цели преподаёт технический прогресс (лет 20-30 назад в ходу была знаменитая формула о “требованиях научно-технического

---

[126] ***Если не ошибаемся, современная философия справедливо признаёт минимальной единицей нового научного знания новую теорию, а не высказывание, формулировку или факт.***

прогресса"). У рыночных детерминистов цели общества выдвигает и формирует рынок. И т.д.

Исторический материализм исходит из того, что движущими силами общественного развития являются не вещи и не бездушные общественные механизмы вроде рынка, денег, конкуренции, монополии или, допустим, глобализации, а люди, их социальные группы, социальные общности[127]. Именно эти субъекты исторической практики и вырабатывают цели, и руководствуются ими.

Но как они их вырабатывают? Решающим является выработка представлений о желаемом (идеальном) будущем и превращение этого идеала в осознанную цель действий той или иной социальной группы или общности (народа, например). Это и есть идеология как *идеал, укоренённый в массовом сознании*[128]. Множество идеологий формирует дифференцированную общественную цель, общественную множественность целей. Цель организует практику социальной группы. Реальное множество целей организует практику общества (практическое взаимодействие социальных сил).

Если идеологии нацеливают общественную практику, а науки об обществе обслуживают практику общественных субъектов, то не просто по формальной логике, а и по логике жизни на научную деятельность в обществоведении проецируется идеология. ***Именно идеология***

---

[127] Это исчерпывающе объяснено ещё К.Марксом в учении о товарном фетишизме и его тайне (см. К.Маркс. Капитал. Том первый. Глава первая, параграф 4).

[128] Об идеологии как форме общественного сознания и об общественном субъекте идеологии подробнее см.: Ракитская Г.Я. Идеологии экономических преобразований как фактор исторического выбора (теория, методология анализа, развитие идеологий в ходе четвертой русской революции) // Перспективы и проблемы России. Вып. 6. М.: Институт перспектив и проблем страны. 1997. С.51-62.

придаёт научной методологии свойство целостности[129].

Какие именно существуют в обществе идеологии и какие именно разные методологии и как отражают их при исследовании общественных проблем — это не предмет нашего доклада. Нам достаточно аргументировать утверждения, что методологии разные, единой методологии быть не может (или она будет трактовать совсем уж о банальных, несодержательных, практически бесполезных вещах). Непосредственная причина этого - реальная множественность идеологий, а конечная (глубинная) — структурность общества, социальная структурность общественной практики.

Вывод этот очень конструктивен в том отношении, что позволяет понять и учесть разные трактовки не как ошибочные, а как относящиеся к разным методологиям и классово по-разному ориентированным системам знаний. Чтобы не вести пустую полемику, достаточно констатиро-

---

[129] Следует, по-видимому, специально объясниться насчёт роли идеологии в науке. Мы не случайно постоянно оговариваем, что идеология играет своего рода задающую и формирующую методологию роль именно в общественных и только в общественных науках. Вульгаризированное представление о партийности в науке, насаждавшееся со времён массовых репрессий 1930-х годов в СССР, настроило большинство естествоиспытателей (да и обществоведов тоже) резко против и партийности, и идеологий. Но от этого структура научного знания не переменилась. Эта структура и в естествознании, и в обществознании предполагает опору теоретического знания как процесса на мировоззрение, на "общую картину мира". А иначе зачем А.Эйнштейн бился над общей теорией поля? Зачем каждый физик и в наше время, тысячи раз повторив, что атом неисчерпаем, ищет те неделимые далее "кирпичики", из которых сложен весь мир?

Так вот: для общественных наук роль "общей картины мира" выполняет идеология, точнее — множество идеологий. Только и всего.

вать и воспринять эти различия. Тогда вместо дурной перепалки в обществоведческих исследованиях утвердится объёмное знание, учитывающее многообразие социальных интересов и способы их взаимодействия. Знание поднимется качественно — на уровень социально-политического[130].

Целостнообществоведческий подход (метод)

Целостнообществоведческий подход — высокая методология, обладающая разрешающими (познавательными) способностями (возможностями), необходимыми и достаточными для общественной практики. Впервые в научном виде[131] этот подход как культура мышления сформировался в XIX веке, но не только не стал всеобщим мето-

---

[130] Представлению о классовом (партийном) характере идеологии, формирующей цели и методологию всякого серьезного обществоведческого исследования, противостоит позиция, отстаивающая необходимость "очищения" исследований от каких бы то ни было социально-групповых пристрастий в целях так называемой объективности. Если обществовед нацелен на подобную "чистую" науку и это ему удается, то он - в лучшем случае - не выходит за рамки описательности, созерцательности. А в худшем - не выходит за рамки апологетических описаний существующего под маской объективности. В созерцательных ветвях литературного труда, претендующего на роль научного, неразрешимой задачей является внятное различение объекта и предмета анализа. Их различение блокируется бесцельностью анализа. У апологета они не различаются, так сказать, по определению, ибо апологетика не ставит самостоятельных целей, боясь продвинуться вперед, дать что-либо новое.

[131] Оговаривая "в научном виде", мы отдаём должное, например, очень многим античным мыслителям (исключая таких, как Демокрит), у которых целостность восприятия мира ещё не была нарушена глубокой специализацией знания и распространившейся на её почве метафизичностью мысли.

дом, но подвергся явному остракизму и вульгаризации и фактически оказался утерянным в XX веке. Основоположниками целостнообществоведческого подхода по праву должны быть признаны Карл Маркс (1818-1883) и Фридрих Энгельс (1820-1895). Изначальное наименование метода как универсального — диалектический материализм, а как метода обществознания — *исторический материализм*.

Конечно, метод развивался и развивается. Но процессы вульгаризации, к сожалению, преобладали. Тем более, что и сами основоположники в порыве открытия нового метода и воодушевлённые его мощью не оберегли последователей от опасностей разрыва с методом в особо тонких местах, требующих особой чуткости и культуры мышления[132].

Вульгаризация метода исторического материализма (целостнообществоведческого подхода) прошла как минимум три фазы. Первая — после (и в ходе) превращения марксизма в идеологию широкого европейского рабочего движения в конце XIX века. Вторая — в период третьей русской революции и сразу после революции (ленинский этап). Третья фаза — сталинская эпоха и тоталитарный режим, оставивший от исторического материализма одно лишь наименование, под которым стал существовать его антипод — *вульгарный экономический материализм и догматизм.* Эту идеологию (сталинизм) мы в советское

---

[132] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.37. С.370. Т.39.С.84. Т.37. С.394-396. Парадоксально, но факт, что в своём главном исследовании – «Капитале» – К.Маркс не оказался на уровне возможностей созданного им нового метода, что сделало недоказанными его ключевые социально-политические положения (например, теорию эксплуатации, учение о превращении денег в капитал, теорию заработной платы как цены товара рабочая сила и ряд других). Об этом см. в монографии Г.Я.Ракитской «Социально-трудовые отношения (Общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России)» М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. 480 с.

время изучали в вузах. Вместо целостнообществоведческого подхода нас вооружили представлениями вроде того, что экономика связана с политикой, а политика — с экономикой, что экономика — базис, основа всего развития, а всё остальное — надстройка, которая “оказывает обратное влияние” и т.п. Не вдаваясь в обсуждения, отметим, что всё это и подобное не только не имеет ничего общего с диалектическим и историческим материализмом, с целостнообществоведческим подходом, но и прямо им враждебно. Как говаривали в сталинскую эпоху, — диаметрально противоположно.

В силу того, что наши коллеги твердо уверены, будто что-что, а марксизм и исторический материализм им прекрасно известны, мы просим коллег внимательнее всего относиться в современных общественных науках к тому, что касается методологии, научного метода. Именно в применении целостнообществоведческого подхода вместо привычного подхода (по большому счёту — экономико-материалистического, экономико-детерминистского) коренится новизна и постановок, и теоретических решений ключевых проблем современного общества.

Очертим те свойства целостнообществоведческого подхода, которые – независимо от классовой ориентации исследования – позволяют обеспечивать качественно превосходящий, чем при иных подходах, уровень научности (адекватности и строгости) в изучении общественных явлений, а потому и качественно более высокий уровень практичности научных исследований.

Главная особенность использования целостнообществоведческого подхода – **выделение предмета в актуальном целостном контексте.**

Прежде всего, что понимается под целостным контекстом? Это общество, всё целиком, без каких-либо произвольных или “хитромудро” обоснованных изъятий. Что бы обществовед ни исследовал (неважно, какой он специализации - экономист, социолог, трудовик, юрист или политолог), предмет его исследовательского интереса не просто расположен в обществе, а активно взаимодейству-

ет ***со всем*** в обществе, зачастую ***встроен*** во все общественные реалии. Ведь все обществоведы, говоря обобщенно, изучают общественные отношения. А отношения есть общественная ***форма*** протекания реальных процессов, и потому вместе с содержанием она сама — общественная реалия.

Целостность общественного контекста, в котором изучается любой специальный предмет любой отрасли (дисциплины) обществоведения, позволяет сохранять в подлинном (не препарированном научной дисциплиной) жизненном виде все существенные взаимосвязи предмета с реальностью. В силу большой сложности общественных явлений круг существенных связей подвижен, изменчив, гибок. Большой вопрос, обеспечивает ли какое бы то ни было даже самое тщательное научное препарирование действительности (ради более удобного изучения предмета) необходимую и достаточную полноту круга существенных связей предмета с общественной реальностью. По нашему мнению, едва ли. И уж точно - далеко не всегда: хорошо, если через два раза на третий. Целостно же обществоведческий подход не препарирует общественную реальность для изучения, а сохраняет её целиком в процессе изучения как целостный реальный жизненный контекст бытия изучаемого предмета.

Это во-первых. Во-вторых, целостнообществоведческий подход предлагает научно обоснованный ориентир для выявления круга действительно существенных взаимосвязей предмета изучения с иными реалиями. Целостный контекст — это великолепно, это идеально в смысле неутраты при исследовании каких-либо существенных связей и отношений. Но ведь этот контекст огромен, бесконечен в своих конкретностях, помноженных на динамичность! Как выбрать, отобрать, сгруппировать существенное, выделить существенное в смеси существенного и несущественного?

Решение задачи таково: предмет изучения следует выделять ***не в целостном общественном контексте вообще, а в актуальном целостном контексте***. Это

значит, что целостный контекст и изучаемый предмет в этом контексте берутся не абсолютно, а относительно, а именно ***применительно к задачам практики, то есть актуально***. Истина практична, процесс истины имеет положительный (конструктивный) смысл не иначе как сторона практики, для практики. Известны суждения: “Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна” или вот — “Практика есть критерий истины (истинности)”. Если эти суждения не окостеневают и не используются как потерявшие живой смысл догмы, то они верны[133].

Характеризуя целостнообществоведческий подход, важно отметить, что он ***всегда конкретно-исторический.*** Собственно говоря, это вытекает из принципа практической актуальности знания, из рассмотрения целостного общественного контекста в актуальном измерении. Конкретно-исторический подход означает, что достоверными являются и признаются не любые знания, взятые вне исторического времени и пространства, а непременно соотнесённые со временем и пространством общественной практики, для которой они актуальны. Кстати, почти прямое следствие из этого — признание вздорными идей трансплантации практического зарубежного опыта, если

---

[133] Трудно устоять против искуса оттенить водораздел между целостнообществоведческим подходом и прагматизмом. Ведь и прагматизм ставит практику на пьедестал и считает её критерием истинности (у него это, правда, не истинность, а, скорее, пригодность, ценность). Сходство есть, не так ли? Так, да не так. Прагматизм не заботится о целостности общественного контекста, он для него непрактичен. Сама практика у прагматизма не целостная общественная, а фрагментарная, в ареале интереса практикующего субъекта. А субъект этот - частный субъект, частичный. То, что в прагматизме выглядит и воспринимается как общее, на самом деле составное, а не целостное. Так что у прагматизма из практики есть актуальность, но нет целостного общественного контекста. Схожие критерии истинности на самом деле глубоко различны.

не учтены социокультурные сходства и различия стран и их общественной практики.

При целостнообществоведческом подходе совершенно иначе, чем при любых иных методологиях, стоит и решается проблема конкретности и практической пригодности теоретического знания. Эта сторона вопроса методологически исключительно важна и, насколько нам известно, не освещалась до сих пор никем из методологов обществознания. Поэтому раскроем её по существу (хотя и в тезисном виде).

Как изучает свой предмет любая из методологий, не являющаяся целостнообществоведческой? Она как бы останавливает объект, расчленяет его, отделяя ту часть, которую будет изучать под своим предметным ракурсом. Она, стало быть, препарирует объект для изучения, упрощает объект, делает его частичным, неполным. Это неизбежное следствие глубокой специализации общественных наук. Их предметы частичны, очень специализированы. Ситуация такая, как в медицине, где врачи специализируются на конкретных болезнях отдельных органов, но никто не занят здоровьем организма в целом. В общественных науках такое предметное дробление сильно отдаляет изучаемую часть объекта от реальной практики, от живой взаимосвязи в рамках практического целого. Отсюда их специфическая проблема – обрести практическую ценность, по возможности вернуть или компенсировать потерянную целостность. Решается эта проблема в последние десятилетия практически “на ощупь”: с помощью междисциплинарного подхода, многофункционального анализа, а там, где объект устроен попроще, нежели общество, – с помощью системного подхода, синэргетического подхода и т.п.

Словом, все методологии (кроме целостнообществоведческой) культивируют исследовательские подходы по схеме *“утратить, а потом вернуть или компенсировать”*, добыть сперва упрощённое знание, отражающее усечённый объект, часть объекта с “обрубленной частью связей”, а затем складывать из добытого частичного зна-

ния более ёмкое, более или менее приближающееся к полному.

Целостнообществоведческий подход основан на совершенно иных принципах. Прежде всего, основоположники исторического материализма исходили из настоятельной потребности восстановить целостность обществоведения. Это не означало нигилистического отношения к узко предметным общественным наукам, а означало актуализацию целостного знания об обществе. Такой, к примеру, великий труд, как “Положение рабочего класса в Англии” Ф.Энгельса, — разве укладывается он в конкретные социологические исследования? Конечно, не укладывается. Поэтому-то Ф.Энгельс – основатель грядущей социологии, какой теперь всё ещё нет.

Знание, добытое с помощью целостнообществоведческого подхода, сохраняет в себе отражение связи предмета с актуальным целостным контекстом. Это изначально придаёт ему высокую меру практической пригодности. Этот вывод можно выразить и по-другому: ***сущностное знание, полученное на основе целостнообществоведческого метода, обладает свойствами особой конкретности.*** Конкретность в нём как бы архивирована (свёрнута) и легко и эффективно разворачивается. Это можно обозначать (трактовать) терминами “жизненность”, “практичность”. То есть это та самая хорошая теория, практичней которой, по выражению Л.Больцмана, нет ничего. Да и то сказать: все мы попривыкли к странному представлению о конкретном как о детальном описании устройства. А ведь конкретное-то - это ***единство*** многообразного, ***целостная*** полнота связей и отношений. Конкретное содержательно разнообразием единого, но не суммированного, а целостного.

Полагаем, что достаточно сказали о “чистой методологии”. Обратим только внимание еще на два аспекта. Вернее на два следствия.

Следствие 1.
Бесперспективность междисциплинарного подхода и других суррогатов целостности

Первое следствие — ***тупиковость попыток использовать суррогаты целостности.*** Прежде всего это относится к методам агрегирования эмпирических знаний и к конструкциям междисциплинарного знания. Они не имеют шансов когда-либо дорасти до качественной высоты целостного знания (и это, вроде бы, не следует повторно объяснять). Более того, они в своём прогрессе не приближаются к целостному знанию, а удаляются от него. Они безнадёжно, необратимо метафизичны. Они — игра в кубики знаний, упражнения в суммировании фрагментов, среди которых не хватает и всегда не будет хватать тех, которые обеспечивают движение, жизнь, развитие. Целостность обладает свойством ухватывать причины движения, движущие силы не по отдельности, а в динамичном взаимодействии.

Следствие 2.
Мера целостности знания как мера его необходимой и достаточной практичности

Второе следствие (оно для будущего обществознания более важно) – ***решение вопроса о мере целостности знания***.

Отмеченные преимущества целостнообществоведческого подхода вовсе не обеспечивают ему свойства давать абсолютные знания. Об этом речь не должна вестись. Проблема в достижении не абсолютного, а практически эффективного знания. Целостнообществоведческий подход открывает принципиальную возможность такого процесса познания, который непрерывно обеспечивает практически эффективное знание. Однако эта возможность не реализуется автоматически. Возможность открыта, но как её реализовать?

В самом деле, знание, добытое в исследованиях на базе целостнообществоведческой методологии, может оказаться практически неэффективным. Что это означает: фиаско самого подхода или изъян в его применении? Сам по себе подход (как таковой) не содержит внутри себя каких-либо препятствий для непрерывно эффективного познания. Изъян следует искать в применении подхода исследователем. В общем виде этот изъян всегда связан с недостаточностью целостности, с тем, что исследователь посчитал некие взаимосвязи объекта несущностными для предмета, тогда как в действительности они оказались сущностными. То есть исследователь вывел предмет из актуального целостного контекста и тем лишил результат эффективной практической конкретности.

Стало быть, при пользовании целостнообществоведческим подходом перед исследователем всегда стоит задача соблюдения меры целостности знания как меры необходимой и достаточной практичности.

Проблема “раздвижения” целостного до достаточно целостного, или (что то же) проблема удержания предмета в пространстве актуального целостного контекста — это проблема охвата всего существенного для практики, проблема обеспечения достаточной (практически актуальной) конкретности и теоретического, и прикладного знания.

Где же граница целого? Вернее, каковы признаки достаточной полноты актуального целостного контекста? В разных отношениях целостность имеет разные границы. Можно проиллюстрировать это на примере социально-трудовых отношений.

Пользователь знаний – практика. В этом своём качестве пользователя она и критерий истины, то есть мера должной (с точки зрения пользователя знания) целенаправленности процесса истины, содержательности, достаточной наполненности этого процесса. Истина — не продукт, не завершённый результат, а процесс, включаясь в который, пользователь знаний использует текущее состояние этого процесса как продукт (знание).

Принцип соразмерности (качественного соответствия) практике определяет подход к параметрам необходимой и достаточной целостности.

Но что есть практика? Преобразовательная деятельность - это несомненно. Преобразование может быть рассмотрено со стороны изменения преобразуемого объекта. Это правомерно, но неполно. А для труда как преобразовательного процесса явно недостаточно, ибо ухвачен (как говорят философы) результат преобразования, *результат* труда, а *не процесс*.

Процесс же труда может быть рассмотрен со стороны структуры и механизмов его преобразовательных функций (цель, способы, методы, приёмы и т.п., касающиеся процесса преобразования). Опять-таки верно и допустимо. Но недостаточно. Недостаточно потому, что труд - процесс человеческий, а выше очерченное рассмотрение труда пахнет тейлоризмом (или другими разновидностями экономического либерализма), игнорировавшим в трудящемся человеке именно человеческое. Значит, актуальный целостный контекст изучения труда не может не включать его человеческую сторону.

Включение в сущностное рассмотрение труда его человеческой стороны кладёт конец подходу к труду как к явлению экономическому, заставляет всегда, во всех без исключения отношениях рассматривать труд как социально-экономический феномен, упраздняет как ненаучные череду категорий, подобных таким, как «товар рабочая сила», «найм как купля-продажа рабочей силы», «зарплата как цена товара рабочая сила», «стоимость рабочей силы» и др. В отечественном обществознании эта работа проделана в 1980-2000 годы, в западном обществознании – пока что ещё не начата. Более того, культивируются новые разновидности того же самого тупикового хода мысли: теория человеческого капитала, теория социального капитала, теория репутационного капитала, морального капитала и т.п.

Общая теория и её познавательно-практическая направленность

Общая теория — та часть теоретического знания относительно того или иного предмета, которая:

— обосновывает возможность и содержательность (практическую ценность) целостного знания о предмете;

— формирует целостное содержательное знание о предмете;

— удерживает целостное содержательное знание в актуальном виде (в кондиции, подходящей для теоретического и практического применения);

— является познавательной (гносеологической) предпосылкой систематизированной целенаправленной конкретизации и — в этом смысле — общей методологией развития системы знаний о предмете.

Даже если бы идеология была единственной (то есть если абстрагироваться от множественности идеологий в обществе), то и тогда проблема целостности знаний о предмете была бы актуальной. Собственно говоря, так оно и есть в реальной науке. Только называется это не общей теорией изучаемого предмета, а весьма неточно — обобщениями. Эта неточность оборачивается неоправданной скидкой для исследователя: он выдаёт резюмирующий реферат о “степени разработанности проблемы”, он сводит, суммирует накопленное, а затем исходит из этого суммированного как из стартового рубежа исследования. Ничего солидного из таких занятий не получается, одни только сентенции об отсутствии единого мнения и “с этим нельзя (!) согласиться”.

Между тем единое мнение, единая точка зрения на предмет (не путать с идеологией!) не только не нужны, но и невозможны. И исследователю для старта нужно не суммарное обобщение накопленного (хотя при правильном восприятии оно и не вредно как информация), а целостное знание. Если по какому-либо предмету общая теория (целостное знание) отсутствует или покуда, по мнению исследователя, она неудовлетворительна, то он

вынужден будет выстроить (выдвинуть) гипотезу, выполняющую роль общей теории.

Так или иначе, но исследователь не может не “привязать” своё исследование к тому, что у естественников называется “картина мира”, а у обществоведов любого дисциплинарного профиля — идеологией. Так удовлетворяется потребность в целостности для обеспечения полноценности, доброкачественности и достоверности теоретического знания. Суммирующие обобщения могут в этом деле выручить и не подвести только в том случае, если все суммируемые выводы были достигнуты в ходе теоретической деятельности, исходящей из общей теории, основанной на достаточно ёмкой увязке с идеологией.

Но мы получили такие выводы, допустив, строго говоря, недопустимое: единственность идеологии в обществе. Такое может быть лишь при жесточайшем подавлении субъектности всех социальных групп, кроме одной, и при принудительной обязательности единственной идеологии. В обычном случае общество реально структурно, многосубъектно, общественная практика социально дифференцирована, а потому социально дифференцировано и научное обществоведческое знание. Потребность в общей теории реально возникает и воспроизводится у исследователей каждого социально-классово ориентированного (партийно-научного) направления (научной школы).

Поэтому реальна *множественность общих теорий одного и того же, казалось бы, предмета.* “Казалось бы”, говорим мы и не оговариваемся. У разных по классовой ориентированности научных школ предмет лишь внешне один и тот же. Но на самом деле у них — один и тот же объект изучения (одна и та же реальность). Предмет же (задачи исследования) разный, и это различие привносится различием интересов “социальных заказчиков” — субъектов общественной практики.

Издавна в общественных науках завелись понятия “в широком смысле слова” и “в узком смысле слова”. Завелись не от нечего делать, а из нужд и для нужд познания. Используются эти понятия, правда, совершенно по-

разному. Но при любом использовании они суть инструментарий выхода из того закономерного состояния познания, когда сам процесс познания фактически многопредметен при едином объекте исследования.

Объект общественного характера (это обычно общественные отношения) отражается в научном познании с *позиций разных социальных интересов*, а потому отражается *вариантно*. Разброс отбора актуальных для изучения свойств (сторон), круга анализируемых фактов и измерений, интерпретаций и выводов — весьма значителен. Как быть с этой вариантностью научного обществоведческого знания, создающей впечатление расплывчатости, неточности знаний в общественных науках?

Само собою, затеваются свары, споры, возникают дезавуирование и остракизм, привлекаются в качестве оценщиков истины авторитеты и, особенно охотно, влиятельные в обществе структуры (“у них” — общественное мнение, у нас по традиции — властные структуры). Но это всё и невежественно, и зря. Ведь по-разному социально ориентированные исследования добыли разные части правды, все они вместе и есть реальный процесс истины. Поэтому серьёзные учёные пытаются обобщить (рационально охватить) вариантное знание. Вот тут-то и пригождается понятие “в широком смысле слова”.

Мы уже отметили, что ученые пользуются методом “расширения смысла” по-разному, весьма по-разному. До такой степени по-разному, что разработанные ими категории “в широком смысле слова” имеют не только мало общего, но и существенно разное содержание.

Об эклектиках мы не говорим: результаты их “обобщений” научного смысла не имеют.

Часть исследователей (не эклектиков) принимается обычно извлекать общее из вариантных результатов, погашая различия, отшелушивая их от результирующих выводов. Этот приём даёт, по справедливой оценке Ф. Энгельса, весьма банальные результаты. Смысл (содержание) выводов оказывается не только не шире каждого из вариантных результатов, но и худосочнее, легковеснее.

Другая часть учёных, использующая понятие “в широком смысле слова”, воспринимает вариантность результатов по-разному социально ориентированных исследований как позитивное познание. В марксистской (не вульгаризированной сталинизмом и маоизмом) общественной науке опыт обобщений классово вариантного знания накапливался с самого начала. Такие труды, как “Манифест Коммунистической партии” (1848 г.) или “Капитал” (1867 г.) - добротные примеры подобных обобщений[134].

Точность общественных наук состоит не в очищенности от вариантов единого (то есть бесспорного, инвариантного, но для всех чуждого) вывода, а в адекватном отражении процесса классово-дифференцированного познания и результатов этого процесса. Просто пользоваться обществоведчески точным знанием следует совсем не так, как пользуются знанием естественнонаучным.

Общая теория при обобщении, дорожащем вариантностью классово-дифференцированного знания, приобретает вид целостного знания, пригодного для практики взаимодействия реальных социальных групп в обществе, то есть для социально-политической и политико-экономической практики. Целостность такой общей теории обеспечивается признанием множественности идеологий в едином обществе, множественности методологий исследования одного и того же объекта при реальной классовой вариантности предмета исследований.

---

[134] К примеру, “Манифест Коммунистической партии” не только излагает доктрину пролетарского социализма, но и очерчивает спектр классово дифференцированных доктрин социализма (реакционный социализм - феодальный, мелкобуржуазный, “истинный”; консервативный, или буржуазный социализм; критически-утопический социализм и коммунизм).

Проблемная структура общества. Понятие узловой общественной проблемы

Важной особенностью обществознания следует признать проблемную структуру его предмета. Подчеркнём: не проблемную структуру познавательной деятельности (самого обществознания) – это само собой, как в любой науке, а именно проблемную структуру познаваемого предмета и включающего его объекта – общества. Общественная форма движения материи тем и отлична от иных форм движения материи, что здесь материальные факторы действуют и взаимодействуют сознательно, осознанно, субъектно. Отсюда столь своеобразная форма (фаза) движения общества в целом и всего, что составляет общество, как проблема.

Проблема как таковая — это осознанная потребность развития, изменения, преобразования. Проблемная форма – способ осуществления целенаправленности практики. Субъекты общественной практики воспринимают её проблемность как интересы, стимулы, мотивы, противодействия, ограничения, борьбу, сотрудничество и т.п.

В методологии изучения общества (не только в целостнообществоведческой) есть задача правильного (адекватного) отражения проблемной структуры объекта и предмета в проблемной структуре исследования. Эти две проблемные структуры при не очень развитой культуре исследования как бы сливаются, не различаются. А напрасно. Неразличение проблематики исследования и проблемной структуры общества как предмета и объекта исследования создаёт вероятность и пространство утраты чувства первичности предмета и объекта по отношению к исследованию. Свято выдержать в обществоведческих исследованиях первичность проблемной структуры общества – залог эффективности (практичности) обществознания, особенно общетеоретической и теоретической его части.

Известны и используются такой исследовательский инструмент, как проблемное видение предмета, и такой

этапный результат исследования, как проблемная структура предмета. Столь известные понятия, как постановка темы (или вопроса) или научная гипотеза, если сделаны добротно, как раз и представляют собою проблемную структуру предмета.

Выявить проблемную структуру общества, увидеть систему общественных отношений проблемно - значит выстроить предположительную модель сущностно-содержательных связей в этой системе, связей противоречивых, содержащих потребности развития и дающих импульсы развития рассматриваемой системе отношений. Это не что иное, как способ сохранения целостности в ходе исследования и оставление за целостностью приоритетности даже при сугубо аналитическом (расщепляющем) рассмотрении объекта. Структурная связь проблем, рассматриваемых порознь, по очереди, часто не по полному перечню, создает в исследовании эффект как бы одновременного их рассмотрения.

Элементы проблемной структуры общества – это *узловые (ключевые)* социальные проблемы. Само понятие узловой проблемы заслуживает более или менее строгого определения.

Узловыми (ключевыми, основными, ведущими, решающими, приоритетными) называются те проблемы, которые охватывают системообразующие взаимосвязи, коренные потребности развития системы, противоречия интересов основных, самых влиятельных участников социальных взаимодействий. Так обстоит дело в общественной системе.

Как уже отмечено и подчёркнуто, потребность (закономерность) развития системы приобретает проблемную форму в связи с её общественным характером, то есть в связи с осознанным характером действий сторон реального противоречия и в связи с субъектностью этих сторон. То есть противоречивость интересов как формы существования потребностей и внутренних побудительных мотивов субъектов общественных действий есть причина и содержание проблем. В этом смысле правомерна и

трактовка проблем в аспекте их восприятия социальными группами: “**Социальная** (социально-экономическая) **проблема** — осознанное расхождение (противоречие) между реальным социально-экономическим положением социальной группы, общности, реальными тенденциями (перспективами) его изменения, с одной стороны, и конкретно-историческими интересами данной группы, общности, с другой. Иначе говоря: социальная проблема — это специфическое для данной структурной части общества *восприятие* реального (объективного) противоречия”[135].

Казалось бы, всё это – азбука обществоведения. Однако в практике и в науке наблюдается тяготение к представлениям об общественных системах как о неких абсолютных (инвариантных) конструкциях. Вот так-то она устроена, так-то развилась (сформировалась), вот такие-то тенденции имеют в ней место на современном этапе. А между тем любая общественная система всегда была, есть и будет *вариантной.* Субъекты, взаимодействующие в общественной системе и всегда имеющие противоречивые интересы, видят проблемы системы по-разному, предлагают и пытаются применить разные способы решения проблем системы, стремятся к разным целям и хотели бы преобразовать саму систему по-разному.

Такие крупные субъекты социальных отношений, как социальные группы, классы, государственные и негосударственные структуры, разрабатывают свои программы преобразования на основе своих генеральных решений (стратегий), выстраивают свои приоритеты. Имеет место множественность стратегий, систем приоритетов и программ действий в сфере общественных отношений.

Этой множественности может и не быть или она может быть крайне неразвитой. Тогда это признак отсутствия реальной многосубъектности, признак недемокра-

---

[135] Ракитская Г.Я. Будущее и настоящее России в идейных представлениях и требованиях (из летописи четвёртой русской революции) // Перспективы и проблемы России. Вып.2. Идейная борьба за будущее России. М. 1995. С. 58.

тичности общества. У нас сейчас в России, к великому сожалению, именно такая ситуация. Она располагает к тому, чтобы не замечать или игнорировать множественность стратегий развития общества и множественность подходов к определению приоритетов его развития. Наука не вправе упускать из виду названую множественность. Тут должно иметь место своего рода научное ожидание, исходящее из неопровержимого факта социальной структурности общества и научного предвидения развитых форм реализации этой структурности.

***

Авторы настоящего доклада принадлежат к научной школе, которая с середины 1970-х годов осознанно применяет в исследованиях целостнообществоведческий подход. Результаты этих исследований по большей части опубликованы. Однако демонстрация этих результатов с целью показа преимуществ целостнообществоведческого подхода – отдельная тема, требующая значительного места.

Задача же настоящего доклада – привлечь внимание к тому, что современная общественная практика нуждается в качественно более развитой науке, в целостном обществознании, обеспечивающем качественно более глубокие и практичные знания о всём спектре общественных процессов. Методология такого обществознания в принципе уже создана в XIX веке, но фактически утрачена в XX столетии.

Геном (сущностный абрис) методологии будущего обществознания и изложен в докладе.

Впервые опубликовано как: Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Методологический геном будущего обществознания, потребного общественной практике. — Периодическое издание “Обществознание большинства”. Выпуск 6. – М.: (ИУТЭ) Ноябрь 2009. С. 3-43.

Печатается по изданию: Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Методологический геном будущего обществознания, потребного общественной практике. — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2010. 40 с.

2001-2013

==========

СТАТЬИ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ТИПА

Г.Я. Ракитская написала 26 статей энциклопедического типа (из них 9 в соавторстве с Б.В.Ракитским). В настоящем издании эти статьи не распределены по трём разным томам (в соответствии с проблематикой томов), а печатаются все в первом томе.

Статьи неоднократно печатались в разных энциклопедических изданиях (и в учебнике «Социальная политика»). Приводим перечень основных изданий:

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТРУДЯЩЕГОСЯ И ЭКСПЛУАТИРУЕМОГО НАРОДА» Периодическое издание. Выпуски 1-16. – М.: Школа трудовой демократии. 2001-2015.

«Социальная политика. Толковый словарь». Изд. первое и второе, доработанное. – М.: РАГС. 2002.

«Энциклопедия государственного управления в России» В 4-х томах. Том 1. ─ М.: Изд. РАГС. 2004

«Социальная политика. Энциклопедический словарь» М.: Академический проект, Трикста. 2005

«Социальная политика. Энциклопедия». – М.: Альфа-Пресс. 2006

Учебник “Социальная политика” – М.: “Экзамен”, 2008. Издание 4-е, переработанное и дополненное. Глава 5.12.

“Энциклопедия государственного управления в России в 2-х томах” Том 1. – М.: изд. РАГС. 2008. Стр. 202-203.

Выпуски «Энциклопедии трудящегося и эксплуатируемого народа» не раз перепечатывались на Украине и в Белоруссии.

В настоящем издании энциклопедические статьи Г.Я.Ракитской печатаются в основном по тексту «ЭНЦИКЛОПЕДИИ ТРУДЯЩЕГОСЯ И ЭКСПЛУАТИРУЕМОГО НАРОДА» (сайт Школы трудовой демократии имени Г.Я. Ракитской www.shkolatd.ru)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА – современный этап развития мировой капиталистической системы, особенности которого как новой формы социальной организации человечества обозначились в конце XX века.

“Глобализация” в буквальном переводе с английского (the globalization) означает “распространение во всем мире”, “всемирнизация” (от английских “the globe” – мир, земной шар; “global” – мировой, всемирный; французский термин с таким же смыслом – “la mondialisation” от “le monde”, “mondial”).

Термином “глобализация” в последнее десятилетие двадцатого века стали обозначать совокупность ряда явлений и процессов капиталистического развития, сфера распространения которых выходит за рамки отдельных государств, охватывает целые регионы, континенты и – реально или в тенденции – приобретает мировой (планетарный) масштаб.

В настоящее время анализ социальных аспектов глобализации сводится, как правило, к изучению её различных социальных *последствий.* Сама же глобализация понимается как становление единого всемирного хозяйства (всемирно организованных производства, торговли, финансов, рынка труда и пр.) на базе и в результате использования новейших технологий. Прижившийся в литературе термин “глобализация экономики” отражает именно этот – сугубо экономический (точнее даже, экономико-технологический) подход к определению сущности и содержания глобализации.

Социальная сущность глобализации состоит в формировании единого во всемирном масштабе и существенно нового типа социальных взаимоотношений – новой социальной формы жизнедеятельности человечества

– в результате и при решающем воздействии монопольного распоряжения ключевыми средствами и условиями развития мирового сообщества крупным международным капиталом и структурами, представляющими его интересы и цели.

Основная прогнозируемая черта новой социальной формы жизнедеятельности человечества (если не удастся перевести ход всемирной истории в подлинно гуманистическое русло) – *глобальный тоталитаризм.*

Обозначилось и наиболее вероятное устройство глобального тоталитаризма: устойчивое разделение человечества на две неравные части – немногочисленную *касту созидателей (господствующую касту)* и многочисленную *касту оттеснённых в социальную резервацию (См. Социальной резервации теория).* Господствующая каста созидателей (по прогнозам – в конечном счёте, не более 20% населения планеты) будет субъектом исторического творчества, а оттеснённые в социальную резервацию (по прогнозам – в конечном счете до 80% населения планеты) лишатся возможности быть субъектами исторического творчества, участниками созидательной общественной практики *(См. Практика).* Участие в созидательной деятельности человечества *станет привилегией господствующего меньшинства*.

О формировании во всемирном масштабе социальных взаимоотношений тоталитарного типа свидетельствуют следующие главные тенденции (направления развития).

1) Разрушается обособленность национальных рынков труда и национальных систем социальной защиты населения. Создаётся всемирное пространство конкуренции за рабочие места, уровень оплаты труда, социальные гарантии, экологическую безопасность.

2) Всё большее число стран фактически лишается государственного суверенитета, теряет экономическую и политическую независимость. Подрываются и разрушаются системы национальных и международных демократических институтов, создаются предпосылки для тотали-

тарного перерождения демократических форм и способов жизнедеятельности.

3) Социально-трудовые отношения трансформируются в сторону усиления эксплуатации, обновления и ужесточения её форм. Возрождаются докапиталистические и появляются новые формы принудительного, подневольного труда, новые способы угнетения и господства, произвола и насилия над личностью.

4) Образование устойчиво “лишнего” для капитала (как организатора общественного воспроизводства) населения происходит не только на периферии мировой капиталистической системы, но и набирает силу в развитых странах. Социальная резервация становится наиболее вероятным обликом будущего для большинства населения и в бывших колониях, и в бывших метрополиях.

5) Оттеснение в социальную резервацию (“исключение” из созидательной деятельности, из созидающего общества) происходит в разных формах:

возникает широкий слой населения с вынужденно-нетрудовым (в тенденции – *принудительно*-нетрудовым) характером жизнедеятельности. Это не временно безработные (“резервная армия труда”), а в лучшем случае временно занятые, труд в жизни которых носит эпизодический характер;

распространяются суррогатные, человекоподобные (виртуальные, как теперь говорят) виды деятельности, разнообразные занятия, имитирующие интеллектуально-творческую и социально-политическую активность;

развивается потребительство, стандартизирующее личность, зомбирующее людей.

Перечисленные тенденции – не побочные и не случайные следствия современного капиталистического развития. Они складываются как результат социально направленного отбора и использования соответствующих новейших технико-технологических возможностей, финансово-экономических механизмов и социальных технологий – отбора, социально направляемого интересами крупного международного капитала-монополиста.

Система постиндустриального глобального тоталитаризма, социальная резервация для большинства – реальная историческая перспектива развития системы капиталистической эксплуатации. Антигуманность этой перспективы невозможно вычленить на основе трактовок, сводящих суть эксплуатации к присвоению результатов чужого или результатов неоплаченного наёмного труда. Так узко (а совсем точно – узко-предпринимательски) понимаемая эксплуатация может и не понадобиться для организации жизнедеятельности причастных к созидательной деятельности. Оттеснённым же в социальную резервацию средства существования и псевдоразвития будут доставаться либо без всякого труда, либо за занятия, имитирующие общественно-полезную деятельность.

Из сугубо экономического (экономико-технологического) подхода к пониманию существа глобализации вытекает ставшее модным утверждение, что глобализация объективна, неизбежна, что выступать против неё – это значит выступать против естественного хода общественных процессов, против научно-технического и экономического прогресса, пытаться повернуть историю вспять. Отсюда делается вывод: надо использовать положительные стороны глобализации и направлять усилия на смягчение, ликвидацию и, по возможности, на предупреждение её отрицательных социальных последствий.

Такое стратегическое видение игнорирует классовое различие положения субъектов общественного действия и их коренных интересов. Требуется, напротив, ясное понимание тесной связи отрицательных (по гуманистическим критериям) сторон глобализации с интересами крупного международного капитала, который осуществляет политику глобализации, руководит на деле этим процессом. Требуется ясное осознание закономерной связи отрицательных социальных так называемых “последствий” современной стадии формирования единого всемирного хозяйства с общественной формой, в которой осуществляется этот процесс.

Позиция “борьбы со следствиями” позволяет отвоёвывать что-то для трудящихся тех или иных регионов, стран, отраслей, корпораций. Но непременно – лишь временно или же за счёт ущемления интересов других частей населения планеты. Преодоление таких антигуманных тенденций, как разрушение демократических институтов, эскалация социальной резервации, невозможно без перехода демократических общественных движений, в том числе профсоюзного движения, на конструктивную платформу, ориентирующую на перелом социальной направленности развития мирового сообщества.

Глобализация делает настоятельной самоорганизацию трудящихся не только в национальных масштабах, но и в интернациональном и мировом масштабах. Она вызвала к жизни в конце XX века новые, широкие по составу протестные социальные движения, самоопределяющиеся как оппозиционные глобализации (антиглобалистские) или неолиберальной глобализации (альтерглобалистские) *(См. Движения социальные современные).*

Условия глобализации делают всё более настоятельным критический пересмотр идеологии и практики социального партнёрства. Проблема гуманизации целей и способов жизнедеятельности мирового сообщества не может быть решена, если те трудящиеся, которым удастся не потерять работу, будут “партнёрствовать” со своими работодателями (в рамках “своей” ТНК), не заботясь о братьях по классу, работающих в худших условиях, или же не думая о тех, кто навсегда лишился работы и перспектив достойного существования.

Не социальное партнёрство с международным капиталом-монополистом, задающим антигуманный вектор общественного развития, а только общепланетарная классовая солидарность эксплуатируемых трудящихся способна переломить скатывание человечества к глобальному тоталитаризму.

Альтернатива исторической перспективе глобализации тоталитаризма – отказ от социально-политической организации общества на базе отношений “господство-

подчинение", переход в русло последовательно гуманистического развития в целях создания для каждого и для всех членов общества реальной возможности свободного выявления, реализации и развития своих способностей и наклонностей в процессе активной социально-значимой жизнедеятельности *(См. Последовательного (революционного) гуманизма идеология; Общественное пространство жизни трудящихся классов).*

Литература: **Глобализация: модное слово или новые задачи для рабочего и профсоюзного движения? – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2000; Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Глобализация капитализма как новейший этап социальной организации человечества (глобализация социальной непримиримости). Доклад на научно-геополитической конференции "Глобализация и антиглобализм". Москва, 9 ноября 2001 г. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2001; Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации: атака на процветание и демократию. Пер. с немецкого. – М.: Издательский Дом "АЛЬПИНА". 2001; Перспективы труда и трудящихся в условиях глобализации. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2002; Глобализация и профсоюзное движение. По материалам научно-практических конференций. // Справочник профсоюзного работника. 2002, № 4 – М.: Профиздат. 2002; Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. С 136 – 157; Ракитская Г.Я. Идеология последовательного гуманизма: предпосылки и вероятность реализации – В журнале "Альтернативы". 2007. № 1. С. 41-49.**

Г.Я.Ракитская

ДВИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ – новые социальные движения конца XX века, возникшие и развивающиеся как форма организованного протеста самых разных слоёв населения против социально-экономических следствий неолиберальной политики национальных государств и политики международного капитала на этапе глобализации капитализма *(См. Глобализация капитализма).*

Современные социальные движения отличаются от традиционных форм профсоюзной и политической самоорганизации и борьбы трудящихся по социальному соста-

ву, идеологии, практической ориентации, способам действий.

Основные факторы появления и расширения современных социальных движений:

– кризис рабочего и профсоюзного движения в западноевропейских развитых странах. Он связан с окончанием “золотого тридцатилетия” – периода послевоенного (после Второй мировой войны) экономического роста и относительного социального благополучия. Рабочее и профсоюзное движение оказалось неспособным противостоять переходу правительств к либеральной политике, углубляющей социальную поляризацию общества, ухудшающей положение трудящихся (урезание социальных программ, распространение временной и частичной занятости, наступление массовой безработицы, ухудшение режима и условий труда и пр.);

– идейный кризис левых политических движений, представляемых традиционными коммунистическими, социалистическими, социал-демократическими партиями. Этот кризис связан, во-первых, с фактической либеральной политикой левых партий или поддержкой левыми партиями либеральной политики практически во всех случаях их реального участия в государственной власти. Во-вторых, с антитоталитарными (общедемократическими) революциями в СССР и странах советского блока в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Отказ от сталинистской модели казарменного “социализма” в пользу буржуазной демократии был воспринят по большей части как историческое поражение идеологии и политической практики социализма (коммунизма);

– идейно-политический кризис национально-освободительных (антиколониальных) и демократических (против диктаторских, военных и т.п. режимов) движений в странах так называемого третьего мира. Этот кризис связан с неспособностью новых правительств, пришедших к власти с помощью этих движений, провести эффективные реформы для существенного улучшения положения насе-

ления, преодоления отсталости, нищеты, безработицы, неграмотности, голода, болезней и пр.;

– процессы глобализации капитализма *(См. Глобализация капитализма)*, создающие всемирное пространство капиталистической конкуренции. Современный (с конца XX века) этап глобализации капитализма актуализирует проблему общенационального и интернационального согласования действий широких слоев населения в защиту гуманистических, в том числе демократических ценностей, для противостояния тенденции оттеснения всё большей части населения планеты (“лишнего” для капитала) в социальную резервацию (*См. Социальной резервации теория*).

Социальный состав современных социальных движений весьма разнообразен по следующим причинам: уменьшение численности и удельного веса индустриального рабочего класса в общественной структуре; увеличение численности людей, устойчиво “исключенных” из общества (безработных, бездомных, бесправных мигрантов и т.п.); ухудшение социально-экономического положения крестьянства; ослабление социальной защищённости трудящихся государственного сектора экономики и государственных служащих; обострение проблем национальной, расовой, по признакам пола и прочей социальной дискриминации в условиях возникновения глобального (всемирного) рынка труда.

Социально-групповой состав населения, страдающего от последствий неолиберальной политики и глобализации капитализма, зеркально отражается в возникновении и активизации организаций и движений людей “без” – без работы, без жилья, без документов (иммигрантов без легального статуса); женских, крестьянских, правозащитных и других организаций и движений. Они существуют и действуют в масштабах отдельных стран, отдельных регионов и континентов. Проводятся различного рода акции локального, национального и более широкого масштаба.

В последние годы наблюдается стремление к согласованию действий, к организационному объединению

вокруг тех или иных инициатив и к созданию устойчивых структур социального движения в региональных, континентальных (в том числе европейском) и мировом масштабах. С конца 1990-годов регулярно проводятся крупные международные встречи (социальные форумы). Такие встречи были в Париже, Сиэтле, Женеве, Праге, Хайдарабаде, Аддис-Абебе и др. С 2001 г. регулярно организуются Всемирные социальные форумы в Бразилии (самые масштабные – число участников достигает 100 тыс. и более человек); Европейские и другие региональные социальные форумы.

Организаторы международных встреч сознательно дистанцируются от политических организаций и партий: члены таких организаций могут участвовать в мероприятиях форумов, но не как полномочные представители этих организаций. Представительство профсоюзов на форумах, напротив, приветствуется. Значительную часть участников форумов, особенно массовых протестных акций в рамках форумов, составляет молодёжь.

В рамках международных встреч проходят дискуссии по теоретическим и практическим проблемам социальных и профсоюзного движений, организуются пикеты, митинги, демонстрации. Крупные международные встречи и протестные акции проводились, как правило, параллельно (одновременно или близко по времени или же по времени и месту) мероприятиям финансово-экономических и политических организаций международного капитала (таких, как Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, Всемирный экономический форум в Давосе, “Большая Семерка” и др.).

Цели и лозунги современных социальных движений носят по преимуществу протестно-оборонительный, часто боевой, но нерадикальный характер. В документах и акциях международных встреч доминирует мотив сопротивления (мотив “против”), что соответствует самоопределению движений как оппозиционных глобализации (антиглобалистских) или неолиберальной глобализации (альтерглобалистских, то есть “за другую глобализацию”).

Одной из причин такого самоопределения является боязнь фактических лидеров движения вызвать раскол организационно неоформленного объединения многообразных ветвей движения, если вести серьёзные дискуссии на тему “за что”, то есть дискуссии о программно-стратегических ориентирах, о наступательной стратегии и тактике. Говорят, напротив, о кризисе старого (марксистского) “социального проекта” и о сложности выработки (даже невозможности и ненужности) позитивной новой платформы, единой для всех ветвей движения, для всех стран и континентов. В то же время весьма сильны и живучи вульгарные догматические мотивы, идущие от участников движения, причисляющих себя к марксистам. Один из таких вульгарных мотивов – возложение ответственности за все социальные бедствия трудящихся на “рынок” – на товарно-денежный характер хозяйственных связей.

Необходимость международной консолидации социального движения на конструктивно-наступательном поприще всё же осознается, но позитивные задачи (не “против чего”, а “за что”) формулируются пока что весьма расплывчато: работа во имя равенства, социальной справедливости, демократии и безопасности для всех; борьба за мир без нищеты, голода, дискриминации и насилия; борьба за построение лучшего будущего и пр. И ещё более расплывчато и осторожно в лозунговых формулах: “Иной мир возможен”, “Все вместе” и т.п.

Характер формулировок позитивных задач и лозунгов отражает наличие существенно разных идеологических направлений и расхождений в представлениях о способах решения конкретных социальных проблем, порождаемых неолиберальной политикой и глобализацией капитализма.

В качестве основы практической международной консолидации выдвигаются многообразные разноплановые и по преимуществу довольно узкие задачи: аннулирование государственных долгов экономически зависимых стран и передача высвобожденных таким образом средств на нужды населения и долгосрочного развития этих стран;

контроль над финансовыми рынками и их учреждениями в целях препятствования международным финансовым спекуляциям; закрытие оффшорных зон; введение специального налога (так называемого налога Тобина) на все спекулятивные операции на валютных рынках и передача полученных средств международным организациям для борьбы с неравенством, голодом, для развития образования и здравоохранения в бедных странах (по расчётам автора этого предложения, американского экономиста Джеймса Тобина, при ставке налога в 0,05% может быть получено 100 млрд. долларов в год); борьба против принятия или за отмену отдельных конкретных решений международных финансовых учреждений, тех или иных положений межгосударственных договоров и соглашений; сопротивление приватизации природных ресурсов, общественного сектора и средств массовой информации; запрещение использования генетически измененных веществ и клонирования; борьба с социальной дискриминацией, в том числе дискриминацией сексуальных меньшинств; борьба с насилием против женщин; соблюдение права на организацию и ведение переговоров для профсоюзов; прекращение вмешательства международных финансовых и военных организаций в национальную политику и внутренние дела стран; противостояние войнам и имперским тенденциям и т д.

Одна из наиболее сложных проблем развития консолидированного в мировом масштабе социального движения, противостоящего глобализации капитализма, – выработка и реализация согласованной эффективной стратегии и тактики отстаивания интересов трудящихся в условиях, когда разрушается обособленность национальных рынков труда и национальных систем социальной защиты населения, создается всемирное пространство конкуренции за рабочие места, уровень оплаты труда, социальные гарантии, экологическую безопасность.

Протестно-оборонительный в целом характер идейной стороны и акций новых социальных движений превращает их лишь в фактор запаздывающего сопротивле-

ния социальным последствиям глобализации капитализма. К тому же сопротивленческая узость толкает часть наиболее радикально настроенных участников движения на экстремистские выходки (а возможно, предоставляет провокаторам удобные позиции для извращения целей движения).

Действительные демократические, гуманистические потенции новых социальных движений пока ещё неясны, поскольку значительная часть участников этих движений – оттеснённые и оттесняемые в социальную резервацию (*См. Социальной резервации теория*). В этих условиях актуально налаживание эффективного взаимодействия *профсоюзов* с демократическими ветвями новых социальных движений при одновременном переосмыслении роли профсоюзов в современном мире.

Глобализация объективно возлагает на профсоюзы особую роль и особую ответственность, поскольку профсоюзы являются формой самоорганизации людей, непосредственно связанных с производством, с созидательной общественно полезной деятельностью. Консолидирующая роль профсоюзов могла бы стать фактором резкого противопоставления современных социальных движений протестному поведению люмпен-террористического толка.

В России импульс к становлению социальных движений исходит от осуществляемых в стране социальных реформ. Сильным толчком к развитию социальных движений в России была так называемая “монетизация льгот” (*См. Движения социальные современные в России*).

Социальные движения, оппозиционные глобализации капитализма, не получили пока что в России широкого общественного понимания, хотя отдельные российские учёные, активисты новых профсоюзов и некоторых других общественных организаций участвуют в международных встречах начиная с 1999 г. В Европейских социальных форумах участвовали представители существенно разных российских общественных организаций (как чётко демократической, так и иной ориентации). К сожалению, в составе молодежной части российских участников Европей-

ских социальных форумов были и люди маргинального социального типа. Российские участники далеки ещё от выполнения заметной роли в международном социальном движении.

Исторические перспективы современных социальных движений связаны в первую очередь с конструктивной наступательностью, с превращением социальных движений в фактор обеспечения последовательно гуманистического (то есть альтернативного капитализму и капиталистической глобализации) характера развития мирового сообщества. Поэтому к числу основных актуальных и притом взаимосвязанных проблем современных социальных движений относятся: выработка идеологически четких конструктивных целевых ориентаций и опережающей стратегии движения, предотвращающей социально разрушительные и социально деградирующие результаты и последствия неолиберализма и глобализации капитала; налаживание эффективного взаимодействия социальных движений с традиционными профсоюзными и политическими организациями и движениями; выход социальных движений на уровень политических задач и политических способов воздействия на национальные, межгосударственные и международные властные структуры.

Литература: **Дени ПАЙАР. Новое социальное движение (Франция, 1995-1998 гг.) // Бюллетень Школы трудовой демократии. №10 – М.: Институт перспектив и проблем страны. 1998; Кристоф АГИТОН. Движение безработных во Франции // Бюллетень Школы трудовой демократии. № 13 – М.: Институт перспектив и проблем страны. 1999; "Антиглобализм" как он есть // Альтернативы. 2002. № 3; Пресс-конференция по итогам Европейского социального форума. – Говорят делегаты Европейского социального форума // Альтернативы. 2003. № 1.**

Г.Я.Ракитская

ДЕМОКРАТИЯ (буквально – народовластие, власть народа) – один из типов организации социально-групповых (политических) отношений, при котором ***установление, правовое закрепление и государственная защита (законом, судебной властью и пр.) личной свободы и равноправия граждан составляют минимально не-***

обходимые предпосылки для осуществления власти и управления как воли большинства активных граждан и в этом смысле – как воли народа, как народовластия.

Этому определению демократии отвечают известная истории *буржуазная демократия* и теоретическая модель *народной демократии* (последовательно гуманистическая теоретическая модель социализма).

Демократическое общество не может обойтись без государства. Поэтому справедливо говорить о демократии как об одном из типов государства, различая при этом государство буржуазно-демократическое и государство народно-демократическое (социалистическое) (*См. Государственность; Государство; Демократия как тип и форма государства; Парламентаризм; Советы*).

Антипод демократии, демократическому обществу, демократическому государству – диктатура (*См. Диктатура; Диктатура пролетариата; Тоталитаризм*).

И демократия, и диктатура – характеристики механизма функционирования таких обществ, которым свойственна социально-групповая (социальная) структурность и, следовательно, ***противоречивость*** интересов составляющих общество социальных групп. Противоречивость их интересов может достигать степени *антагонистичности* (противоположности, противопоставленности) и в силу этого выступать основой для противоположно направленной активности социальных сил (*См. Структура социальная; Группы социальные (общественные); Интересы социально-групповые (классовые); Антагонизм*).

Постоянная проблема всех социально-структурных обществ – сохранение их целостности в ходе развития и сохранение их качественного своеобразия (специфики общественного строя). Эта проблема решается и в демократических обществах, и в диктатурах при помощи взаимоувязки противоречивых интересов социальных групп. Цель такой взаимоувязки – обеспечить ***необходимую степень единства*** (взаимосвязанности) действий социальных сил, представляющих интересы разных социаль-

ных групп, не допустить тем самым разрушительную для общества или для данного общества (революционную) направленность действий тех или иных социальных сил.

Демократия: согласование интересов и действий. В демократическом обществе признаются нетождественность, разнообразие общественных (социально-групповых) интересов и самоценность различных интересов. Демократии адекватно обеспечение необходимой степени взаимосвязанности (единства) действий различных социальных сил при помощи ***согласования*** противоречивых социально-групповых интересов.

Возможность согласования тех или иных конкретных социально-групповых интересов в демократическом обществе зависит от степени противоречивости интересов – антагонистичны они или нет.

И при буржуазной демократии, и в теоретической модели народной демократии (социализма) предметом согласования являются (могут быть) лишь текущие (конкретно-исторические) социально-групповые интересы, а не коренные (магистральные, стратегические).

Коренные классовые интересы не могут быть предметом реального согласования в *буржуазно-демократических* (капиталистических) обществах в силу их прямой противоположности (антагонистичности). Демагогия и пропагандистские спекуляции на тему “стратегического социального партнёрства”, конечно, возможны. Однако коренной интерес эксплуатируемых трудящихся – устранение из жизни общества отношений типа “господство-подчинение”, в том числе эксплуатации (*См.Эксплуатация*), а коренной интерес господствующего капиталистического класса – сохранение и совершенствование отношений типа “господство-подчинение”, в том числе способов и форм эксплуатации (*См.Глобализация капитализма*).

В теоретической модели *народной демократии* (социализма) магистральный интерес (стратегическая цель) всех трудящихся – устранение из жизни общества социально-экономического неравенства, то есть создание таких общественных условий, которые обеспечивают сво-

бодное развитие каждого и всех членов общества (*См. Равенство социально-экономическое*). Коренные интересы различных социальных групп трудящихся при народной демократии не являются предметом согласования не из-за их противоположности, а из-за их принципиального совпадения.

Мера (степень) согласования текущих (конкретно-исторических) социально-групповых интересов зависит от активности социальных сил, от реального соотношения социальных сил, отстаивающих интересы различных социальных групп.

При буржуазной демократии господствующий капиталистический класс идёт на уступки в пользу подчинённых групп (на учёт их текущих интересов) по преимуществу под давлением организованной классовой борьбы трудящихся. Если складывается ситуация, ***близкая к равновесию социальных сил***, согласование интересов происходит на основе достижения *вынужденного (для капитала) социально-классового компромисса*, то есть как частичное или временное ущемление текущих (но не коренных) интересов господствующего класса.

Наиболее развитая, закрепленная законами форма социально-классового компромисса, известная истории капитализма XX века, – буржуазно-демократическое социальное государство (“осторожный”, или социально “укрощенный” капитализм) (*См. Государство социальное*). В государствах такого типа, сложившихся в ряде европейских стран после Второй мировой войны, мера отвоеванной трудящимися защищённости своих интересов, прав и свобод существенно выше, чем в буржуазно-демократических государствах так называемого либерального типа – либерального по отношению к капиталистическому классу, но “жёсткому” по отношению к трудящимся.

Социально-классовый компромисс, как правило, ослабляет активность классовой борьбы трудящихся, приводит к изменению соотношения социальных сил не в их пользу. Именно поэтому и в буржуазно-демократических социальных государствах отвоёванная трудящимися до-

статочно высокая их социальная защищённость всегда находится под угрозой, то есть буржуазно-демократическое социальное государство является социально неустойчивой (выжидательной) формой общественного устройства.

Буржуазная демократия: опасности утраты. Существенное неравновесие социальных сил в капиталистическом обществе (слабость социальных сил, отстаивающих интересы эксплуатируемых трудящихся) всегда чревато переходом к диктатуре. Скатывание к диктатуре сопровождается чрезмерным обособлением людей, осуществляющих властно-управленческие функции, превращением их в правящую касту, то есть происходит ***перерождение классово-демократического общества в казарменно-кастовое*** (*См. Формация общественно-экономическая; Деформация общественной системы; Тоталитаризм*). При этом вероятность возникновения диктатуры правящей касты высока независимо от того, выходцы из какого именно класса (они могут быть и выходцами из класса эксплуатируемых трудящихся) узурпируют власть и управление.

Буржуазная демократия сформировала способы предотвратить скатывание к диктатуре. Суть этих способов – *взаимоувязка прав и свобод, предоставляемых гражданам, с их обязанностями перед обществом, сопряжение социальных гарантий и социальной ответственности.* Разнообразные, подчас весьма “хитрые” механизмы контроля общества за выполнением людьми и органами властно-управленческих функций позволяют до поры до времени сохранять классово-демократическую специфику капиталистического строя и в условиях, когда социальная активность масс невысока, когда народ отстраняется от политики, переключается на иные ценности, нежели организованная классовая борьба.

Народная демократия: теоретически возможные перспективы и ресурсы. При неантагонистичности противоречивых общественных интересов (то есть в теоретической модели социализма) существует возможность со-

гласования социально-групповых интересов на основах *добровольного соподчинения,* добровольного ранжирования – путём установления сравнительной важности (приоритетности) тех или иных групповых интересов с точки зрения общих интересов взаимодействующих групп. Реальность такого согласования обеспечивается организацией власти на принципах “перевёрнутой” пирамиды власти (*См. Советы*). Такая организация власти выступает важнейшим фактором поддержания и роста социально-политической активности широких слоёв населения, следовательно, и фактором, формирующим равновесие социальных сил.

Снижение (по тем или иным причинам) социально-политической активности населения, нарушение равновесия социальных сил чреваты обострением противоречий вплоть до появления антагонизмов, если интересы “слабых” не учитываются. Требуется и *социальная защита* (гарантии прав, свобод и интересов) тех социальных групп, которые по объективным причинам не могут обладать равными с другими группами возможностями отстаивать свои интересы. Нужна и взаимоувязка прав и свобод с обязанностями, чтобы предотвратить чрезмерное обособление каких-либо групп, замыкание их на своих интересах, их переход к подавлению других социальных сил, словом, чтобы предотвратить ***перерождение народной демократии в казарменный “социализм”*** (*См. Казарменный “социализм” как общественная система; Деформаций и перерождений социализма теория*)

И в классово-демократическом, и в казарменно-кастовом обществе есть такие сферы отношений, где противоречивые социально-экономические интересы могут быть согласованы при помощи добровольного их соподчинения. Демократическое общество ограничивает с помощью *внешнего нормативного (государственного)* регулирования свободу социального поведения граждан лишь в тех сферах, где проблематичным является добровольное соподчинение интересов. Напротив, диктатура не различает подобных “тонкостей”, продуцирует и навязывает

нормы и правила поведения, а также детальные указания там, где ничто не грозит ни обществу, ни казарменной государственности.

Г.Я.Ракитская

ДИКТАТУРА (лат. dictatura – неограниченная власть, от лат. dicto – предписывать, диктовать) – один из типов организации социально-групповых (политических) отношений, при котором правящая группа, узурпировавшая и насильственно удерживающая государственную власть, лишает реальной субъектности все другие социальные группы и социальные общности при помощи ограничения, урезания, несоблюдения, негарантированности прав и свобод.

Антипод диктатуре, диктатурному государству, обществу, организованному на принципах диктатуры, – демократия (*См. Антиподы (антипод), Демократия*),

Для общества, организованного на принципах диктатуры, закономерно формирование *кастовой* (а не классовой) социально-групповой структуры (*См. Структура социальная; Классы, Касты, Партия власти).* Группа, узурпировавшая власть, образует особую касту – *правящую (руководящую) касту*. В роли узурпатора власти может выступать и конкретная личность, но на деле за ней всегда стоит правящая группа.

Для диктатуры в принципе (то есть по её внутренней природе) неприемлемы любые ограничения действий субъекта, выступающего в роли узурпатора (будь то личность или клика, клан, хунта, партия власти и пр.), со стороны управляемых (контроль, публичная оценка, закон, независимый суд, протестные акции, оппозиция и др.).

Предельной (завершённой, полностью отвечающей своей природе и сущности) формой диктатуры является тоталитарный режим (*См. Тоталитаризм*), в несколько меньшей мере – авторитарный режим (*См. Авторитаризм*). Формы и степени узурпации и монополизации власти очень разнообразны, соответственно разнообразны формы и степени диктатурной власти.

Диктатура: способы подавления социальных сил. Диктатуре адекватно обеспечение единства общества при помощи подавления интересов и действий, расходящихся с интересами правящей группы (касты).

Правящая (руководящая) каста строит свои взаимоотношения с народом на основе непризнания самоценности социально-групповых, общностных и индивидуальных интересов, непризнания противоречивости общественных интересов и – в тенденции – непризнания какого-либо вообще разнообразия общественных интересов. Диктатура предельно ограничивает или вообще не допускает возможность самоорганизации населения для самостоятельных, то есть несанкционированных властью, действий в защиту своих интересов.

В условиях пассивности, отсутствия сопротивления народа правящая каста способна взаимодействовать с ним, не применяя методов прямого подавления, открытого насилия, а просто игнорируя сформировавшиеся реальные интересы в обществе. Это игнорирование может осуществляться как в форме произвола (беззакония), так и в форме законодательного закрепления неравноправия и отсутствия свобод.

Диктатуре свойственна тенденция к предельному ограничению свобод и прав всех, не входящих в правящую касту, даже к полному их исключению и в этом смысле к уравниванию всех – уравниванию в несвободе, равенству несвободных. Отсутствие свобод и прав у народа, нивелирование в связи с этим условий жизни существенно ограничивают возможности развития личности (специфических индивидуальных способностей и потребностей). Прямое ограничение возможностей формирования и развития специфических интересов, их многообразия (в тенденции – полное исключение таких возможностей) – это способ предотвратить активизацию народа, осуществлять диктатуру меньшинства в условиях так называемого морально-политического единства правящей касты и пассивного народа.

При активизации народа взаимодействие правящей касты с ним приобретает форму прямого насилия, прямого принуждения к тем или иным способам жизнедеятельности вплоть до изоляции или уничтожения сопротивляющихся диктатуре. В случае капитуляции народа целостность общества и однонаправленность (единство) действий в нем устанавливаются на прежних основах. В случае же равновесия противоборствующих социальных сил или же в случае капитуляции правящей касты возникает возможность перехода к демократии.

Диктатура: демократический или социалистический камуфляж. Редкая диктатура допускает, чтобы её называли своим именем – “диктатура”. Обычный для диктатуры ритуал – обряжать себя в демократические (или народные, или социалистические) одежды. Например, сталинский тоталитарный режим называл себя социализмом, гитлеровский – национал-социализмом, послесталинский – общенародным государством и реальным социализмом, авторитарный режим 2000-х годов в России называет себя суверенной демократией. В Китае тоталитарный режим называл себя социализмом с китайской спецификой.

Диктатура: подавление гражданских прав и свобод. При разнообразии самоназваний для всех диктатур остаётся реальной проблема востребования гражданами конституционных прав и свобод и гарантий гражданских прав и свобод. Принципиальный подход любой диктатуры к этой проблеме – и практическое, и законодательно оформленное ограничение гражданских прав и свобод, перевод практики правоприменения в русло разрешительных режимов, уничтожение на деле независимости судебной власти, бесцеремонное насильственное подавление проявлений гражданской активности, слежка, доносительство и запугивание граждан. Непосредственными орудиями диктатуры всегда оказываются непомерно разрастающиеся и неподконтрольные обществу и закону спецслужбы (*См. Спец-; Спецназ; Спецслужбы*). Гарантом прав и свобод граждан и народа в целом при любых диктатурах

обычно объявляется именно узурпатор власти (диктатор-персона или партия власти).

Литература: **Г.Я.Ракитская Социалистическая демократия: политикоэкономические аспекты. // Жур. "Вопросы экономики". 1989. №7; К.С.Гаджиев. Диктатура. Статья в "Большой Российской энциклопедии". Том 8. – М.: 2007.**

Г.Я.Ракитская; Б.В.Ракитский

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

Содержание:

1. Вводные суждения.

2. Основные положения учения о диктатуре пролетариата.

3. Выводы научной экспертизы учения о диктатуре пролетариата.

4. Диктатура пролетариата как его организация в господствующий класс.

5. Характер социально-структурных реформ в переходный период к новому общественному строю.

6. Диктатура и демократия как формулы политической практики.

1. Вводные суждения

Диктатура пролетариата **–** ошибочная концепция власти в социалистической революции. Научная экспертиза концепции диктатуры пролетариата приводит к выводу, что она была заблуждением с самого начала, хотя и считалась одной из основополагающих в собственной идеологии революционного рабочего движения**.**

Вопрос о диктатуре пролетариата – это в первую очередь вопрос о том, является ли *гуманистичным* идейно-теоретическое наследство, оставленное марксистско-ленинским этапом развития коммунистической (социалистической) идеологии и науки. Это, во-вторых, вопрос о *реалистичности* марксистско-ленинских представлений о социальном механизме возникновения социалистического (коммунистического) общества.

Идея диктатуры пролетариата, сформулированная К. Марксом и развитая В.И. Лениным, оказалась весьма живучей. До сих пор распространено убеждение, что причина трагедии России после Октябрьской (1917 года) революции, причина утверждения в СССР тоталитарного общественного строя – отход на практике от концепции диктатуры пролетариата. Причина усматривается в том, что в стране утвердилась не диктатура пролетариата, а диктатура партии, или – в другой редакции – диктатура партийно-государственного аппарата (номенклатуры). Вот, говорят, если бы была диктатура пролетариата (!), тогда бы мы имели совсем другую историю, тогда (при прочих равных условиях) построили бы нормальный социализм.

И опыт истории, и дело формирования идейно-теоретических основ современных освободительных движений трудящихся требуют переосмысления концепции диктатуры пролетариата – либо её подтверждения, либо модернизации её отдельных положений или же пересмотра всех положений, полного отказа от этой концепции.

2. Основные положения учения о диктатуре пролетариата

К основным положениям учения о диктатуре пролетариата относятся как минимум:

а) положение о **пролетариате** как о решающем (практически единственном) субъекте послереволюционной государственной (политической) власти;

б) положение о **диктатуре** как социально-политическом механизме, необходимом для утверждения социалистических форм общественной жизни;

в) положение о необходимости государственно-организованного (то есть политического) господства пролетариата **вплоть до перехода от социализма к коммунизму.**

3. Выводы научной экспертизы учения о диктатуре пролетариата

Экспертиза теоретической концепции диктатуры пролетариата с позиций последовательного революционного гуманизма (*См. Последовательного (революционного) гуманизма идеология*) приводит к следующим выводам.

Первый вывод. Концепция диктатуры пролетариата вполне логично ведёт (и реально привела в России после Октябрьской революции 1917 г.) к политической диктатуре партии, выступающей от имени пролетариата, а затем и к утверждению тоталитаризма.

Эту мысль можно изложить и несколько иначе: предопределенность недемократического характера послереволюционной власти, а затем и тоталитарного характера общественного строя в СССР была заложена в концепции диктатуры пролетариата – в концепции ***диктатуры одной из прежде угнетённых социальных групп.*** Социалистическая революция была обречена, даже если бы не было объективных сложностей перехода в русло развития по социалистическому пути и конкретно-исторических обстоятельств, существенно сузивших возможности такого развития.

Второй вывод. Концепция диктатуры пролетариата – и в марксовой, и в ленинской интерпретациях – в принципе непригодна в качестве идейно-теоретической основы перехода общества в русло социалистического развития. Она ***недопустимо упрощает*** представления об историческом процессе, о роли рабочего класса в освободительных движениях, об историческом субъекте последовательно гуманистических движений, о путях возникновения и закрепления социалистических форм общественной жизни.

Третий вывод. Необходим отказ от концепции диктатуры пролетариата – отказ в пользу концепции ***народной демократии, народно-демократического государства,*** если, конечно, не отрицается сама мысль о де-

мократии как о форме развитой, высококультурной, цивилизованной государственности (*См. Демократия; Советы*).

Четвертый вывод. Концепцию диктатуры пролетариата ***не спасает такая её модернизация,*** как милостивое включение в состав пролетариата так называемых "пролетариев умственного труда". Спектр эксплуатируемых трудящихся гораздо шире, нежели наёмные эксплуатируемые, и включает в себя множество групп и слоёв населения, для которых основным источником средств существования и развития является собственный труд, эксплуатируемый господствующими классами (например, крестьяне-единоличники, ремесленники, коробейники и др.). Все эти группы населения, по логике концепции диктатуры пролетариата, не становятся субъектами диктатурно-пролетарской власти, а остаются объектами власти, то есть эксплуатируемыми.

Цели социалистической революции могут быть достигнуты, если на смену буржуазному государству придёт не диктатура пролетариата, а народно-демократическая власть (*См. Советы*).

Далее следуют лаконичный разбор самой концепции и минимально необходимые и достаточные обоснования выводов экспертизы.

4. Диктатура пролетариата как его организация в господствующий класс

У К.Маркса диктатура пролетариата – государство в период перехода к бесклассовому обществу, категория из области **логики** общественного развития, логики **вроде бы диалектической.** Логика, по Марксу, такова: государство, в котором доминирует, господствует буржуазия, должно смениться государством, в котором доминирует, господствует пролетариат, а "*классовая диктатура* пролетариата" – "необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще"* (См. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. / Маркс К. и Эн-

гельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 91). Было господство (диктатура) буржуазии, будет господство (диктатура) пролетариата, а диктатура пролетариата в процессе саморазвития приведёт к отмиранию классов и самой государственности.

Разъяснение К.Марксом своего понимания места диктатуры пролетариата в логике общественного развития – в его письме Иосифу Вейдемейеру (5 марта 1852 года):

“То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*” (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.28. С. 427).

Выстраивание логики общественного развития как цепочки “диктатура буржуазии – диктатура пролетариата – бесклассовое общество” следует, однако, признать весьма схематичным, даже метафизичным, маскирующимся под диалектическое.

Цель и суть социалистической революции (пусть в ней и играет роль основной движущей силы рабочий класс) состоит, конечно же, не в замене старого господствующего класса на ***новый господствующий*** класс. Цель и суть социалистической революции, по самой своей идее, – это радикальнейшая, качественная перемена в истории, в общественном устройстве, в организации власти. Социалистическая революция должна стать началом поворота в принципиально новое – последовательно гуманистическое русло развития. Такой поворот – дело весьма непростое, поскольку подлежат коренному изменению и характер власти, и механизмы власти. Ко времени Октябрьской (1917 года) революции основные специфические черты принципиально новой организации власти уже вырисовывались: не монополия рабочего класса на власть, а народно-демократическая власть в форме системы советов, в которых должны быть представлены

своими делегатами все слои трудящегося населения (*См. Советы; Власть; Мандат императивный*). Понятие “диктатура пролетариата” применительно к такому новому типу государства абсолютно непригодно.

Понятие “диктатура ***пролетариата***”, как и понятие “диктатура ***буржуазии***” следует вообще-то признать в равной мере бессмысленными в научном отношении. Потому что, строго говоря, они предполагают возможность такого явления, как диктатура **класса**. Маркс, говоря о диктатуре пролетариата как о диктатуре класса, фактически отождествил господство (доминирование) класса в обществе и диктатуру как форму правления. Но это совершенно не одно и то же (*См. Диктатура; Диктатура класса*).

Диктатура есть узурпация властными структурами политической субъектности всех социальных групп и социальных общностей, в том числе и капиталистического класса, и рабочего класса. Поэтому словом “диктатура” обычно обозначают полицейско-деспотические государства, командно-карательные политические режимы, исключающие демократические формы организации во всех сегментах общественной жизни. Диктатура – это формула политической практики группы, партии, касты, правящей *от имени* класса. Диктатура правящей группы, правящей касты, правящей партии, партии власти – вот это имеет содержательный смысл. Это не тощие абстракции, а исторические реальности (*См. Диктатура*).

Кстати, в “Манифесте коммунистической партии”, программном документе первоначального марксизма (1848 год), не было термина “диктатура пролетариата”. Этот термин появился у К.Маркса двумя годами позже. А в “Манифесте…” – другая формула; формула, к сожалению, весьма неопределённая: “Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии” (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.4. С. 446). Маркс пошел от этой неопределённости к концепции диктатуры пролетариата, а не к концепции народной демократии.

Основоположники марксизма редко употребляли термин “диктатура пролетариата”. В.И. Ленин, напротив, специально и подробно рассматривал в своих работах вопрос о диктатуре пролетариата, придавая ему первостепенное значение; им написаны целые книги, брошюры и разделы брошюр о диктатуре пролетариата. При этом Ленин использует термин “диктатура пролетариата” в существенно разных смыслах. Один из смыслов – тот же, что и у Маркса.

Анализируя тексты К.Маркса и Ф.Энгельса при подготовке книги “Государство и революция” (1917 год), Ленин осмысливает категорию “диктатура пролетариата”, в частности, следующим образом: “Кажись, термина "диктатура пролетариата" еще нет” (речь идёт о “Манифесте...”). “*Государство, т.е. организованный в господствующий класс пролетариат* – это и есть диктатура пролетариата” (Ленин В.И. Подготовительные материалы к книге “Государство и революция”/ Ленин В.И. ПСС. 5 изд. Т. 33. С. 199).

Эта интерпретация вполне согласуется с представлением основоположников марксизма о главной общественной функции государства как института политической власти в классовом обществе: “Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса для подавления другого” (Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 447). Исходя из такого представления, Маркс и Энгельс приходят к выводу, что организованное господство пролетариата как класса (пролетарское государство) должно существовать после революции до тех пор, пока не уничтожены условия существования классовой противоположности, пока существуют классы. Пролетариат в качестве господствующего класса “силой упраздняет старые производственные отношения, … вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса” (Там же).

Положение об исторически длительном процессе

исчезновения общественных основ существования классовых различий было конкретизировано Лениным. Например: “... Для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить *их* собственность, надо отменить еще и *всякую* частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми умственного и физического труда. Это – дело очень долгое” (Ленин В. И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу "коммунистических субботников") / Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 15). Следовательно, и у Ленина логика общественного развития требует превращения пролетариата в господствующий класс вплоть до полного уничтожения классовых и иных социально-экономических неравенств.

Можно, конечно, утверждать, что при таком понимании и в таком контексте диктатура пролетариата – это и есть пролетарская демократия, и противостоит она диктатуре буржуазии, то есть государству, в котором доминирует, господствует буржуазия в форме буржуазной демократии. Однако применение такого, казалось бы, чисто терминологического приёма для отображения диалектики исторического процесса на самом деле далеко не безобидно в практически-политическом плане.

Из такой “диалектики” вытекает, что пролетариат должен господствовать (осуществлять диктатуру) и тогда, когда закончился переходный период к социализму, когда в социальной структуре общества уже нет эксплуататорских групп, а есть только различные слои трудящихся. Господствовать для чего? Чтобы навязать всем трудящимся лишь тот вариант развития, который представляется целесообразным пролетариату? Чтобы исключить историческое творчество народа?

Концепция диктатуры пролетариата чревата в практически-политическом плане (и это показала история) отходом от следования новой власти гуманистическим (в том числе демократическим) принципам. В частности, насильственный характер коллективизации в СССР (со

всеми репрессиями в ходе коллективизации) безусловно связан идейно-теоретически с концепцией диктатуры пролетариата. Связан потому, что эта концепция, по сути, допускает применение узурпатором власти методов диктатуры, в том числе прямого насилия, и по отношению к прежде господствовавшим классам, и по отношению ко всем другим “непролетарским” слоям населения. А на деле жертвой узурпатора становится и сам якобы господствующий рабочий класс.

5. Характер социально-структурных реформ в переходный период к новому общественному строю

Характер действий государства после социалистического политического переворота должен определяться гуманистическим характером целей социалистического движения. В противном случае (если действовать по принципу “цель **оправдывает** средства”, а не по принципу “цель **определяет** средства”) результаты общественных преобразований будут существенно отличны от целей, а то и прямо противоположны им.

Согласно основоположникам марксизма, мероприятия, с которых начинает преобразовательную деятельность победившая пролетарская революция, “чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал”, будут различными в разных странах. В то же время основоположники сочли возможным дать перечень мер, которые “в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены”. Среди этих мер: экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов; высокий прогрессивный налог; отмена права наследования; централизация кредита и централизация всего транспорта в руках государства; увеличение числа государственных фабрик; одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия; общественное и бесплатное воспитание всех детей и др. (См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 446).

Не все меры из этого перечня отвечают, по сегодняшним представлениям, гуманистическим критериям. Не отвечают им, конечно же, такие меры, как учреждение промышленных армий, обязательность (принудительность) труда, общественное воспитание детей (если оно противопоставляется семейному воспитанию, исключает семейное), изъятие всей земельной (а не только абсолютной) ренты у производителей, отмена права наследования.

Обратим, однако, внимание на **главную задачу** этих мер, а не на их конкретно-историческое содержание и формы. Их главное назначение – быть “средством для переворота во всем способе производства” (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 446), то есть они должны радикально изменить организационные основы общественного строя – отменить старые основы и одновременно заложить основы новой общественной организации.

Говоря сегодняшним языком, исходный пункт революционных институциональных преобразований – радикальные социально-структурные реформы, направленные на перемену типа властно-хозяйственных отношений, то есть типа собственности. В “Манифесте...”: коммунисты “выдвигают на первое место вопрос о собственности, как основной вопрос движения” (Там же. С. 459).

Радикальные социально-структурные реформы не могут, конечно, быть проведены на базе правовых (конституционных в том числе) норм старого общества. Это невозможно потому, что реформы направлены **против** интересов как раз тех социальных групп, которые господствовали в старом обществе и господство которых оформлялось (если оформлялось) старыми законами. Реформы должны осуществляться на новой правовой базе.

Исходные социально-структурные реформы могут проводиться на базе законов, принятых новыми представительными органами, как было поначалу в России после Октябрьской революции. Они могут проводиться на основе единоличных или же коллегиальных решений (указов, декретов) лиц, наделённых новыми представительными ор-

ганами особыми полномочиями (узурпация власти диктатором, хунтой, партией и т. п. не относится к этой ситуации).

Такие отличия в правовой основе революционно-демократических реформ, конечно, важны. Но суть не в них, когда речь идёт о **принудительном** или **непринудительном** характере начальных реформ в период перехода к новому общественному строю.

Суть в том, что направленность против интересов старых господствующих классов, на радикальное изменение их положения в обществе неизбежно делает исходные социально-структурные реформы **принудительными по отношению к прежде господствовавшим классам (кастам).** (В “Манифесте ...”: *деспотическое* вмешательство; пролетариат *силой* упраздняет старые производственные отношения). Принятие соответствующих законов не отменяет принудительного – в указанном отношении – характера реформ.

Принудительный (по отношению к прежде господствовавшим классам) характер исходных социально-структурных реформ ни в коей мере не является особенностью победившей социалистической революции. Такой же характер носят эти реформы, когда они осуществляются буржуазной революцией.

С принудительного вмешательства в право собственности (в том числе с радикальной земельной реформы) начались революционные преобразования в России в 1917 году. Они были направлены на ликвидацию основ капиталистической и помещичьей эксплуатации. С деспотического вмешательства в отношения собственности (в форме принудительной приватизации) начались революционные преобразования в России в 1990-е годы. Это была акция буржуазной революции, направленная на ликвидацию основ старого казарменно-кастового строя.

Важно подчеркнуть, что революционно-демократические реформы, противоречащие интересам прежних господствующих классов, должны одновременно осуществляться **в интересах и действиями** тех социальных

групп, которые были в старом обществе в подчинённом положении. После социалистического (по целям) политического переворота революционные преобразования должны быть **собственным социальным творчеством трудящегося большинства**, а не принуждением трудящегося большинства к новым формам жизни по воле и разумению лишь одного из прежде подчиненных классов – городского пролетариата. В этом суть противопоставления пролетарского государства (тем более, диктатуры пролетариата) народно-демократическому государству.

Другой важный аспект – необходимость осуществления исходных и всех других преобразований переходного периода таким образом, чтобы в жертву целям революции приносились *старые формы организации* общественной жизни (старые институты), а *не конкретные люди* по принципу “нет человека – нет проблемы”.

Принципиальным является вопрос не о принудительном вмешательстве в прежние общественные отношения с целью ликвидации основ прежнего строя, а вопрос о допустимой мере и допустимых способах принуждения, то есть вопрос о **соотношении принуждения и свободы** в революционно-демократических преобразованиях.

Проблема соотношения принуждения и свободы в революционно-демократических преобразованиях – это проблема следования революции (и в теории, и в практической политике) гуманистическим, в том числе демократическим принципам как принципам *самоценным,* допускающим ограничение свободы исторического выбора (принуждение) лишь в определенной степени, в определенных формах, в определенных границах.

Превышение допустимой меры принуждения – это деформация или же (если такое превышение становится нормой) необратимое перерождение изначально (по целям) демократической революции. Превышение допустимой меры принуждения становится *закономерным*, когда властные структуры узурпируют субъектность тех социальных групп, от имени и якобы в интересах которых они

выступают. Так случилось в России и после 1917 года, и после 1991 года.

Превышение допустимой меры принуждения может происходить по разным направлениям, в разных формах и по разным причинам. Теория революции и её реальная история – вещи разные. Недопустимо оправдывать политическую практику, в которой доминируют методы принуждения к новым формам общественной жизни. Необходимо – в интересах трудящихся – анализировать причины и следствия такой практики и извлекать уроки из отступлений от демократических и гуманистических принципов.

6. Диктатура и демократия как формулы политической практики

Диктатура и демократия *противоположны* как способы политической практики, способы взаимоувязки интересов и действий социальных сил.

Демократическая политическая практика обеспечивает единство общества при помощи **согласования** противоречивых общественных интересов (*См. Демократия*).

Диктатура как политическая практика, противоположная демократии, обеспечивает единство общества при помощи **подавления** интересов и действий, расходящихся с интересами правящей группы. Понятия, тождественные диктатуре как формуле принудительной политической практики, как насильственному способу решения практических ситуаций, – командно-репрессивный режим, политический произвол, политический террор, полицейский деспотизм и т.п. В реальной российской (и не только в российской) истории теоретическими рассуждениями о том, что диктатура пролетариата нужна для утверждения демократии, прикрывался партийно-государственный терроризм.

Особый вопрос – методы исторического творчества народа **в периоды “революционных вихрей”**.

По В. И. Ленину, революция в узком значении слова – это период революционных вихрей: народных восстаний, гражданских войн, период перехвата политической власти,

когда народ творит свою историю особыми приёмами, особыми методами, чуждыми иным периодам политической жизни (См.: Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии / ПСС. Т. 12. С. 315, 317; е г о ж е. К истории вопроса о диктатуре (Заметка) / ПСС. Т. 41. С 379).

Обобщая в 1906 г. опыт первой русской революции, Ленин выделяет следующие наиболее существенные, по его мнению, из этих особых методов *(*Там же. Т.12. С. 317, 318. Т.41. С. 379, 380):

1) *"захват" народом политической свободы*, – осуществление её, без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний хотя бы в университетах, свобода печати, союзов, съездов и т. д.);

2) создание новых органов *революционной власти*, – Советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и пр. и т. п.;

3) *применение народом насилия по отношению к насильникам над народом.*

Ленин трактует эти особые методы исторического творчества народа в период революционного вихря как, в зачатке, диктатуру революционных элементов народа. Это относится и к новым органам, которые создавались самодеятельностью народа и действовали как власть: “Описанные нами органы власти были, **в зародыше, диктатурой** (*выделено мною – ГР*), ибо эта власть не признавала *никакой* другой власти и *никакого* закона, *никакой* нормы, от кого бы то ни было исходящей” *(Там же. Т.12. С. 318. Т.41. С. 380)*.

Здесь у Ленина “диктатура” имеет существенно иной смысл, нежели в категории “диктатура пролетариата”, фиксирующая государственный характер власти пролетариата. Внимание акцентируется на том, **как** в период революционного вихря “вырастает, возникает” новая власть “наряду со старой, против старой власти, в борьбе против нее” (См.: Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии / ПСС. Т. 12. С. 319,; е г о ж е. К истории вопроса о диктатуре (Заметка) / ПСС. Т. 41. С 382). Но вы-

растает какая власть – диктатура, опирающаяся на насилие, не признающая никаких законов? Или народно-демократическая власть, порождающая новые законы – демократически принятые, демократические по содержанию? По Ленину – вырастает диктатура.

В пылу полемической борьбы В. И. Ленин формулирует в брошюре 1906 г., а затем воспроизводит в 1920 г. следующее определение:

“Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стеснённую, непосредственно на насилие опирающуюся власть” (Там же. Т. 12. С. 320. Т. 41. С. 383).

Нельзя не согласиться с таким определением диктатуры как формы политической практики.

Ленинские рассуждения отражают действительный характер действий *классово неорганизованной массы (толпы)* в период “революционных вихрей”. У Ленина же находим конкретно-образное описание такого рода стихийных действий, не поднявшихся до цивилизованной самоорганизации: “Мы видим диктатуру именно *народа,* ибо народ, масса населения, неоформленная, “случайно” собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право” (Там же. Т.12. С. 320-321. Т.41. С. 383).

Так бывало в истории, но это – вовсе не закономерность революционных периодов. К примеру, антитоталитарная революция 1988-1991 годов в прибалтийских республиках СССР, да и в России обошлась организованными мирными, ненасильственными действиями народа.

И, конечно же, отступлением от гуманизма является признание допустимым применение новой властью ***после*** революционного политического переворота такого же типа методов, которые применяет неорганизованная толпа (произвол, насилие, бессудные расправы, нестеснённость никакими правилами и пр.).

Политический переворот сам по себе не гарантиру-

ет перехода общества в русло социалистического развития. Он лишь кладёт начало процессу исторического выбора обществом социального облика своего будущего. Содержание процесса исторического выбора (переходного периода) составляет борьба социальных сил по поводу путей выхода из системного общественного кризиса. Новая власть стоит перед соблазном “опереться непосредственно на насилие”, превысить допустимую меру принуждения ко всем, кто не согласен с её решениями и действиями. Теоретическое обоснование (оправдание) таких методов, тем более, практическая уступка такому соблазну заведомо ведут (и привели после Октябрьской революции 1917 г.) к противоположной направленности переходных процессов по отношению к демократическим целям социалистической революции.

Закономерный результат превышения допустимой меры принуждения в период исторического выбора – **институционализация принуждения как доминирующей и устойчивой формулы политической практики**, утверждение не демократического (буржуазно-демократического или социалистического) государства, а режима диктатуры под теми или иными правовыми и идеологическими масками. Именно это обстоятельство заставляет не соглашаться и с тезисом современных либералов о необходимости диктатуры для перехода к демократии.

Проблема соотношения принуждения и свободы (добровольности) в переходный период от старого к новому общественному строю мало разработана и, можно сказать, даже и не поставлена должным образом ни в марксизме, ни в других научных направлениях. В этой области можно констатировать этап накопления фактов и отдельных обобщений, а не формирование общей теории вопроса, охватывающей причины, направления, формы и результаты превышения политической властью допустимой меры принуждения в революционно-демократических преобразованиях. Один из шагов в сторону разработки теории вопроса – концепция деформаций и перерождений социализма (См.: Очерки политической экономии социализма. –

М.: Наука. 1988. С.57-65, а также Ракитский Б. В., Ракитская Г.Я. Стратегия и тактика перестройки. – М.: Наука. 1990. С. 20-29).

Пересмотр концепции диктатуры пролетариата, отказ от этой концепции в пользу концепции народной демократии выдвигает на роль научной проблемы, актуальной для освободительных движений трудящихся, проблему исторического субъекта последовательного революционного гуманизма.

Является ли таким субъектом современное рабочее движение, современные социальные движения? Или же для перехода в русло народно-демократического (социалистического) развития необходимо формирование новых социальных фигур, способных не отступать от демократических способов политического взаимодействия в пользу политической диктатуры, произвола, террора?

Обсуждение этих вопросов выходит за рамки настоящей статьи, но с ответами на них связано окончательное преодоление идейно-теоретического заблуждения – учения о диктатуре пролетариата. Отказ от этого учения – необходимая предпосылка плодотворного развития концепции народно-демократической революции и народно-демократических форм власти.

Г.Я.Ракитская

“ЕВРОПЕЙСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ХАРТИЯ” – европейский договор, защищающий основные социальные и экономические права человека. По содержанию является дополнением к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, обеспечивающей главным образом гражданские и политические права и свободы. Хартия открыта для подписания государствами – членами Совета Европы в 1961 г. (Турин, 18 октября), вступила в силу в 1965 г. Расширена Протоколами 1988, 1991 и 1995 гг. В 1996 г. (Страсбург, 3 мая) открыта для подписания, а с 1 июля 1999 г. вступила в силу Пересмотренная европейская социальная хартия – новая редакция, которая посте-

пенно заменит первоначальный вариант Хартии от 1961 г.

Социальные права и принципы, зафиксированные в Пересмотренной хартии, нацелены, согласно преамбуле, на повышение уровня жизни и социального благополучия населения. Пересмотренная хартия систематизирует, уточняет и дополняет социально-экономические (и прежде всего социально-трудовые) права, закреплённые в предшествующих ей международных документах, в том числе в первоначальном варианте самой Хартии от 1961 года. Тем самым Пересмотренная хартия отражает современный уровень представлений о демократических социальных ценностях и принципах их реального воплощения в европейском пространстве.

Структура Пересмотренной хартии: преамбула, шесть частей и приложение, которое является составной частью документа.

Часть I содержит перечень прав, защищаемых Хартией, в краткой принципиальной формулировке - 31 пункт (в первоначальном варианте Хартии – 19 пунктов). Часть II содержит обязательства Сторон (государств, ратифицировавших Хартию) по каждому из этих прав, обеспечивающие их эффективное осуществление. Остальные части, включая приложение, определяют правила присоединения к Хартии, способы контроля за осуществлением обязательств, порядок денонсации и пр., а также уточняют и толкуют отдельные права и принципы.

В части II Пересмотренной хартии содержатся перечни конкретных обязательств, обеспечивающих осуществление каждого из следующих социальных и экономических прав:

на труд (ст.1), на справедливые условия труда, на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, на справедливое вознаграждение (ст. 2-4); на профессиональную ориентацию, на профессиональную подготовку (ст. 9, 10); на защиту достоинства на рабочем месте (ст. 26);

право трудящихся на защиту при окончании найма и на защиту их претензий в случае неплатежеспособности предприятия (ст. 24, 25);

на организацию, на заключение коллективных договоров (ст. 5, 6); право трудящихся участвовать в определении и в улучшении условий труда и производственной среды (ст. 22); право представителей трудящихся на защиту и льготы на предприятиях (ст. 28);

право трудящихся на информацию и консультации в рамках предприятий и на информацию и консультации с ними при коллективных увольнениях по сокращению штата (ст. 21,. 29);

на равные возможности и равное обращение в занятости и выборе рода занятий без дискриминации по признаку пола; право трудящихся с семейными обязанностями на равные возможности и равное обращение; право заниматься приносящей доход деятельностью на территории других Сторон (ст. 20, 27, 18);

на охрану здоровья, социальное обеспечение, социальную и медицинскую помощь, на получение услуг социальных служб (ст. 11 – 14);

на жильё, на защиту от нищеты и социального отторжения (ст. 30, 31);

право семьи на социальную, правовую и экономическую защиту (ст. 16).

Кроме того, Хартия формулирует обязательства Сторон, обеспечивающие особую защиту социально-экономических (в том числе трудовых) прав социально уязвимых слоев населения – детей и молодежи, лиц пожилого возраста, работающих женщин в период беременности, инвалидов, трудящихся-мигрантов (ст. 7, 17, 23, 8, 15, 19).

Особо оговаривается запрет на дискриминацию (по максимально широкому перечню признаков) при осуществлении провозглашаемых прав (часть V, ст. E). Принципиальное значение имеет статья об отношениях между Хартией и внутренним правом или международными соглашениями: положения Хартии не должны применяться в

ущерб их положениям, более благоприятным для лиц, находящихся под защитой Хартии (часть V, ст. H).

Специфичен поэтапный порядок присоединения государств – членов Совета Европы к Хартии: подписание и ратификация (принятие или одобрение).

Подписание Хартии налагает на государство обязанность изучить Хартию и рассмотреть вопрос о её ратификации.

Ратифицируя Хартию, государство обязуется рассматривать все права, провозглашаемые в части I Хартии как “декларацию целей”, к достижению которых оно “будет стремиться всеми надлежащими средствами”. При ратификации каждое государство в целях минимизации своих обязательств по Хартии может (по определённому правилу) само избрать и сообщить в Совет Европы, какие статьи и раскрывающие их пункты из части II оно будет считать имеющими для себя обязательную силу.

Хартия придаёт первоприоритетное значение девяти статьям (1, 5 ,6, 7, 12, 13, 16, 19, 20). Из этих основных статей (их принято называть статьями “ядра”) должно быть избрано не менее шести. Правило выбора других обязательств менее жёсткое: должно быть избрано (вместе со статьями или пунктами из “ядра”) либо не менее 16 статей, либо не менее 63 пунктов.

Контроль со стороны Совета Европы за соблюдением Хартии предусматривает регулярное представление докладов правительств о её выполнении, а также возможность подачи коллективных жалоб (в случае согласия государства быть связанным этой процедурой). Коллективные жалобы могут подаваться международными и национальными организациями предпринимателей, профсоюзами, международными неправительственными, а также (при соответствующем разрешении государства) национальными неправительственными организациями. На основании заключений Европейского комитета по социальным правам по докладам правительств и по коллективным жалобам Комитет Министров принимает рекомендации государствам о приведении национального законодатель-

ства, подзаконных актов или практики в соответствие с Хартией.

Из 46 государств – членов Совета Европы Пересмотренную хартию ратифицировали более 30 государств (в том числе из числа бывших республик СССР – Латвия, Литва, Эстония, Молдова).

Россия подписала Пересмотренную хартию 14 сентября 2000 г. Подписание положило начало изучению и освоению идеологии и конкретного содержания Хартии российскими правительственными и общественными структурами, в том числе профсоюзами. Получили распространение презентации Хартии при участии представителей Совета Европы и публичные обсуждения возможностей и реального значения полноценного присоединения России к Хартии.

Войдя в Совет Европы, Россия шаг за шагом “осваивает европейское социальное и правовое пространство”, тем самым “интегрируется” в Европу. Процесс этот идёт весьма противоречиво, особенно в части прав человека и социальных гарантий. Шоковые реформы и жёсткая либеральная социальная политика не гармонируют с европейскими подходами, особенно с идеями и практикой социальной рыночной экономики и социального государства. Запись о социальном государстве в ст. 7 Конституции РФ не воспринимается в России как обязывающая власти к каким-либо определённым действиям в определённые сроки. В отличие от этого ратификация Хартии означает конкретные (при всей их расплывчатости) социальные обязательства и подставляет власти под европейский контроль за их выполнением.

Позиция Правительства в отношении ратификации Хартии принципиально не изменилась за 8 лет с момента её подписания. Позиция такова: Россия не может игнорировать Европейскую социальную хартию, но не следует торопиться с её ратификацией, ибо это накладывает очень большие обязательства на Правительство России и потребует непосильных для России финансовых (особенно бюджетных) затрат. Если ратифицировать, то

по минимуму и не сразу, а с оговорками и с изъятиями ряда обязательств.

Профсоюзный подход к Хартии: российским трудящимся, в конечном счёте, выгодна ратификация Европейской социальной хартии, хотя есть реальная вероятность того, что Правительство и законодатели воспользуются Хартией как аргументом в пользу урезания социально-трудовых прав и свобод, ухудшения российского социально-трудового законодательства. Некоторые нормы Хартии менее благоприятны для трудящихся, чем нормы действующего российского законодательства. Но Правительство само не соблюдает нормы законов и мирится с массовыми нарушениями законных норм и принципов работодателями и конкурирующими между собою работниками. Правопорядок в социально-трудовой сфере России отсутствует. Ратификация Хартии сулит возникновение ответственности работодателей и особенно Правительства за соблюдение социально-трудового законодательства.

Общественных движений или организаций, настойчиво добивающихся скорейшей ратификации Европейской социальной хартии, в России не имеется.

Литература: **Европейская Социальная Хартия (В сб.: Международные акты о правах человека: Сборник документов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА·М), 2000); Европейская социальная хартия *(пересмотренная)* (В сб.: Международные акты о правах человека: Сборник документов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА·М), 2002); Европейская социальная хартия: Справочник. Пер. с фр. – М.: Междунар. отношения, 2000; Киселев И.Я. Сравнительное и международное трудовое право. Учебник для вузов. (Глава 3, § 1. Трудовые стандарты Совета Европы) – М.: Дело. 1999.**

Г.Я.Ракитская; Б.В.Ракитский

ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛЬНЫЕ (общественные, социально-экономические, экономические). Категория “институт” (“институция”) определяется не только поразному, но и, как правило, недостаточно строго теми, кто использует её в своих работах в качестве базовой (институционалисты).

Исследователи, работающие в рамках или под влиянием традиции ***институционализма*** (направление экономической мысли, возникшее столетие назад), относят к институтам разноплановые (разной природы) конкретные формы организации взаимодействий между людьми, которые накладывают ограничения на индивидуальное поведение. Институционализм претендует на объяснение социально-экономической истории во всём её многообразии и пытается это сделать путём разработки теории происхождения, функционирования и трансформации институтов. Такой подход позволяет зафиксировать сходство и различия организационных форм разных периодов и разных стран. Он рождает любопытные исторические и сравнительно-аналитические описания, но существенно ограничивает возможности социального прогнозирования, не позволяет с достаточной уверенностью отделить случайное, временное, пробно-ошибочное от закономерного, устойчивого, социально (объективно) обусловленного.

В отличие от институционалистов исследователи, работающие в ***марксистской методологической традиции*** (влияние которой, по меньшей мере, на терминологию институционалистов иной раз чётко прослеживается), стремятся строго различать а) *сущность* общественных процессов и отношений (наиболее устойчивые взаимосвязи), б) *объективное содержание* (объективную структуру) процессов и отношений и в) *конкретно-исторические организационные формы,* в которых реально проявляются (“являются”, применяются, складываются) сущностные и содержательно-структурные стороны общественных систем.

В таком методологическом пространстве правомерно под социальными институтами понимать **систему форм организации общественных отношений и взаимодействий** и выделять в этой системе социально-организационные формы, по меньшей мере, двух разных уровней конкретности:

а) ***содержательные формы (институты первого рода)***. Они выполняют в разных обществах и на раз-

ных этапах их развития одни и те же по сути (однотипные) объективно обусловленные социальные функции (государство, собственность, частная собственность, наемный труд, общественное иждивение, предприятие и т.д. и т.п.);

б) ***конкретно-явленческие формы (институты второго рода)*** – конкретно-исторические организационные формы, обеспечивающие реализацию объективно обусловленных социальных функций (формы государства; конкретные нормы и правила, которые регулируют отношения собственности, способы хозяйствования, порядок найма и использования наёмной рабочей силы; конкретные системы социального обеспечения и т.п.).

Институты второго рода складываются под влиянием целого ряда факторов, в том числе чисто случайных, что дает большое разнообразие конкретных форм – регламентирующие и стимулирующие, осознанные и неосознанные, принимаемые (усвоенные) и отчуждаемые и пр. Одинаковы все они в одном – в том, что они есть проявление содержательных объективных отношений, что обеспечивает им характер системы.

В основе научно корректного сравнительного анализа институтов второго рода лежит вычленение и сопоставление таких *комплексов* конкретно-исторических организационных форм, которые выполняют однотипные или разнотипные социальные функции. Некорректен, напротив, сравнительный анализ, основанный лишь на внешнем сходстве или внешнем различии *отдельных* форм.

В институциональных (организационных) системах как первого, так и второго рода следует различать две существенно разные подсистемы:

институционально-*субъектную* и

институционально-*регулирующую.*

Институты-субъекты – это организационные структуры (органы, организации, движения), которые выступают сторонами конкретных общественных взаимодействий. Это представители первичных социальных субъектов – элементов социальной структуры общества (социальных групп и общностей) (*м. Субъекты социальной по-*

литики первичные; Субъекты-представители в социальной политике).

Реальные субъекты-представители – это органы, организации, движения, которые адекватно выражают (представляют) и весомо отстаивают (проводят) интересы соответствующих первичных субъектов. Они выступают как реальные субъекты социальной политики – социальные силы (*См.Силы социальные*).

На практике могут существовать и существуют ***формальные (декоративные)*** институты-субъекты – организационные структуры, которые не имеют реального веса в социально-политической жизни, поскольку у них нет достаточно широкой поддержки в обществе, то есть нет собственной социальной базы. Разновидности формальных (декоративных) субъектов-институтов: *субъекты-претенденты* и *манипулируемые субъекты*.

Организационные структуры, не имеющие реальной поддержки в социальных группах или социальных общностях, на представительство интересов которых они претендуют (субъекты-претенденты), – явление, довольно распространенное в демократическом обществе и закономерное для переходного общества, стремящегося перейти от диктатуры к демократии (*См.Диктатура, Демократия, Тоталитаризм)*..

Манипулируемые субъекты – это инструмент проведения интересов иных социальных групп или общностей, нежели те, от имени или в интересах которых они якобы (на словах) выступают. В условиях тоталитарных и других диктатурных режимов действует особый тип манипулируемых институтов-субъектов. Тоталитарное государство (и вообще диктатура) допускает существование институтов, якобы представляющих интересы подчиненных социальных групп. Но предельная зависимость от государства предопределяет их функционирование как *объектов* государственной политики, а не как хотя бы претендентов на реальную субъектность.

Согласно либеральным концепциям ***государство*** является (а в социал-реформистских, социал-партнерских

концепциях – должно быть) *надклассовым* социальным институтом, то есть государство воспринимается как фактический, в тенденции или в идеале реальный субъект-представитель всех социальных групп, всех классов. Марксизм решительно отвергает такие представления и осмысливает государство – и на уровне объективных социальных функций, и на уровне конкретно-исторической практики – как *субъект-представитель господствующего класса*, без активной роли которого (государства) в сфере организации общества и хозяйства невозможно сохранение качественной специфики данного общественного строя.

Институты-регуляторы организуют взаимодействия институтов-субъектов.

К институтам-регуляторам первого рода относятся такие *принципиальные способы организации* общественных взаимодействий, как “согласование (или подавление) интересов и действий”, “общественные требования к результатам и способам функционирования экономики в целом и составляющих ее элементов”, “стимулирование”, “запрещение”, “планирование”, “общественный контроль”, “обычаи”, “традиции” и т. п.

Институты-регуляторы второго рода – это совокупность *конкретных* государственно-правовых и договорных норм регулирования общественных взаимодействий, сложившихся конкретных норм морали, обычаев и традиций, в том числе функционирующий в дополнение к официально установленным нормам или вопреки им фактический порядок осуществления общественных процессов.

Непосредственным объектом реформаторской деятельности при общественных преобразованиях (в том числе в переходные периоды) являются социальные институты и ***только*** социальные институты. Если не вмешиваться впрямую в биологическую природу человека, то невозможно изменить общественные отношения, минуя институциональный уровень. Такое представление согласуется с гуманистическими представлениями о человеке как совокупности общественных отношений. Меняются обще-

ственные отношения – и в этом смысле и в этом объёме меняются люди.

Противоположная (антигуманная) позиция – представления об обществе как сумме индивидов и о необходимости изменить самого человека (вывести новую “породу” людей), чтобы переменить характер общественных отношений. В истории концепции изменения природы человека как предпосылки изменения общества либо порождали наивные надежды на массовое самосовершенствование людей, либо выливались в тоталитарную практику “перевоспитания” народа, в фашистскую практику физического уничтожения якобы “неполноценных” людей, этнических и прочих чисток.

В России в ходе современного переходного периода был создан целый ряд правовых институтов-регуляторов буржуазно-демократического характера. Это давало возможность становления институционально-субъектной структуры гражданского (многосубъектного) общества, развития не только организованного сопротивления разрушительным акциям в социальной и социально-экономической сферах, но и возможность организованного конструктивно-оппозиционного воздействия на властные структуры. Однако разрушительные процессы шли в опережающем принудительном режиме, что привело к замещению социальной структуры казарменно-кастового общества социальной структурой и институтами, отражающими процессы социальной деградации.

Институциональные реформы в целях возрождения России должны разблокировать процесс становления производящего эффективного предпринимательства. И, что главное, должны разблокировать процесс *социальной самоорганизации эксплуатируемых трудящихся*, которая необходима для их превращения в полноценных субъектов социально-политического действия – основной гарантии демократического развития и устойчивости демократии.

Литература: **Ракитская Г.Я. Марксистская версия социальных институтов и институциональных преобразований. Опыт**

анализа и актуального продвижения методологии. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2000; Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). Глава 4. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003.

Г.Я.Ракитская

КОЛЛЕКТИВ ТРУДОВОЙ (коллектив трудящихся, коллектив работников, работники организации) – разновидность социальных общностей. Ее специфика состоит, во-первых, в том, что это сообщество *трудящихся,* во-вторых, в том, что сходство некоторых существенных черт социального положения, интересов и социального поведения трудящихся складывается на базе их принадлежности *к одной и той же хозяйствующей единице* (предприятию, организации).

В истории существовали и существуют различные формы трудовых коллективов – община, артель, колхоз, коммуна, кибуц, кооператив, коллектив наемных трудящихся и пр.

К деятельности хозяйствующей единицы причастны различные социальные фигуры – собственники, не являющиеся работниками предприятия; наемные управляющие (менеджеры); наемные рабочие; наемные специалисты (ИТР и др.); трудящиеся-совладельцы предприятий и пр. Трактовка категории “трудовой коллектив” (то есть причисление или непричисление тех или иных социальных фигур к трудовому коллективу) прямо связана с классово-идеологической позицией. В зависимости от нее либо подчеркиваются, либо затушевываются существенные различия социально-экономического положения и социальных ролей разных категорий работников.

Концепции, признающие существование эксплуатации, трактуют трудовой коллектив с учетом формы собственности предприятия (организации), то есть с учетом реального распределения между работниками властно-управленческих функций.

Трудовой коллектив предприятий (организаций), находящихся ***в собственности всех его работников***,

составляют – с формально-юридической точки зрения – все работники-совладельцы, в том числе работники, выполняющие управленческие функции.

В то же время опыт функционирования в условиях капиталистической системы кооперативных предприятий и предприятий с акционерной собственностью работников (в частности, опыт американской системы ЕСОП – Employee Stock Ownerschip Plan, опыт кооперативной корпорации города Мондрагона на севере Испании, наш отечественный опыт) показывает: *фактическое* распределение социальных ролей на таких предприятиях может значительно отличаться от их распределения, предусмотренного нормами законов и уставов предприятий. Управление такими предприятиями, как правило, монополизируется определенными группами работников (управляющими, специалистами), которым остальные работники фактически противостоят как трудовой коллектив эксплуатируемых трудящихся.

На предприятиях ***частнокапиталистического и государственно-капиталистического*** секторов хозяйства граница между наемным трудовым коллективом и другими наемными работниками проходит там же, где граница между эксплуатируемыми трудящимися *(См. Трудящиеся)* и работниками, которые в силу своей должности или профессии представляют и обслуживают в первую очередь интересы собственников предприятий (частных капиталистов, государства). Интересам трудящихся противоречит включение в трудовой коллектив наёмных управляющих – администрации, руководителей различных служб.

Концепциям, отрицающим наличие эксплуатации, соответствует трактовка трудового коллектива как совокупности всех его работников, то есть отождествление трудового коллектива с корпоративной общностью *(См. Корпоративная общность)*. Согласно этой позиции, к трудовому коллективу ***частных и государственных капиталистических предприятий*** относятся все наёмные работники, включая высшую наёмную администрацию. На

практике это приводит не только к смешанному социально-классовому составу организаций и органов, выступающих в социально-трудовых отношениях от имени трудящихся, но и, как правило, к навязыванию трудящимся решений, отвечающих в первую очередь интересам собственников и администрации предприятий.

Для **социал-партнёрских** подходов характерна непоследовательная, ситуативная трактовка трудового коллектива. Организация коллективно-договорных взаимоотношений между рядовыми (эксплуатируемыми) работниками и администрацией капиталистических предприятий, основанная на идеях социального партнёрства, предполагает чёткое разграничение этих двух категорий работников, определение конкретного перечня должностей, относящихся к системе “работодатель” (к администрации).

В то же время идеология социального партнёрства отождествляет интересы рядовых наёмных работников с интересами собственника и администрации предприятия, когда речь идёт о конкурентной борьбе предприятий. Решение актуальных для трудящихся проблем (сохранение рабочих мест, повышение заработков, улучшение условий труда и пр.) привязывается к решению проблем, актуальных для собственника и обслуживающей его администрации, – проблем сохранения и повышения конкурентоспособности предприятия. Принятие точки зрения собственника склоняет структуры, принимающие решения от имени трудового коллектива, соглашаться на массовые сокращения, на понижение заработной платы, на ухудшение режима и других условий труда во имя выживания предприятия.

Формирование (при определённых условиях) на предприятиях из числа рядовых работников групп, выступающих в союзе с администрацией и собственниками в ущерб интересам других членов трудового коллектива, обнаруживает условность и ненадёжность формальных критериев, отграничивающих трудовой коллектив от других социальных субъектов, когда трудящимся нужно выра-

ботать или усвоить эффективную стратегию защиты своих социально-групповых интересов.

Существенно важна для осуществления функций защиты интересов трудящихся возможность создавать (особенно в больших коллективах) **постоянные представительные органы** трудовых коллективов.

Закон СССР 1987 г. “О государственном предприятии (объединении)” ввёл норму, позволяющую создавать постоянные представительные органы трудовых коллективов – советы трудовых коллективов (СТК). Но одновременно этот закон открыл для администрации широкие возможности членства в СТК и руководства ими.

Кодекс законов о труде РФ (действовал до 1 февраля 2002 г.) разрешал осуществление полномочий трудового коллектива на государственных и муниципальных предприятиях советами трудовых коллективов и не запрещал формировать постоянные представительные органы трудового коллектива на предприятиях других форм собственности. Однако ни КЗоТ, ни другие законодательные акты не препятствовали администрации полноправно участвовать в общих собраниях (конференциях) трудового коллектива, избираться в его представительные органы. На большинстве предприятий СТК, созданные в конце 1980-х годов, либо самораспустились, либо, сохранившись, функционируют с малой эффективностью для трудящихся. В последнее время на многих предприятиях стали вновь создаваться советы трудовых коллективов (социально-трудовые советы и т.п.) – по инициативе администрации, подконтрольные администрации, в противовес новым профсоюзным организациям, объединяющим рядовых работников и стремящимся к реальной независимости от администрации.

Международная практика имеет богатый опыт, позволяющий коллективу трудящихся осуществлять свои законные полномочия без вмешательства администрации. Одним из наиболее развитых в этом отношении является законодательство ФРГ, в котором строго регламентирован порядок формирования и функционирования представи-

тельных органов трудового коллектива. Одной из попыток заимствования опыта ФРГ в России было создание в начале 1990-х годов производственных советов в ОАО “АвтоВАЗ” (г.Тольятти) взамен СТК. Но это мало что дало в части реального отстранения администрации от осуществления функций и полномочий трудового коллектива.

В российских Федеральных законах “О порядке разрешения коллективных трудовых споров” (от 23 ноября 1995 г. № 175-ФЗ) и “О коллективных договорах и соглашениях” (в ред. от 24 ноября 1995 г.) нет понятия “трудовой коллектив”. Нет такого понятия и в Трудовом кодексе РФ (ни в его первоначальной редакции, введённой в действие 1 февраля 2002 г., ни в его новой редакции, действующей с октября 2006 г.). Оно замещено во всех нормативных правовых актах понятиями “работники организации”, “собрание (конференция) работников организации”.

В Конституции РФ категория “трудовой коллектив” присутствовала вплоть до конца 1993 г., причём трудовой коллектив признавался Конституцией элементом политической системы общества. В Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 г., нет упоминаний о трудовом коллективе.

Деятельность “работников организации” как субъекта социально-трудовых отношений урегулирована в новом Трудовом кодексе РФ. Предусмотрено, что представителями работников в коллективно-договорных отношениях, а также при реализации права работников на участие в управлении организацией и при рассмотрении трудовых споров могут выступать не только первичные профсоюзные организации, но и “иные представители, избираемые работниками” (ст. 29).

Участие работников в управлении организацией непосредственно или через свои представительные органы, согласно Трудовому кодексу, осуществляется в следующих формах: учёт мнения представительного органа, проведение консультаций и обсуждений с работодателем, получение от работодателя информации, участие в разработке и принятии коллективных договоров, внесение предложений и иные формы участия в управлении, уста-

новленные коллективными договорами и другими правовыми документами (ст.52, 53). Кодекс допускает возможность “иных форм” участия работников в управлении, но для реального участия в управлении организацией на стадии *принятия* решений работники должны добиваться включения соответствующих положений в коллективные договоры.

По новому Трудовому кодексу именно работники организации (собрание или конференция работников), а не профсоюз принимают окончательное решение об объявлении забастовки. Если забастовка объявлена профсоюзом или объединением профсоюзов, то решение об участии работников данного работодателя в забастовке также принимается собранием (конференцией) работников (ст.410).

Использование для эффективной защиты и улучшения положения трудящихся тех возможностей, которые дают “работникам организации” действующие в России правовые нормы, в существенной мере затруднено смешанным, как правило, социально-классовым составом как собраний (конференций) работников, так и представительных органов работников. Их смешанный состав влияет, в частности, на частоту применения такой формы разрешения трудовых конфликтов, как забастовка. По Трудовому кодексу не первичные профсоюзные организации, а именно собрание (или конференция) имеет право принимать решения об объявлении забастовки или об участии работников данного работодателя в забастовке, объявленной профсоюзом или объединением профсоюзов (ст.410).

Трудовой кодекс накладывает весьма мягкие ограничения на участие в представительных органах работников лиц, на деле обслуживающих интересы работодателей (ст.ст.20, 33, 36 и др.). В то же время с введением в действие новой редакции Трудового кодекса степень учёта требований работников в коллективных договорах зависит не столько от “работников организации”, сколько от конкретного состава представителей работников в комиссии

по ведению коллективных переговоров. Трудовой кодекс не требует утверждать на собрании (конференции) работников организации ни проект коллективного договора, выдвигаемый от имени работников, ни его вариант, согласованный в ходе переговоров представителей работников и работодателей.

Стратегия либерализации социально-трудовых отношений, характерная сейчас как для Запада, так и для России, направлена на разобщение наёмных работников, против их консолидации в трудовой коллектив (и в профсоюзы тоже). Прослеживается тенденция изменения трудового законодательства в сторону замещения коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений индивидуально-договорным их регулированием.

В среде российских законодателей есть сторонники принятия специального закона о трудовых коллективах, который должен (с учётом зарубежного и отечественного опыта) отграничить трудовой коллектив от администрации. Основные задачи такого закона усматриваются в том, чтобы обеспечить однородность социально-классового состава органов трудового коллектива (собраний, конференций, представительных органов), чётко определить и расширить законные полномочия трудового коллектива на участие в собственности, прибыли и управлении организацией (предприятием). Был разработан ряд проектов закона о трудовых коллективах, но ни один из них не дошёл и не мог дойти до стадии предметного рассмотрения, поскольку в среде российских законодателей преобладает либеральная позиция, ориентированная на сужение прав трудящихся.

Литература: **Трудовой кодекс Российской Федерации; Производственная демократия: теория, практика и проблемы внедрения. – М.: Институт экономики РАН. 1992; Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. С.124-136; Ракитский Б.В. Социальная политика (социально-политические взаимоотношения) на уровне предприятия (корпорации). – В период. изд. “Трудовая демократия” Вып. 49. М.: 2005; Рудык Э.Н. Про-**

изводственная демократия: теория, практика, проблемы становления в России. – М.: Экономическая демократия. 2002; Ракитская Г.Я. Защита интересов трудящихся при реформе собственности. – Журнал "Вопросы экономики" 1993. № 12.

Г.Я.Ракитская

НАПРАВЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНАЯ – 1) (применительно к обществу в целом) тенденция развития общества (формаций и, тем более, переходных обществ), возникающая как результирующий вектор столкновения социально-групповых интересов, соотношения движущих социальных сил; 2) (применительно к развитию отдельных процессов и сфер) подчинённость развития социальным целям.

Философско-историческая мысль издавна обращалась к вопросам о том, образуют ли перемены в жизни общества – при всём многообразии и противоречивости результатов развития – единонаправленную линию; кем (или чем) задаётся направленность развития; является ли она прогрессивной; как соотносится мера свободы отдельных людей, социальных групп и всего человечества с исторической необходимостью.

Надёжный ключ к ответу на вопрос о наличии или отсутствии направленности в историческом движении и об оценке этого движения на соответствие критериям прогресса даёт научно-диалектическое понимание ***единства двух сторон*** общественного процесса производства – его материального содержания и его социальной формы.

Материальная сторона общественной практики – это движение взаимоотношений человечества с природой, система объективно имеющихся у общества средств достижения своих целей. Социальная форма (социальная организация) общественной практики – это система отношений между участниками совместной практической деятельности по поводу её целей, результатов, способов и условий осуществления. При одном и том же уровне развития материальных производительных сил реально существует возможность разнонаправленного их развития,

отражающего противоречивость интересов основных элементов социально-классовой структуры.

Социально-структурные (классовые или кастовые) общества, которым свойственна противоречивость социально-экономических интересов и при прочих равных условиях разнонаправленность активности социальных сил, не могут сохранять целостность и свое качественное своеобразие без постоянной взаимоувязки интересов и действий, без обеспечения их взаимосвязанности (единства). Социальная форма производства – способ обеспечить доминирование определённых интересов в общественном развитии, то есть выдвинуть, закрепить и реализовать их в качестве приоритетных целей функционирования всего общества, подчинить им общественную жизнь и развитие производства.

В обществах разного типа социальная направленность развития устанавливается как результат существенно разных по характеру социально-политических отношений и взаимодействий.

Тоталитаризму адекватно обеспечение единства общества при помощи ***подавления*** интересов и действий, расходящихся с интересами правящей касты. Отсутствие прав и свобод у народа не только закрывает возможность открытого проявления социально-групповых интересов, расходящихся с интересами правящей касты, но и предельно ограничивает возможность самого формирования многообразной системы общественных целей и интересов. Это позволяет осуществлять диктатуру меньшинства в условиях так называемого морально-политического единства правящей касты и народа.

В капиталистической формации имеет место устойчивый перевес социальных сил, представляющих интересы господствующего капиталистического класса. В то же время буржуазная демократия признаёт закономерным (нормальным) нетождественность, разнообразие и противоречивость социально-групповых, социально-общност-ных и индивидуальных интересов. Единство общества, необходимое для функционирования капитали-

стического способа производства, достигается посредством ***согласования*** противоречивых интересов в тех пределах, в которых учёт интересов подчинённых социальных групп не угрожает кардинальной сменой доминанты в целевой ориентации общества.

При капиталистической социальной организации ***условия неравновесия*** социальных сил по причине малой социальной активности подчинённых групп всегда чреваты перерождением буржуазной демократии, её скатыванием к диктатуре – к иным механизмам, обеспечивающим единую социальную направленность развития. Соотношение социальных сил, ***близкое к их равновесию***, порождает социально неустойчивую форму общественного устройства – демократическое социальное государство, в котором механизмы социального компромисса ущемляют в ряде областей интересы капиталистического класса, смягчают эксплуатацию трудящихся *(См. Эксплуатация).* Однако в ситуациях, когда компромисс заходит слишком далеко (начинает угрожать сохранению капиталистической эксплуатации как основы строя), социальные государства эволюционируют не в сторону перехода к неэксплуататорскому обществу, а в сторону “жёсткого” капитализма (к его так называемой либеральной модели).

Современная неолиберальная политика трансформирует демократические социальные государства, которые сложились в развитых европейских странах в послевоенное (после Второй мировой войны) “золотое тридцатилетие”. Формируется существенно новая модель глобального капитализма, в которой социальная направленность формируется доминированием интересов крупнейшего международного капитала.

В теоретической модели социализма противоречивость общественных интересов неантагонистична. Из этого фундаментального свойства вытекает возможность их согласования на основах добровольного соподчинения, добровольного ранжирования, то есть путём установления сравнительной важности (приоритетности) тех или иных

групповых интересов с точки зрения общих интересов взаимодействующих групп.

Смена направленности социального развития – предмет противоборства социальных сил в ситуациях системных общественных кризисов, социальных революций и в течение переходного периода к новому общественному строю.

Понятие социальной направленности является широко распространённым при формулировании программных целей (курсов) ряда социальных сил в классовом демократическом обществе (например, в социал-демократических, социалистических, народно-демократических программах). Представления о благоприятной социальной направленности тех или иных процессов и перемен выливаются в понятия “социальное государство”, “социальная рыночная экономика”, “социальная направленность научно-технического прогресса”, “социальное партнёрство” и т.п.

Г.Я.Ракитская

ОБЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНАЯ – разновидность элементов социальной структуры, общее свойство которых – сходство (общность) **лишь некоторых** существенных характеристик социального положения *(см. Структура социальная; Положение социальное)*. Этим социальная общность качественно отличается от социальной группы, для которой свойственно сходство **всех существенных** характеристик социального положения.

Сходство, или общность для множества людей некоторых из существенно важных их интересов, а также взглядов, представлений и социального поведения складывается в связи с их принадлежностью к одной и той же пространственно-временной или социокультурной форме жизнедеятельности – к конкретной стране, территории, этносу, религии, производственной единице, к социальной ячейке, основанной на браке и (или) кровном родстве и т.п.

К социальным общностям относятся такие элементы социальной структуры общества, как отдельные народы, нации; территориальные сообщества (северяне, сибиряки, дальневосточники, уральцы и др.); территориально-этнические сообщества (народы Крайнего Севера, кавказцы, разные землячества); религиозные сообщества (конфессии, секты); производственные и иные сообщества, складывающиеся на базе коллективных форм жизнедеятельности (родоплеменные образования, семьи; общины, коммуны; трудовые коллективы), и т.п.

В случаях образования и длительного существования больших и сложных государств или групп государств (империи, союзы, конфедерации, федерации, сообщества, содружества) складываются исторические социальные общности. Примеры: российский народ, советский народ, европейцы, югославы, швейцарцы, канадцы, американский народ и т.п.

В современных условиях, особенно под воздействием глобализации, ускорилось складывание глобальной социальной общности – мирового человечества.

Если принадлежность людей к той или иной этнической, религиозной, территориальной и пр. общности предопределяет все существенные параметры их социального положения (тип условий и способов жизнедеятельности во всех её сферах), то правомерно рассматривать такую социальную общность одновременно и как элемент социально-групповой структуры общества – классовой (или внутриклассовой), кастовой, сословной.

Г.Я.Ракитская; Б.В.Ракитский

ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ (социально-психологический, или социальный тип) – ценностная сторона социально-трудовых отношений, важнейшая характеристика отношения людей к обществу в целом (*См. Ценности; Интересы; Интересы социально-групповые; Социально-трудовые отношения)*.

Отношение к труду – это форма индивидуального сознания, и поэтому оно может быть рассмотрено как су-

губо *психологическая* категория. В этом случае в поле зрения должны попасть явления такого уровня конкретности, как сходство и различия людей по типу индивидуального психологического склада, особенности индивидуальных ценностных ориентаций на разных этапах жизненного цикла и т.п.

Отношение к труду может и должно рассматриваться и в ином своем качестве – как *социальное (социально-психологическое)* явление, то есть как массово распространенный тип индивидуального сознания, специфика (содержание) которого закономерно определяется спецификой общественного строя.

Социальный (социально-психологический) тип отношения трудящихся к труду – это характеристика закономерной для данного общественного строя значимости для трудящихся труда (трудового образа жизни) как средства и способа удовлетворения их личных потребностей.

Чтобы направить активность *юридически свободного* человека в русло трудового образа жизни, общество формирует и выдвигает перед ним ***стимулы к труду*** – материальные, моральные, творческие.

Стимулы – это заинтересовывающие условия. Они устанавливают связь вознаграждения за труд (материального вознаграждения и других вознаграждающих условий) с выполнением работником определенных требований. Это требования к количеству и качеству результатов труда, к способам их достижения (нормы и правила поведения работника), к способностям человека к труду (профессиональная подготовка, уровень квалификации, степень инициативности, самостоятельности и пр.). Гарантируя работнику те или иные вознаграждающие условия при выполнении определенных требований, стимулы тем самым содержат информацию и об ответственности человека перед обществом в сфере труда.

Стимулы к труду – не единственная предпосылка привлечения людей к труду. Вторая необходимая предпосылка – наличие у человека ***интереса*** к тому или иному труду. Интерес возникает, если вознаграждающие компо-

ненты стимулов (вознаграждающие условия) соответствуют потребностям человека.

Третья необходимая предпосылка – ***посильность труда,*** то есть соответствие способностей человека к труду требованиям, предъявляемым к работнику (с учетом реальных возможностей сформировать те или иные трудовые потенции).

Сопоставление, сознательное соотнесение человеком выдвигаемых обществом стимулов к труду со своими потребностями и своими способностями к труду (возможностями выполнять требования к работнику) – это и есть процесс формирования отношения к труду как субъективного отношения к кругу объективных обстоятельств.

При соответствии стимулов к труду интересам человека и его способностям к труду (точнее, оценке человеком своих способностей к труду) складывается **личная заинтересованность в труде** – материальная, моральная и заинтересованность в труде как в развивающей деятельности (ее часто называют, хотя это неточно, творческой заинтересованностью).

Для формирования ***материальной заинтересованности*** в труде необходимо и (при прочих равных условиях) достаточно использовать в качестве вознаграждения за труд лишь материальное вознаграждение. Если работник руководствуется только (или в решающей мере) материальными интересами, то для него неважны общественная значимость (общественная полезность) результатов труда и содержание труда.

При формировании ***моральной заинтересованности*** в труде роль морального вознаграждения могут выполнять как престижные поощрения, удостоверяющие общественную значимость труда данного работника, так и оценка самим работником своего труда как общественно значимого, общественно полезного. Если бы работник руководствовался только (или в решающей мере) моральными интересами, то ему были бы безразличны величина материального вознаграждения за труд, содержание труда, влияние труда на способности к труду (условия труда).

Человеку присуща не только потребность в деятельности как таковой, но и потребность в деятельности определённого характера – в интересной для него деятельности, в её разнообразии, потребность в реализации своих способностей и наклонностей, в проявлении инициативы и самостоятельности, потребность в совершенствовании своих навыков и способностей. Этот спектр потребностей уместно называть потребностями в развивающей деятельности. ***Заинтересованность в труде как в развивающей деятельности*** имеет место, если данный вид труда соответствует способностям работника к труду (посилен для него) и одновременно является средством и способом развития его способностей к труду.

Исходя из сказанного, правомерно дать следующее развёрнутое определение. Отношение к труду – это форма индивидуального сознания, которая фиксирует зависимость степени приятия или неприятия человеком реально доступных ему в данном обществе условий и способов трудовой жизнедеятельности от уровня и реальных возможностей развития в данном обществе самого человека (его потребностей и способностей).

В обществах разного типа три вида заинтересованности в труде (материальная, моральная, заинтересованность в труде как в развивающей деятельности) сочетаются по-разному. Закономерное для данного общества их сочетание образует социальный тип отношения к труду.

В **теоретической модели социализма** (как формации гуманистического, а не тоталитарного типа) необходимая основа формирования ***добровольно-трудового*** образа жизни всех членов общества – наличие и сбалансированность (уравновешенность) материальной, моральной заинтересованности в труде и заинтересованности в труде как в развивающей деятельности (её можно – для краткости – называть творческой заинтересованностью, если не забывать о неточности этого термина). Другими словами, в теоретической модели социализма ни один из видов заинтересованности не должен играть доминирующей, ведущей роли в формировании характера социаль-

ного поведения трудящихся. Напротив, различные виды заинтересованности должны быть взаимосвязаны так, чтобы человеку не приходилось жертвовать какими-либо из своих интересов ради удовлетворения других интересов.

Основные характеристики социальной роли труда в теоретической модели социализма:

1) Труд должен быть для каждого трудоспособного члена общества *основным источником средств существования и развития.*

Это означает недопустимость отстранения людей от участия в производстве (недопустимость безработицы как устойчивого явления).

2) Поприщем применения способностей к труду должна быть *общественно полезная* деятельность.

Это означает непризнание трудом деятельности, свободной от гуманистической общественной значимости и от моральной ответственности человека за её результаты;

3) Труд должен быть для каждого человека *средством и способом его развития.*

Это означает недопустимость таких видов труда, которые способствуют стагнации или деградации социально значимых сторон личности (будь то физические, интеллектуально-творческие или социально-нравственные). Это означает также, что недопустимо возводить в ранг социального идеала творческую деятельность в буквальном значении этого слова – как деятельность, непременно порождающую нечто новое для человечества. Строго говоря, установка на такой социальный идеал *антигуманна,* ибо она чревата выведением новой “высшей” породы “гомо сапиенс”, вместо того чтобы создавать *общественные условия* для свободного развития каждого человека, своеобразного по своим естественно-природным данным. Развивающий характер труда для всех членов общества не может быть обеспечен без социально направленного развития технико-технологической базы общественного производства.

Отношение к труду в теоретической модели социализма – *заинтересованное и ответственное отношение к труду одновременно как к общественно полезной деятельности, основному источнику средств существования, средству и способу развития личности.*

Необходимая *политическая* основа социалистического типа отношения к труду и, соответственно, добровольно-трудового образа жизни – реальная демократия (реальный доступ всех социальных групп к управлению общественными процессами, производством и трудом на всех его уровнях – от общественного целеполагания до управления предприятиями). Реальная демократия является гарантией сохранения неэксплуататорского характера социалистического общества и формирования социалистического типа отношения к труду.

В **капиталистическом обществе** способ жизнедеятельности эксплуатируемых трудящихся является, по сути, ***вынужденно-трудовым,*** хотя налицо формальные признаки добровольности участия трудящихся классов в производстве.

Капитализму (в том числе современному) адекватен такой тип отношения эксплуатируемых классов к труду, в котором доминирует (играет ведущую роль) один из видов заинтересованности в труде – *материальная заинтересованность.* Труд является для трудящихся классов *в первую очередь* необходимым и основным источником средств существования.

Новейшие методы управления трудом расширяют систему стимулов к труду, используют для повышения эффективности производства разнообразные социальные факторы, в том числе привлечение рабочих и других рядовых работников к управлению производством. Тем самым современный капитализм совершенствует социальные механизмы манипулирования трудящимися во имя целей, связь которых с их интересами им самим не ясна, ими не осознана, а то и вовсе отсутствует.

Стратегическая разнонаправленность интересов господствующего капиталистического класса и эксплуати-

руемых трудящихся неизбежно ограничивает функции последних в управлении сферой принятия решений текущего или локального масштаба. Одновременно с этим капиталистический способ производства закономерно развивает (как предпосылку манипулирования трудящимися) социальные механизмы, стандартизирующие личность и потому сдерживающие социальную активность трудящихся. При этом тенденция формирования потребительской системы интересов и ценностей (поскольку она захватывает все более широкие слои населения) становится самым тревожным явлением в развитии личности трудящихся и надёжным способом консервирования доминирующей роли материальной заинтересованности в отношении трудящихся к труду.

В **тоталитарных обществах** (в том числе в советском) труд носит, по сути, принудительный характер. Образ жизни эксплуатируемых трудящихся в тоталитарных обществах – ***принудительно-трудовой.***

Для тоталитарного общества закономерно практическое отсутствие (или, по меньшей мере, существенная ослабленность) того или иного, а то и всех видов заинтересованности в труде. Различные типы индивидуального и социально-группового трудового поведения в тоталитарном (казарменном) обществе связаны с наибольшей ослабленностью того или иного вида заинтересованности в труде.

Одну из типичных казарменных деформаций отношения к труду можно назвать аскетической. Для этой деформации характерна существенная ослабленность материальной заинтересованности или заинтересованности в труде как в развивающей деятельности. Важнейшая причина такой деформации – реальная недоступность для индивида тех или иных средств, способов развития и сфер применения своих способностей, в том числе недоступность перемены труда. Другая причина, не менее важная, – усвоение и приятие индивидом демагогических морализаций критериев гражданского долга, закономерно формируемых казарменным обществом.

Литература: **Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Цели и критерии социально-экономического прогресса / Экономика и общество (Истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономического развития). Сб. трудов. Вып.8. – М.: ВНИИСИ. 1983. С. 3-21; Ракитская Г.Я. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. – М.: ВНИИСИ. 1986; Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (Общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. С. 75-87.**

Г.Я.Ракитская

ПОЛИТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИЯ И ПРИОРИТЕТЫ - основные элементы проблемной структуры социальной политики (см. *Политика социальная*); субординированная система целей, интересов и предлагаемых для реализации решений и мер практического действия, соответствующая конкретно-историческому соотношению социальных сил. При этом **стратегия социальной политики** – это генеральное решение системы социальных проблем страны на данном конкретно-историческом этапе ее развития, а **приоритеты социальной политики** – наиболее важные, значимые, насущные проблемы, осознанные как первоочередные задачи социальной политики из числа соответствующих её стратегии.

В тоталитарном обществе стратегия социальной политики сознательно формируется руководящим и направляющим Центром – монополистом власти, но такая стратегия может и отсутствовать, если социальные проблемы исключены из числа приоритетных.

В демократическом (гражданском) обществе множественность идеологий и субъектов порождает разнообразие целей и ***множественность стратегий*** социальной политики. Каждая из стратегий входит составной частью в ту или иную классово-групповую идеологию и программу общественного развития. В современной российской социально-политической жизни отчётливо представлен ряд стратегий.

Сторонники возврата к тоталитарному прошлому (пусть и в обновлённом виде) предлагают в качестве стра-

тегии устойчивость социального положения всех категорий граждан при условии монополии на власть правящей группы (касты). Лозунг монополии на власть редко выдвигается впрямую, но логика намерений, предложений и программных мер исходит из монополии на власть или подводит к ней. Такая стратегия социальной политики не менее реалистична, чем другие.

Стратегия социальной политики, свойственная последовательным буржуазным демократам (либералам), в общем и целом подчинена такой установке: сформировать реальную возможность воспроизведения в обществе и всё большего закрепления значительного социального неравенства; сформировать классический "треугольник" капиталистического общества: классы эксплуататоров – классы эксплуатируемых – буржуазное государство, поддерживающее равноправие социально неравных.

Решительные либеральные реформы в России в 1990-е годы проектировались, инициировались и продвигались правыми силами при поддержке международного капитала и его организаций (Международный валютный фонд и Всемирный банк). Стратегией этих сил и проводимых ими реформ было “вписывание” российской экономики в глобальную экономику на условиях, предлагаемых и диктуемых международным капиталом. Для такой стратегии характерны амбициозные декларации при нарастающей несамостоятельности и зависимости, а общая траектория развития складывается как вытеснение страны на периферию мирового капиталистического хозяйства и формирование общества периферийно-колониального типа.

Стратегия социальной политики, свойственная сторонникам буржуазной диктатуры, отличается от буржуазно-демократической стратегии скорее не целями, а средствами их достижения. Упор делается на прямое силовое насаждение и утверждение государством капиталистического способа производства. Тем самым капитал компенсирует свою "бедность" и неопытность в управлении социальными процессами и старается воспользоваться неор-

ганизованностью и слабостью сопротивления трудящихся масс.

Народно-демократическая стратегия социальной политики в современной России практически отсутствует из-за отсутствия демократического рабочего и профсоюзного движения. Эта стратегия может появиться позже. На первый план она выдвигает гарантированность условий развития на основе народной демократии, реального равноправия, недопущения эксплуатации, устранения классовых антагонизмов из жизни общества.

Либеральные глобализационные реформы 1990-х годов резко осложнили социальную ситуацию в России. Проблемы социальной политики стали составной частью проблем обеспечения национальной безопасности.

России нужна социальная политика, которая не противоречила бы интересам национальной безопасности, а обеспечивала и укрепляла бы национальную безопасность. В этом стратегическая суть необходимых перемен характера и содержания социальной политики.

Генеральное решение, необходимое и достаточное для обретения Россией такой социальной политики, состоит из двух взаимосвязанных принципиальных поворотов:

– поворот от деятельности государства, создающей всё новые социальные риски (социальные опасности и угрозы) для населения, к неукоснительному и в полном объёме выполнению государством его конституционных обязанностей по обеспечению законных социальных прав, свобод и интересов населения;

– поворот от недемократических к демократическим методам (механизмам) осуществления социальной политики, соответствующим Конституции Российской Федерации.

Проблемы устойчивости существующего в России политического строя и политического курса, с одной стороны, и безопасности России и ее народа как геополитических реальностей, с другой стороны, всё более становятся не просто разными, но и противостоящими пробле-

мами. Эта ненормальная ситуация могла бы быть разрешена на основе подчинения деятельности существующих властей интересам обеспечения национальной безопасности. Неотложно должны быть обеспечены два ключевых дела:

1) сохранение самостоятельности, независимости социального развития России на основе экономической, политической и культурной самостоятельности;

2) недопущение дальнейшей массовой социальной деградации населения, осуществление мер, достаточных для социального восстановления образовавшегося “общественного дна”, наращивание реального уровня цивилизованности населения, обеспечение социального прогресса.

Эти два дела тесно связаны. Шоковые глобализационные реформы создали принципиальные предпосылки массовой деградации. Длительный шок перевёл ситуацию в состояние экономического геноцида, сделал предпосылки массовой деградации её постоянно действующими факторами. Усиливающаяся несамостоятельность властей России, продолжение принятого в 1990-е годы курса угрожают социальной сегрегацией населения. Возрастает вероятность того, что до 70% населения нашей страны будут надолго лишены цивилизованных условий существования и вынуждены будут прозябать.

Общество вправе требовать от государства (от Президента, правительства, Федерального Собрания, от властей субъектов Российской Федерации) следующих гарантий национальной безопасности, напрямую отражающих социальные права и интересы населения:

– надёжно блокируются возможности восстановления тоталитаризма;

– не используются диктаторские методы в управлении обществом в целом и социальными процессами;

– снимаются угрожающие социальному развитию России зависимость от иностранных государств и давление посредством иностранной экспансии. Тем самым гарантируется, что социальное развитие России может и бу-

дет осуществляться на основе экономической, политической и культурной самостоятельности;

– допущенная социальная деградация населения блокируется, принимаются меры к социальной реинтеграции “социального дна”, целенаправленно и на демократической основе формируются и укрепляются необходимые и достаточные факторы обеспечения социального прогресса.

Названные социальные проблемы, решённость или нерешённость которых служит критерием обеспеченности или необеспеченности национальной безопасности, можно и нужно воспринимать как ***наивысшие и чрезвычайные приоритеты социальной политики, как стратегические цели ближайшего этапа.*** Система мер, обеспечивающих решение этих проблем, могла бы составить **чрезвычайную государственную социальную программу**, **программу социального оздоровления России и социальной защиты её народа.**

И чрезвычайные, и обычные приоритеты социальной политики определяются, исходя из состава, реальной взаимосвязи и остроты важнейших социально-экономических и социально-политических проблем. Объективная основа приоритетов едина для борющихся в обществе социальных сил, каждая из которых предлагает свой вариант приоритетов социальной политики, опираясь на перспективные цели своего движения и свою идеологию.

При всех существующих в обществе различиях подходов и представлений о приоритетах всё же могут быть выделены и содержательно описаны группы проблем, каждая из которых имеет общероссийское значение, а все они вместе составляют систему приоритетных общероссийских проблем.

Система приоритетов социальной политики есть не что иное, как её содержательная структура (каркас). Приоритеты суть проблемное видение основных, самых значительных противоречий сложившейся исторической ситуации, разрешение которых обеспечивает (предопределяет в основном) переход общества в качественно новую, бо-

лее благоприятную ситуацию.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская

ПОЛОЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЕ (социально-экономическое положение, общественное положение, положение в обществе) – устойчиво воспроизводимый в данном обществе **тип жизнедеятельности** людей (в том числе тип индивидуальной жизненной судьбы), который формируется совокупностью реально доступных им условий и способов жизнедеятельности и определяет фактические возможности, направленность развития личности и, в конечном счете, – **социальный тип** личности.

Социальное положение – перманентная (постоянная, непрерывная) проблема всех обществ, поскольку они социально-структурны (*См. Структура социальная*). Категория “социальное положение” выработана обществознанием не для того, чтобы просто отмечать и созерцать очевидные различия в жизнедеятельности людей. Эта категория выявляет и фиксирует тот тип и круг различий, которые *существенны* настолько, что делают *разнотипной* жизнедеятельность людей в обществе, социально сгруппировывают людей и формируют объективные предпосылки их солидарных интересов и действий.

Различия социального положения, закономерные для того или иного исторически устойчивого общественного устройства, проявляются в качественном типовом системном разнообразии социальных фигур. Так, для рабовладельческого общества характерны рабовладельцы, рабы, пролетарии; для феодализма – помещики, вассалы, бояре, дворяне, смерды, крепостные, холопы; для капитализма – капиталисты, наёмные работники, рабочие.

Социальное положение есть ансамблевое (социально-групповое, социально-классовое) место человека в обществе, принципиальные координаты его социализированности. Социальное положение – основная комплексная характеристика жизнедеятельности структурных частей общества (С*м. Группы социальные; Общность социальная)* и населения в целом. В состоянии и динамике этой

характеристики непосредственно выражаются, проявляются цели и результаты социальной политики (*См. Политика социальная*).

Каждому типу общества (феодальное, буржуазно-демократическое, тоталитарное, колониально зависимое и пр.) соответствует качественно определённое социальное положение населения в целом и определённый характер дифференциации населения по социальному положению – определённая социальная структура *(см. Структура социальная).*

Социальное положение как тип жизнедеятельности лучше всего мог бы быть описан понятиями, отражающими особенности данного типа жизнедеятельности в сравнении с иными типами. Классическое достижение в выработке научно точных и емких понятий – Марксовы характеристики социального положения фабричных рабочих, аналитически выработанные в его “Капитале”: частичный работник, придаток машины, формальное и реальное подчинение труда капиталу. При этом все эти характеристики принадлежат наёмному рабочему, эксплуатируемому при машинной организации производства. Благодаря такому анализу рабочий предстал как новый социальный тип, порождённый именно первой промышленной революцией.

Современная наука не демонстрирует Марксова уровня анализа социального положения. Её методологический “потолок” – описание социального положения через набор (совокупность) реально доступных общественных условий и способов жизнедеятельности. Отечественное обществоведение продолжает в этом отношении подход В.И.Ленина, применённый при определении классов в работе “Великий почин” (1919), а ранее обозначенный русскими последователями К.Маркса (например, М.И.Туган-Барановским).

Среди общественных условий, формирующих социальное положение всех членов общества и элементов его социальной структуры (социальных групп, социальных общностей), наиболее важными являются следующие:

1. **Общественное устройство (общественный**

строй), в котором закреплено генеральное распределение ролей в обществе, в первую очередь разделение на эксплуататоров и эксплуатируемых, господ и подчинённых (*См. Эксплуатация; Классы; Касты*).

Принципиально важно, осуществляется ли прогресс на основе эксплуатации или эксплуатация не допускается. В обществах, развивающихся на основе эксплуатации, значительная (обычно большая) часть общества оказывается объективно (и субъективно) отчуждённой от установившихся порядков, не воспринимает их как свои, считает их навязанными. Реальный внутренний раскол общества, основанного на эксплуатации, предопределяет главную проблему социальной политики в таком обществе – проблему обеспечения гражданского мира, социального компромисса, социального партнёрства, как минимум – социального перемирия.

2. **Власть в обществе как способ поддержания социальной устойчивости** (*См. Власть*). Существенно важен тип (модель) доминирования господствующих классов во власти, варьирующий от прямой диктатуры до социального партнёрства.

3. **Власть в хозяйстве (собственность).** Собственность – это прежде всего властно-хозяйственные отношения, то есть разделение на тех, кто принимает в хозяйстве самые важные, а то и все решения, и тех, кто обязан их только исполнять. В распределении имущества это разделение на господ и подчинённых отражается и закрепляется. Но основными, определяющими в собственности являются не имущественные, а именно властно-хозяйст-венные отношения.

Собственность – это проекция общественного устройства и распределения власти в обществе на экономическую сферу. В обществах, где доминирует частная капиталистическая собственность, социальное положение частных собственников воспроизводится и упрочивается за счёт сохранения социального неравенства и подчинённого положения социальных групп эксплуатируемых трудящихся (большая их часть – наёмные эксплуатируемые).

Это абсолютный закон. Модели социального рыночного хозяйства и социального партнёрства позволяют смягчать жёсткость действия этого закона (*См. Собственность; Социальное рыночное хозяйство; Партнёрство социальное*).

4. **Экономические условия** – комплекс условий обеспечения средств существования и развития, необходимых и достаточных для воспроизведения и общественно нормальной эволюции социального положения социальных групп и общностей. Сюда относятся не только доходы, но и условия просвещения, образования, здравоохранения, обеспечение жилищами, коммунально-бытовыми услугами, уровень благоустройства населённых мест и т.п. (*См. Доходы; Хозяйство социальное; Качество жизни; Уровень жизни; Социальная сфера; Сфера социально-трудовая*).

5. **Экологическая безопасность** (уровень экологических опасностей как в природной среде, так и в поселениях, и в сфере производства). (*См. Защищённость экологическая; Условия труда*).

6. **Защищённость от социальных опасностей (социальная защищённость)** – мера пригодности (приемлемости) для населения в целом, для социальных групп и людей данного общества как социальной среды обитания. Защищённость от социальных опасностей – ценность, обеспечиваемая тем общественным порядком, в котором субъекты могут опираться на общественный строй как на гаранта сохранения (неухудшения) своего положения в обществе, а также при выдвижении требований по его улучшению или отстаиванию (*см. Защищённость социальная*).

Важнейшие факторы (общественные условия), объективно формирующие социальное положение, не едины для всех членов общества, а различны (дифференцированы), что создаёт объективные предпосылки дифференциации социального положения и социального группирования по признакам схожести социального положения (*См. Социальная структура; Социальная группа; Клас-*

сы).

Параметры социального положения – конкретные измерители социального положения, его качественно-количественные характеристики (показатели и оценки), система которых позволяет достоверно и с определённостью, необходимой и достаточной для практики, судить о реальном, прогнозируемом или программируемом социальном положении и комплексно оценивать его состояние (достигнутый рубеж).

Параметры социального положения применяются также при определении качественных соотносительных уровней (состояний) благосостояния (нищета, достаток, бедность, богатство и др.).

Литература: **Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. – К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, 2-е изд. Т.2. М. 1955; Маркс К. Капитал. Том 1, главы 11-13. – К.Маркс и Ф.Энгельс Сочинения, 2-е изд. Т.23. М. 1960; Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. Отдел IV. – М.: РОСПЭН. 1998; Ракитский Б.В. Социальная политика и интересы трудящихся. - М.: март 1995; Ракитский Б.В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 1997 (часть первая), 1998 (часть вторая); Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003; Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я., Мандель М.Д. Социально-трудовые права и свободы: российские и международные принципы, нормы, проблемы. Учебник (по программам высшего классового образования). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2008;**

Г.Я.Ракитская; Б.В.Ракитский

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО (РЕВОЛЮЦИОННОГО) ГУМАНИЗМА ИДЕОЛОГИЯ — потребная в современных условиях и уже формирующаяся новая ступень в развитии собственной идеологии эксплуатируемых трудящихся (*См. Идеология; Идеология рабочего движения собственная).*

Современная общественная наука, стоящая на позициях трудящихся классов, явно отстает в теоретическом исследовании путей перехода к обществу, свободному от эксплуатации труда и любых других форм господства че-

ловека над человеком. Революционные движения и общественные преобразования под знаменем социалистических (коммунистических) идей привели в 20 веке к ряду неудачных и даже трагических практических результатов. Среди них – утверждение тоталитарного строя в России вскоре после Октябрьской (1917 года) революции, тоталитарные режимы в ряде других стран, называвших себя народными и социалистическими. Это заставляет заново осмысливать вопросы о том, каковы движущие социальные силы и сама вероятность перехода человечества в русло гуманистического общественного прогресса, какими могут (должны) быть гарантии от тоталитарного перерождения послереволюционного общества по советскому или иным вариантам.

Неудачные до сих пор попытки построения социализма и современные тенденции в развитии социально-групповой структуры капиталистического общества делают все более настоятельными реалистические размышления и глубокие исследования в двух главных аспектах – содержательном и субъектном.

Содержательный аспект — это модернизация, развитие, обогащение самой социалистической идеологии в направлении, обеспечивающем её последовательно гуманистический характер. (*См. Гуманизм*)

Субъектный аспект — это перспективы формирования социальных групп (классов), способных быть не только субъектом революции под социалистическими лозунгами, но и субъектом последовательно гуманистического исторического творчества (*См. Субъекты социальные*).

Основная проблематика и современные подходы к исследованию содержательных и субъектных предпосылок «прорыва» человечества в русло последовательного гуманизма могут быть очерчены четырьмя взаимосвязанными гипотезами (аспектами). Эти гипотезы, будучи развиты до состояния научных теорий, поднимут на новую ступень идеологию и теорию социализма.

Первая гипотеза (аспект). К началу XXI века обозначился новый этап в развитии социалистической идеологии. Он обещает (может) стать этапом перехода ***от пролетарского революционного гуманизма к последовательному революционному гуманизму*** – идейно-теоретической основе освободительных движений тех слоев трудящегося и эксплуатируемого народа, которые становятся (могут стать) в XXI веке движущей социальной силой гуманистически ориентированного общественного развития. Переосмысление, обогащение социалистической идеологии, ее наполнение последовательно гуманистическим содержанием – одна из необходимых предпосылок практической реализации социалистических идей.

В эпоху индустриального капитализма социалистическая идея предстает в форме *пролетарского* гуманизма, как собственная идеология рабочего класса и рабочего движения (*См. Пролетарского социализма идеология).*

Ограниченность (можно сказать, ущербность) пролетарского гуманизма связана с тем, что рабочий класс – это *класс придатков машин,* класс-придаток машинной цивилизации (*См. Индустриальный работник; Рабочий; Рабочий класс*). Машинному производству не нужен работник с гармонично развитыми физическими, интеллектуально-творческими и социально-нравственными потребностями и способностями. Поэтому индустриальный капитализм предельно сужает возможности выявления, реализации и развития индивидуальных свойств личности рабочего.

Индустриальный капитализм лишает рабочего индивидуальности, навязывает ему стандартизированные потребности и унифицированные формы жизнедеятельности как в рабочее, так и в свободное время, превращает – в конечном счете – рабочего (по выражению К.Маркса) в неполного человека. Представляется поэтому, что рабочий класс эпохи индустриального капитализма в принципе не способен ни самостоятельно выработать, ни воспринять и освоить в полной мере (без вульгаризаций, без недопустимых упрощений и извращений) идеологию *после-*

довательного гуманизма. Идеологию, в которой ключевая роль принадлежит категориям «народная демократия», «социальная свобода» (свободное развитие каждого и всех), «человеческое и гражданское достоинство личности», «права человека и права народов» и пр.

Формы и способы жизнедеятельности, специфика массового сознания, уровень культуры рабочего класса формируются не только эксплуатируемым положением, но и *организационно-технологическим деспотизмом*, порождающим тоталитарный тип сознания (*См. Деспотизм организационно-технологический*). Предстоит тщательно изучить, случайно или закономерно тоталитарное перерождение общества при исторических попытках построить социализм посредством авангардной роли класса придатков машин. Надо предельно критически отнестись к установке на возможность «внесения» последовательно гуманистической революционной идеологии в современное рабочее движение. Не обречена ли она заведомо на неудачу?

Предметом постоянных дискуссий является вопрос о том, какой социализм истинный, подлинный, правильный, а какой – нет. Каждая из дискутирующих сторон выдвигает свои взгляды и представления на роль правильных, которыми следует руководствоваться, и критикует иные взгляды и представления как неверные, ошибочные. По-видимому, надо иначе смотреть на проблему выбора «правильной» теории социализма.

Эпоха перехода капитализма от индустриальной к новой фазе – это и *новый этап в развитии собственной идеологии трудящихся классов.* Необходимо в полной мере осознать, что идеология последовательного революционного гуманизма, которая могла бы – при прочих необходимых условиях – стать в XXI веке идейно-теоретической основой социалистического движения, формируется на наших глазах и при непосредственном участии или противодействии многих из нас.

Исторические истоки последовательного революционного гуманизма – все прежние достижения гуманисти-

чески ориентированной общественной мысли, в том числе, конечно же, общественной мысли, направленной на радикальное переустройство общества в интересах трудящегося большинства. К таким истокам относятся: революционно-гуманистические представления первоначального марксизма и развитая им целостнообществоведческая методология научных исследований; гуманистические составляющие социал-реформистских, анархистских, либерально-демократических концепций; достижения творческих продолжений первоначального марксизма, противопоставившихся левацкому экстремизму идеологов третьей русской революции, сталинизму и другим вариантам казарменного «социализма». И не только они. Но все прежние достижения гуманистической мысли – это *именно истоки, а не составные части* формирующейся современной идеологии и теории социализма и социалистического движения. Целостную идеологию и теорию освобождения трудящихся, адекватную новым реалиям и тенденциям, придется вырабатывать и постоянно развивать, а не искать её в готовом, законченном виде у кого-то из наших предшественников или наших современников.

Важнейшая роль в становлении последовательного революционного гуманизма принадлежит анализу опыта и итогов антикапиталистических, антиколониальных (национально-освободительных), антитоталитарных (антифашистских) движений эпохи индустриального капитализма. Предстоит в первую очередь научно поставить и исследовать вопрос о соотношении принуждения и свободы в революционно-демократических, особенно в социалистических преобразованиях. В частности, предстоит в связи с этим окончательно «разобраться» с концепциями, выдвигающими диктатуру пролетариата на роль якобы необходимого механизма утверждения социалистических форм общественной жизни.

Результаты начавшегося критического осмысления исторического опыта неплохо фиксирует такое, например, самоопределение новой идейной позиции, как «антитоталитарные левые». Но термин «последовательный рево-

люционный гуманизм» гораздо точнее (адекватно) выражает суть современного этапа в развитии обществоведческой мысли трудящихся и эксплуатируемых.

Вторая гипотеза (аспект) — об историческом субъекте последовательного революционного гуманизма. Требуются специальные исследования для ответа на вопрос о том, *может ли стать и при каких условиях может стать класс трудящихся нового типа носителем (субъектом) последовательного революционного гуманизма.*

Носитель, субъект идеологии — это не только профессиональные идеологи и не только устойчиво активные немассовые политические организации (партии и пр.), но и широкие общественные движения. Известно, что критерием научности идеологии является обоснованное (а не декларативное) указание на ***массовую*** социальную силу как на исторический субъект, ***заинтересованный*** в практическом осуществлении данной идеологии и ***способный*** ее практически осуществить. Дело науки — доказательство наличия или тенденций формирования такого исторического субъекта.

Сегодня мы фиксируем не только процесс уменьшения численности и доли индустриальных рабочих в общественной структуре, но фиксируем также и процесс увеличения «лишнего» (лишнего для капитала) населения – оттеснение все большей части людей от участия в созидательной общественной практике, реальном историческом творчестве. Оттеснение происходит в двух формах. Во-первых, в форме развития потребительства, стандартизирующего личность, зомбирования людей, использования разнообразных способов имитации интеллектуально-творческой и социально-политической активности (*См. Потребительство*). Во-вторых, в форме возникновения широкого слоя населения с вынужденно-нетрудовым типом жизнедеятельности. Это не временно безработные (резервная армия труда), а в лучшем случае – временно занятые, труд в жизни которых носит эпизодический ха-

рактер (*См. Жизнедеятельность вынужденно-нетрудовая*)

.«Лишняя» часть населения образует ущербную, социально нездоровую часть общества – **социальную резервацию** (в том числе социальное дно) (*См. Социальной резервации теория; «Социальное дно»*). При этом обозначилась новая тенденция в развитии капиталистической системы эксплуатации: утрачивается прежнее, преимущественно географическое распределение резервной и излишней части населения планеты (резервная – в метрополиях, лишняя – в колониях); *вынужденно-нетрудовой*, а затем и *принудительно-нетрудовой* тип жизнедеятельности становится наиболее вероятным обликом будущего для большинства населения и в бывших колониях, и в бывших метрополиях.

Капиталу – в целях относительно мирного сохранения господствующего положения руководящей «элиты» – приходится «лишнее» население содержать, подкармливать, развлекать, удовлетворять потребности оттесненных в социальную резервацию на беспротестно приемлемом уровне, дабы они не взбунтовались.

Социальная резервация – не ресурс демократии, гуманизма, социализма. Устойчивая и все более масштабная социальная резервация противодействует гуманизации производства и общества. ***Социальная резервация – ресурс консерватизма и реакции вплоть до ресурса фашизма.*** Людей, оттесненных в резервацию, отлученных от исторического творчества, можно жалеть, *но на них нельзя рассчитывать* в борьбе за демократию, тем более в борьбе за коренное, революционное переустройство общества на последовательно гуманистических началах.

Сегрегация трудящегося населения на нужное мировому капиталистическому рынку и ненужное ему создает почву для закрепления и распространения в массовом масштабе приспособленческого типа общественного сознания и социального поведения, порождает и укрепляет чувство социальной неполноценности вместо чувства человеческого и гражданского достоинства. Набирает темп

маргинализация массового сознания. А в России (и не только в России) – маргинализация массового сознания (особенно в молодежной среде) по имперско-фашистскому типу. (*См.Маргинал; Маргинальный; Маргинализация; Имперство; Фашизм*).

Революционно-гуманистические потенции современных социальных движений весьма проблематичны именно потому, что их основная социальная база — оттесненные и оттесняемые в социальную резервацию. Именно поэтому некоторым ветвям социальных движений свойственен бесперспективный для трудящихся экстремизм, протестная активность люмпен-террористического толка.

Правомерен вопрос: заинтересованы ли занятые еще в производстве эксплуатируемые трудящиеся в реализации последовательно гуманистических ценностей или же их главным интересом является (становится) сохранение своего привилегированного положения – привилегированного по сравнению с теми, кто вытеснен из производства, оказался в реальности вынужденно-нетрудовой жизнедеятельности?

Исследователи современных изменений в содержании труда указывают на такие процессы, как применение технологий, требующих от работника большей самостоятельности, инициативы; возрастание подлинно творческих элементов в содержании труда; расширение форм участия рядовых работников в управлении; сближение (даже интеграция) интересов рядовых работников и организаторов производства (управляющих). В литературе нередко встречаем восторги по поводу этих процессов, в том числе гимны творческому труду вплоть до отождествления творческого труда с гуманистически ориентированным трудом.

Означает ли в действительности обогащение содержания труда, что общество движется по гуманистическому руслу? Нет, не означает. Почему? По двум причинам.

Первая причина. Обогащение содержания труда — это еще не гуманизм, если процесс обогащения труда происходит *в отрыве от гуманистических нравственных ориентиров трудовой жизнедеятельности.* Передовые технологии *сами по себе* не прокладывают путь к гуманизации общества. Так, например, в период III мировой (холодной) войны мы не знаем ни одного случая, по крайней мере, в странах, которые лидировали в гонке вооружений, чтобы рабочие военно-промышленного (передового по технологиям) комплекса выступали критически по отношению к тому, чем они заняты, чем зарабатывают на жизнь. Другой пример: не внесла вклад в гуманизацию общества карательная психиатрия — весьма творческий вид труда.

Вторая причина. Обогащение содержания труда – это еще не гуманизм, если труд, точнее, причастность к историческому творчеству, к созидательной деятельности становится *привилегией меньшинства.* Нынешний этап глобализации капитализма ведёт к разделению населения планеты на *социальную резервацию* (большинство населения) и *касту созидателей* (меньшинство населения). Вполне вероятно, что тем трудящимся, которым удастся не потерять работу, будет мало дела до бывших братьев по классу, навсегда лишившихся работы и перспектив достойного существования. Если это так, то они не могут быть носителем идеологии революционного последовательного гуманизма.

Все тенденции в сфере трудовой жизнедеятельности, которые сейчас оцениваются как прогрессивные, предстают в ином свете, если не закрывать глаза на формирование социальной резервации. Оттесненным от производства по большому счету всё равно, как организованы трудовые отношения в рамках касты созидателей. А они могут быть организованы даже и *без эксплуатации труда, понимаемой узко экономически* – как присвоение результатов чужого или результатов неоплаченного наемного труда. Такая эксплуатация может в перспективе и не понадобиться для организации жизнедеятельности касты созидателей.

Научное определение (поиск) исторического субъекта социалистической идеи в ее последовательно гуманистическом исполнении включает в себя, как минимум, две проблемы:

— может ли класс трудящихся нового типа стать носителем (субъектом) последовательного революционного гуманизма;

— при каких условиях он может им стать.

Необходимо и возможно, чтобы на выводах таких научных исследований основывались *разработка и реализация новой, конструктивно-наступательной стратегии профсоюзного и политических движений трудящихся.*

Новая стратегия – это борьба за перелом тенденции люмпенизации и оттеснения большинства в социальную резервацию.

Новая стратегия – это также борьба за такой организационно-технологический облик производства и характер научно-технического прогресса, которые обеспечивают расширение и возвышение содержания труда, превращение работника из человека «неполного» в человека гармонично развитого – в человека, в системе основных интересов и ценностей которого присутствуют интересы и ценности последовательно гуманистического характера.

Третья гипотеза (аспект) — о вероятности гуманного будущего. Её суть вот в чём. У человечества не было реальных шансов прорваться в русло последовательно гуманистического (социалистического) развития в эпоху индустриального капитализма. Нет реальных шансов и сейчас. В то же время ***вероятность такого прорыва возникнет, если формирование необходимых субъектных предпосылок перемены вектора общественного развития опередит глобализацию тоталитаризма.***

Был ли у человечества реальный шанс прорваться в русло подлинно гуманистического развития в эпоху ста-

новления и утверждения индустриального капитализма? Попытки были, но не было шансов довести дело до конца.

Есть ли такой шанс, такая реальная возможность сейчас, при современном состоянии социальной структуры и общественного сознания? Пока нет. Пока не видно массовой социальной силы, способной быть субъектом-носителем идеологии последовательного революционного гуманизма.

Возникнет ли реальная возможность в будущем? Может возникнуть. Однако вероятность не очень высока, поскольку уже наметилась и реализуется **магистральная историческая тенденция развития капиталистической системы эксплуатации** – **глобализация тоталитаризма**. Глобализация именно тоталитаризма – социальной формы, в которой будет происходить (при прочих равных условиях) дальнейшая глобализация экономики (*См. Глобализация; Глобализация капитализма*).

Мы наблюдаем сегодня кризис, подрыв национальных и международных буржуазно-демократических институтов. Это явление не случайное, не временное, если формирование единого всемирного хозяйства будет и дальше направляться и контролироваться крупным международным капиталом. Напротив, тоталитарное перерождение буржуазно-демократических институтов закономерно для условий устойчивого оттеснения большинства человечества в социальную резервацию. Господствующей (властвующей) касте созидателей надо держать социальную резервацию под жестким контролем. Касте созидателей придётся (и уже приходится) время от времени прибегать к прямому насилию, чтобы держать социальную резервацию в узде, подавлять ростки сопротивления. Придется (и уже приходится) поливать оттесненных в резервацию бомбами, если их число или формы активности начнут выходить за пределы, установленные господствующей кастой созидателей.

Глобализация тоталитаризма существенно сужает (если не сводит на нет) возможность самоорганизации и солидарного сопротивления подчинённых социальных

групп. Исторический опыт свидетельствует, что *внутри тоталитарного общества* не возникают достаточно мощные социальные силы, способные к массовому революционному действию. Требуется вмешательство внешних (по отношению к тоталитарному обществу) факторов и сил для победы над тоталитаризмом. Откуда взяться этим факторам и силам, если тоталитаризм утвердится во всемирном масштабе, станет общественной формой организации жизнедеятельности всего человечества?

Четвертая гипотеза (аспект): необходимая (хотя, конечно, не единственная) предпосылка поворота в русло последовательного гуманизма — ***формирование в рамках буржуазно-демократического общества собственного общественного пространства жизни эксплуатируемых трудящихся*** *(См. Общественное пространство жизни трудящихся классов; Общественное пространство жизни класса).*

Собственное общественное (народно-демократическое по характеру) пространство жизни трудящихся классов — это *социокультурная* предпосылка перемены направленности общественного развития и реализации социалистической идеи в ее последовательно гуманистическом исполнении.

Народно-демократическое пространство жизни необходимо для накопления трудящимися такого опыта, который мог бы стать, *во-первых*, гарантией от использования способов революционного действия, не соответствующих гуманистическим целям, уводящим в сторону от них, *во-вторых,* гарантией от казарменного (тоталитарного) перерождения общественного строя, если политическая революция передаст трудящимся классам власть в обществе и в хозяйстве.

Конкретные формы народно-демократической жизнедеятельности накапливаются, а результаты их научно-теоретического осмысления становятся составной частью идеологии последовательного революционного гуманизма. Ясным стало, по меньшей мере, что собственное демо-

кратическое пространство жизни трудящихся должно быть организовано на иных началах, чем те, которые соответствуют буржуазной (пусть и демократической) социокультуре.

Собственным общественным пространством жизнедеятельности трудящихся должны быть организации и движения, в том числе профсоюзные и партийно-политические. Здесь не годятся ни принципы буржуазного парламентаризма, ни, тем более, принципы казарменного централизма (на которых строилась КПСС и строятся современные осколки-продолжатели дела КПСС). Предстоит заново освоить и развить формы народно-демократической самоорганизации, которые не раз рождались в периоды подъемов рабочего движения, но никогда еще не закреплялись надолго.

Собственное общественное пространство жизнедеятельности трудящихся — это и демократическое самоуправление на предприятиях с собственностью работников, хотя в условиях капитализма такое пространство непросто защитить.

Для накопления навыков управления предприятиями, которые понадобятся трудящимся классам в случае их прихода к власти, пригодятся идеи и практический опыт анархо-синдикализма, опыт участия трудящихся в управлении капиталистическими предприятиями в демократических социальных государствах и пр.

Составная часть демократического пространства жизнедеятельности трудящихся — система собственного (классового) гуманитарного образования. Чтобы победить эксплуататорский класс, надо превзойти его культурно, включая и превосходство в образовании. А это невозможно без высшего гуманитарного классового образования трудящихся и эксплуатируемых.

Идеологическая беспомощность, обществоведческая неграмотность подавляющего большинства активных участников современного (во всяком случае, в России) рабочего и профсоюзного движений, в том числе выборных активистов (лидеров), удручают. Приходится с сожалени-

ем констатировать, что сегодня велика тяга трудящихся к тоталитарным идеологиям, в том числе религиозным.

Создать систему качественного классового образования трудящихся невозможно без гуманитарно образованной интеллигенции народно-демократической (социалистической) ориентации – такой интеллигенции, которая сама участвует в формировании идеологии последовательного революционного гуманизма. При этом старая (верная в принципе) постановка о необходимости «внесения сознания» в рабочее движение требует переосмысления как с содержательной стороны, так и со стороны способов политико-идеологического образования трудящихся.

Демократическое пространство жизни трудящихся — это не «островки» будущих конкретных форм жизнедеятельности в настоящем. Это пространство формирования гуманистической «души» трудящихся классов: классового солидарного сознания, классового благородства, гражданского и человеческого достоинства, милосердия, братства и сотрудничества, трудолюбия.

Часть этих ценностей в свое время приватизировала религия как якобы религиозную духовность. Но религиозные идеологии не могут вывести к последовательному гуманизму. Любая религия считает существующую власть властью от бога, а потому отрицает правомерность революционного преобразования общества. Любая религия — идеология тоталитарная, а потому в принципе антигуманна, аморальна. Гуманистическая «душа» трудящихся классов — это накопленная ими культура, накопленная цивилизованность, а не накопленная религиозная духовность.

«Культурным является класс, выработавший, усвоивший, осознавший и культивирующий собственную идеологию и собственную систему гуманитарных ценностей. Культурный класс развивает и обустраивает в обществе свое культурное пространство – *общественное пространство жизни класса.* Именно в этом культурном пространстве накапливается, передается новым поколениям, вызревает и крепнет культура классовой борьбы, необхо-

димая и достаточная для ощутимых тактических побед и для грядущей стратегической революционной классовой победы. Развитие общественного пространства жизни класса (культурного классового пространства) – одно из слабых мест в рабочем движении и других освободительных движениях» (Декларация о создании Интернационального Университета трудящихся и эксплуатируемых (Рабочего Университета) от 19 декабря 2001 года).

Работать на задачу формирования современной собственной идеологии трудящихся классов, развивать (усилиями всех участников движений трудящихся и эксплуатируемых) социалистические идеи до уровня последовательного революционного гуманизма, обустраивать собственное демократическое пространство жизни трудящихся классов – дело благородное и сегодня чрезвычайно важное. Потому что альтернатива переходу в русло последовательно гуманистического развития, альтернатива будущему, в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», –- глобальный тоталитаризм, чреватый не только деградацией оттесненных в социальную резервацию, но и деградацией человеческого общества как такового (*См. Вариантность будущего*).

Литература: **Ракитская Г.Я.. Последовательный революционный гуманизм как новая ступень в развитии собственной идеологии трудящихся. — Периодическое издание «Обществознание большинства». Выпуск 4. – М.: Интернациональный уннверситет трудящихся и эксплуатируемых (Рабочий университет). Декабрь 2007. С. 55-68; Декларация о создании Интернационального Университета трудящихся и эксплуатируемых (Рабочего Университета) от 19 декабря 2001 года. / Университетский ВЕСТНИК {ИУТЭ (РУ)}. Вып.1. – М.: Школа трудовой демократии. 2004.**

Г.Я.Ракитская

ПРИНЦИП IN FAVOREM (принцип “ин фаворем”) – (от лат. favor – благосклонность, расположение, покровительство) – один из принципов субординирования (наведения порядка в соподчинении) различных источников права, регулирующих один и тот же круг отношений.

Имеет универсальное применение в ситуациях множественности источников права. Исключительно важен при регулировании социально-трудовых отношений.

Нормы, регулирующие трудовые и иные непосредственно связанные с ними отношения, устанавливаются разными источниками – Конституцией, федеральными и региональными законами, актами органов местного самоуправления, нормативными актами работодателя, договорами, международными договорами; имеются также общепризнанные принципы и нормы международного права. Традиции и общепринятые подходы состоят в том, что международные нормы, конституция страны и законы о труде устанавливают неотъемлемый (неснижаемый, не подлежащий уменьшению) круг и уровень защиты от социальных рисков. По этой причине любой нормативный акт, исходящий из источника, “менее властного”, чем государство или международные организации (представляющие по существу группы государств), не может понижать уровень правовой защиты трудящихся от социальных рисков, а может этот уровень только повышать. Это и есть принцип in favorem, принцип благоприятствования трудящимся, неухудшения в сравнении с нормой закона.

В частности, это относится к трудовым договорам, коллективным договорам и соглашениям. Статья 9 Трудового Кодекса Российской Федерации устанавливает: “Коллективные договоры, соглашения, трудовые договоры не могут содержать условий, ограничивающих права или снижающих уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. Если такие условия включены в коллективный договор, соглашение или трудовой договор, то они не подлежат применению” (в ред. Федерального закона от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ).

И. Я. Киселёв (крупный специалист по сравнительному и международному трудовому праву) отмечал, что в странах Запада в 1990-е годы “в связи с усилившимися экономическими трудностями и распространённым убеж-

дением в необходимости усиления гибкости трудовых законов принцип in favorem стал подвергаться нападкам как негативный фактор, препятствующий гибкости правового регулирования труда, адекватному отражению им реалий и потребностей рыночной экономики. А в некоторых странах (ФРГ, Франция, Греция) в законодательстве и судебной практике появилась тенденция к частичному отказу от него и допущению в определенных пределах принципа in peius, то есть ухудшения положения работника по сравнению с законодательством, фиксируемого в коллективном соглашении или индивидуальном трудовом договоре. Ещё одно проявление отхода от принципа in favorem – запрет в некоторых случаях изменения в пользу работников законодательных норм в коллективных (или трудовых) договорах" *(См. Принцип in peius)*.

Принцип in favorem подвергся пропагандистским нападкам и практическому противозаконному нарушению в период шоковых реформ в России. Прокурорский надзор за соблюдением этого принципа не осуществлялся, прямые требования профсоюзов вмешаться и навести порядок прокуратурой игнорировались. Судебные органы не реагировали на обращения и даже исходили в ряде случаев из возможности нарушать принцип in favorem. Трудящиеся вынуждены были защищать принцип in favorem пикетами и забастовками.

Литература: **Киселёв И.Я. Сравнительное и международное трудовое право. Учебник для вузов. – М.: Дело. 1999. С. 38, 399; Забастовка в цехе 45-3 Волжского автомобильного завода 27 сентября – 3 октября 1994 года. Документы и материалы / Серия "Не дам забыть...". Страницы истории рабочего движения. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 1998.**

Г.Я.Ракитская

ПРИНЦИП IN PEIUS (принцип "ин пейус") – один из принципов субординирования (наведения порядка в соподчинении) различных источников права, регулирующих один и тот же круг отношений. Может иметь универсальное применение в ситуациях множественности источников

права. Наряду с принципом “ин фаворем” *(См. Принцип “in favorem”)* важен при регулировании социально-трудовых отношений.

Принцип in peius состоит в допустимости такого соподчинения источников права, при котором нормативный акт, исходящий из источника, “менее властного”, чем государство или международные организации (представляющие по существу группы государств), может понижать уровень правовой защиты трудящихся от социальных рисков.

Традиции и общепринятые подходы состоят в неприменении принципа in peius. Основная объективная подоплёка таких традиций и подходов – недопущение обострения конкуренции между работодателями, ибо принцип in peius подрывает природу нормы закона как неотъемлемого минимума социальных гарантий.

Популярность принципа in peius возрастает в периоды наступления капитала и его государства на права и гарантии трудящихся, особенно в период первоначального накопления капитала, шоковых рыночных и глобализационных реформ. В России в 1990-е годы принцип in peius не только пропагандировался, но и делались попытки вводить его явочным порядком путём записей в коллективные договоры и в трудовые договоры условий, снижающих уровень прав и гарантий работников, установленный трудовым законодательством. Прокуратура и суд “не замечали” незаконности таких записей.

На практике принцип in peius проводится чаще не как всеохватный принцип, а в форме исключений из правил или нарушений (коррекции) принципа in favorem. Так, во имя повышения гибкости в правовом регулировании труда в Польше разрешено включать в коллективные договоры нормы, ухудшающие условия труда работников по сравнению с законодательством, если это оправдано необходимостью предотвращения или ограничения безработицы. Ради этих же целей разрешено включать в заводские коллективные договоры нормы, худшие для работников, чем те, которые закреплены в коллективных догово-

рах более высокого уровня (отраслевых, региональных).

Но более логичным для капитала и его государства является снижение уровня прав и гарантий работников не через принцип in peius в практике коллективных и трудовых договоров и соглашений, а через прямое урезание прав и гарантий, установленных трудовым законодательством. Такой порядок не стимулирует конкуренцию между работодателями. Прямое ухудшение норм трудового законодательства произошло при замене Кодекса законов о труде Трудовым кодексом Российской Федерации в конце 2001 г., а затем при принятии новой редакции ТК РФ.

Литература: **Киселёв И.Я. Сравнительное и международное трудовое право. Учебник для вузов. – М.: Дело. 1999. С. 38, 399; Забастовка в цехе 45-3 Волжского автомобильного завода 27 сентября – 3 октября 1994 года. Документы и материалы / Серия "Не дам забыть...". Страницы истории рабочего движения. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 1998.**

Г.Я.Ракитская

ПРОФСОЮЗЫ (профессиональные союзы) – форма самоорганизации и самозащиты трудящимися своих социально-трудовых прав, свобод и интересов.

Федеральный Закон "О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности" (от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ) определяет профсоюз как "добровольное общественное объединение граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов" (ст.2, п.1). Закон устанавливает, что профсоюзы независимы в своей деятельности от органов исполнительной власти и местного самоуправления, работодателей и их объединений, политических партий и других общественных объединений (ст.5, п.1), что соответствует общепризнанным международным нормам.

Право трудящихся на объединение в профсоюзы признаётся международным сообществом одним из основополагающих прав в области труда, одним из условий

постоянного социального прогресса и защищается международными нормами, в частности Конвенциями 87 и 98 Международной организации труда (Конвенция 1948 года о свободе ассоциации и защите права на организацию; Конвенция 1949 года о праве на организацию и на ведение коллективных переговоров). Согласно Всеобщей декларации прав человека (ООН, 10 декабря 1948 г.), “каждый человек имеет право создавать профессиональные союзы и входить в профессиональные союзы для защиты своих интересов” (ст.23, п.4).

В современных **буржуазно-демократических** странах существуют три основных типа профсоюзов.

1. Объединения работников для ведения коллективных переговоров и для организации коллективного давления на работодателей в целях добиваться более выгодных условий найма. Подобного рода организации (тред-юнионы – торговые союзы; от английских слов “trade” – торговый, “union” - союз) впервые возникли в Великобритании в середине XVIII века. Идеология классического тред-юнионизма ограничивает задачи профсоюзов борьбой за улучшение условий продажи рабочей силы, в первую очередь – за повышение заработной платы, не ставит перед ними цели более масштабного, в том числе политического характера.

2. Организации самозащиты трудящимися всех существенно важных сторон своего положения в обществе, самозащиты и улучшения не только экономического, но своего социального положения в целом.

3. Компанейские (“карманные”, “директорские”, “жёлтые”) профсоюзы. Организации этого типа часто создаются по инициативе или при непосредственной помощи администрации предприятий, контролируются ею. Компанейские профсоюзы в той или иной мере имитируют профсоюзную деятельность, а фактически помогают администрации осуществлять такую политику на предприятии, которая выступает источником социальных рисков для работников. В компанейских профсоюзах присутствует тем самым социальный “иммунодефицит”.

В странах с **тоталитарными режимами** (СССР, гитлеровская Германия, Италия в период правления Муссолини и т.п.) организации, называющиеся профсоюзами (если они не запрещены), носят казарменный и корпоративный характер. Они жёстко контролируются государством – напрямую или через посредничество администрации предприятий, не выполняют самостоятельно никаких реальных функций по представительству и защите интересов трудящихся, используются для исполнения лишь таких социальных задач, которые возлагает на них государство.

Деятельность профсоюзов в СССР в период утверждения тоталитарного строя направлялась и целиком контролировалась партийно-государственным аппаратом, в том числе на уровне предприятий – администрацией предприятий и партийными комитетами. Казарменно-корпоративному характеру профсоюзов соответствовал порядок объединения в одних и тех же организациях и рядовых работников, и администрации (заводской администрации, государственных чиновников). Руководящие органы профсоюзов функционировали по сути как составная часть государственного аппарата.

В **постсоветской России** за годы реформ, начатых с конца 1991 г., численность членов профсоюзов к середине 2000-х годов сократилась почти на 60% – из-за спада производства, закрытия части предприятий, а также из-за изменения структуры занятости. Появление и увеличение занятости на новых частных мелких и средних предприятиях сократило численность членов профсоюзов, поскольку на таких предприятиях профсоюзы, как правило, отсутствуют. Определённую (но не основную) роль в уменьшении профсоюзного членства сыграл выход работников из старых профсоюзов, существующих со времён СССР, в результате осознания ими того, что эти профсоюзы не выполняют в должной мере функцию защиты интересов трудящихся. Одновременно произошли существенные изменения внутри профсоюзного движения – появились новые профсоюзы, число членов и влияние которых постепенно

возрастало вплоть до введения в действие (с 1 февраля 2002 г.) Трудового кодекса РФ взамен КЗоТа РФ.

В ***старых*** профсоюзах наёмные управляющие (администрация) и рядовые наёмные работники по-прежнему состоят в одних и тех же организациях на том основании, что работники администрации тоже являются наёмными. Подавляющая часть старых профсоюзов входит в Федерацию независимых профсоюзов России (ФНПР), создание которой было провозглашено в 1990 г. Число членов профсоюзов, входящих в ФНПР, в постсоветский период постоянно сокращалось и на 1 января 2006 г. составляло около 27,8 млн. человек, то есть немногим более 40% занятых.

Смешанный социально-классовый состав, который ФНПР унаследовала от СССР, значительно затрудняет формирование механизмов независимого представительства и последовательного отстаивания интересов трудящихся в их взаимоотношениях с собственниками предприятий, хозяйственной администрацией и государственными органами управления. Профсоюзы старого образца работают на предприятиях (за редкими исключениями) под фактическим контролем администрации.

Смешанный социально-классовый профсоюзов – ситуация ненормальная для буржуазно-демократического общества, в том числе противоречащая международным нормам. Нормализовать ситуацию можно было бы различными путями. Например, ввести в российские законы положение, запрещающее профсоюзам, членами которых являются “начальники” (от мастеров, прорабов и выше), выступать в следующих ролях:

– как сторона, представляющая трудящихся (“работников”) при заключении колдоговоров,

– как субъект, выдвигающий от имени трудящихся (“работников”) инициативу проведения забастовки, тем более, как субъект, принимающий решение об объявлении забастовки (если право объявления забастовки будет возвращено профсоюзам),

– как сторона, представляющая трудящихся (“работников”) во всех других взаимоотношениях работников и работодателей, включая Российскую трёхстороннюю и другие трёхсторонние комиссии. Другими словами, корпоративистские (по составу) профсоюзы должны быть лишены права представлять трудящихся в этих комиссиях.

Создание новых профсоюзов, а также рабочих и стачечных комитетов, переизбрание профкомов на волнах забастовок – найденные практикой главные способы лишить администрацию её прежней роли в организациях трудящихся, её влияния на формирование стратегии и тактики рабочего и профсоюзного движения.

Новые профсоюзы, которые начали возникать с конца 1980-х годов (Объединение социалистических профсоюзов СССР СОЦПРОФ – 1989 г., Независимый профсоюз горняков – 1990 г. и др.), ставили перед собой задачу стать реально независимыми от государства, собственников и администрации предприятий, а потому стали называть себя *свободными* или *альтернативными* профсоюзами. Новые профсоюзы, как правило, ориентированы на сознательное членство, на объединение наиболее активной части работников. В большинстве новых российских профсоюзов принят (в более или менее жёсткой форме) классовый критерий членства: в них не могут состоять или быть членами выборных профсоюзных органов те или иные категории работников, которые в силу своей должности или профессии представляют и обслуживают на предприятии интересы собственников.

Самые крупные объединения новых профсоюзов общероссийского масштаба – Всероссийская конфедерация труда (ВКТ), Конфедерация труда России (КТР), Объединение профсоюзов России СОЦПРОФ, Федерация профсоюзов России (ФПР). Есть также новые профсоюзные организации, которые объединены на региональном и межрегиональном уровнях.

По оценкам экспертов (оценкам оптимистическим), число членов новых российских профсоюзов на начало 2000-х гг. – 1,5-2% от общей численности занятых. Пока

ещё немногочисленные новые профсоюзы в критических ситуациях не раз оказывали гораздо более сильное воздействие на ситуацию на предприятиях и в стране, чем многочисленные старые профсоюзы, входящие в ФНПР (пикет на Горбатом мосту летом-осенью 1998 г., организованный Независимым профсоюзов горняков России; забастовки и другие коллективные действия, инициированные Федеральным профсоюзом авиадиспетчеров, профсоюзом работников ОАО “АвтоВАЗ” “Единство”, Профсоюзом летного состава авиакомпании “Башкирские авиалинии” и др.).

Осенью 2000 г. три общероссийских объединения профсоюзов (ФНПР, ВКТ и КТР) были приняты в Международную конфедерацию свободных профсоюзов (в 2006 году произошло слияние МКСП с Всемирной конфедерацией труда, в результате которого создано крупнейшее международное профсоюзное объединение – Международная конфедерация профсоюзов).

Наиболее сильные новые профсоюзы – это профсоюзы узко профессиональные. Они ориентированы на то, чтобы отстаивать настоятельные текущие интересы своих членов, в лучшем случае – настоятельные текущие интересы профессии. Это, конечно, нужная и непростая борьба, но она не может обеспечить устойчивость завоёванного. Все достижения такой борьбы – дело временное, недолговечное, если в планы собственников не входят сохранение и развитие отрасли или конкретного предприятия.

И старые, и новые российские профсоюзы постоянно запаздывают с осознанием сути происходящего в стране, демонстрируют невысокий уровень претензий, осторожность выдвигаемых требований. В 1990-х годах большинство протестных акций, организованных профсоюзами (забастовки, голодовки, перекрытия транспортных магистралей), проходили с требованиями отдать начисленную заработную плату. В начале 2000-х годов обозначился новый характер требований – повысить заработную плату, но претензии весьма скромные в сравнении с тем

размером оплаты труда, который необходим для обеспечения достойного уровня жизни работника и его семьи. Наиболее точная характеристика современного состояния профсоюзного движения в России – экономическая борьба разрозненных профсоюзов.

Для современного зарубежного профсоюзного движения характерно дистанцирование от политических партий. До последнего времени такая же тенденция имела место и в российском профсоюзном движении. Профсоюзные лидеры и активисты, опасаясь подчинения профсоюзов партийным аппаратам, вступали, как правило, лишь во временные тактические союзы с существующими партиями - в период предвыборных кампаний, а также эпизодически в порядке лоббирования своих интересов в органах власти. В то же время позиции конкретных профсоюзов по актуальным социальным проблемам и в реальных социальных конфликтах в значительной мере определяются политико-идеологическими позициями их руководства. В связи с этим в российском профдвижении есть профсоюзы, заявляющие стратегию и тактику социал-демократического (социал-реформистского) типа, анархо-синдикалистские организации, а также профсоюзы, находящиеся под явным влиянием взглядов и организаций крайне правого (сталинистского и открыто фашистского) толка.

Большинство российских профсоюзов заявляют о своей ориентации на социальное партнёрство как на принцип взаимодействия профсоюзов с работодателями и государством. Система институтов социального партнёрства стала создаваться в России с 1991 г., начиная с Указа Президента РСФСР Б.Ельцина “О социальном партнёрстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)” от 15 ноября 1991 г. № 212. Из-за фактической неразвитости рабочего и профсоюзного движения (при гораздо более высоком, чем на Западе, удельном весе членов профсоюзов в количестве занятых) институты социального партнёрства носят в России по преимуществу формальный характер. Когда представители администрации предприятий или представители профкомов заверяют, что на их пред-

приятиях сложилось социальное партнёрство, то чаще всего речь идёт о “партнёрских” отношениях между профкомом и руководством предприятия. В основе таких отношений лежит слабость профсоюза и, как следствие, соглашательское поведение профкома, его готовность “входить” в положение администрации в ущерб интересам рядовых работников якобы во имя выживания предприятия, а на деле – для сохранения и укрепления личных позиций членов профкома на предприятии.

Трудовой кодекс РФ, введённый в действие с 1 февраля 2002 г., заметно сузил права профсоюзов в ряде областей. В частности, сократил права профсоюзов в области защиты работников от увольнений по инициативе администрации, оставил за профсоюзами право лишь на инициативу, но не на объявление забастовки. Была введена также новая норма, дающая преимущество в осуществлении права представительства всех работников в коллективно-договорном регулировании социально-трудовых отношений тому из профсоюзов, который объединяет более половины работников организации (ТК РФ, ст.37). На практике это привело на большинстве предприятий к фактической монополии членских организаций ФНПР на проведение коллективных переговоров и заключение коллективных договоров. Новая редакция Трудового кодекса (действующая с октября 2006 г.) скорректировала нормы, обеспечивающие монополию ФНПР на ведение коллективных переговоров, но оставила первичным профсоюзным организациям ФНПР реальную возможность определять содержание коллективных договоров.

Изменение правовых условий деятельности профсоюзов существенно ослабило новые профсоюзы и мотивацию членства в них, помогает работодателям в их усилиях по “освобождению” от свободных профсоюзов. В то же время эти изменения играют роль фактора, побуждающего к формированию самими профсоюзами политических организаций, задача которых усматривается профсоюзами в том, чтобы эффективно представлять интересы трудящихся во властных структурах, реально влиять на содер-

жание социально-трудового законодательства. Попытки создания политических партий были предприняты в 2002 г. в преддверии введения в действие Трудового кодекса РФ (Российская партия труда – РПТ), а затем в 2004 г. (Партия Трудовая солидарность). Эти инициативы (как и предыдущие подобного рода) не дали пока что каких-либо видимых результатов в деле выполнения задач профсоюзного движения.

История дала ряд примеров (наиболее яркий – польская “Солидарность” 1980-х годов), когда в условиях общественных кризисов, обострения социального противостояния профсоюзы фактически действуют как профессионально-политические (общеклассовые) организации, активно включаются в политическую борьбу за радикальное изменение общественной системы.

Условия глобализации делают актуальным конструктивное взаимодействие демократических профсоюзов с демократическими ветвями новых социальных движений в целях предотвращения или хотя бы смягчения негативных для трудящихся социальных последствий глобализации. С 2004-2005 гг. в России начала обозначаться тенденция налаживания практического сотрудничества новых профсоюзов с другими общественными организациями и движениями. Побудительной причиной для совместного выдвижения требований и проведения совместных протестных акций стал новый этап глобализационных социальных реформ, начавшийся с так называемой “монетизации льгот”.

Реальное освоение трудящимися профсоюзной формы самоорганизации и самозащиты остаётся всё ещё актуальной проблемой России начала XXI века. Главная проблема и главная задача российского профсоюзного движения – превратить профсоюзы в эффективно действующий институт гражданского общества, в фактор становления и устойчивости демократического социального устройства.

Литература: **Трудовой кодекс Российской Федерации; Трудовая демократия. Выпуск 56. Станут ли профсоюзы России**

классовыми организациями? – М.: Школа трудовой демократии. 2007; Трудовая демократия. Выпуск 49. Ракитский Б.В. Социальная политика (социально-политические взаимоотношения) на уровне предприятия (корпорации). – М.: Школа трудовой демократии. 2005; Трудовая демократия. Выпуск 41. Перспективы труда и трудящихся в условиях глобализации. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2002.

Г.Я.Ракитская

РИСКИ СОЦИАЛЬНЫЕ – риски социального происхождения; вероятные опасности, угрозы нарушения нормального социального положения (нормального для данной социальной группы или общности в данном обществе), вызываемые неустранимыми для данного общества причинами, коренящимися в самом его конкретно-историческом устройстве.

Социально значимым нарушением можно считать существенное отклонение от социальной нормы какой-либо (или нескольких) из важнейших характеристик социального (общественного) положения той или иной социальной группы, социальной общности (*См. Положение социальное*).

Риски нарушения нормального общественного положения имеют разную природу, то есть возникают и могут воспроизводиться по разным, не только социальным причинам (стихийные бедствия, военные действия, эпидемии, революции, государственные перевороты, демографические взрывы и провалы и т.п.). Социальные риски выделяются в системе рисков тем, что они *возникают и существуют не в чрезвычайных, а в обычных (нормальных) условиях* развития общества, закономерно (а не случайно) сопровождают нормальное функционирование общества и – более того – имеют своими причинами именно базовые общественные отношения, нормальные (повседневные, регулярные) общественные порядки.

Разные по типу общественные системы имеют и разные системы социальных рисков – каждая свою.

Социальные риски имеют *вероятностный* характер, то есть осуществляются не обязательно в каждом

конкретном случае, нарушают социальное положение не обязательно каждого без исключения человека и каждой без исключения семьи. Они действуют в рамках ансамбля. Они обязательно затронут и действительно затрагивают какую-то значимую часть граждан и их семей.

Социальные риски – не результат грубых ошибок управляющих (властей) или каких-то “поломок” в механизме управления обществом. Даже когда все системы установленного общественного порядка действуют идеально, безошибочно, риски нарушения социального положения всё равно есть, и притом они существенны. Потому-то они и названы социальными (рисками социального происхождения), что коренятся в социальном (общественном) устройстве.

Когда рассматривается нарушение нормального социального положения, в расчёт принимаются не текущие перемены в работе, в семейном быту или досуге, а существенные ухудшения общественных условий жизни. Общественное положение классов, социальных групп и общностей складывается из некоторого множества существенных характеристик. Если значительно нарушены одна из важнейших, а тем более, несколько важнейших характеристик, то привычный уклад жизни не может воспроизводиться, человек и его семья вынуждены приспосабливаться к нарушениям. Эти существенные отклонения в худшую сторону от социальной нормы, от привычного и считаются нарушением нормального социального положения.

В *эксплуататорских* обществах круг и характер социальных рисков в решающей мере формируется, в конечном счёте, именно системой эксплуатации (*См. Эксплуатация*), антагонистичностью интересов господствующих и подчинённых классов. В том смысле “в конечном счёте”, что противоречивость интересов не прямо и непосредственно выливается в риск нарушения нормального социального положения, а посредством функционирования хозяйственных, социальных, политических, культурных порядков и институтов, выстроенных с учётом рас-

хождения интересов господствующих и подчинённых классов при приоритете господствующих классов.

Конкретно-исторические системы эксплуатации качественно отличны друг от друга. Эти качественные отличия воплощаются и в системах социальных рисков, порождаемых общественным устройством.

При *тоталитарной системе эксплуатации* основные социальные риски для трудящихся проистекают из реальной возможности того, что власти и тоталитарные предприниматели (“командиры производства”) не посчитаются с человеческим и гражданским статусом рабочей силы, сочтут “человеческий фактор”, “личный состав” производства непригодным или, напротив, пригодным на всё, что потребуется и вздумается. Произволу по отношению к правам и свободам трудящегося для тоталитарной системы эксплуатации ограничений нет. При этом тоталитарная система может накладывать ограничения (а может и снимать) на регламент использования “человеческого ресурса” отдельными “командирами производства”.

При *капиталистической системе эксплуатации* (когда она сложилась и отлаженно действует) не принято использовать тоталитарные методы. Здесь трудящийся имеет гражданские права и свободы не только на бумаге. Нарушения законных прав и свобод пресекаются государством и гражданским обществом. Тоталитарная система рисков перестаёт быть нормальной, произвол по отношению к трудящимся становится антиобщественным делом и преследуется в уголовном порядке. На смену тотально подконтрольному и командно-карательно управляемому труду приходит частнокапиталистическая организация, ориентир на конкурентоспособность, на минимизацию удельных издержек производства.

Нормальные для капиталистической системы эксплуатации социальные риски не включают прямого ущемления гражданских прав, свобод и человеческого достоинства трудящегося. Они коренятся во внутренне присущей капиталу тенденции признавать трудящегося за исключительно производственный ресурс, оперировать с рабочей

силой наравне с вещными производственными ресурсами (сырьём, материалами, покупными полуфабрикатами и т.п.) по схеме “закупили – по нормативам использовали – затраты отнесли в издержки”. Опасности проистекают от игнорирования социальной стороны трудовых отношений, от “системного” снятии социальной ответственности предпринимательства и его государства за уровень и качество общественных условий труда.

Пример. Частная капиталистическая собственность является доминирующей общественной формой капиталистического воспроизводства (в решающей мере определяет его общественное устройство). На рынке труда частные предприниматели вправе нанимать не больше работников, чем им требуется для конкурентоспособного хозяйствования. Общество и государство не вправе навязать им приоритет критериев социальной эффективности (например, приоритет не прибыльности, а полной занятости). В связи с этим всегда существует вероятность, что суммарный спрос на рынке труда окажется меньше суммарного предложения. Постоянная вероятность излишка предложения равнозначна постоянной опасности для части работников оказаться без работы. Риск безработицы вытекает, следовательно, из главенства частной капиталистической собственности в организации общественного производства, из подчинения развития хозяйства всего общества частным интересам капитала. Риск безработицы – типичный риск социального происхождения. Примеры других социальных рисков – риски бездомности, безземельности, бедности, стандартизации потребления (“массовая культура”), социальной дезинтеграции (опускания на “социальное дно”, люмпенизации).

Общество порождает и развивает систему защиты от социальных рисков – социальную защиту (*См. Защита социальная*).

Конкретный состав социальных рисков меняется в ходе общественного развития и постепенно (в фазах эволюций), и скачкообразно (в фазах революций и революционных, то есть социально-структурных реформ).

Смена присущей тоталитаризму системы социальных рисков на систему социальных рисков капиталистического типа происходит по мере становления нового общественного строя и ухода из практики прежних отношений. В переходных состояниях может наблюдаться и действительно наблюдается сосуществование рисков старой и новой систем. Могут также возникать риски, происходящие от способов осуществления перехода.

В России скачкообразное изменение системы социальных рисков произошло в ходе четвёртой русской революции и революционных (социально-структурных) реформ 1990-х годов. В этот период система социальных рисков, свойственная тоталитаризму, должна бы была смениться системой социальных рисков, присущей нормальному демократическому капиталистическому обществу. Сама по себе эта смена предполагает не столько разрушительную, сколько созидательную работу и государства, и иных субъектов гражданского общества. Граждане, трудовые коллективы, семьи, территориальные общности, работники и работодатели, предприниматели, собственники, выборные органы, органы исполнительной власти и иные части общества шаг за шагом должны бы были пройти путь от положения управляемых сверху объектов до положения полноценных субъектов социальной политики, демократически действующих и взаимодействующих при верховенстве законов, а не вышестоящего начальства. Демократический конституционный порядок и демократический правопорядок должны бы были стать гарантами нового типа их социального положения и системы защиты от социальных рисков, присущих капиталистическому демократическому обществу.

Однако фактическое историческое развитие было осложнено и деформировано, во-первых, форсированным первоначальным накоплением капитала (разграблением государственной собственности и резким урезанием реальных доходов населения, особенно трудящегося его большинства), а во-вторых, глобализационным характером реформ, отбросившим Россию на периферию капита-

листического мирового хозяйства и поставившим Россию в зависимость полуколониального и даже колониального типа. Такие тяжелые деформации сами стали причинами дополнительных социальных рисков, не характерных для развитых капиталистических стран (центров капиталистического мирового хозяйства).

Система дополнительных социальных рисков, связанных с деформациями при переходе от тоталитарного общества к капиталистическому обществу периферийно-зависимого типа, изучена пока что недостаточно полно и глубоко. Отдельные массовые проявления такого рода социальных рисков зафиксированы в России, начиная с 1990-х годов, измерены и описаны. Среди них – массовые невыплаты работодателями и государством начисленных доходов (зарплат, пенсий, пособий), регулярные конфискационные меры государства применительно к населению (гиперинфляция, конфискация денежных сбережений), мораторий на правоприменение, урезание социально-трудовых прав, систематическое сокращение социальных расходов, абсолютное обнищание большинства населения, гипертрофированный теневой сектор, беспрецедентная коррупция, коррозия элементарных ценностей и т.п.

Наука зафиксировала также следующую важную особенность системы рисковых отношений в переходных состояниях. Практика социальной защиты строится обычно на основе качественного различения рисков социального происхождения и рисков иного, не социального (природного, техногенного и т.п.) происхождения. В устойчивых (не переходных) состояниях общества такой подход в целом правомерен, хотя он и отвлекается от социальной составляющей (социального измерения) несоциальных рисков. А между тем социальное измерение есть у любых рисков, касающихся реальной жизни людей. И в переходных, особенно в деформированных переходных (например, в “шоковых”) состояниях это “социальное измерение” несоциальных рисков ведёт себя нестандартно. В необычных общественных условиях оно может становиться реально доминирующим фактором, так что обычно несоци-

альный риск превращается в несомненно социальный. Конкретные примеры – замерзание городов, регулярные аварии на производстве и др.

Научно установлена и отличительная особенность формирования деформированной системы социальных рисков при деформациях переходных процессов, вызванных глобализационными шоковыми реформами. Она состоит в том, что государство действует не как демократическое и правовое, не как основной субъект защиты от социальных рисков, а *как источник и фактор* усугубления дополнительных социальных рисков. Преодоление деформаций системы социальных рисков прямо связано с освоением государством его конституционно обязательных функций по обеспечению социальных прав, свобод и интересов граждан, социальных групп и общностей и с выполнением этих функций неукоснительно и в полном объеме.

Литература: **Ракитский Б.В. Социальная защищённость и её типы // Вопросы экономики. 1992. №7; Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Социальная защита и самозащита труда. Часть первая: Нормальное социальное положение и риски социального происхождения (социальные риски) – Период. изд. "Трудовая демократия". Выпуск 44. М.: Институт перспектив и проблем страны. 2002; Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (Общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России) – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003; Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я., Мандель М.Д. Социально-трудовые права и свободы: российские и международные принципы, нормы, проблемы. Учебник (по программам высшего классового образования). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2008.**

Г.Я.Ракитская; Б.В.Ракитский

СИЛЫ СОЦИАЛЬНЫЕ (социально-политические, политические) – реальные субъекты конкретных политических взаимодействий (реальные субъекты политики), которые выражают и весомо отстаивают в этих взаимодействиях интересы тех или иных элементов социальной структуры общества (социальных групп, социальных общностей) в области формирования условий и способов их

жизнедеятельности и в области формирования целей, средств и механизмов развития общества в целом. Социальные силы – это *движущие* силы общественного развития.

В ходе и в результате взаимодействия социальных сил происходит взаимоувязка противоречивых общественных интересов, упорядочиваются отношения социальных групп, социальных общностей *(См. Группы социальные; Классы; Общность социальная; Классовая борьба).* Тем самым обеспечивается единство (целостность) общества в процессе его развития. В любой сфере жизни общества её устойчиво воспроизводящееся внутреннее единство обеспечивается взаимодействием социальных сил. Сфера социально-трудовых отношений, составляющая основу общественного развития, внутренне едина (как и иные сферы жизни общества) посредством взаимодействия социальных сил – активных представителей интересов сторон социально-трудовых отношений.

В качестве субъектов конкретных общественных взаимодействий, в которых сталкиваются, противоборствуют, согласуются социальные интересы, обычно (как правило) выступают не сами социальные группы, социальные общности, а *субъекты-институты* – общественные движения и организации, властно-управленческие и другие организационные структуры, которые претендуют на представительство интересов определенных социальных групп или социальных общностей (первичных социальных субъектов) *(См. Институты социальные; Субъекты социальной политики первичные; Субъекты-представители в социальной политике).*

Эти социальные субъекты-институты могут быть:

1) **в правовом отношении:**

а) государственными или негосударственными;

б) легитимными (законными) или нелегитимными (незаконными);

2) **в организационном отношении:**

а) более или менее четко структурированными (политические партии, профессиональные союзы, другие об-

щественные организации и общественные движения с устойчиво оформленной внутренней структурой, государственные властно-управленческие структуры);

б) мало структурированными или практически неструктурированными (неорганизованные социальные движения типа стихийных выступлений, стихийных бунтов). В процессе стихийных действий, как правило, происходит самоорганизация неструктурированных движений: формируются и начинают функционировать от имени массы те или иные органы – комитеты, советы, лидеры, вожди, вожаки и пр.

Функционирование конкретного общественного института как социальной силы имеет место лишь при его опоре на собственную ***социальную базу***.

Социальная база субъекта-института, обеспечивающая его функционирование в качестве социальной силы, – это социальные группы (группа) или социальные общности, которые признают, что идеология и практические действия данного конкретного института действительно выражают и отстаивают их интересы и в силу этого признания (доверия) готовы оказать и оказывают ему такую необходимую поддержку, которая придаёт этому институту (организации ли, движению ли, государственной ли структуре) *весомость* в обществе, то есть делает его влиятельным субъектом социальной политики.

В обществоведении, научно и идейно обслуживающем социальную практику трудящихся классов, понятие “социальная сила” включает в себя процесс и состояние (на конкретно-исторический момент) *самоорганизации социальной группы.*

В этом обществоведении из двух ипостасей субъекта общественных отношений (сама социальная группа и производный от неё субъект-представитель) приоритетной оказывается ипостась активно и сознательно самоорганизованной социальной группы. Составной частью формирования структуры социальных сил, соответствующей буржуазно-демократическому обществу, считается процесс превращения наёмных эксплуатируемых трудящихся

из *пассивных разрозненных* участников социальных процессов в *активно и сознательно (целенаправленно)* действующую социальную силу. Этот процесс обобщен в первоначальном марксизме в категориях превращения массы рабочих *из "класса по отношению к капиталу" в "класс для себя".* Самоорганизация массы эксплуатируемых рассматривается в неразрывной связи с развитием *идеологической* стороны движений трудящихся.

И в первоначальном марксизме, и в современном последовательном гуманизме (одним из исторических истоков которого является первоначальный марксизм) реализация интересов эксплуатируемых трудящихся считается невозможной без освоения собственной идеологии такими субъектами-представителями трудящихся классов, как организованные массовые движения.

Понятие "социальные силы" отводится обычно в тень ***обществознанием, обслуживающим господствующие классы,*** и, соответственно, изымается из трактовок социально-трудовых отношений. Так, выполняя эту задачу, теория стратификации *(См. Стратификации социальной теория)* старается уйти от понятия "класс" одним из двух способов: 1) подчёркивая, что классовое деление есть всего лишь частный случай социального расслоения, 2) объявляя, что класс – нечто неопределённое и неясное, так что очень многое в практике социального расслоения может быть объявлено классом.

На первый план во всех общественных и в социально-трудовых отношениях в обществознании, обслуживающем господствующие классы, выводятся не взаимоотношения классов (макросоциальных сил), а взаимоотношения между гражданами, между гражданами и государством (обществом), то есть фактически правоотношения, проблемы прав и свобод и их реализации в существующем правовом пространстве. Вопрос о том, что становление, удержание и изменение существующего правового пространства суть итог (следствие, функция) взаимодействия социальных сил, оставляется за пределами рассмотрения.

По существу такова же, но примитивнее и мифологичнее схема отвода в тень фактора социальных сил, применяемая идеологией, научной апологетикой и практикой тоталитаризма. Декоративность и манипулируемость подавляющего большинства институтов-субъектов *(См. Институты социальные)* заглушается громогласным провозглашением якобы ведущей роли в обществе тех, кого они формально представляют. Однако эта ведущая роль не выражается в их (рабочего класса, например) самостоятельном социальном действии. В результате в постсоветской России до сих пор широко распространено убеждение, будто вся социальная политика сводится и должна сводиться к государственной социальной политике, к *мерам государства* в социальной области. Государство понимается как субъект, а все остальное в обществе – как объект социальной политики. Эти схемы проецируются и на социально-трудовые отношения. Многообразие социальных сил оказывается в тоталитарной реальности лишь мифом, декорацией. Фактом же является (но не признаётся) реальное подавление властвующей социальной силой интересов и действий всех других элементов социальной структуры.

Ключевые категории, отражающие закономерности взаимодействия социальных сил, – “весомость социальной силы” и “соотношение социальных сил”.

Весомость (влиятельность) социальной силы – степень её реального влияния на общественные процессы в ходе и в результате столкновения (взаимодействия) социально-групповых, социально-общностных интересов.

Соотношение социальных сил – конкретно-историческое соотношение степеней влияния различных социальных сил на общественные процессы и тем самым на меру учета конкретно-исторических и стратегических интересов различных социальных групп и общностей в общественном развитии.

Динамика *существенных* перемен в соотношении социальных сил определяет динамику социальной вариантности будущего *(См. Вариантность будущего; Вари-*

антность общественного развития). Существенные перемены в соотношении социальных сил способны изменить качественную специфику общества, то есть привести к радикальной (революционной) смене общественного строя.

В условиях капиталистической формации (и это её критериальный признак) имеет место устойчивый перевес социальных сил, представляющих интересы капиталистического класса. Это обеспечивает доминирование его интересов в обществе, то есть выдвижение, закрепление и реализацию интересов капиталистического класса в качестве приоритетных целей всего общества, подчинение этим целям общественной жизни, развития хозяйства и устроения социально-трудовых отношений.

Условия, близкие к ***равновесию социальных сил***, вынуждают капиталистический класс идти на компромисс в целях сохранения эксплуататорской основы строя (модель “осторожного”, или социально “укрощенного” капитализма).

Социальный компромисс порождает, с одной стороны, ситуацию социального перемирия, а с другой стороны, социально неустойчивую (выжидательную) форму общественного устройства – так называемое социальное государство.

Вынужденный компромисс (а не подавление интересов и действий подчиненных групп) – результат высокой активности народа, давления с его стороны. Условия равновесия сил требуют от правящей группы идти на частичное ущемление своих интересов, чтобы предотвратить смену доминанты в целевой ориентации общества, смену его качественного своеобразия. Именно в этом состоит социальный смысл компромисса. Компромисс фиксирует завоевания подчиненных (эксплуатируемых) социальных групп, меру отвоеванной ими защищённости своих интересов, прав и свобод. Компромисс – это частичное или временное примирение конфликтующих, но *относительно равных по силе сторон*. Правящая группа, идя на компромисс, предотвращает дальнейшую активизацию экс-

плуатируемых трудящихся, ослабляет их активность, компенсирует ее ослабление гарантиями их политических, гражданских и социально-экономических прав и свобод.

В современном общественном сознании существует представление, что компромисс может достигаться и при неравновесии противостоящих социальных сил. *Это иллюзия.* На деле в упаковку якобы компромисса облекается капитуляция слабой стороны под давлением сильной. Иллюзия компромисса возникает из-за уступок сильной стороны по мелким, непринципиальным вопросам, лежащим вне области антагонизмов и даже, возможно, вне области противоречивости интересов.

В отечественных политико-экономических разработках на протяжении десятилетий фактор субъектного действия явно недооценивался, а зачастую и вовсе игнорировался. Проблематика вариантности социального и экономического развития практически была исключена из числа актуальных исследовательских аспектов. Поколения отечественных обществоведов были воспитаны на восприятии вариантов возможного будущего и вариантной стратегии как “уклонов” и теоретических и политических “ошибок”, а то и сознательного вредительства. Всё это делало ненужными для исследований отечественной реальности такие фундаментальные научные категории, как “социальные силы”, “соотношение социальных сил”, “равновесие социальных сил” и другие, отражающие взаимодействия реальных субъектов общественных и особенно социально-трудовых отношений. Трудящимся как бы отказывалось в непосредственной социальной субъектности, в том, что они – социальные силы, что у них свой интерес и что интерес трудящихся может не совпадать с интересами тех, кто говорит от имени общества и “идёт навстречу пожеланиям трудящихся”.

В современной России положение дел в обществоведении меняется в сторону обсуждения и исследования общественных процессов и проблем в неразрывном контексте с социальной структурой общества, со структурой и соотношением социальных сил.

Литература: **Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). Глава 4. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003; Маркс К. Нищета философии. Ответ на "Философию нищеты" г-на Прудона. §V. Стачки и коалиции рабочих. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4; Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Право на труд. – Периодическое издание "Трудовая демократия. Выпуск 37" – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2001.**

Г.Я.Ракитская

СОВЕТЫ – форма общественно-политической активности трудящихся масс, адекватная социалистическому движению, и форма народно-демократической власти (коллективного демократического самоуправления).

Выборные Советы рабочих депутатов и Советы крестьянских депутатов возникли в России в 1905 г., а после Февральской революции 1917 г. образовалась сеть Советов рабочих и солдатских депутатов.

Опыт советов начала XX века (до их превращения после Октябрьской революции в органы, маскирующие диктатуру правящей партии) – это, во-первых, опыт ***народного контроля*** за действиями властей и капитала.

Это, во-вторых, опыт создания и деятельности ***параллельной власти*** – власти трудящихся, действующей одновременно с органами власти господствующего класса.

Это, в-третьих, опыт осуществления власти принципиально иного типа, нежели буржуазно-демократическая и тоталитарная (диктатурная), **–** власти ***народно-демократической.***

Это, в-четвёртых, самый первоначальный опыт ***демократической организации общественного пространства жизни трудящихся классов*** *(См. Общественное пространство жизни класса).*

Именно двоевластие обеспечило в 1917 г. мирное, без гражданской войны отстранение от власти Временного правительства. В ходе четвёртой русской революции (1989-1991 гг.) трудящиеся "вспомнили" опыт создания структур своей параллельной власти и народного кон-

троля: в шахтерских регионах в 1989-90 гг. создавались и реально действовали как вторая власть рабочие комитеты, были организованы и контролировали выполнение соглашений с правительством рабочие комиссии.

Создание трудящимися структур параллельной власти народно-демократического типа (типа первоначальных советов) – закономерность в периоды подъёмов рабочего движения. Сегодня есть полный ответ на вопрос о принципах организации народно-демократической власти. Эти принципы выявила история и российского, и зарубежного рабочего движения. Они обобщаются в понятии ***“перевёрнутая пирамида власти”.*** Перевёрнутая – как по сравнению с властной пирамидой тоталитаризма (казарменного централизма), так и по сравнению с властной пирамидой буржуазно-парламентской демократии.

Буржуазно-парламентская демократия *(См. Парламентаризм)* на словах признаёт источником власти народ. На деле же она не приемлет реального влияния народа (“электората”) на позицию парламентариев после выборов, превращает голос депутата в дефицитный дорогой товар на рынке голосов в пользу тех или иных законопроектов. Избиратели передают парламентариям полномочия по принятию властных решений. Принципиально то, что парламентарии могут по собственному усмотрению (или по усмотрению своих партий) выполнять или не выполнять предвыборные платформы, на которые ориентировались избиратели, отдавая им свои голоса. *“Мы их выбрали, а они нами командуют”* **–** вот суть парламентской демократии.

Буржуазно-парламентская демократия нуждается в референдумах по важнейшим вопросам, чтобы заставить парламентариев считаться с волей большинства избирателей. Это один из необходимых механизмов, предотвращающих существенные деформации буржуазной демократии, ее перерождение в политическую диктатуру.

В тоталитарных системах командиров над народом не выбирают. Они водружаются на вершину властной пи-

рамиды либо при помощи лжевыборов, либо и вовсе без них.

В перевёрнутой пирамиде народ действительно (а не на бумаге) является единственным источником власти. Властные полномочия не передаются избранным командирам и не узурпируются ими без выборов. Органы народно-демократической власти формируются из ***делегатов*** – людей, которые имеют полномочия лишь представлять в обсуждениях, голосованиях и согласованиях позиции тех социальных субъектов, которые их делегировали (трудовых коллективов, территориальных и иных социальных общностей, социально-профессиональных и других общественных организаций и пр.). Иначе говоря, делегаты действуют на основе и в рамках *императивного мандата (обязывающего наказа)*, а отступление от мандата недействительно без ратификации “вверху”, то есть теми, кто их делегировал. Императивность мандата предполагает и реальную возможность (существование реального механизма) *немедленного отзыв делегата в любой момент*, а не по истечении заранее установленного срока полномочий.

Главное в организации народно-демократической власти (коллективного демократического самоуправления) может быть описано следующим образом.

а) Все властные решения принципиального (в том числе законодательного) характера принимаются теми социальными субъектами, деятельность которых должна затем регламентироваться такими решениями. Это обеспечивается *полной подконтрольностью* представителей социальных субъектов в органах власти (советах) тем, кто их делегировал, – императивным характером делегатских мандатов (обязывающим характером наказов).

б) Принципиальные властные решения принимаются путем согласования позиций, представленных в императивных мандатах делегатов. Процедура согласования позиций предполагает *обращение делегата к тем, кто его делегировал*, всякий раз, когда встаёт вопрос о необходимости изменить содержание мандата (наказа).

в) Управленческий аппарат функционирует *лишь как исполнитель* принципиальных властных решений.

г) Социальные субъекты (непосредственно или в лице своих делегатов), коллективно принимающие решения, действуют *как представители всего народа*, поскольку они не нарушают, а соблюдают и проводят в жизнь законы, ранее принятые делегатами, представляющими все множество социальных субъектов, составляющих народ.

д) В “больших” социальных системах (общество в целом, регионы, большие трудовые коллективы и пр.) отправление функций народно-демократической власти строится как *многоступенчатая* процедура:

формируется пирамида органов власти (советов);

каждая следующая ступень этой пирамиды (кроме первой) формируется из делегатов органов (советов) предыдущей ступени (например, региональный совет – из делегатов советов трудовых коллективов и советов жителей территорий, входящих в регион).

Императивность мандатов делегатов обеспечивает функционирование всей системы советов как ***практически постоянно действующего многоступенчатого референдума***. Именно поэтому народно-демократическая (действительно советская) власть не нуждается в проведении специальных референдумов по отдельным вопросам.

Современные электронные средства связи позволяют функционировать перевёрнутой пирамиде власти с достаточной скоростью движения в ней информации по всем каналам, причём не только в масштабах предприятия, региона, страны, но и в мировом масштабе. Тем самым снимается один из доводов критиков перевёрнутой пирамиды, который был верен в условиях доэлектронных средств связи, – невозможность быстрого принятия решений. Несерьёзна и такая критика, когда для доказательства неповоротливости перевёрнутой пирамиды берут мелкие, частные, текущие вопросы и спрашивают, есть ли

смысл собираться всем народом, чтобы решить, пора ли подметать двор или починить забор.

Организация государственной власти на принципах народной (советской) демократии – это стратегический ориентир трудящихся и эксплуатируемых. Однако освоение, использование и развитие (в ходе применения) этих принципов чрезвычайно важно ***для демократизации внутренней жизни*** организаций и движений трудящихся, действующих в рамках капиталистического общества, – профсоюзов и других организаций, в том числе политических организаций партийного характера *(См. Общественное пространство жизни класса).*

По сравнению с казарменным централизмом, на принципах которого были организованы и КПСС, и профсоюзы в СССР, парламентарная демократия – огромный прогресс. Однако в организациях трудящихся, построенных по образу и подобию буржуазного парламентаризма, постоянно существуют, но не могут быть удовлетворительно решены такие проблемы, как оперативное обновление состава выборных органов; обеспечение подконтрольности выборных органов “рядовым” членам организации; потребительско-иждивенческое отношение к выборным активистам (“мы тебя избрали, мы тебе доверяем – ты и работай, защищай нас”); защита выборных активистов от произвола администрации и властей; защита организации от соглашательского (предательского) поведения выборных активистов.

Постоянная и самая главная проблема организаций трудящихся, построенных на принципах парламентаризма, – повышение активности основной массы рядовых членов организации в исполнении решений выборных органов. Она не может быть решена ни альтернативными выборами, ни практикой регулярных отчётов руководящих органов перед рядовыми членами, ни коллегиальностью принятия решений, ни регулярностью общих собраний (конференций, съездов) и т.п.

При использовании принципов народной (советской) демократии проблемы внутренней жизни организа-

ций и движений трудящихся ставятся и решаются существенно иначе, чем все перечисленные выше. Так, проблема отрыва руководящих органов (“лидеров”) от рядовых членов организации в советах вообще не может возникнуть, поскольку активисты работают на основе императивного мандата и могут быть переизбраны (отозваны и заменены) в любой момент. Существенно сужается поле, на котором может произрастать иждивенческое отношение к лидерам. От произвола и давления со стороны администрации и властей выборные активисты защищены тем, что лишь “озвучивают” решения членов организации. Императивность мандатов выборных активистов в их контактах с властями, с администрацией предприятий защищает организацию от опасности соглашательского (предательского) поведения активистов.

И, наконец, проблема повышения активности рядовых членов организации. Те, кто озабочен сегодня пассивностью, например, рядовых членов профсоюза, забывают, что речь идёт, как правило, об *исполнительской* пассивности, причём о пассивности в исполнении *чужих* решений (руководящих органов). Руководство профсоюза ожидает от рядовых членов по сути *не активной позиции, а послушности.* Перевёрнутая пирамида привлекает к принятию основных решений всех членов организации. Полноценное участие в принятии решений *существенно повышает вероятность их исполнения, поскольку исполнять надо не чужие решения, а свои собственные.* Это формирует и ответственное отношение к принятию решений.

На активности послушных и социально апатичных массовое демократическое рабочее и профсоюзное движение не поднимется никогда, даже его зачатки и островки рассосутся. Массовое демократическое рабочее и профсоюзное движение может подняться на культивировании в массе трудящихся, в трудовых коллективах, в каждом трудящемся чувства собственного человеческого и гражданского достоинства, готовности к солидарным действиям не по решению профкома или парткома, по призыву профорга или парторга, а *сознательно.* Сознательно – значит

в силу понимания связанности своих интересов с интересами и действиями товарища, коллектива, класса, понимания неизбежности и плодотворности классовых выступлений и наступлений на эксплуататора, на всю эксплуататорскую систему.

Советы, возникшие в России в период революционного подъема рабочего движения 1905-1907 гг., – это такая форма жизнедеятельности класса, которая позволяет и в периоды спадов движения сохранять, накапливать, развивать и “из рук в руки” передавать следующим поколениям демократический опыт, рождённый революциями.

Г.Я.Ракитская

СОЦИАЛЬНОЙ РЕЗЕРВАЦИИ ТЕОРИЯ – одна из теорий, объясняющих существо процессов современной глобализации *(См. Глобализация капитализма)*. Теория социальной резервации имеет своим предметом (целью изучения, объяснения) качественно новые взаимоотношения господствующих классов с социальными группами “лишних” людей.

“Лишние люди” **–** социальное явление, причиной которого является устройство общества на началах эксплуатации (*см. Эксплуатация*). Именно применение к обществу, к населению критериев, исходящих из верховенства частных интересов, приводит к оценкам части населения как “лишнего”, то есть не требующегося для достижения частных целей господствующих классов. Так как частные классовые цели и интересы господствующих классов преподносятся в виде общественных целей и интересов (а подчас и в виде общечеловеческих и даже естественных, данных самой человеческой природой), оценка части населения как “лишних людей” приобретает форму общественного мерила, общественного критерия.

В относительно скрытом виде отношение к части населения как к “лишним людям” существует в любом эксплуататорском обществе. В античном рабовладельческом мире имел место пролетариат (низшие неимущие), а с первого века н.э. – деклассированные слои. В феодальных

обществах деклассированная часть населения существовала в виде бродяг, “социального дна”. Скачкообразно повышается доля “лишних людей” с переходом к капитализму. Здесь впервые “лишние” для целей капиталистического воспроизводства делятся на бесперспективных “лишних” и “резервную армию труда”. Безработные (“резервная армия труда”) могут считаться исторически первой формой того явления, которое с конца XX века стало принято называть социальной резервацией.

Логика развития капиталистической эксплуатации как общественной системы приводит капитал и его государство к необходимости отчасти смягчать социальную несправедливость. Делается это путём обеспечения для части “лишнего” населения особых условий существования, при которых исключение “лишних” из полноценного и полноправного участия в общественных делах фактически закрепляется, но потребности массы целенаправленно деформируются, сводятся к стандартизированным и удовлетворяются на уровне, вполне устраивающем “лишних” людей. То есть возникает социальная группа более или менее довольных граждан, лишённых основных гражданских ценностей – участия в обществе в качестве субъектов реального исторического творчества. Этот подход, скорее всего, будет взят капиталом на вооружение в XXI столетии, что, пожалуй, примирит большинство с глобализацией по-капиталистически.

В общем плане такое “гармоничное” распределение ролей в обществе обозначено в постановочно-концептуальном виде Ф.М.Достоевским в “поэме о Великом Инквизиторе” (“Братья Карамазовы”, книга “Pro и contra”). В плане практической политики эксплуататорских классов социальная резервация как новый тип исключения “лишних” из истории и из исторической перспективы долгое время имела вид географической дифференцированности: резервная часть располагалась в метрополиях, вовсе излишняя (без шансов на востребование капиталом) – в колониях. Однако в XX веке проблемы “лишних” приобре-

ли злободневность и в центрах капиталистической цивилизации.

Общий вывод таков: социальные последствия глобализации капитализма заключаются прежде всего в том, что социальная резервация станет наиболее вероятным обликом (типом) будущего для большинства земного человечества. Этот новый тип **– резервации** сперва для десятков, затем для сотен миллионов, а если понадобится, то, в конце концов, и для миллиардов. У людей в резервациях будет всё по их стандартным потребностям, умело сформированным господствующими классами, всё – за исключением участия в реальной истории, то есть за исключением свободы.

Капиталу – в целях относительно мирного сохранения господствующего положения руководящей “элиты” – придётся (и уже приходится) “лишнее” население содержать, подкармливать, развлекать, удовлетворять потребности оттеснённых в социальную резервацию на беспротестно приемлемом уровне, дабы не взбунтовались.

Социальная резервация – не ресурс демократии, гуманизма, социализма. Устойчивая и всё более масштабная социальная резервация противодействует гуманизации производства и общества. *Социальная резервация - ресурс консерватизма и реакции вплоть до ресурса фашизма.* Людей, оттесненных в резервацию, отлучённых от исторического творчества, можно жалеть, но на них *нельзя рассчитывать* в борьбе за демократию, тем более, в борьбе за коренное, революционное переустройство общества на последовательно гуманистических началах *(См. Последовательного (революционного) гуманизма идеология).*

Сегрегация трудящегося населения на нужное мировому капиталистическому рынку и ненужное ему создаёт почву для закрепления и распространения в массовом масштабе приспособленческого типа общественного сознания и социального поведения, порождает и укрепляет чувство социальной неполноценности вместо чувства человеческого и гражданского достоинства. Набирает темп

маргинализация массового сознания. В России (и не только в России) – маргинализация массового сознания (особенно в молодёжной среде) по имперско-фашистскому типу.

Революционно-гуманистические потенции современных социальных движений *(См. Движения социальные современные)* весьма проблематичны именно потому, что их социальная база в значительной мере – оттеснённые и оттесняемые в социальную резервацию. Именно поэтому некоторым ветвям социальных движений свойствен бесперспективный для трудящихся экстремизм, протестная активность люмпен-террористического толка.

Технологии, которые будут систематизированы и усовершенствованы в резервациях, уже нарабатываются. Есть первые крупные успехи: массовая культура, массовые зрелища для “фанатов”, провоцирование социальной активности спецслужбами, разыгрывание спектаклей “Борьба с глобализацией”, “Борьба за чистую планету”, современные СМИ, бульварная литература, наркомания и т.п. Там, где масса вдруг начинает действовать вне связи с предшествующими своими жизненными проявлениями, – ищи технологии резервации. Любое зомбирование массы или личности толкает в сторону разрастания предпосылок оформления резерваций.

Глобализация устроила гигантский полигон на просторах России. Шоковые реформы применили к народу России экономический геноцид. Деградация приняла массовый характер. Российское жизненное пространство наполовину расчищено для международного капитала. Когда население значительно сократится, вполне вероятно образование социальной резервации для выживших народов России.

Собственно говоря, Россия – уже резервация. Народ с начала 1990-х годов не имеет возможности созидательно работать, делать, производить, творить то, что способен. По крайней мере, был способен. Достойным вариантом нормализации может быть только полная, продуктивная, свободно избранная занятость населения. Од-

нако правительство России проводит вместо этого политику минимизации безработицы с упором не на расширение нанятости, а на расширение самозанятости неэффективными и вынужденными видами деятельности. Активно распространяется в обществе идеология нормализации уровня жизни за счёт так называемого рентного фактора (содержания или поддержки бедных и безработных, особенно малочисленных народов-аборигенов, за счёт ренты от эксплуатации природных богатств).

В XIX в. выдвигалась идея “откупиться” от буржуазии и мирным путём исключить эксплуатацию из жизни общества. Сегодня роли переменились, и уже мировой капитал предлагает большинству мирового человечества уступить право самому делать историю за стандартное потребительское изобилие.

Всемирная резервация для большинства, с завидными для нищего и бездомного условиями потребления, - в обмен на свободу. Исключение большинства из реального исторического действия – в обмен на стандартное потребительское изобилие. Это главная угроза XXI века. Это суть социальной резервации.

Литература: **Ракитская Г.Я., Б.В.Ракитский Цели и критерии социально-экономического прогресса // Экономика и общество (истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономического развития). Сб.тр. Вып.8. М.: ВНИИСИ. 1983. С. 3-21; Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Глобализация капитализма как новейший этап социальной организации человечества (глобализация социальной непримиримости). Доклад на научно-геополитической конференции “Глобализация и антиглобализм”. Москва, 9 ноября 2001г. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2001; Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. С 136 – 157; Ракитская Г.Я. Идеология последовательного гуманизма: предпосылки и вероятность реализации – В журнале “Альтернативы”. 2007. № 1. С. 41-49.**

Г.Я.Ракитская; Б.В.Ракитский

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ – отношения между участниками общественной практики (пре-

образовательной деятельности) по поводу её целевой направленности, условий и способов осуществления, по поводу получения и предназначения результата труда, распоряжения результатом труда.

Термин “социально-трудовые отношения” (в отличие от термина “трудовые отношения”) вошёл в отечественную научную литературу сравнительно недавно, в начале 1980-х годов. Его смысловая нагрузка – подчеркнуть, что преобразовательная деятельность всегда осуществляется в определённой социальной (общественной) форме и это выдвигает на первый план ***проблему социального положения*** (положения в обществе) субъектов этой деятельности, а не проблему рационального использования людей как трудовых ресурсов, как факторов производства.

Технико-экономические стороны преобразовательной деятельности и процессы, составляющие трудовую жизнедеятельность, сходны в разных обществах, но каждому типу общественного устройства присуща своя, качественно определенная система социально-трудовых отношений. Из особенностей общественного устройства проистекают тип социально-трудовых отношений, характер жизнедеятельности разных социальных групп (классов, каст) данного общества, специфика социально-трудового положения трудящихся и их отношения к труду, социальный тип индивидуальных трудовых судеб.

Наиболее общие **типы социально-трудовых отношений:** *эксплуататорские (См. Эксплуатация*) и *неэксплуататорские.* Возможность возникновения неэксплуататорского типа социально-трудовых отношений имеет идейно-теоретические обоснования.

Основные исторические разновидности эксплуататорских социально-трудовых отношений – рабовладельческие, феодальные, капиталистические, периферийно-колониальные (периферийно-зависимые), тоталитарные (в том числе казарменно-“социалистические”). Они отличаются друг от друга ***по степени свободы эксплуатируемых трудящихся в обществе*** *(См. Формация социально-*

экономическая), в том числе по возможностям реального влияния трудящихся на формирование условий и способов своей трудовой жизнедеятельности

Характер (тип) жизнедеятельности социальной группы обусловлен ролью труда в её жизни. В эксплуататорских обществах, включая капиталистическое, роль труда в жизни разных классов (разных каст) существенно различна, а потому и существенно различны и типы их жизнедеятельности.

Жизнедеятельность ***капиталистического класса*** не связана жёстко с необходимостью трудового участия в общественном производстве, поскольку основным источником средств существования этого класса являются доходы от собственности. Социально обусловлен (и в этом смысле нормален) для капиталистического класса *нетрудовой* тип жизнедеятельности, хотя реальные индивидуальные судьбы могут складываться и по трудовому (точнее, трудоподобному) типу.

Жизнедеятельность ***рабочего класса и других социальных групп эксплуатируемых трудящихся*** *(См. Трудящиеся***)**, напротив, жёстко связана с трудом как с основным источником средств их существования. Тип жизнедеятельности трудящихся классов в капиталистическом обществе – *вынужденно-трудовой.*

В ***тоталитарных обществах*** (включая общество, существовавшее в СССР) *(См. Тоталитаризм)* социально-трудовые отношения носят *казарменно-эксплуата-торский* характер, а тип жизнедеятельности трудящихся масс – *принудительно-трудовой.* Формы реального принуждения к труду могут быть разнообразными – от полпотовских военизированных лагерей и маоистских “народных коммун” до значительно менее насильственных, внешне даже якобы добровольных. Но существо всегда одно и тоже. Социальный портрет образцового труженика в тоталитарном обществе (в полном объёме или в явной тенденции) – солдат трудовой армии, либо вообще лишённый прав и свобод человека, либо имеющий писаные права, которые не реализуются.

Принципиально различны казарменно-эксплуататорский характер социально-трудовых отношений в тоталитарном СССР и характер социально-трудовых отношений в ***последовательно гуманистической теоретической модели социализма*** *– в такой его модели,* от которой неотъемлемы народная демократия, гарантированность прав и свобод личности, устранение эксплуатации из жизни общества *(См. Социализм; Социализм научный, Последовательного (революционного) гуманизма идеология)*. Понимание этого чрезвычайно актуально в практически-политическом плане, поскольку один из типов общественного сознания в современной России обращён в прошлое (к строю, сложившемуся в СССР) как к утраченному будто бы социалистическому строю.

В последовательно гуманистической теоретической модели социализма тип жизнедеятельности всех и каждого трудоспособного человека **–** *добровольно-трудовой.* Это, по теории, может и должно обеспечиваться тем, что для всех и каждого трудоспособного человека общественно полезный труд будет не только основным источником средств существования, но и поприщем применения индивидуальных способностей, средством и способом развития личности.

Отношение к труду – ценностная сторона социально-трудовых отношений. Отношение к труду – не только важнейший элемент социально-трудовых отношений, но и характеристика отношения людей к обществу в целом *(См. Отношение к труду)*.

Социальный тип отношения *трудящихся* к труду – это закономерная для данного общественного строя значимость для трудящихся труда (трудового образа жизни) как средства и способа удовлетворения их личных потребностей.

В отношении к труду фиксируется степень приятия или неприятия человеком тех реальных условий и способов трудовой жизнедеятельности, которые реально доступны ему в данном обществе. Степень их приятия или неприятия зависит от уровня и реальных возможностей

развития самого человека – его потребностей и его способностей к труду. При соответствии друг другу системы стимулов к труду (заинтересовывающих условий), личных интересов и оценки человеком своих возможностей складывается *личная заинтересованность в труде* – материальная, моральная и заинтересованность в труде как в развивающей деятельности (её часто неточно называют творческой заинтересованностью).

Добровольно-трудовой образ жизни (соответствующий последовательно гуманистической модели социализма) реально может сложиться лишь при сбалансированности, уравновешенности всех трёх видов заинтересованности в труде, то есть когда ни один из этих видов не играет доминирующей роли в формировании характера индивидуального социального поведения. Необходимая социально-политическая основа добровольно-трудового образа жизни – реальный доступ трудящихся к целеполаганию и управлению обществом, производством и трудом.

Капитализму адекватен такой тип отношения эксплуатируемых социальных групп к труду, в котором доминирует, играет ведущую роль материальная заинтересованность в труде. Новейшие методы управления трудом не меняют этот тип отношения эксплуатируемых трудящихся к труду, хотя и расширяют систему стимулов к труду, в том числе путём привлечения трудящихся к участию в управлении производством. Однако отсутствие стратегической однонаправленности интересов господствующего класса и эксплуатируемых трудящихся закономерно ограничивает функции последних в управлении их участием в принятии непринципиальных, неглавных решений (текущих, локальных и т.п.). Это препятствует трансформации вынужденно-трудового образа жизни трудящихся в добровольно-трудовой.

Социальный тип трудовой судьбы – нормальная (по критериям данного общества) динамика социально-трудового положения трудящихся на протяжении их жизни.

Нормальная трудовая судьба в *теоретической модели социализма*: социальное положение трудящегося

при его переходе к следующей стадии трудового жизненного цикла, по меньшей мере, не ухудшается по причинам, зависящим от общества.

Для капитализма закономерно (и в этом смысле нормально), что ухудшение социального положения трудящегося при переходе к следующей стадии трудового жизненного цикла может происходить по причинам, от него не зависящим, а проистекающим из отношения к трудящемуся как к одному из факторов производства, затраты на совокупность которых капитал стремиться минимизировать.

На новейшей стадии развития капитализма выявляется тенденция формирования все более широких слоев населения, образ жизни которых можно определить как *вынужденно-нетрудовой.* Это социальные слои, которые оттесняются от участия в общественной практике не в форме временной безработицы, резервной армии труда, а в форме устойчивой социальной резервации *(См. Социальной резервации теория).* Социальный тип индивидуальных судеб оттесняемых в социальную резервацию – деградация личности, люмпенизация.

Фундаментальный закон движения (регулирования) социально-трудовых отношений – соотношение социальных сил *(См. Силы социальные; Соотношение социальных сил)***.** Оно постоянно изменяется по целому ряду причин. В пределах одних и тех же материально-производственных возможностей и объективных социальных ограничений может складываться (и складывается) разная степень эксплуатации и социальной защищенности трудящихся *(См. Эксплуатация; Защищенность социальная)*.

В развитых капиталистических странах – в странах так называемого “первого мира” – наиболее благоприятно социальное положение эксплуатируемых трудящихся в буржуазно-демократических социальных государствах (при реализации модели “осторожного”, или “социально укрощенного” капитализма) *(См. Государство социальное; “Государство всеобщего благосостояния”).* Главным

фактором является организованная борьба трудящихся за свои права, свободы и интересы, формирующая соотношение социальных сил, близкое к их равновесию.

В России революционные общественные реформы 1990-х годов сменили прежние (существовавшие в СССР) тоталитарные социально-трудовые отношения капиталистическими, но *в периферийно-колониальной (периферийно-зависимой) их разновидности*. Необъявленная реформа социально-трудовых отношений в составе общественных преобразований 1990-х годов привела к ухудшению (по многим аспектам) социально-трудового положения большинства российских трудящихся – понижению трудовых доходов, усилению степени эксплуатации, понижению степени защищённости трудящихся от социальных рисков, росту безработицы, деградации состава занятий, люмпенизации значительной части населения. Возможности, открытые политической демократизацией, не были использованы трудящимися для самоорганизации и активной борьбы за улучшение своего положения. Основная причина неблагоприятных для трудящихся результатов реформирования социально-трудовых отношений – ***отсутствие у российских трудящихся культуры организованной классовой борьбы.*** В России до сих пор не сформировались организованные массовые движения, которые выдвигали бы и весомо отстаивали интересы и требования трудящихся к общественным преобразованиям.

Различия между научными школами, исследующими проблематику труда и трудовых отношений, проистекают из разных мировоззренческих и целевых установок. Исследователи, работающие в интересах предпринимательского класса, во многом иначе понимают предмет науки о труде, иначе ставят исследовательские задачи, нежели те ученые, которые работают в интересах эксплуатируемых трудящихся. Классово плюралистичная наука позволяет углубиться до понимания сути реальных социальных противоречий, чтобы искать и находить подходы к их компромиссному разрешению.

Проблемная структура социально-трудовых отношений. Для выработки знаний, пригодных для социально-групповых взаимодействий, выбора направлений и программ практических действий необходимо рассматривать структуру социально-трудовых отношений ***конкретно-исторически*** – как комплекс взаимосвязанных основных (узловых) социально-трудовых проблем.

Социальная (социально-экономическая) проблема – это *осознанное* расхождение (противоречие) между фактическим социально-экономическим положением социальной группы, социальной общности и тенденциями (перспективами) его изменения, с одной стороны, и конкретно-историческими интересами данной группы, общности, с другой. Иначе говоря: социальная проблема – специфическое восприятие данной структурной частью общества реального (объективного) противоречия. ***Проблемная структура социально-трудовых отношений есть структура противоречивости интересов в сфере труда.***

Узловые (ключевые, основные, ведущие, решающие, приоритетные) социальные проблемы – это те проблемы, которые охватывают системообразующие взаимосвязи, коренные потребности развития общественной системы. Узловые проблемы находятся в пространстве противоречия интересов основных, самых влиятельных участников социальных взаимодействий. В *капиталистическом обществе* каркасными являются взаимоотношения капитала и наёмного труда, а система общественных институтов включает в себя государство и негосударственные институты. Государству принадлежит (должна принадлежать) координирующая роль во всей системе институтов, демократическая государственность – базовая форма цивилизованного характера всей жизни капиталистического общества.

Субъекты, взаимодействующие в общественной системе, видят проблемы системы по-разному, предлагают и пытаются применить разные способы их решения, стремятся к разным целям и хотели бы преобразовать са-

му систему по-разному. Такие крупные субъекты социально-трудовых отношений, как социальные группы (классы и др.), государственные и негосударственные структуры выдвигают свои программы преобразования социально-трудовых отношений на основе своих генеральных решений (стратегий), выстраивают свои приоритеты. Такой множественности стратегий, систем приоритетов и программ действий может и не быть или она может быть крайне неразвитой из-за зачаточности (или отсутствия) реальной многосубъектности общества, его недемократичности. Именно такова ситуация в современной России.

Основные революционные завоевания, касающиеся социально-трудовых отношений в России, – провозглашение и оформление законами гражданских и социально-экономических прав и свобод, начавшийся слом прежних тоталитарных порядков. Однако реальная востребованность своих прав и свобод со стороны трудящихся крайне низка, а государство не защищает попытки самостоятельных действий трудящихся и не содействует им. Разрушительные процессы в социально-трудовой сфере России преобладали и преобладают, пересиливая созидательные. Разрушительные процессы проявились в деградации занятий населения, в низком использовании трудового потенциала страны, в падении трудовых доходов и в разрыве их связи с реальным эффективным вкладом, в неэффективной и концептуально бесперспективной организации рынка труда, в опасном разрастании теневого рынка труда и вообще теневых социально-трудовых процессов, в конфискационной политике государства, в дистрофирующей, бесперспективной модели социальной защиты. Вся система социально-трудовых отношений в России находится в системном кризисе – кризисе нежизнеспособности, бесперспективности. Стратегия и тактика нормализации положения в социально-трудовой сфере и выхода на траекторию благоприятных перспектив должна строиться, исходя из необходимости ***одновременного*** (а не последовательного) решения двух типов задач: а) *пресечь разрушительные тенденции,* ввести их в русло блокируемых

процессов, осложняющих созидательное и здоровое развитие системы; б) *создать жизнеспособную систему* социально-экономических, в том числе социально-трудовых отношений, способную обеспечивать прогрессивное развитие на стабильной демократической основе.

Постановка узловых социально-трудовых проблем в специфических условиях современной России должна исходить из необходимости ставить их созидательно и настолько радикально и стратегически, чтобы не “продержаться” в противоборстве с разрушительными тенденциями, а преодолеть такие тенденции, вытеснить их созидательными оздоровляющими тенденциями.

В условиях современной России узловыми социально-трудовыми проблемами правомерно считать следующие шесть проблем.

Первая узловая проблема – налаживание такого взаимоотношения господствующих и подчиненных классов в социально-трудовых отношениях, которое служило бы фактором социальной устойчивости (социальной безопасности) общества *(См. Безопасность социальная (устойчивость, стабильность))*.

В России, по сути, отсутствует несущая социально-структурная конструкция капитализма, характерная для развитых стран, – отсутствует взаимоотношение класса созидающих капиталистов и класса наёмных работников, занятых созидательным трудом. Это катастрофическая социальная макродиспропорциональность, из-за которой нет и основы для успешной демократической деятельности государства. Решение проблемы невозможно без соответствующим образом направленной государственной политики и без наращивания весомости социальных сил, отстаивающих интересы эксплуатируемых трудящихся.

Вторая узловая проблема – проблема трудовой социализации (социальной интегрированности) и социальной дезинтеграции. Это проблема современного гуманистического понимания ценности труда и признания (не на словах, а на деле) не только социальной защиты, но и права на труд *важнейшим социальным правом.* Права на

такой труд, который обеспечивает нормальное, достойно социальное положение, в том числе сохранение и развитие всех общественно значимых свойств личности.

Гуманизм без всяких вариантов отвергает справедливость и тем более общественную якобы полезность даже малой безработицы, признавая её принесением человеческих жертв, не оправдываемых никакими целями. Периферийно-зависимое положение, в котором Россия оказалась в результате шоковых глобализационных реформ 1990-х годов, существенно осложняет решение проблемы трудовой социализации как массово распространенной формы приобщения человека к обществу. Решение проблемы прямо связано (и не только в России) со становлением организованных демократических движений трудящихся, отстаивающих необходимость реализации провозглашенных мировым сообществом установок на обеспечение полной и продуктивной занятости.

Третья узловая проблема – модернизация системы наёмного труда (основной формы трудовой социализации) *(См. Труд наёмный; Труд наёмный эксплуатируемый).*

Требуется преодолеть традиционные подходы к пониманию функций рынка труда и занятости. Следует рассматривать найм, нанятость как способ включения *большинства* в общественно организованную созидательную деятельность, а нанятость на рабочие места, обеспечивающие достойный заработок и уровень жизни, как нормальную форму занятости для большинства *(См. Нанятость).* С этих позиций должна быть переосмыслена политика минимизации безработицы со ставкой на массовое развитие самозанятости. Если государство проводит такую политику, это означает, что капитал не исполняет свои обязанности эффективного собственника. В этом случае общество вправе предъявить претензии классу капиталистических собственников и потребовать от государства решительного вмешательства в налаживание социально и экономически эффективного хозяйствования.

Четвёртая узловая проблема – это “вечная” проблема справедливости и эффективности при формировании трудовых доходов *(См. Справедливость социальная; Эффективность экономическая и эффективность социальная).*

Эту проблему и, прежде всего, механизмы формирования фонда жизненных средств трудящихся следует рассматривать исходя из того, что *не существует* некая вроде бы объективная предопределённость стоимости и цены рабочей силы величиной средств, необходимых для воспроизводства наличной рабочей силы и заместителей смертных работников на рынке труда (их детей). Пропорции распределения общественного продукта на необходимый и прибавочный и, следовательно, степень эксплуатации зависят от соотношения социальных сил *(См. Стоимость и цена рабочей силы; Силы социальные; Эксплуатация; Теория эксплуатации Карла Маркса; Социальная теория распределения.).*

Фонд жизненных средств трудящихся (так называемый необходимый продукт) действительно устанавливается и удерживается на уровне издержек воспроизводства трудящихся как рабочей силы, если трудящиеся не ведут действенную классовую борьбу за повышение своей доли в общественном продукте сверх той, что необходима (нормальна, справедлива) *с точки зрения капитала, работодателей*. Нормальным (справедливым) *с точки зрения трудящихся* является такой уровень заработков и других доходов, который обеспечивает достойное (по представлениям данного общества) существование работника и его семьи – обеспечивает не только воспроизводство способностей к труду, но и их развитие и удовлетворение полного круга социальных и культурных потребностей трудящихся.

Российские трудящиеся оказались не готовыми к тому, чтобы воспрепятствовать понижению заработной платы и других доходов в ходе реформ 1990-х годов. Пониженный уровень доходов (в том числе заработной платы) большинства трудящихся стал исходным в государ-

ственной политике доходов. За достижение выдаётся прирост реальных доходов на несколько процентов в год. Трудящиеся, профсоюзы при выдвижении требований по повышению заработной платы, по сути, так же, как работодатели и правительство, воспринимают пониженный в ходе реформ уровень своих доходов как исходный, формулируют требования по принципу “несколько улучшить сложившееся положение”.

Решение проблемы справедливого распределения результатов общественного производства связано в первую очередь с нормализацией социальных макропропорций, то есть с изменением соотношения социальных сил.

Пятая узловая проблема – проблема социальных рисков в системе социально-трудовых отношений (*См. Риски социальные).*

Вектор общественного развития в современной России порождает систему социальных рисков, характерную для периферийно-колониального (периферийно-зависимого) капитализма, а не систему, характерную для развитых капиталистических стран. При капитализме закономерно возникают социальные риски безработицы и бедности, но в развитой части мировой капиталистической системы риски не приводят к массовой люмпенизации и деградации населения. В России, напротив, происходит нарастание социальных рисков *особого типа,* связанных с вектором развития к социальному регрессу. Это социальные риски деградации состава занятий населения, застойной безработицы, массовой люмпенизации, детской беспризорности плюс – в последнее время – риски разрушения элементарных систем жизнеобеспечения.

Шестая узловая проблема – формирование эффективной системы социальной защиты и социальной самозащиты *(См. Защищённость социальная; Защита социальная; Самозащита социальная).*

Формирование системы социальной защиты, отвечающей особому характеру социальных рисков в современной России, требует преодолеть утопическое пред-

ставление о тенденциях развития как временных трудностей на пути в семью развитых стран. Требуются конструктивные действия по перелому вектора развития.

Все шесть узловых социально-трудовых проблем современной России являются *равноприоритетными* для задачи выхода из системного общественного кризиса. Решение узловых проблем есть создание узлов новой системы. Каждая из проблем может и должна быть конкретизирована, могут быть добавлены некоторые менее существенные узлы. Шесть узловых проблем – это такой их круг, который минимально необходим и минимально достаточен для становления демократического регулирования социально-трудовых отношений в современной России.

Литература: **Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (Общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003; Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я., Мандель М.Д. Социально-трудовые права и свободы: российские и международные принципы, нормы, проблемы. Учебник (по программам высшего классового образования). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2008; Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Труд: современная теория и методология. – М.: Изд-во РАГС. 2007; Ракитская Г.Я. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. – М.: ВНИИСИ. 1986; Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Цели и критерии социально-экономического прогресса / Экономика и общество (Истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономического развития). Сб. трудов. Вып.8. – М.: ВНИИСИ. 1983. С. 3-21.**

Г.Я.Ракитская

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНАЯ – 1) применительно к проблематике охвата всей совокупности общественных реалий социальная структура есть относительно устойчивое строение общества как целостной системы, включающее состав (множество устойчивых элементов) и структурные отношения (отношения целостности, придающие частям общества свойства элементов целого). Социальная структура может быть определена и как исторически создавшееся и развивающееся содержательное отношение людей к природе и друг к другу, включая цели, сред-

ства и социальные формы преобразовательной (практической) деятельности и общения.

В этом значении социальная структура может рассматриваться в аспектах ценностей и ориентаций жизнедеятельности (целе-мотивационный аспект), организации жизнедеятельности (организационный аспект), содержания практической деятельности и общения (функциональный аспект), перспектив развития и преобразования (проблемный, то есть стратегическо-приоритетный аспект);

2) применительно к проблематике социальной политики социальная структура есть совокупность социальных групп, связанных с обществом структурными отношениями, их соотносительное социальное положение (*См. Группы социальные, Положение социальное*).

В структурных отношениях главным является способность общества того или иного исторического типа воспроизводить (возобновлять) себя и своё внутреннее устройство. Структурно-социальные отношения – это устойчиво воспроизводимая в данном обществе дифференциация (общественные различия) населения по социальному положению в рамках общественной системы в целом.

Элементом социальной структуры выступает множество людей со сходным или одинаковым по сути (по типу) **социальным положением,** существенно отличным от социального положения других членов общества, с объективно однотипными **интересами** (складывающимися на базе сходства социального положения) и со сходной (в тенденции – общей) **идеологией**, то есть взглядами и представлениями о своём социальном положении, путях и перспективах его сохранения и изменения.

Две главные разновидности элементов социальной структуры (структурных частей общества) – **социальные группы** (классы и касты; внутриклассовые группы; социальные слои и сословия) и **социальные общности** – отдельные народы, нации; территориальные, территориально-этнические, религиозные сообщества; производствен-

ные и иные коллективы *(См. Группы социальные; Общность социальная).*

Различение социальных групп и социальных общностей характерно для классового (в том числе марксистского) подхода к анализу и прогнозу социальных процессов, социального поведения. Другие подходы либо не делают принципиальных различий между социальными группами и социальными общностями, либо отводят классовой и кастовой принадлежности роль второстепенного фактора в формировании системы интересов, идеологии и социального поведения людей по сравнению с их принадлежностью к конкретным страновым, территориальным, этническим, религиозным, кровно-родственным, производственно-хозяйственным и т.п. сообществам.

Социальная структура формируется и изменяется под воздействием факторов, определяющих условия существования и развития в обществе и во взаимоотношениях с обществом. Сложившаяся социальная структура предопределяет круг субъектов и объектов социальной политики.

В зависимости от типа общественного устройства различаются кастовые и классовые социальные структуры. Тоталитарным обществам присуща кастовая социальная структура, демократическим – классовая (*См. Классы; Касты*).

Социальная структура содержит в себе потенциал активного социально-группового взаимодействия – соотношение социальных сил (*См. Силы социальные*). Результатом соотношения социальных сил являются конкретно-исторические состояния, направленность и фазы развития общества.

В зависимости от фазы исторического движения (конкретно-исторического состояния) различаются общества в стабильном или переходном состояниях, в состоянии системного кризиса (революционная ситуация). Динамика социальной структуры складывается по-особенному в каждом из таких состояний.

Состояние и изменение социальной структуры –

важнейшая составная часть социальной политики как в периоды эволюции и эволюционных трансформаций, так и в периоды революций и революционных преобразований (в переходные периоды).

В эволюционные периоды состав основных социальных групп (и классов) общества остается стабильным. Устойчивым является в эти периоды и соотношение социальных сил. Основные структурные отношения (социальные макропропорции), такие, как тип, способы, мера эксплуатации, состав эксплуатирующих и эксплуатируемых социальных групп, центра и периферии системы, – остаются принципиально неизменными.

Стабильность и устойчивость социальной структуры в эволюционные периоды (особенно если они длятся несколько поколений) порождает даже представления о “вечности” и “естественности” сложившейся структуры, а классовая дифференциация перестает восприниматься как социально несправедливая, как требующая существенных неотложных корректировок или кардинальных перемен. Характерной особенностью эволюционных периодов является наличие и воспроизведение так называемого среднего класса – слоев населения, вполне удовлетворенных своим социальным положением и дорожащих его сохранением (*См. “Средний класс”*). К среде “среднего класса” принадлежат обычно ученые и преподаватели, провозглашающие и разъясняющие устарелость деления общества на классы, устарелость “измов” (идеологий), исповедующие догмы стратификационной доктрины (*См. Стратификации социальной теория*) и приоритет общечеловеческих ценностей.

В периоды кризисов общественной системы (революционных ситуаций, или системных кризисов) образуются идейные и массовые общественные выступления (и даже движения), выражающие неудовлетворенность ряда социальных групп и общностей сложившимся положением. Основная масса (средний класс) ведёт себя в революционных ситуациях пассивно, выжидательно и даже боязливо. От соотношения реальных сил господствующих клас-

сов и выступающих за существенные социально-структурные перемены зависит, “рассосётся” ли революционная ситуация или перерастёт в социальную революцию (*См. Революционная ситуация; Революция социальная*).

В периоды революций преобразование социальной структуры является основной содержательной целью и основным содержательным историческим результатом. Перехват политической власти (политический переворот) обозначает только направленность революционных перемен. В социальной структуре общества имеется обычно социальная группа, заинтересованная в обозначенной направленности перемен, но не готовая практически быть социальной базой нового типа власти. Отсюда неизбежность особого типа реформ - революционных реформ, призванных привести реальное соотношение сил и общественные институты (*См.Силы социальные; Институты социальные)* в соответствие с новой направленностью развития и создать социальную базу нового общественного строя.

Для социальной структуры переходного периода характерны специфические явления и закономерности. Одна из них – формирование собственной социальной базы нового общественного строя. Это самая сложная и самая важная созидательная задача любой революции. Поражения революций, перерождения, деформации, утрата революционных завоеваний проистекают чаще всего из неумения или невозможности сформировать социальные группы, реальное положение которых позволяет им быть устойчивой социальной базой нового строя.

Другой закономерный социально-структурный процесс переходного периода – ликвидация (прекращение существования или кардинальное видоизменение общественного положения) некоторых прежних социальных групп, прежде всего из числа господствовавших групп или обслуживавших их господство в обществе. Прежний средний класс в переходные периоды распадается, а новый средний класс образуется после исторического укрепления нового общественного строя.

Ещё одна закономерность переходной социальной структуры – возникновение необычно многочисленных претендентских групп (*см. Группы социальные претендентские (абитуриентские)*),

Г.Я.Ракитская; Б.В.Ракитский

ТРУДЯЩИЕСЯ – многозначный термин; употребляется в разных смыслах в зависимости от контекста и мировоззренческой позиции.

В русских переводах международных документов, регулирующих взаимоотношения социальных групп на предприятиях (в конвенциях и рекомендациях Международной организации труда и др.), трудящиеся противопоставляются предпринимателям (работодателям) и тем самым понятие “трудящиеся” выступает как синоним понятия “наёмные работники”.

В более широком смысле трудящиеся – это люди, трудовое участие которых в общественно организованной созидательной практике (общественном производстве) является *основным* источником средств их существования и фактором, определяющим их социально-экономическое положение и положение членов их семей. В этом смысле социальная группа “трудящиеся” противопоставляется тем социальным группам, основным источником средств существования которых являются не доходы от собственного труда, а доходы от собственности (по праву собственников) или же доходы от антиобщественной (в идеале – запрещённой законом) экономической деятельности.

Социальная группа “трудящиеся” имеет свою внутреннюю структуру, которая формируется под влиянием состояния и развития общественной организации производства, разделения (отраслевого, регионального, внутрипроизводственного и пр.) и кооперации общественного труда. В этой структуре заметно и существенно влияние профессиональных, демографических, этнических факторов – складываются различные социально-профессиональные, социально-демографические, социально-этнические группы трудящихся.

Наиболее существенны и устойчивы различия между трудящимися, занятыми в *разных социально-хозяйственных укладах* (разных социальных типах ведения хозяйства).

В концепциях, отрицающих эксплуатацию, под трудом понимаются все виды деятельности, необходимые для функционирования производства и общества или приносящие доход (в более строгом варианте – законный доход). В связи с этим трудящимися считаются не только рядовые наемные работники, но и наёмные управляющие, которые обслуживают интересы собственников, и сами собственники, если они выполняют какие-либо из функций по организации и управлению производством.

В концепциях, признающих существование эксплуатации *(См. Эксплуатация)* как фактора, формирующего социально-групповую структуру современных обществ, к категории трудящихся относятся социальные группы, основным источником существования которых является ***эксплуатируемый*** труд. *Причина эксплуатации* усматривается в реальном отстранении (отчуждении) таких групп от власти в обществе и в хозяйстве. Социальные группы, которым принадлежит власть в обществе и в хозяйстве (то есть. группы-собственники), имеют возможность организовать и, как правило, организуют распределение эффекта от общественного производства таким образом, чтобы доля собственников и доля трудящихся в распределении эффекта была непропорциональна их трудовым вкладам в этот эффект: доля трудящихся меньше, чем доля их трудового вклада, а доля собственников больше доли их трудового вклада. Властвующие (господствующие) группы-собственники имеют возможность получать доходы, даже не выполняя никаких полезных для общества и хозяйства (трудовых) функций. Формами таких доходов являются предпринимательская прибыль, проценты, рента и др.

На ***капиталистических*** предприятиях к эксплуатируемым трудящимся относятся наёмные работники-*исполнители* разных профессий (так называемые “рядо-

вые” работники) – рабочие, служащие, инженерно-технические работники. Люди, которые в силу своей должности или профессии представляют и обслуживают в первую очередь интересы господствующих эксплуататорских классов (собственников), считаются субъектами ***эксплуатирующего*** труда, а не трудящимися. К работникам эксплуатирующего труда относятся наёмные *руководители* – администраторы-управляющие, руководители различных служб, начальники цехов, производств и т.п.

На любом капиталистическом предприятии есть работники, для социального положения которых характерна *промежуточность, противоречивость*: они наёмные, тоже эксплуатируемые, но одновременно и управляющие, призванные эксплуатировать. Такими работниками являются мастера, прорабы и т.п. Рядовой работник именно в их лице непосредственно и ежедневно сталкивается с системой “работодатель”, неотъемлемой частью которой они являются.

Сосуществование в капиталистическом обществе разных социально-хозяйственных укладов – частнокапиталистического, государственно-капиталистического, коллективного, индивидуального – обусловливает наличие следующих *основных групп эксплуатируемых трудящихся,* различающихся по источникам доходов (разумеется, наличие социальных трансфертов из социально-культурных фондов касается участников всех социально-хозяйственных укладов):

а) наёмные трудящиеся, не имеющие иных постоянных доходов, кроме трудового дохода;

б) наёмные трудящиеся, имеющие более или менее постоянную, но несущественную добавку к своему трудовому доходу в форме дивидендов (доходов от акций и т.п.);

в) трудящиеся-собственники – владельцы индивидуальных или семейных предприятий;

г) трудящиеся-собственники – совладельцы коллективных предприятий (производственных кооперативов,

предприятий с акционерной собственностью работников и пр.).

Трудящиеся, занятые в разных социально-хозяйственных укладах, отличаются друг от друга как по социально-экономическому положению, так и по интересам и идеологии (взглядам и конкретным требованиям). В то же время характер их взаимоотношений с капиталистическим обществом, с господствующими классами принципиально один и тот же: трудящиеся-собственники, как и наёмные трудящиеся, не имеют реальной возможности существенно влиять на те властные и управленческие решения, которые определяют *основные* условия их жизни, труда, ведения хозяйства. Различен лишь конкретный социально-экономический механизм (способы и формы) эксплуатации наёмных трудящихся и трудящихся-собственников – крестьян, торговцев, владельцев мелких предприятий сферы обслуживания, других “самозанятых”.

В современной России значительная часть населения занята в теневом и криминальном производстве. Проблема правомерности или неправомерности причисления рядовых работников, занятых в таком производстве, к эксплуатируемым трудящимся наукой не решена и даже не поставлена. Она требует специального исследования.

Существенно важен и в теоретическом, и прежде всего в практическом отношении вопрос о том, где проходит на капиталистическом предприятии *граница между работниками эксплуатируемого и работниками эксплуатирующего труда*, то есть граница между классами.

Российские законы определяют понятия “работник” и “работодатель” таким образом, что невозможно, опираясь на законы, провести грань между двумя разными социально-классовыми группами наемных работников. Одно из главных следствий этого – смешанный классовый состав большинства российских профсоюзов на том законном основании, что работники администрации тоже являются наёмными, вступают в трудовые отношения с работодателем.

Вот формулы российских законов.

Из ст.3 Федерального закона “О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности”: *“**Работник** – физическое лицо, работающее в организации на основе трудового договора (контракта), лицо, занимающееся индивидуальной предпринимательской деятельностью, лицо, обучающееся в образовательном учреждении начального, среднего или высшего профессионального образования”; “**Работодатель** – организация (юридическое лицо), представляемая ее руководителем (администрацией), либо физическое лицо, с которым работник состоит в трудовых отношениях”.*

Из ст.20 Трудового кодекса РФ: *“**Работник** – физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем”; “**Работодатель** – физическое лицо либо юридическое лицо (организация), вступившее в трудовые отношения с работником”.*

При этом в ст.16 Трудового кодекса записано: *“Трудовые отношения возникают между работником и работодателем на основании трудового договора, заключаемого ими в соответствии с настоящим Кодексом”.*

Смешанность социально-классового состава характерна в первую очередь для профсоюзов, входящих в Федерацию независимых профсоюзов России (ФНПР), которые унаследовали свой корпоративный характер от советских профсоюзов.

Формирование самостоятельной и эффективной стратегии и тактики движений эксплуатируемых трудящихся для защиты своих интересов (в том числе их защиты при помощи механизмов социального партнёрства) невозможно, если наёмные руководители будут по-прежнему состоять с ними в одних и тех же профсоюзах. То же самое относится и к трудовому коллективу – “работникам организации”, по терминологии действующего Трудового кодекса РФ *(См. Коллектив трудовой).* Собрание (конференция) работников принимает ряд важных для трудящихся решений, в частности принимает решение об объявлении забастовки, об участии в забастовке, объявленной профсоюзом. Смешанный социально-классовый состав

существенно влияет на меру радикальности позиции собраний (конференций), предопределяет в острых ситуациях соглашательский характер их решений.

Неблагоприятное для эксплуатируемых трудящихся соотношение социальных сил в России имеет место не в последнюю очередь потому, что органы и организации, которые должны представлять интересы эксплуатируемых трудящихся, даже по формальным признакам не являются независимыми от “работодателей”, точнее, независимыми от наёмной администрации, обслуживающей интересы собственников-капиталистов.

Применительно к условиям ***репрессивных (в том числе устойчиво репрессивных – тоталитарных) режимов*** понятие “трудящиеся” правомерно толковать предельно широко – как синоним понятия “народ”. В таком социальном контексте трудящимся (народу) противопоставляются правящая каста и обслуживающий её государственный аппарат (в том числе военно-полицейский). В СССР в качестве антинародной, эксплуатирующей и подавляющей силы выступала партийно-государственная и хозяйственная номенклатура вместе с обслуживающим её командно-карательным аппаратом.

Литература: **Трудовой кодекс Российской Федерации; Ракитская Г.Я. На пути к собственной идеологии. 2-е изд. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2001; Ракитский Б.В. Социальная политика (социально-политические взаимоотношения) на уровне предприятия (корпорации). – В период. изд. “Трудовая демократия” Вып. 49. М.: 2005; Ракитская Г.Я. Взаимоотношения работников и работодателей. – В период. изд. “Трудовая демократия” Вып. 43. М.: 2002; Ракитская Г.Я. Защита интересов трудящихся при реформе собственности. – Жур. “Вопросы экономики” 1993. № 12; Производственная демократия: теория, практика и проблемы внедрения. – М.: Институт экономики РАН. 1992; Рудык Э.Н. Производственная демократия: теория, практика, проблемы становления в России. – М.: Экономическая демократия. 2002.**

Г.Я.Ракитская

ФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

(“формация” происходит от латинского “formatio” – вид, образование) – одно из закономерных состояний (один из

типов) общества. Особенностью формации является устойчивое (стабильное) воспроизведение качественного своеобразия общества при сохранении его целостности и способности к развитию (*См. Исторические состояния (исторические типы) общества*).

Наряду с формационным состоянием общества в истории человечества имеют место переходные эпохи, деформации и перерождения, состояния стагнирования, разложения и разрушения общества и пр. (*См. Переходный период; Деформация общественной системы*).

С позиций интересов трудящихся существенно важно различать: 1) эксплуататорские и неэксплуататорские формации, 2) классово-демократические формации и казарменно-кастовые (тоталитарные, диктатурные) деформации и перерождения общества (*См. Эксплуатация; Равенство социально-экономическое; Демократия; Диктатура, Тоталитаризм*).

Классификация эксплуататорских формаций в европейской истории: античная (рабовладельческая), феодализм, буржуазная (капитализм). Эта классификация произведена по признаку “степень реальной свободы трудящихся в обществе” (*См. Рабовладельческий строй; Феодализм; Капитализм*). Степень свободы эксплуатируемых трудящихся качественно (существенно) разная у раба, крепостного крестьянина, наемного эксплуатируемого работника.

Трудящийся-раб по сути ничем не отличается от рабочей скотины, не является гражданином, хозяин вправе обращаться с ним как с принадлежащей ему бессловесной вещью. *Крестьянин, работающий на феодала,* лично зависит от него, но в отличие от раба имеет определенную свободу экономического поведения в сфере воспроизводства условий своего существования. *Наёмный эксплуатируемый* имеет все юридические гарантии личной свободы, но фактически предельно ограничен в выборе способа воспроизводства условий своей жизни (так называемое реальное подчинение труда капиталу) (*См.*

Раб; Крепостной; Рабочий класс; Подчинение труда капиталу реальное).

В теоретических моделях будущего прогнозируется возможность существования как эксплуататорских формаций, так и неэксплуататорских формаций. Марксизм и близкие к нему течения общественной мысли различают ***по меньшей мере две исторически последовательные неэксплуататорские формации*** – социалистическую и коммунистическую (*См. Социализм; Коммунизм*).

По теории, у трудящихся социалистического общества и у членов коммунистического общества также качественно различна степень реальной свободы в обществе. Социализм представляется обществом без эксплуатации, но с социально-экономическим неравенством людей – с их различиями по фактическим условиям существования, возможностям выявления, реализации и развития индивидуальных свойств личности (*См. Неравенство социально-экономическое*). Коммунистическая формация представляется обществом, в котором осуществляется свободное формирование, свободная реализация и свободное развитие индивидуальных свойств личности в рамках совместной общественно полезной деятельности (“свободное развитие каждого является условием свободного развития всех” – так впервые был сформулирован этот социальный идеал К.Марксом и Ф.Энгельсом в “Манифесте Коммунистической партии”, 1848 г.).

Обобщение социально-политической истории XX века, в том числе опыта третьей русской революции (Россия, 1917 г.), потерпевшей поражение в результате тоталитарной контрреволюции, позволяет относить капитализм и социализм к ***формациям классово-демократического*** типа, а строй, утвердившийся в сталинскую эпоху в СССР, гитлеровский фашизм и т.п. – к ***системам казарменно-кастового*** (тоталитарного) типа. Основа такой типизации – степень реальной свободы в обществе всех социальных субъектов, а не только трудящихся.

В конце XX века в условиях глобализации капитализма обозначилась реальная тенденция утраты демокра-

тических завоеваний цивилизации. Другими словами, обозначилась угроза утраты человечеством способности к развитию в сторону расширения свободы человека в обществе, угроза скатывания цивилизации к тупиковому перерождению – *глобальному тоталитаризму*. Социальные силы, способные противостоять этой угрозе, находятся на стадии формирования, первоначального осознания ее реальности и первоначальных поисков стратегии борьбы за гуманистическое будущее человечества (*см. Глобализация капитализма; Социальной резервации теория*).

Исследования неевропейских цивилизаций ещё не дали достаточно строгих научных выводов и гипотез относительно разных формаций в их истории. Для типизации неевропейских обществ требуется учесть социально-экономические, политические и социокультурные следствий по преимуществу насильственного включения азиатских, африканских и других неевропейских коренных народов в капиталистическую общественную систему, начиная со времён европейских колониальных захватов.

Г.Я.Ракитская

ЭКСПЛУАТАЦИЯ – тип общественных, в том числе социально-трудовых отношений, основанный на узурпации власти в обществе и в хозяйстве и систематическом принуждении одних (подчинённых) социальных групп быть средством для обеспечения привилегированного социального положения других (господствующих) социальных групп *(См. Положение социальное; Классы; Касты; Интересы социально-групповые (классовые).*

Эксплуатация типична для антагонистических обществ, то есть для обществ с противоположностью систем интересов составляющих его основных социальных групп. Общества, основанные на эксплуатации, называются эксплуататорскими, а стороны отношений эксплуатации – эксплуататорами и эксплуатируемыми.

Эксплуатация – отношение между классами (или кастами) как основными субъектами общественного производства и всей общественной жизни, то есть отношение

прежде всего *макросоциальное,* а не существующее лишь в масштабе отдельных предприятий или других общественных подсистем микросоциального или микроэкономического уровней (*См. Макросоциальные процессы; Микросоциальные процессы*).

В антагонистических обществах эксплуатация является социально-экономической основой общественного устройства и неотъемлемым элементом социального механизма, обеспечивающего воспроизводство специфической (классовой или кастовой) социальной структуры общества.

Эксплуатация относится к отношениям типа “господство-подчинение”. Способом осуществления отношений господства-подчинения и *причиной* эксплуатации является монополизация власти и управления обществом и хозяйством в руках одних (господствующих) социальных групп и, соответственно, отстранение от власти в обществе и в хозяйстве остальных (подчинённых) социальных групп. Господствующие и подчинённые социальные группы являются стержнем социальной структуры эксплуататорских обществ *(См. Структура социальная).*

Суть эксплуатации как исторически устойчивой системы социально-групповых (то есть политических) отношений состоит в следующем: господствующие социальные группы, монополизируя власть и управление в обществе и хозяйстве, обеспечивают устойчивое доминирование своих интересов, в том числе воспроизведение своего привилегированного общественного положения, при помощи распоряжения движением ***всего*** результата (эффекта) общественного производства, созданного как трудом господствующих групп, так и по преимуществу трудом подчинённых социальных групп.

Господствующий класс (или каста), распоряжаясь движением всего результата общественного производства, *выделяет* из всего общественного продукта фонд жизненных средств трудящихся (так называемый необходимый продукт в терминологии, идущей от К.Маркса). Социально-экономическое предназначение другой части ре-

зультата общественного производства (прибавочного продукта в терминологии, идущей от Маркса) – доход эксплуататоров. Доход эксплуататоров является источником жизненных средств господствующих социальных групп и ресурсом для такого развития общественных процессов, которое сохраняет и укрепляет характер общественного устройства, в том числе привилегированное положение в обществе господствующих групп. Конкретное соотношение совокупного дохода эксплуататоров (прибавочного продукта) и дохода эксплуатируемых (фонда жизненных средств трудящихся) – это фактическая *степень (мера) эксплуатации труда*.

Выделяя из общественного продукта фонд жизненных средств трудящихся, господствующий класс (или каста) действует в рамках ряда объективных ограничений.

Одно из главных ограничений – необходимость обеспечить трудящихся средствами, достаточными для воспроизводства нужных господствующей группе работников, в том числе заместителей (детей) смертных работников.

Другое главное ограничение – сила трудящихся в отстаивании своих интересов. Пропорция распределения общественного продукта на фонд жизненных средств трудящихся и прибавочный продукт, следовательно, и степень эксплуатации труда зависят от соотношения социальных сил *(См. Силы социальные)*. Соотношение социальных сил – это социальная (социоэкономическая) макропропорция.

Категория “необходимый продукт” отражает точку зрения господствующей группы на социально-экономическое предназначение фонда жизненных средств трудящихся: с точки зрения господствующей группы всё, что не является необходимым для воспроизводства работников (совокупной “рабочей силы”), – роскошь, неэффективные затраты.

Фонд жизненных средств трудящихся действительно устанавливается и удерживается не выше уровня издержек, признаваемых господствующей группой необхо-

димыми для воспроизводства трудящихся как работников (“рабочей силы”), если трудящиеся не ведут эффективную борьбу за повышение своей доли в общественном продукте. Трудящиеся, не организованные как класс и не действующие как класс (то есть сплочённо, настойчиво и солидарно), превращаются в разрозненных субъектов, субъектность которых достаточна лишь для индивидуальных сделок по купле-продаже рабочей силы как штучного товара. Все либеральные теории рассматривают трудящихся только в этом их предельно невыгодном социальном качестве – как классово неорганизованных работников.

Социально-экономическим содержанием, или *принципиальным социальным механизмом* эксплуатации является *принудительное социальное донорство* подчинённых социальных групп в пользу господствующих социальных групп в ходе и в результате распределения эффекта (не только экономического) от общественного производства.

Господствующие социальные группы имеют возможность организовать и, как правило, организуют распределение эффекта (не только экономического) от общественного производства таким образом, чтобы доля трудящихся в его распределении была *существенно меньше*, чем доля их фактического трудового вклада в этот эффект. При этом господствующие группы имеют возможность получать доходы, даже не выполняя никаких полезных для общества и хозяйства (трудовых) функций. Доходы от собственности (по праву собственников), а не от собственного труда являются, как правило, основным доходом господствующих социальных групп. Для эксплуатируемых трудящихся основным источником средств существования и фактором, определяющим их социально-экономическое положение и положение членов их семей, являются не доходы от собственности, а собственный труд в общественно организованном воспроизводстве.

Социальное донорство эксплуатируемых трудящихся реально выступает в двух формах: а) как более медленное улучшение их социального положения по сравне-

нию с улучшением положения господствующих социальных групп (*относительное обнищание* эксплуатируемых); б) как прямое ухудшение их социального положения (*абсолютное обнищание* эксплуатируемых).

Хорошо известны и изучены наукой такие типы эксплуататорских обществ, как рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, империализм, колониализм, неоколониализм, тоталитаризм (фашизм), социальное рыночное хозяйство (буржуазно-демократическое социальное государство). В меньшей мере изучены азиатский способ производства, “постиндустриальное общество” как современная разновидность капитализма.

Однотипность капиталистических классовых отношений и социально-групповых отношений других общественных систем эксплуататорского типа состоит в общности:

а) *причины* эксплуатации (властно-управленческие функции сосредоточены в руках части общества),

б) *сути* эксплуатации (господствующая социальная группа распоряжается всеми результатами общественного производства и труда для обеспечения своего привилегированного положения в обществе) и

в) *содержания* эксплуатации (подчинённые группы выступают социальными донорами).

Конкретные способы осуществления эксплуатации разнообразны. Разнообразны и факторы, в решающей мере обеспечивающие эксплуатацию. Наукой различаются в первую очередь экономическое принуждение и внеэкономическое принуждение, но это далеко не исчерпывает классификацию методов принуждения подчинённых групп к социальному донорству. Зачаток глубокой теории принуждения – учение К.Маркса о реальном подчинении труда капиталу *(См. Подчинение труда капиталу реальное).*

В *капиталистическом обществе* основной подчиненной социальной группой является класс наёмных трудящихся (рядовых наёмных работников). В нормально функционирующем капиталистическом производстве – при всех колебаниях уровней оплаты конкретных видов труда

и других доходов трудящихся – в целом классу наёмных трудящихся достаётся та сумма жизненных средств, которая признаётся господствующим классом необходимой для нормального воспроизводства трудящихся как работников, для удовлетворения исторически сложившегося круга их потребностей. Величину прибавочного продукта составляет то, что превышает исторически сложившуюся величину “необходимого” продукта.

Такая “нормальная” эксплуатация возможна и реализуется только при осуществлении “нормальной” классовой борьбы, то есть если эксплуатируемый наёмный класс активно сопротивляется понижению своей доли в общественном продукте, в том числе сужению круга потребностей трудящихся, признаваемых капиталом необходимыми (в терминах, идущих от К.Маркса, – сопротивляется понижению национальной стоимости “товара рабочая сила” и цен на этот “товар”).

Нормальную (закономерную) систему эксплуатации необходимо рассматривать с учётом реальной структуры мирового капиталистического хозяйства, в которой с самого начала была и до сих пор есть более развитая часть и так называемая “периферия” *(См. Периферийный капитализм; Глобализация капитализма)*. Система капиталистической эксплуатации обладала и обладает возможностью выносить часть своих противоречий на “периферию” – в колонии, полуколонии, в страны так называемого третьего мира. На периферии оказывается допустимым то, что недопустимо в первом и втором мирах.

Современная Россия оказалась в результате шоковых глобализационных реформ 1990-х годов на периферии мирового капиталистического хозяйства, в реальности периферийно-зависимого капитализма. Трудящиеся России не воспрепятствовали понижению оплаты труда и других своих доходов, повышению тем самым степени эксплуатации. В результате установилась базовая для новой России весьма низкая величина фонда жизненных средств трудящихся. Эта существенно пониженная (по сравнению с дореформенной) величина будет восприниматься и уже

воспринимается новыми поколениями как объективный, нормальный для России размер “необходимого” продукта (как новая национальная стоимость и цена “товара рабочая сила”, если использовать категории К..Маркса).

Теории эксплуатации присущи науке, которая базируется на идеологиях, отражающих интересы трудящихся классов. Эти идеологии исходят из представлений, что эксплуататорская система общественных отношений возникла как следствие противоположности интересов разных частей общества и удерживается в исторических пределах определенного типа соотношения социальных сил. Социалистическая (коммунистическая) идеология выдвигает идеал общества, в котором нет отношений господства-подчинения и эксплуатации, и обосновывает возможность перехода к такому обществу.

Идеологии эксплуататорских классов, напротив, утверждают либо естественность и вечность (неустранимость из жизни общества) отношений эксплуатации, либо её отсутствие (невозможность) или историческую преодолённость в современных лидирующих капиталистических странах. Они это могут делать и весьма прямолинейно, и в завуалированной форме: например, вообще отрицая само социальное донорство; или отрицая его принудительный характер и прославляя социальное партнёрство; или отрицая даже существование классов, а тем более, антагонистическую противоречивость систем классовых интересов.

Социал-реформистские идеологии пытаются “соединить” социалистическую идеологию и идеологию эксплуататоров. Они признают эксплуатацию и её несправедливость, признают необходимость борьбы с нею, но считают эту борьбу бесконечно долгой и постепенной. Идею революционного преобразования общества для уничтожения эксплуатации и классов-антагонистов социал-реформизм трансформирует в идею постепенного, шаг за шагом ослабления эксплуатации на основе социального диалога и социального партнёрства эксплуататорских и эксплуатируемых классов.

Приоритет научного раскрытия механизма капиталистической эксплуатации на уровне предприятия (индивидуального капитала) принадлежит К.Марксу (1818-1883). Согласно теории К.Маркса (теории прибавочной стоимости), заработная плата, которую получает наёмный рабочий, лишь по форме является оплатой всего его труда, а по сути, собственник предприятия покупает и оплачивает товар “рабочая сила”. Оплачивает по цене, колеблющейся вокруг издержек воспроизводства (стоимости) этого товара, и присваивает (не оплачивает) созданную трудом рабочего прибавочную стоимость. Присвоение собственником предприятия результата неоплаченного труда наемного рабочего, по Марксу, и есть капиталистическая эксплуатация.

Связывая капиталистическую эксплуатацию с продажей товара “рабочая сила”, то есть с *наёмностью* труда, К.Маркс считал, а многие из последователей его учения о прибавочной стоимости до сих пор считают, что для устранения эксплуатации из жизни общества следует ликвидировать наёмность труда и вообще отказаться от использования в организации хозяйства товарно-денежных отношений и рынка. История тоталитаризма в СССР отчётливо показала, как опасна антитоварная идеология. Хозяйствование “без услуг прославленной стоимости” (выражение Ф.Энгельса) оказалось в практике XX века адекватным сталинистской (и не только сталинистской) разновидности тоталитаризма.

Современная теория эксплуатации, не отрицая теорию прибавочной стоимости, в то же время трактует эксплуатацию как одно из базовых социально-структурных отношений. Поэтому и природа капиталистической эксплуатации не может быть сведена к отношениям распределения и не может быть понята лишь на основе анализа взаимоотношений между индивидуальным капиталом и нанимаемыми им работниками как купли-продажи рабочей силы. Система капиталистической эксплуатации возникает *не из наёмного характера труда и не из особенностей товара “рабочая сила”, а из определенного соотношения*

классовых сил по поводу власти в обществе (в том числе и в хозяйстве). Система капиталистической эксплуатации поддерживается монополией капиталистического класса на власть и управление общественными процессами, перевесом сил капитала в межклассовых отношениях.

В современной теории эксплуатации подчёркивается, что трактовка категории “стоимость рабочей силы” как величины необходимых и достаточных издержек воспроизводства трудящихся как работников (рабочей силы) – это точка зрения капитала и науки, обслуживающей его интересы.

В науке, последовательно стоящей на позициях эксплуатируемых, трудящиеся рассматриваются не как “рабочая сила”, а как члены общества, труд которых должен им доставлять средства для их (и их семей) достойного существования и развития, а не средства, возмещающие затраты на воспроизводство трудящихся лишь как рабочей силы для капиталиста. Категорию “стоимость рабочей силы” при таком подходе можно и не отбрасывать, но при условии перехода от *воспроизводственной к социальной версии* этой стоимости. Суть социальной версии:

– величина доходов эксплуатируемых трудящихся (их доля в общественном продукте) объективно складывается не в экономике, а на уровне общественного устройства, в итоге взаимодействия (столкновения) и соотношения социальных сил;

– капиталистический класс может оплачивать труд наёмных работников на уровне необходимых и достаточных издержек воспроизводства нужной ему “рабочей силы” в условиях отсутствия организованной классовой борьбы эксплуатируемых трудящихся;

– борьба трудящихся за улучшение своего социального положения (если она реально изменяет сложившееся соотношение социальных сил) увеличивает совокупные доходы трудящихся, поступающие к ним в разных формах (заработная плата, другие доходы), изменяет пропорцию распределения общественного продукта на фонд жизненных средств трудящихся и доход эксплуататоров

(прибавочный продукт).

Отвоёванная трудящимися их доля в общественном продукте – в этом суть социальной версии стоимости и цены рабочей силы, если использовать термины “рабочая сила”, “стоимость и цена рабочей силы”, отражающие взгляд капиталистического предпринимателя на природу взаимоотношений капитала и труда.

На современном этапе развития мировой капиталистической системы, получившем название “глобализация”, происходит существенное видоизменение взаимоотношений между господствующими и подчиненными социальными группами.

Осмысление обозначившихся тенденций развития подводит к следующему выводу: ***исторической тенденцией развития капиталистической системы эксплуатации является глобализация тоталитаризма*** в форме организованной во всемирном масштабе системы разделения (сегрегации) человечества на господствующую (властвующую) касту созидателей и все более многочисленную касту оттеснённых от участия в созидательной общественной практике – оттеснённых в социальную резервацию с принудительно-нетрудовым характером жизнедеятельности *(См. подробнее Глобализация капитализма; Социальной резервации теория).*

Наука изучает типы, формы эксплуатации, определяет её степень, обобщает исторический опыт укрепления отношений эксплуатации и борьбы за смягчение и уничтожение эксплуатации.

Эксплуатация как социальное отношение постоянно находится в центре идеологической борьбы. Свежий импульс этой борьбе придало распространение новых форм эксплуатации на современном этапе глобализации капитализма.

Литература: **Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Книга 1. Глава 8. О заработной плате. - М.: ЭКСМО 2007; Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Глава четвертая. Превращение денег в капитал. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М. 1960; Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы станов-**

ления их демократического регулирования в современной России). Глава 3. Эксплуатация как тип социально-трудовых отношений. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003; Ракитская Г.Я. Современная теория эксплуатации (эксплуатация как тип социально-трудовых отношений) / В период. изд. "Обществознание большинства". Выпуск 2. – М.: Интернациональный университет трудящихся и эксплуатируемых. Декабрь 2005. С. 3 – 30; Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я., Мандель М.Д. Социально-трудовые права и свободы: российские и международные принципы, нормы, проблемы. Учебник (по программам высшего классового образования). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2008.

Г.Я.Ракитская; Б.В.Ракитский

Приложение

Список опубликованных трудов[136] Галины Яковлевны Ракитской

1965 год

Г.Я.Ракитская. Экономические методы руководства. — Газета «Гудок» 1 декабря 1965. № 283.

1966 год

Г.Я.Ракитская, М.Л.Фидлер, Е.Г.Ясин. Опыт классификации экономических документов для моделирования систем управления в промышленности. — Москва. /Совет по кибернетике АН СССР; ЦЭМИ АН СССР; НИИЭП Госплана ГССР/. 1966. 24 с.

1968 год

Л.С.Ипп, Е.Г.Ясин, Г.Я.Ракитская, И.Л. Серебренникова. Основные положения разработки автоматизированной системы управления материально-техническим снабжением в экономическом районе. — М.: ЦБТИМС. 1968. (3,75 п.л.)

Е.Г.Ясин, Г.Я.Ракитская. К вопросу о классификации функций управления в экономике. — В сборнике «Статистика и электронно-вычислительная техника в экономике». Вып.II. М.: «Статистика» 1968. Стр. 3-21.

1969 год

---

136 ***В список включены две неопубликованные (неизданные) работы – кандидатская (1979) и докторская (2003) диссертации. В то же время в список не включены многие разработки для опубликованных кафедральных учебных программ, а также весьма оригинальные и содержательные раздаточные материалы, подготовленные Г.Я. Ракитской к преподававшимся ею учебным курсам и к читавшимся ею лекциям.***

Е.Г.Ясин, Г.Я.Ракитская. О принципиальных положениях оценки эффективности автоматизированных систем управления в экономике. — М.: ЦСУ СССР. 1969. (2 п.л.)

1970 год

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Хозяйственные связи по обороту средств производства в условиях экономической реформы. — В книге «Теоретическая конференция «Проблемы совершенствования обращения средств производства» Часть I. – М.: НИИМС. 1970. Стр. 43-53.

1971 год

Г.Я.Ракитская, Е.А.Шубенкова, Т.Б.Чернина. Определение издержек, связанных с производственными запасами. — М.: ЦНИИТЭИМС. 1971. (1,25 п.л.).

1973 год

Е.Г.Ясин, Г.Я.Ракитская, Д.Л.Стернинсон. Информационный язык как средство описания экономических данных. — В сборнике «Статистика и электронно-вычислительная техника в экономике. Вып. VI». — М.: «Статистика». 1973. (1,3 п.л.)

1974 год

Г.Я.Ракитская. Основное содержание системы экономических классификаций и номенклатур. — В книге «Экономическая информация (методологические проблемы). М.: «Статистика». 1974. (0,8 п.л.)

1975 год

Е.Г.Ясин, А.Д.Барский, Г.Я.Ракитская и др. Средства формализованного описания экономических данных для АСУ. — М.: ЦЭМИ и ИЭ АН СССР. 1975. (10,5 п.л.)

Е.Г.Ясин, В.Д.Фадеев, Г.Я.Ракитская и др. Общесоюзный классификатор. Технико-экономические пока-

затели. Методические указания. Издание официальное. — М.: Издательство стандартов. 1975. (3 п.л.)

Г.Я.Ракитская. Социально-экономическая направленность научно-технического прогресса. — Журнал «Известия АН СССР. Серия экономическая» 1975. № 4. Стр. 19-28.

Г.Я.Ракитская. Социально-экономические критерии выбора направлений научно-технического прогресса. — В сборнике «Пути повышения эффективности общественного производства» (Сборник научных трудов аспирантов). М.: Институт экономики АН СССР. 1975. Стр. 3-19.

Г.Я.Ракитская. Обеспечение социальной направленности научно-технического прогресса как одна из функций социалистического государства. — в сб. «Проблемы совершенствования управления научно-техническим прогрессом. Теоретический семинар. Таруса, 12-23 февраля 1975 г.» – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова. 1975. Стр. 34-39.

1976 год

Г.Я.Ракитская. Характер целей и критериев эффективности управления социалистическим общественным производством. — В сборнике «Теоретический семинар «Проблемы программно-целевого управления социалистическим общественным производством» (Тезисы докладов). Г.Наро-Фоминск. 29 января – 9 февраля 1976. — М.: 1976.

1978 год

Г.Я.Ракитская. Реализация преимуществ социализма — одно из требований к управлению в условиях научно-технической революции. — В сборнике «Научно-техническая революция и управление – проблемы связи и взаимовлияния». М.: ИНИОН АН СССР. 1978. (в соавторстве).

1979 год

РАКИТСКАЯ ГАЛИНА ЯКОВЛЕВНА. Методологические основы определения социально-экономической эффективности научно-технического прогресса. Диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук. (Специальность 08.00.01 – политическая экономия) /Институт экономики АН СССР/ Москва. 1979. 222 с.

РАКИТСКАЯ ГАЛИНА ЯКОВЛЕВНА. Методологические основы определения социально-экономической эффективности научно-технического прогресса. Автореферат диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук. (Специальность 08.00.01 – политическая экономия) /Институт экономики АН СССР/ Москва. 1979.

1981 год

Г.Я.Ракитская. О границах применения количественных оценок при анализе социально-экономической эффективности хозяйственных мероприятий. — В книге «Системный анализ социально-экономической эффективности хозяйственных мероприятий. Всесоюзная школа-семинар. Рига, 11-17 мая 1981 г.». – Рига. 1981. Стр.33-35.

1982 год

Ракитская Г.Я. Цели социально-экономического развития и эффективность научно-технического прогресса. – М.: ВНИИСИ. 1982. 60 с.

В.Г. Гребенников, Г.Я. Ракитская. Социально-трудовые аспекты совершенствования хозяйственного механизма. — В сборнике трудов ВНИИСИ. Выпуск 3. «Социально-экономические проблемы совершенствования хозяйственного механизма». – М.: ВНИИСИ. 1982. Стр. 3-13.

1983 год

Г.Я.Ракитская, Преобразования в труде в условиях интенсификации производства. — В Сборнике трудов

ВНИИСИ. Выпуск 2. “Социально-экономические проблемы интенсификации общественного производства” – М: ВНИИСИ, 1983. Стр. 39-53.

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Цели и критерии социально-экономического прогресса. — В Сборнике трудов ВНИИСИ. Выпуск 8. “ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО (Истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономического развития)” – М: ВНИИСИ, 1983. Стр. 3-21.

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Научное определение целей — важное направление реализации преимуществ социализма. — Журнал “Известия Академии наук СССР. Серия экономическая.” № 6, 1983. Стр. 12 - 24.

1984 год

Г.Я.Ракитская, А.Н.Шохин. Преобразования в сфере труда в 80-е годы. — М.: «Знание». 1984. 64 с.

Г.Я.Ракитская, Взаимосвязь экономического, социального и духовного прогресса.— Журнал «Политическое самообразование». 1984. № 8. Стр.87-94.

Р.А.Косова, Г.Я.Ракитская. Пути совершенствования централизованного планирования конечных результатов деятельности средних звеньев хозяйства. — В сборнике статей «Механизм обеспечения централизма в социалистической экономике». М.: ЦЭМИ АН СССР. 1984. Стр. 139-159.

Основные направления усиления стимулирующей функции заработной платы. Доклад (подготовлен рабочей группой: Ракитский Б.В. (руководитель); Дегтярь Л.С.; Зимакова Т.В.: Владова Н.В.; Гайдар Е.Т.; **Ракитская Г.Я.;** Ботусова А.А. (учёный секретарь)). Москва. /Межведомственный совет по анализу опыта стран-членов СЭВ в области планирования и управления народным хозяйством. Постоянно действующая секция социально-экономических проблем. Рабочая группа по теме: «Поиск

путей усиления стимулирующей функции заработной платы»/. – 1984. 87 с.

1985 год

Г.Я.Ракитская. Реализация целезадающей функции социалистического государства в долгосрочных предплановых разработках. — В сборнике статей «Повышение организованности советского хозяйства в современных условиях». – М.: ЦЭМИ АН СССР. 1985. Стр. 97-115.

Г.Я.Ракитская. Способы установления соответствия научно-технического прогресса социальным критериям эффективности экономического развития. — В Сборнике трудов ВНИИСИ. Выпуск 1. “Система факторов экономического развития (вопросы теории и практики)” – М: ВНИИСИ, 1985. Стр. 64-72.

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** О некоторых критериях развития социалистической экономики. — В сборнике «Пути совершенствования механизма развития советской экономики». Новосибирск. 1985. Стр. 87-91.

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Социальная сущность и направления научно-технической революции в условиях развитого социализма. — В сб. “Развитие присущих социализму форм интеграции науки и производства. Том 1”. М.1985. Стр. 3-8.

1986 год

Г.Я.Ракитская. Основное противоречие трудового коллектива как основа его системного исследования. — В сборнике: «Системное моделирование производства, распределения и потребления (тезисы Всесоюзной школы-семинара) Секция 1,2» /Госплан СССР; Академия наук СССР; Министерство ВиССО РСФСР; Воронежский обком КПСС; ВНИИСИ; Воронежский госуниверситет/ – Воронеж. Май 1986. Стр. 14-15.

Г.Я.Ракитская. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. — М.: ВНИИСИ. 1986. 61 с.

Г.Я.Ракитская. Целеориентированный анализ как функция планомерного руководства общественно-экономическим развитием. — В сборнике «Политэкономические проблемы функционирования социалистической экономики». М.: ЦЭМИ АН СССР. 1986. Стр. 140-152.

Г.Я.Ракитская. О социальной позиции заводского социолога при изучении факторов повышения эффективности труда. — В сборнике: «Социальные резервы повышения качества и эффективности труда. Материалы семинара». М.: Московский дом научно-технической пропаганды. 1986. Стр. 30-35.

Г.Я.Ракитская. Проблемы развития личности в социалистическом трудовом коллективе. — В Сборнике трудов ВНИИСИ. Выпуск 4. “Проблемы развития социально-демографических групп и социально-территориальных общностей” – М: ВНИИСИ, 1986. Стр. 12-18.

Г.Я.Ракитская. Социально-экономическая природа научно-технического прогресса. — Журнал «Экономические науки». 1986. №12. Стр. 37-45.

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Рецензия на книгу «Труд в капиталистическом производстве: проблемы управления (Отв. ред. Н.А.Климов)» — Журнал «Вопросы экономики» 1986. № 4.

1987 год

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Закономерности развития социальной структуры социалистического общества. — Журнал «Известия АН СССР. Серия экономическая». 1987. №6. Стр. 28-39.

Г.Я.Ракитская. Социально-политический подход к проблеме хозяйственного механизма. — В сборнике ста-

тей «Сущность и формы развития научно-производственной интеграции». М.: Институт экономики АН СССР. 1987. Стр. 128-131.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская «Идеология перестройки как социальной революции в обществах современного советского типа» 31 августа 1987 Доклад в ЦК КПСС. Рукопись (121 стр.)

А.С.Бим, Г.Я.Ракитская, Т.Е.Кузнецова. Самоуправление на производстве: проблемы и перспективы развития. — В сборнике статей «Совершенствование планового руководства экономикой». М.: ЦЭМИ АН СССР. 1987. Стр. 97-111.

Галина Ракитска. Социално-трудовите отношения и тяхното място в социалния механизъм на обществения прогрес. — Журнал «Проблеми на труда. Списание на Комитета по труда и социалното дело». Болгария. София. 1987, брой 8. Година XXIX/ Стр. 24-35.

Г.Я.Ракитская. Совершенствование организации фундаментальных исследований в научных учреждениях. — В сборнике: “Совершенствование планового руководства экономикой” М: ЦЭМИ АН СССР, 1987. Стр. 133-152.

1988 год

Г.Я.Ракитская, Характер и содержание перестройки управления. — В сборнике «Комплексная перестройка системы управления общественным производством: результаты и проблемы (тезисы докладов Всесоюзного научно-практи-ческого симпозиума). М.: 26-28 **я**нваря 1988 г. Стр. 8-10.

Г.Я.Ракитская, Развитие социалистического отношения к труду. — Журнал «Вопросы экономики». 1988. № 7. Стр. 99-109.

G.Y. Rakitszkaya. Развитие социалистического отношения к труду. — (перевод на английский язык статьи из

журнала «Вопросы экономики» 1988, №7). — Журнал «Prgblems of Economics» USA. NY. 1989 / vol XXXI. No 10)

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Размышления о перестройке как социальной революции. — Журнал «ЭКО Экономика и организация промышленного производства» СО АН СССР. 1988. № 5. Стр. 3-28.

G.J. Rakitszkaja, B.V. Rakitszkij. Gondolatok a peresztrojkarol mint tarsadalmi forradalomrol. - Журнал "Tarsadalomtudomanyi Kozlemenyek" Budapest. 1988. №4. Стр. 514-530.

Памятная записка научно-практической конференции «Производственное самоуправление: опыт, теория, перспективы» (авторы текста: **Г.Я. Ракитская,** В.И.Герчиков, П.М. Кудюкин, Б.В. Ракитский, А.В.Шубин и др. – всего 9 чел.). — М.: ССА АН СССР. 1988. 33 с.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Стратегия и тактика перестройки в СССР. — М.: ЦЭМИ и ИЭ АН СССР. 1988. (0,9 п.л.)

1989 год

Г.Я.Ракитская, Интервью, данное 6 января 1989 г. Анне Золотарёвой. — Бюллетень общественно-политической организации «Гражданское достоинство» Выпуск №18. Москва. Февраль 1989. Стр. 11-17.

Г.Я.Ракитская, Учитывать специфику перестройки при постановке и решении проблем занятости. Материалы Круглого стола «Как не допустить безработицу?». — Журнал «Вопросы экономики» 1989. № 2.

G.Y.Rakitskaya. Consider the specific features of perestroika in formulating and resolving problems of employment. — Журнал «Problems of Economics» USA. NY. October 1989 / vol 32. No 6). Стр. 12-15.

Г.Я.Ракитская, Социалистическая демократия: политико-экономические аспекты. — Журнал «Вопросы экономики» 1989. № 7. Стр. 35-47

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Действующие лица десталинизации (анализ современного взаимодействия социальных сил советского общества) — Журнал «Вестник Академии наук СССР» 1989. № 9. Стр. 46-58.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Перестройка: теоретическая экспертиза концепции и практической политики. – Журнал «Философская и социологическая мысль» Республиканский научно-теоретический журнал Института философии АН УССР Киев. 1989. № 10 стр. 3-25; 1989. № 11, стр.14-31; 1989. № 12, стр. 3-21.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. То же на украинском языке.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Политические предпосылки перестройки общественных отношений. — В кн.: “Постижение. Социология. Социальная политика. Экономическая реформа.” – М.: “Прогресс” 1989. Стр.341-356.

Г.Я.Ракитская. Расстановка социальных сил и их взаимодействие в условиях перестройки (1984-1988 гг.). — В сборнике статей «Научный анализ перестройки в СССР». – М.: ЦЭМИ АН СССР. 1989. Стр. 3-20.

Г.Я.Ракитская. Концепция перестройки в политических платформах народных депутатов СССР. — Журнал «Вестник Академии наук СССР». 1989. №11. Стр. 47-58.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Социализм: закономерности и критерии. Материал для обсуждения на методологическом семинаре Отдела общих проблем политической экономии социализма 24 октября 1989. — М.: Институт экономики АН СССР. 1989. 20 с.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Общественный прогресс и социализм. — В монографии: **Б.В. Ракитский.**

«Политическая экономия социализма сегодня». – М.: “Наука”. 1989. Стр. 49-71.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Логическая траектория становления и развития социализма. — В монографии: **Б.В. Ракитский.** «Политическая экономия социализма сегодня». – М.: “Наука”. 1989. Стр. 71-88.

Г.Я.Ракитская, Социально-экономическая эффективность социалистического хозяйствования и подходы к её определению. — В сборнике «Механизм обеспечения демократического централизма в хозяйстве» – М.: ЦЭМИ АН СССР. 1989. Стр. 85-104.

1990 год

К народам Литвы и России. 14 января 1991. — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России” Выпуск 37. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2006. Стр. 147-149.

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Декларация принципов Союза «Рабочее дело». Проект. 22 февраля 1990. — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России” Выпуск 36. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2006. Стр. 87-92.

G.Y.Rakitskaya. Социалистическая демократия: политико-экономические аспекты. (перевод на английский статьи из журнала «Вопросы экономики» 1989. № 7). — Журнал «Problems of Economics» USA. NY. Februari 1990 / vol 32. No 10)

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Стратегия и тактика перестройки. ─ М.: “Наука” 1990. 128 с.

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Замыслы номенклатуры и интересы народа. О положении в стране, о планах перехода к рынку, о неотложных политических действиях и первоочередных делах в хозяйстве. Материалы к

семинару (6-8 октября, г. Челябинск) — М.: Июнь 1990 г. 64 с.

Декларация об основании Комитета содействия рабочему движению и самоуправлению трудящихся. Июнь 1990.

Г.Я.Ракитская, Концепция социализма и критерии социалистичности общественно-экономических процессов. — Журнал «Вопросы экономики» 1990. № 2.

G.Y.Rakitskaya. Концепция социализма и критерии социалистичности общественно-экономических процессов (перевод на английский статьи из журнала «Вопросы экономики» 1990. № 2). — Журнал «Prgblems of Economics» USA. NY. November 1990 / vol 33. No 7)

Взгляд **Г.Я.Ракитской** на проблему демократизации собственности. — В докладе «Изменения аграрных отношений и приоритетов в социально-экономическом развитии села». – М.: /Институт экономики АН СССР. Сектор аграрных отношений и социально-экономического развития села/ 1990. Стр.65-68.

Г.Я.Ракитская, Эволюция союзной власти: идеология и практика девяти месяцев. — В кн.: «Через тернии». М.: Изд. «Прогресс». 1990. Стр. 674-700.

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Социализм: закономерности и критерии. — В книге: “Социология перестройки” – М. “Наука”. 1990. Стр. 33-51.

Г.Я.Ракитская, Социальная политика в контексте перестройки. — Часть радела в книге «Социальные ориентиры обновления: общество и человек» М.: Политиздат. 1990. (0,75 п.л.).

1991 год

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** От согласия к схватке за власть. — Журнал «Альтернативы. Междуна-

родный общественно-политический и аналитический журнал». Вып. 1. 1991. Стр. 130-142.

G.Y.Rakitskaya, **B.V.Rakitskiy.** From Consensus to the Struggle for Power. — В журнале «Socialist ALTERNATIVES» V.I/ №1. Fall 1991. p. 201-218.

Наука и рабочее движение в СССР. На вопросы журнала (Н.Плискевич) отвечает лидер Комитета содействия рабочему движению и самоуправлению трудящихся **Г.Ракитская. — Ж**урнал Академии наук СССР «Общественные науки и современность». 1991. №3. Стр. 5-15.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Современное советское общество: основные противоречия, их динамика и перспективы разрешения (теория и анализ ситуации). — М.: /Материа-лы научной конференции «Обновление советского общества: проблемы и варианты, проводимой Институтом экономики АН СССР 11-15 нобря 1991 года в г. Пущино/. 1991. 16 с. (тир. 170 экз)

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Листовка «Автозаводцы! С акционированием лучше подождать!» — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России” Выпуск 37. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2006. Стр. 152-157.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Думайте сами, решайте сами... — Газета избирателей и народных депутатов городов Серпухова, Пущино, Протвино “СОВЕТЪ” 20 декабря 1991,

1992 год

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Ограбление ограбленных. — Газета «Солидарность» 1992. №4. Стр. 4-5.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Современное советское общество: основные противоречия, их динамика и перспективы разрешения (теория и анализ ситуации) — В кн. “На переломе (по стенограмме конференции “Обновление общества: проблемы и варианты”) г. Пущино. Но-

ябрь 1991. - М.: Институт экономики РАН. 1992. Стр. 40 - 51. ***Примечание:*** публикация содержит немало искажений, о чём имела место отдельная переписка Б.В. Ракитского с Никифоровым Л.В.).

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Важнейшие факторы, формировавшие общественное сознание и общественные действия в СССР в 1988-1991 гг. (Тезисы доклада). Рукопись.

Г.Я.Ракитская. Памятная записка второй сессии Комиссии Правления СДПР по связи с рабочим движением и профсоюзами (16 февраля 1992 г., г. Москва) — Печатное издание «Новости социал-демократии» Спецвыпуск Комиссии Правления СДПР по связям с рабочим движением и профсоюзами. Апрель 1992. № 12 (44). Стр. 1-5.

Отношение участников второй сессии Комиссии Правления СДПР по связи с рабочим движением и профсоюзами к «Основным положениям программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год» (16 февраля 1992 г. – Москва) (автор текста **Г.Я.Ракитская**) — Печатное издание «Новости социал-демократии» Спецвыпуск Комиссии Правления СДПР по связям с рабочим движением и пофсоюзами. Апрель 1992. № 12 (44). Стр. 5-6.

Г.Я. Ракитская. Отчёт о работе Комиссии Правления СДПР по связям с рабочим движением и профсоюзами (Июнь 1991 г. – апрель 1992 г.). — Печатное издание «Новости социал-демократии» Съездовский спецвыпуск. Май 1992. № 18-22. Стр. 2-3.

Г.Я. Ракитская. Основные положения платформы левых социал-демократов в СДПР (принято на III съезде СДПР делегатами, присоединившимися к платформе, 2 мая 1991 г.) — Печатное издание «Новости социал-демократии» Съездовский спецвыпуск. Май 1992. № 18-22. Стр. 16.

Г.Я. Ракитская. Проект Резолюции IV Съезда СДПР «О положении в стране, задачах и тактике СДПР (основной политический документ Съезда) (предлагается группой сторонников платформы левых социал-демократов в СДПР) — Печатное издание «Новости социал-демократии» Съездовский спецвыпуск. Май 1992. № 18-22. Стр. 22-25.

Особое мнение группы делегатов IV Съезда СДПР. 10 мая 1992 г. (среди 18 подписавших – Г.Я.Ракитская). — Печатное издание «Новости социал-демократии» Май 1992. № 23-26 (55-58). Стр. 22-23.

Декларация о создании фракции левых социал-демократов в СДПР на базе платформы, провозглашённой на III съезде СДПР. — Печатное издание «Новости социал-демократии» Май 1992. № 23-26 (55-58). Стр. 27.

Г.Я. Ракитская. Резолюция левых социал-демократов в СДПР «О положении в стране и тактике левых социал-демократов» (принята на собрании фракции на IV Съезде СДПР 10 мая 1992 г.) — Печатное издание «Новости социал-демократии» Май 1992. № 23-26 (55-58). Стр. 27-30.

Г.Я. Ракитская. О политическом и социально-экономическом положении в Российской Федерации, задачах и тактике СДПР (тезисы содоклада IV Съезду СДПР. — Серия «Социальная демократия». 1992. № 4. М.: Всероссийский фонд программ социальной демократии «Социум». Стр. 10-13.

Г.Я. Ракитская. Резолюция левых социал-демократов в СЛПР «О положении в стране и тактике левых социал-демократов». Принята на собрании фракции на IV съезде СДПР 10 мая 1992 г. — Печатное издание «Новости социал-демократии». Май 1992 № 23-26 (55-58). Документы IV съезда СДПР. Стр. 27-30.

Г.Я. Ракитская. О предстоящей третьей сессии Комиссии Правления СДПР по связям с рабочим движением и профсоюзами. — Печатное издание «Новости социал-демократии». 7 июля 1992 № 28 (60). Стр. 9-10.

Г.Я. Ракитская. Информация о работе III сессии Комиссии Правления СДПР по связям с рабочим движением и профсоюзами. — Печатное издание «Новости социал-демократии». 28 августа 1992 № 32 (64). Стр. 3.

Г.Я. Ракитская, член Правления СДПР. Беседа с корреспондентом. — В кн.: «Российские социал-демократы в дни августовского путча. Воспоминания и документы. М.: СДПР. 1992. Стр. 42-44.

Г.Я. Ракитская. Власть трудящихся в хозяйстве как составная часть социальной защищённости. — Журнал «Вопросы экономики» 1992. №7. Стр. 29-36.

Г.Я. Ракитская. Социальные требования демократических левых к экономическим преобразованиям. Тактика в условиях оппозиции. — «Экономика для человека. Антикризисная программа Демократических левых». – М.: «Экономическая демократия». 1992. Стр. 68-81.

Г.Я. Ракитская. Заявление о приостановке членства в СДПР. — Печатное издание «Новости социал-демократии». 21 сентября 1992 № 34 (66). Стр. 8.

Заявление Комитета содействия рабочему движению и самоуправлению трудящихся 30 октября 1992. — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России” Выпуск 37. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2006. Стр. 166.

Г.Я. Ракитская. Место трудящихся в будущей России (противоборство идей и реальных тенденций: 1987 – начало 1992 г.). — В сборнике статей «Производственная демократия: теория, практика и проблемы внедрения» М.: Институт экономики РАН. 1992. Стр. 28-52.

А.В.Ставницкий, Г.Я.Ракитская, Практика социального партнёрства в ФРГ. — В сборнике статей «Производственная демократия: теория, практика и проблемы внедрения» – М.: Институт экономики РАН. 1992. Стр. 83-92.

G.Y. Rakitskaya Hired Labor or Self-Management?. The Struggle of Ideas, Programs and Social Movements. — Журнал «Sociological Research» USA, NY. Januari-February 1992 /vol 31, no 1. Стр. 79-89.

Г.Я.Ракитская, Выступление на круглом столе «Перспективы социал-демократии в Западной Европе и в России». — В книге «Актуальные проблемы Европы: экономика, политика, идеология. Выпуск 4. – М.: ИНИОН РАН. 1992. Стр. 125-127.

1993 год

Г.Я.Ракитская, Современные требования трудящихся к социально-экономической политике. — Журнал «Вопросы экономики» 1993. № 4. Стр. 64-76.

Совместное заявление членов Комитета содействия рабочему движению и самоуправлению трудящихся и членов оргкомитета но созданию Народно-демократической партии 22 сентября 1993. **—** Периодическое издание “Перспективы и проблемы России” Выпуск 37. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2006. Стр. 171-174.

Г.Я.Ракитская, На пути к собственной идеологии (Идейные представления и требования трудящихся в ходе четвёртой русской революции). — М.: КАС-КОР; ИППС; ИЭ РАН. Февр – октябрь 1993. 48 с.

Г.Я.Ракитская, Защита интересов трудящихся при реформе собственности. — Журнал «Вопросы экономики» 1993. № 12. Стр. 19-28.

G.Y.Rakitskaya. Защита интересов трудящихся при реформе собственности (перевод на англ. язык статьи в

журнале «Вопросы экономики» 1993. № 12) — Журнал «Problems of Economic Transition». USA, NY. November 1994/ vol 37, no 7.

Г.Я.Ракитская. Место трудящихся в будущей России (противоборство идей и реальных тенденций в 1987 – 1992 гг.). — Журнал «Альтернативы. Международный общественно-политический и аналитический журнал». Выпуск 3. 1993. Стр. 54-70.

G.Y.Rakitskaya. The Struggle for Property is a Struggle for Power in the Economy. — В сборнике «Double shift: Transforming Work in Postsocialist and Postindustrial Societies». A.U.S. – Post-Soviet Dialogue – M.E.Sharpe. Armonk. New York. London. England. 1993.

Г.Я.Ракитская, Раздел 1. Позиция профсоюзов по принципиальным вопросам реформы предприятий. Раздел 2. Профсоюзы и преобразование форм хозяйствования в государственном секторе. — В кн.: «Реформа предприятий: задачи и возможные действия профсоюзов и других организаций трудящихся (материалы к совещанию «Профсоюзы и реформа предприятий»)». – М.: Международный фонд содействия социально-трудовым исследованиям. 1993. Стр. 5-28.

1994 год

Г.Я.Ракитская, Раздел 1. Позиция профсоюзов по принципиальным вопросам реформы предприятий (вторая редакция). Раздел 2. Профсоюзы и преобразование форм хозяйствования в государственном секторе (вторая редакция). — В кн.: «Реформа предприятий: задачи и возможные действия профсоюзов и других организаций трудящихся». – М.: Международный фонд содействия социально-трудовым исследованиям. 1994. Стр. 4-29.

Г.Я.Ракитская. Политическая система и хозяйственная власть: проблемы соответствия. Научный доклад. — Институт экономики РАН. Февраль 1994.

Г.Я.Ракитская. Взаимосвязь политической системы и хозяйственной власти (общая теория и методология). — В периодическом издании «Перспективы и проблемы России» Выпуск 1. М.: 1994. Стр. 32-66.

Г.Я.Ракитская. Перспективы социал-демократии в свете объективных задач и реальных результатов российских революционных реформ. — В кн.: «Перспективы социальной демократии в России. Материалы ситуационного анализа. Москва, 4 марта 1994 г.» – М.: ИНИОН РАН. 1994. Стр. 133-144.

G.Y. Rakitskaya. What the Workers are Demanding in Terms of Social and Economic Policy. — Russian Labor Review. Spring/Summer 1994. № 3.

1995 год

Г.Я.Ракитская. Состояние и перспективы рабочего движения. — Журнал «Вопросы экономики» 1995. № 6. Стр. 57-66.

Г.Я.Ракитская. Состояние рабочего движения и перспективы России. — Журнал «Рабочая политика». 1995. № 2. Стр. 9-20.

Г.Я.Ракитская. Будущее и настоящее России в идейных представлениях и требованиях (из летописи четвёртой русской революции). — В периодическом издании «Перспективы и проблемы России» Выпуск 2. – М.: 1995. Стр. 42-137.

Г.Я.Ракитская. Рабочий колхоз при капитализме (впечатления и размышления о знаменитом опыте группы кооперативов в городе Мондрагоне на севере Испании). — В периодическом издании «Перспективы и проблемы России» Выпуск 3. М.: 1995. 24 с. На обложке название выпуска «Мифы правых и левых (сюжет первый: миф левых о Мондрагоне)»

G.Y. Rakitskaya. L'йtat et les perspectives du movement ouvrier. — В сборнике «Russie postsovietique la fatige de l'histoire? — Editions Complexe. Bruxelles. 1995. Стр. 169-184.

Г.Я.Ракитская. Замыслы и результаты реформ. Основные идейно-политические течения в современной России. — М.: Институт перспектив и проблем страны, Transnationals Information Exchange (TIE). Февраль 1995. 61 с.

Г.Я.Ракитская. Развитие реформ и изменение социально-экономического положения работников (по материалам семинара для рабочих и низовых профсоюзных активистов 14-16 октября 1994 г. Москва) — М.: Институт перспектив и проблем страны, Transnationals Information Exchange (TIE) 1995. 22 с.

Г.Я.Ракитская. Демократическая реформа собственности: упущенная или реальная возможность? — Журнал «Рабочая политика». 1995. № 6.

Г.Я.Ракитская. Демократическая реформа собственности: упущенная или реальная возможность? (перепечатка статьи из журнала «Рабочая политика») — Газета «Солидарность» 1995, №12 (109).

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Социальная Хартия России. – М.: 1995. 54 с. Брошюра издана к обсуждению в РАЕН. Авторы и тираж не указаны.

Г.Я.Ракитская. Профсоюзное движение в бывшем СССР и современные проблемы демократизации профсоюзов. — В брошюре «Профсоюзы как демократический инструмент трудящихся. Демократизация профсоюзов. Материалы учебного семинара для рабочих и низовых профсоюзных активистов 7-9 декабря 1995, г. Минск. — М.: TIE, ИППС. 1995. Стр. 9-18.

1996 год

Г.Я.Ракитская. Переходный период в России: современная стадия перехода и прогноз. — В сборнике «На пути к постиндустриальной цивилизации. Материалы II Международной Кондратьевской конференции (Санкт-Петербург, 15-17 марта 1995 г.)» – М.: Институт экономики РАН. 1996. Стр. 130-137.

Г.Я.Ракитская. Общественно-экономические стратегии в современной России. — Журнал «Вопросы экономики» 1996. №8. Стр. 86-98.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Социальная Хартия России. — В периодическом издании «Перспективы и проблемы России» Выпуск 4. – М.: Январь 1996. 55 с.

Г.Я.Ракитская. Профсоюзы и участие трудящихся в демократическом процессе. — В периодическом издании «Трудовая демократия». Выпуск 2. – М.: Октябрь-декабрь 1996. 44 с.

Г.Я.Ракитская. Выступление на круглом столе по теме «Приватизация и собственность работников» 14 марта 1996. (Изложение) Организаторы круглого стола Институт экономики РАН, Фонд экономической реформы России и журнал «Вопросы экономики». — Журнал «Вопросы экономики» 1996. №8. Стр. 119-120.

Г.Я.Ракитская. Почему реформы в России идут за счёт трудящихся. — Журнал «Рабочая политика». 1996. № 2. Стр. 5-11.

Г.Я.Ракитская. Миф левых о Мондрагоне. Что мы хотели узнать в Мондрагоне. (перепечатка брошюры, изданной в 1995 г.). — Журнал «Альтернативы», 1996, № 2 (лето). Стр. 104-118.

1997 год

Г.Я.Ракитская. Примечания научного редактора к брошюре В.Г.Рупеца «Профсоюзы и проблемы демокра-

тии в России». — В периодическом издании «Трудовая демократия». Выпуск 6. – М.: 1997. Стр. 5-6; 9; 10; 11; 13; 15; 17; 24; 27-28.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Очередные задачи профсоюзного дела. От массового недовольства, жалобных протестов и выклянчивания соблюдения законов — к солидарному массовому политическому давлению и конструктивному политическому действию. — В периодическом издании «Трудовая демократия». Выпуск 8. – М.: Март 1997. 18 с.

Г.Я.Ракитская. Общественные стратегии в современной России. — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России”. Выпуск 6. – М.: Институт перспектив и проблем страны. Февраль 1997. Стр. 4-25.

Г.Я.Ракитская. Идеологии экономических преобразований как фактор исторического выбора (теория и методология анализа, развитие идеологий в ходе четвёртой русской революции). — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России”. Выпуск 6. – М.: Институт перспектив и проблем страны. Февраль 1997. Стр. 48-71.

Г.Я.Ракитская. Изменение идеологий экономических преобразований в переходный период (факторы, направления, этапы) — В сборнике «Теоретическое обобщение экономической трансформации постсоветских обществ: опыт, уроки, перспективы. Научный доклад». – М.: Институт экономики РАН. 1997.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. От массового недовольства, жалобных протестов и выклянчивания соблюдения законов — к солидарному массовому политическому давлению и конструктивному политическому действию (наброски к брошюре «Очередные задачи профсоюзного дела»)). — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России”. Выпуск 6. – М.: Институт перспектив и проблем страны. Февраль 1997. Стр. 72-87.

Г.Я.Ракитская. На пути к собственной идеологии. Изложение основного содержания лекции. — В периодическом издании «Информационный бюллетень Школы трудовой демократии» Выпуск 1. – М.:1997. Стр. 18-20.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Социальное партнёрство в России. — В периодическом издании “Трудовая демократия” Выпуск 5. – М: Апрель 1997. Стр. 32-37.

1998 год

Г.Я.Ракитская, Методология марксизма и историческое поприще её плодотворности. — В книге: **Г. Ракитская, Б.Ракитский.** Методология марксизма и историческое поприще её плодотворности. М.: Институт перспектив и проблем страны. 1998. Стр. 5-50.

Г.Я.Ракитская, Миф левых о Мондрагоне (рабочий колход при капитализме). 2-е издание. — В периодическом издании “Трудовая демократия” Выпуск 15. – М: ШТД. 1998. 26 с.

Г.Я. Ракитская, Б.В.Ракитский. Собственная идеология или идеологическая самодеятельность? (статья в рубрике “От издателей”) — В брошюре Пауло Фрейре “Педагогика угнетенных” (Периодическое издание “Трудовая демократия” Вып.16. – М:1998. Стр. 6-11.

А.С.Иванов, Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Обмен мнениями об отношении к Сильной Личности во главе современной России. — Газета «Рабочая политика» 30 июля 1998. (Беседа перепечатана в периодическом издании «Бюллетень Школы трудовой демократии», выпуск 11; М.: Институт перспектив и проблем страны. 1999. Стр. 17-27.

Г.Я.Ракитская. Три примечания научно-литературного редактора. — В брошюре Пауло Фрейре “Педагогика угнетенных” (Периодическое издание “Трудовая демократия” Вып.16. М:1998. Стр. 13-14; 32-33; 36.

Г.Я.Ракитская. Примечания. — В книге «Говорят рабочие Кировского завода» Изд. 2-е, исправленное. — В периодическом издании “Трудовая демократия” Выпуск 18. М: ШТД. 1998. Стр. 47; 50; 57; 100-101; 102-103.

Г.Я.Ракитская. Марксизм и псевдомарксизм. — Периодическое издание “Альманах Центра общественных наук”. – М.: май 1998. №8. Стр. 67-82.

Г.Я.Ракитская. Марксизм и псевдомарксизм. — В книге: «Постижение Маркса. (по материалам международной научной конференции, посвящённой 180-летию со дня рождения К.Маркса) — М.: Московский университет, ТЕИС. 1998. Стр. 89-103.

2000 год

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Пространство ответов: кто сделает или кто заставит сделать? — В книге “Россия в актуальном времени-пространстве”. – Москва - Волгоград. Издательство Волгоградского университета. 2000 г. Стр.391-397.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Уровень и перспективы демократического действия трудящихся. — В периодическом издании “Трудовая демократия” Выпуск 27. – М: ШТД. 2000. 14 с.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Замыслы номенклатуры и интересы народа 2-е издание. Из публикаций периода антитоталитарной революции. — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России” Выпуск 21. – М.: Институт перспектив и проблем станы. 2000. 79 с.

Г.Я.Ракитская. Марксистская версия социальных институтов и институциональных преобразований. Опыт анализа и актуального продвижения методологии. — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2000. 96 с.

Б.В. Ракитский, Г.Я.Ракитская. Коллективный трудовой конфликт и действия властей в связи с конфликтом.

(Кейз-стади). 58 с. В качестве кейз-стади этот материал многократно переиздавался и использовался с 2000 г. много лет для преподавания курса социальной политики и некоторых других дисциплин.

2001 год

Г.Я.Ракитская. На пути к собственной идеологии (Идейные представления и требования трудящихся в ходе четвёртой русской революции) 2-е издание (с приложением). – М.: 2001. 62 с.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Глобализация капитализма как новейший этап социальной организации человечества (глобализация социальной непримиримости). Материалы к научно-геополитической конференции “Глобализация и антиглобализм” Москва, 9 ноября 2001 г. – М.: 2001. 36 с.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Право на труд. — Период. издание “Трудовая демократия” № 37. – М.: Школа трудовой демократии. 2001. 60 с.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский, М.Д.Мандель. Программы учебных семинаров для рабочих и низовых профсоюзных активистов). Часть вторая (апрель 1998 – февраль 2000). Порядок проведения. Вопросники проблемных дискуссий. — Периодическое издание «Бюллетень Школы трудовой демократии» Выпуск 19. – М.: 2001. 56 с. (авторы программ не указаны ни на обложке, ни на титуле).

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский, М.Д.Мандель. Программы учебных семинаров для рабочих и низовых профсоюзных активистов. Часть вторая (апрель 2000 – ноябрь 2000). Порядок проведения. Вопросники проблемных дискуссий. — Периодическое издание «Бюллетень Школы трудовой демократии» Выпуск 20. – М.: 2001. 70 с. (авторы программ не указаны ни на обложке, ни на титуле).

Ракитская Г.Я. Восприятие теоретико-экономических знаний и опыта в современной России: критическо-компаративистский анализ (рукопись) 2000-2001. (0,5 п.л.)

2002 год

Г.Я.Ракитская. Восприятие теоретико-экономических идей в современной России: критически-компаративистский анализ. — В сборнике «Экономическая компаративистика: методологические принципы и направления развития». – М.: Институт экономики РАН. 2002.

Г.Я.Ракитская. **Б.В.Ракитский.** О пассивности профсоюзного членства. — В брошюре “Классовая активность и классовая пассивность” (“Бюллетень Школы трудовой демократии”. Выпуск 23. – М: январь 2002 г. Стр. 19-25.

Г.Я.Ракитская. К критике общественного сознания в новой России (реформа собственности и социально-трудовых отношений). — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России” Выпуск 25. – М.: Институт перспектив и проблем станы. 2002. 56 с.

Г.Я.Ракитская. Проблемы и перспективы профсоюзной формы самоорганизации трудящихся в условиях глобализации. — Период. издание “Трудовая демократия” № 41. – М.: Школа трудовой демократии. 2002. Стр. 17-21.

Г.Я.Ракитская. Проблемы и перспективы профсоюзной формы самоорганизации трудящихся в связи с трансформацией социально-трудовых отношений в условиях глобализации. — В периодическом издании «Справочник профсоюзного работника» Выпуск № 4 «Глобализация и профсоюзное движение». По материалам научно-практических конференций…». – М.: Профиздат. 2002. Стр.86-90.

Г.Я.Ракитская. Взаимоотношения работников и работодателей в современной России (1987-2001 гг.). — Журнал «Вопросы экономики» 2002. №11. Стр. 46-58.

Г.Я.Ракитская. Взаимоотношения работников и работодателей. — Период. издание “Трудовая демократия” № 43. – М.: Школа трудовой демократии. 2002. 68 с.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Тенденции новой социальной дифференциации в России (гипотеза). — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России” Выпуск 26. Угол атаки. Выступления, публицистика, постановки вопросов. Год 2001-2002. – М.: 2002. Стр. 3-22.

Г.Я.Ракитская. Соотношение теоретического и прикладного знания: вызовы и тенденции. Раздел: Трансформация социально-экономических концепций марксизма в связи с попытками их практической реализации (методологический аспект). Рукопись. 1,5 п.л. 2002.

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Социальная защита и самозащита труда. Часть первая. Нормальное социальное положение и риски социального происхождения (социальные риски). — Период. издание “Трудовая демократия” № 44. – М.: Школа трудовой демократии. 2002. 48 с.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Социальная защита и самозащита труда. – Часть вторая. Система социальной защиты и способы социальной самозащиты. — Период. издание “Трудовая демократия” № 45. – М.: Школа трудовой демократии. 2002. 78 с.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Тенденции новой социальной дифференциации в России (гипотеза) — Журнал “Экономика и общество” 2002. №12. Стр. 134-146.

Г.Я.Ракитская. 5 статей энциклопедического типа. (Движения социальные современные; Институты социальные (общественные, социально-экономические, экономические); Коллектив трудовой; Профсоюзы (профессиональные союзы); Трудящиеся). — В книге: «Социальная политика. Толковый словарь». Изд. первое и второе, доработанное. – М.: РАГС. 2002. Стр. 53-60; 160-166; 180-184: 312-318; 401-404.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. 2 статьи энциклопедиического типа (Положение социальное (социально-экономическое положение, общественное положение, положение в обществе); Общность социальная). — В книге: «Социальная политика. Толковый словарь». Изд. первое и второе, доработанное. – М.: РАГС. 2002. Стр. 292-296.

Г.Я.Ракитская. **Б.В.Ракитский.** Роль государства в социальной политике. Особенности государства как субъекта социальной политики и его конституционные обязанности в этой сфере. — В учебнике “Социальная политика” – М.: “Экзамен”, 2002. Глава 1.6. Стр. 84-97.

2004 г. издание 2-е, стереотипное.

Г.Я.Ракитская, **Л.П.Храпылина.** Негосударственные субъекты-институты социальной политики. — В учебнике “Социальная политика”. – М.: “Экзамен”, 2002. Глава 1.7. Стр. 98-112.

2004 г. издание 2-е, стереотипное.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский, М.Д.Мандель. Программы учебных семинаров для рабочих и низовых профсоюзных активистов. Часть третья (апрель 2001 – июнь 2002). Порядок проведения. Вопросники проблемных дискуссий. — Периодическое издание «Бюллетень Школы трудовой демократии» Выпуск 24. – М.: 2002. 64 с. (авторы программ не указаны ни на обложке, ни на титуле).

Ракитская Г.Я. Определение рынка труда. Рукопись. 1 с.

Перепечатка

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** О пассивности профсоюзного членства. — В брошюре “Классовая активность и классовая пассивность” – Чернигов. ШТД Украины. Июнь 2002. Стр. 19-28.

Перепечатка

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Уровень и перспективы демократических действий трудящихся. — В брошю-

ре: “Перспективы демократических действий трудящихся и их организаций”. – Чернигов. Июль 2002. Стр. 6-17.

Перепечатка

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Право на труд. — Чернигов (Украина). ШТД Украины. 2002. 38 стр.

2003 год

Б.В. Ракитский, Г.Я.Ракитская ПИСЬМО О ПАРТИЯХ 23 марта 2003 г. — Текст на e-mail 23 марта 2003 г. 0,3 п.л.

Г.Я.Ракитская Письмо В.В.Старостину в Омск 12 мая 2003 г. — Текст на e-mail. 0,25 п.л.

Ракитская Г.Я. Классовые взаимоотношения на предприятиях России и шансы на социальное партнёрство. — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России”. Выпуск 28. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. Стр. 19-25.

Декларация о создании Интернационального Университета трудящихся и эксплуатируемых (Рабочего Университета). Подписана 19 декабря 2001 г. Ракитским Б.В., Манделем М.Д., **Ракитской Г.Я.,** Мысляевой И.Н. — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России” Выпуск 27. Угол атаки. Выступления, публицистика, постановки вопросов. Год 2002. – М.: 2003. Стр. 1-4.

Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. 480 с.

РАКИТСКАЯ Галина Яковлевна. Общая теория социально-трудовых отношений и перспективы их демократического регулирования в современной России. Диссертация на соискание учёной степени доктора экономических наук (Специальность 08.00.05 – Экономика и

управление народным хозяйством (Экономика труда)). Москва. РАГС. 2003. 393 с.

Ракитская Галина Яковлевна. Общая теория социально-трудовых отношений и перспективы их демократического регулирования в современной России. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора экономических наук. — М.: РАГС. 2003. 48 с.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Актуальность высокой методологии для исследований и практического осуществления социальной политики. — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России”. Выпуск 30. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. 43 с.

Г.Я. Ракитская. Классовые взаимоотношения на предприятиях России и шансы на социальное партнёрство. — В сборнике научных статей: «Социальное партнёрство: проблемы и перспективы развития». – М.: Изд. РАГС. 2003. Стр. 27-32.

Г.Я. Ракитская. Необъявленная реформа социально-трудовых отношений в 1990-е годы. — Журнал «Вопросы экономики», 2003. №9. Стр. 77-88.

Г.Я. Ракитская (составитель и автор текстов). Профсоюзы и собственная идеология трудящихся классов. Материалы к учебным семинарам для рабочих и низовых профсоюзных активистов. — В периодическом издании «Бюллетень Школы трудовой демократии» Выпуск 26. – М.: 2003. 32 с.

Г.Я.Ракитская. Анализ диагностики постсоветского экономического кризиса в российской марксистской (по самоопределению) литературе (2003 г.) Рукопись. 2003. 1,25 п.л.

Перепечатка:

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Социальная защита и самозащита труда. Часть первая. Нормальное социаль-

ное положение и риски социального происхождения (социальные риски). – Чернигов. ШТД Украины. 2003. 44 с.

Перепечатка:

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Социальная защита и самозащита труда. Часть вторая. Система социальной защиты и способы социальной самозащиты. – Чернигов. ШТД Украины. Сентябрь 2003. 54 с.

Перепечатка

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Глобализация капитализма как новейший этап социальной организации человечества (глобализация социальной непримиримости). — В кн.: “Глобализация: новое слово или новое явление?” – Чернигов. 2003. Стр.6 - 34 с.

2004 год

Декларация участников Сибирского Социального Форума (ССФ-2004). Новосибирск. 25-27 июня 2004 г. (Издатель и автор текста не указаны). Автор текста – **Г.Я. Ракитская.**

Г.Я. Ракитская. Декларация участников Сибирского Социального Форума (ССФ-2004) — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России”. Выпуск 32. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2004. Стр. 3-14.

Г.Я. Ракитская. La Dйclaration des participants du Forum Social Sibйrien. — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России”. Выпуск 32. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2004. Стр. 15-23.

Г.Я. Ракитская. Забытые уроки первой русской революции (ответы на неактуальные ещё вопросы) — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России”. Выпуск 32. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2004. Стр. 24-34.

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Письмо лётчикам «Башкирских авиалиний» 2 июля 2002. — Периодическое

издание “Трудовая демократия”. Выпуск 48. ─ М.: ШТД. 2004. Стр. 9.

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Письмо Профсоюзу лётного состава авиакомпании «Башкирские авиалинии» 6 марта 2003. — Периодическое издание “Трудовая демократия”. Выпуск 48. ─ М.: ШТД. 2004. Стр. 11-14.

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Письмо администрации Президента Республики Беларусь, Генеральному прокурору Республики Беларусь, профсоюзу АСМ Беларуси 1 ноября 2003. — Периодическое издание “Трудовая демократия”. Выпуск 48. ─ М.: ШТД. 2004. Стр. 26.

Г.Я.Ракитская, **Б.В.Ракитский.** Два письма Профсоюзу лётного состава авиакомпании «БАЛ» 1 и 2 марта 2004. — Периодическое издание “Трудовая демократия”. Выпуск 48. ─ М.: ШТД. 2004. Стр. 27-38.

Г.Я.Ракитская, Письмо Дени Пайару 29 марта 2004. — Периодическое издание “Трудовая демократия”. Выпуск 48. ─ М.: ШТД. 2004. Стр. 40-41.

Г.Я.Ракитская, Письмо С.Ештокину и О.Приходько 19 апреля 2004. — Периодическое издание “Трудовая демократия”. Выпуск 48. ─ М.: ШТД. 2004. Стр. 49-52.

Г.Я.Ракитская, Проблематика социально-трудовых конфликтов в контексте реального состояния и социально-групповой структуры российского общества. — В кн.: «Трудовые отношения и социальные конфликты в современной России». – М.: Современная экономика и право. 2004. Стр. 118-125.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Актуальность высокой методологии для исследований и практического осуществления социальной политики. — В кн.: “Проблемы экономики переходного общества. Сборник научных трудов учёных России и Украины”. ─ Запорожье. ГУ “ЗИГМУ”. 2004. Стр. 281-301.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Социальные риски особенного исторического происхождения. — В кн.: “Социальные риски в рыночной экономике и политика их смягчения”. – М.: ГУ ВШЭ. 2004. Стр. 356-370.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский, М.Д.Мандель. Программы учебных семинаров для рабочих и низовых профсоюзных активистов. Часть четвёртая (февраль 2003 – июнь 2004). Порядок проведения. Вопросники проблемных дискуссий. — Периодическое издание «Бюллетень Школы трудовой демократии» Выпуск 28. – М.: 2004. 44 с. (авторы программ не указаны ни на обложке, ни на титуле).

Г.Я.Ракитская. Эволюция союзной власти: идеология и практика девяти месяцев (1989 - 1990). Из публикаций периода четвёртой (антитоталитарной) революции. Май 1990 года. — В периодическом издании «перспективы и проблемы России» Выпуск 33. — М.: 2004. Стр. 48-87.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Европейская социальная хартия. — «Энциклопедия государственного управления в России» В 4-х томах. Том 1. — М.: Изд. РАГС. 2004.

Г.Я.Ракитская (в составе авторского коллектива – 175 чел.) Социальная корпоративная политика: проблемы, опыт, перспективы. Учебное пособие. — М.: 2004. (65,5 п.л., вклад Г.Я. Ракитской – 0,4 п.л.).

Г.Я.Ракитская. Методологические аспекты современного рынка труда. — В сб. «Рынок труда и занятость: современные проблемы теории и практики. Серия «Точка зрения». – М.: Изд. РАГС. 2004. Стр. 123-127.

О методике подготовки и проведения учебных семинаров Школы трудовой демократии— Периодическое издание «Бюллетень Школы трудовой демократии» Выпуск 28. – М.: ШТД. 2004. Стр. 5-14

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Коллективные переговоры: новый трудовой кодекс и реальная атмосфера

(классовые взаимоотношения на предприятиях современной России) (Кейз-стади). – РАГС. Кафедра труда и социальной политики. М.: 2004. 35 с.

Перепечатка

Г.Я.Ракитская. Взаимоотношения работников и работодателей. – Чернигов. Январь 2004. 63 с.

2005 год

Г.Я. Ракитская. Забытые уроки первой русской революции (ответы на неактуальные ещё вопросы) — Периодическое издание «Обществознание большинства» Выпуск 1. – М.: Январь 2005. Стр. 45-57.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Доказательства необходимости, целесообразности и реальной возможности общероссийской социально-политической стачки (подготовительные материалы к брошюре). — М.: май 2005. 19 с.

Г.Я.Ракитская (при участии Б.В.Ракитского) От разрозненных профсоюзов к профессионально-политической классовой самоорганизации. — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России”. Выпуск 35. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2005. Стр. 17-30.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. От разрозненных профсоюзов к профессионально-политической классовой самоорганизации. /Первый Российский социальный форум 2005/ 16-17 апреля 2005/. — М.: Школа трудовой демократии. 20 с

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. От разрозненных профсоюзов к профессионально-политической классовой самоорганизации. Доклад на Первом Российском социальном форуме. Москва. 16-17 апреля 2005 года. — Чернигов. Апрель 2005. Стр. 6 – 24.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Новая научная постановка проблемы безработицы. — В кн.: “Социальная

политика России. Актуальные проблемы и перспективы их решения. — М.: КНОРУС. 2005. Стр. 145-158.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Методологические проблемы учёта факторов глобализации в изучении социально-политических процессов. — В кн.: “Социальная политика России. Актуальные проблемы и перспективы их решения. — М.: КНОРУС. 2005. Стр. 405-432.

Г.Я.Ракитская. Современная теория эксплуатации (эксплуатация как тип социально-трудовых отношений). — Периодическое издание «Обществознание большинства». Выпуск 2. – М.: ИУТЭ(РУ). Декабрь 2005. Стр. 3-30.

Г.Я.Ракитская. 7 энциклопеди**ческих ст**атей (Глобализация капитализма; Движения социальные современные; Институты социальные; Коллектив трудовой; Профсоюзы (профессиональные союзы); Силы социальные (социально-политические, политические); Трудящиеся). — «Социальная политика. Энциклопедический словарь» М.: Академический проект, Трикста. 2005.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. 8 энциклопедических статей (Европейская социальная хартия; Положение социальное; Общность социальная; Риски социальные; Социальной резервации теория; Стратегия и приоритеты социальной политики; Структура социальная; Эксплуатация). — «Социальная политика. Энциклопедический словарь» М.: Академический проект, Трикста. 2005.

Г.Я. Ракитская (составитель). Право на труд: международные и российские принципы, нормы и практика. Материалы к учебным семинарам для рабочих и низовых профсоюзных активистов. — В периодическом издании «Бюллетень Школы трудовой демократии» Выпуск 29. – М.: 2005. 31 с.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Кейз-стади “Заключение регионального трёхстороннего соглашения” — В книге “Кейз-стади в подготовке экономистов и менеджеров.

Учебник для вузов” (Авторы: Н.А.Волгин и др.). – М.: 2005. С.92-97.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Кейз-стади “Коллективный трудовой конфликт и действия властей в связи с конфликтом” — В книге “Кейз-стади в подготовке экономистов и менеджеров. Учебник для вузов” (Авторы: Н.А. Волгин и др.). – М.: 2005. С.98-138.

Г.Я.Ракитская. Эксплуатация как тип социально-тру-довых отношений. Рукопись. Ноябрь 2005.

Перепечатка

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. От разрозненных профсоюзов к профессионально-политической классовой самоорганизации. — Чернигов. ШТД Украины. Апрель 2005. 38 с.

Перепечатка

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Глобализация капитализма как новейший этап социальной организации человечества. — В кн. “Глобализация и трудящиеся” – Чернигов. ШТД Украины. Декабрь 2005. Стр. 10-35.

Перепечатка

Г.Я.Ракитская. Проблемы и перспективы профсоюзной формы самоорганизации трудящихся в условиях глобализации капитализма. — В кн.: “Глобализация и трудящиеся» – Чернигов. Декабрь 2005. Стр. 47-51.

2006 год

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Наше предложение (13 января 2006) Рукопись. 2006. 2 с.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. О пассивности профсоюзного членства. — В кн. “Актуальные проблемы профсоюзной борьбы и развития профсоюзов: материалы к семинару” — Периодическое издание “Бюллетень Школы трудовой демократии” Выпуск №30. – М.: ШТД-ИНФОРМ. 2006. Стр. 44-49.

Г.Я.Ракитская. 8 статей энциклопедического типа (Глобализация капитализма; Движения социальные современные; Институты общественные; Коллектив трудовой; Профсоюзы; Силы социальные; Трудящиеся; Формация общественная). — В книге: «Социальная политика. Энциклопедия». – М.: Альфа-Пресс. 2006.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. 6 статей энциклопедического типа («Стратегия и приоритеты социальной политики»; «Положение социальное»; «Риски социальные»; «Социальной резервации теория»; «Структура социальная»; «Эксплуатация»). — В книге: «Социальная политика. Энциклопедия». – М.: Альфа-Пресс. 2006.

Г.Я.Ракитская. Собственное демократическое пространство жизни трудящихся классов ─ предпосылка поворота к обществу социальной справедливости. — В кн. “Актуальные проблемы профсоюзной борьбы и развития профсоюзов: материалы к семинару” – Периодическое издание “Бюллетень Школы трудовой демократии” Выпуск №30. М.: ШТД-ИНФОРМ. 2006. Стр. 55-58.

Г.Я.Ракитская. Методологические аспекты постановки и решения узловых социально-трудовых проблем. — В кн. «Трансформация социально-трудовых отношений: проблемы, уроки, вектор развития. Материалы научно-практической конференции, состоявшейся в РАГС 25 ноября 2005 года» Часть 2. ─ М.: Изд. РАГС. 2006. Стр. 197-207.

Г.Я.Ракитская. Что меня не устраивает в дискуссии? — В сборнике «Гражданское общество и профсоюзы». – М.: АТиСО. 2006. Стр. 66-68.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. О пассивности профсоюзного членства. — В брошюре “Классовая активность и классовая пассивность” (второе издание). – Чернигов. ШТД Украины. Сентябрь 2006. Стр. 22-27.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Как выработать представления о нормальном социальном положении трудящихся? — В кн. “Актуальные проблемы профсоюзной борьбы и развития профсоюзов: материалы к семинару” – Периодическое издание “Бюллетень Школы трудовой демократии” Выпуск №30. М.: ШТД-ИНФОРМ. 2006. Стр. 33-43.

Г.Я.Ракитская (составитель). Актуальные проблемы профсоюзной борьбы и развития профсоюзов: материалы к семинару” Материалы к учебным семинарам для рабочих и низовых профсоюзных активистов. — Периодическое издание “Бюллетень Школы трудовой демократии” Выпуск №30. – М.: ШТД-ИНФОРМ. 2006. 59 с.

Г.Я.Ракитская Эксплуатация (основные положения современной теории) — В кн. “Актуальные проблемы профсоюзной борьбы и развития профсоюзов: материалы к семинару” – Периодическое издание “Бюллетень Школы трудовой демократии” Выпуск №30. М.: ШТД-ИНФОРМ. 2006. Стр. 10-20

Г.Я.Ракитская. Что такое «советы»? — В кн. “Актуальные проблемы профсоюзной борьбы и развития профсоюзов: материалы к семинару” – Периодическое издание “Бюллетень Школы трудовой демократии” Выпуск №30. М.: ШТД-ИНФОРМ. 2006. Стр. 49-55

Перепечатка

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Ограбление ограбленных. (первоначально: Газета «Солидарность» 1992. №4. Стр. 4-5). — Периодическое издание “Перспективы и проблемы России” Выпуск 37. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2006. Стр. 160-165.

Перепечатка

Совместное заявление членов Комитета содействия рабочему движению и самоуправлению трудящихся и членов оргкомитета но созданию Народно-демократической партии 22 сентября 1993. — Периодическое издание

“Перспективы и проблемы России” Выпуск 37. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2006. Стр. 171-174.

2007 год

Г.Я.Ракитская. Идеология последовательного гуманизма: предпосылки и вероятность реализации — В журнале “Альтернативы”. 2007. № 1. С. 41-49.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Труд: современная теория и методология. — М.: Изд. РАГС. 2007. 180 с.

Г.Я.Ракитская, Позиция российских профсоюзов: социальное партнёрство или социальная капитуляция? (набросок к брошюре). Материал к семинару «Актуальные проблемы профсоюзной борьбы и организации профсоюзов» (из цикла семинаров «Глобализация и профсоюзное движение») (Всеволожск. 17-18 февраля 2007 г.) — М.: ШТД. 2007. 9 с.

Г.Я.Ракитская, Позиция российских профсоюзов: социальное партнёрство или социальная капитуляция? — Периодическое издание «Трудовая демократия» Выпуск 53. – М.: ШТД. 2007. 10 с.

Г.Я.Ракитская. Социальное партнёрство или социальная капитуляция? (О позиции российских профсоюзов) Для Круглого стола «Роль и перспективы свободных поф-союзов в России» Москва, 22 марта 2007. — М.: ШТД. 2007. 11 с.

Г.Я.Ракитская. Диктатура пролетариата как логическая категория и как формула политической практики (к вопросу о пересмотре революционных концепций). Тезисы доклада на конференции «1917-2007: Идея революции и опыт истории» Москва, 9-10 июля 2007 г. Рукопись. 0,2 п.л. 2007.

Г.Я.Ракитская. Письмо Д.Манделю в Монреаль 9 декабря 2006. — Периодическое издание “Трудовая демократия”. Выпуск 54. – М.: ШТД. 2007. Стр. 58-60.

Г.Я.Ракитская. Письмо А.В.Сперанскому 6 марта 2007. — Периодическое издание “Трудовая демократия”. Выпуск 54. – М.: ШТД. 2007. Стр. 65-66.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Письмо Л.М. Алексеевой 15 марта 2007. — Периодическое издание “Трудовая демократия”. Выпуск 54. – М.: ШТД. 2007. Стр. 67-68.

Г.Я.Ракитская. Письмо В.В.Старостину 23 марта 2007. — Периодическое издание “Трудовая демократия”. Выпуск 54. – М.: ШТД. 2007. Стр. 69-73.

Г.Я.Ракитская. Письмо А.М.Оболенскому 13 апреля 2007. — Периодическое издание “Трудовая демократия”. Выпуск 54. – М.: ШТД. 2007. Стр. 80-81.

Г.Я.Ракитская. Письмо Сибирской конфедерации труда (в рассылку СКТ) 23 мая 2007. — Периодическое издание “Трудовая демократия”. Выпуск 54. – М.: ШТД. 2007. Стр. 99-100.

Г.Я.Ракитская. Социально-трудовые отношения и профсоюзные стратегии в России: оценка по критериям классовой борьбы и социального партнёрства. — В сб. “Станут ли профсоюзы России классовыми организациями?” – Период. изд. “Трудовая демократия” Выпуск 56. М.: ШТД. 2007. Стр. 42-62.

Г.Я.Ракитская. Классовое гуманитарное образование как предпосылка и форма профессионально-политической самоорганизации трудящихся (15-летний опыт Школы трудовой демократии). — В сб. “Станут ли профсоюзы России классовыми организациями?” – Период. изд. “Трудовая демократия” Выпуск 56). – М.: ШТД. 2007. Стр. 63-67.

Г.Я.Ракитская. Последовательный революционный гуманизм как новая ступень в развитии собственной идеологии трудящихся. — В периодическом издании «Обществознание большинства». Выпуск 4. – М.: Декабрь 2007. Стр. 55-68.

Г.Я.Ракитская. Диктатура пролетариата — ошибочная концепция власти в социалистической революции. — В периодическом издании «Обществознание большинства». Выпуск 4. – М.: Декабрь 2007. Стр. 73-92.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Влияние глобализационных реформ 1990-2000-х годов на положение трудящихся России. — Периодическое издание “Трудовая демократия”. Выпуск 55. — М.: ШТД. 2007. 60 с.

Ракитская Г.Я. Профсоюзное движение в бывшем СССР и современные проблемы демократизации профсоюзов. — В сб. “Современные проблемы демократизации движений трудящихся” — Чернигов, Украина. ШТДУ. 2007. Стр. 5-17.

Г.Я.Ракитская (составитель). Материалы к семинару «Уровень и порядок формирования заработной платы». Материалы к учебным семинарам для рабочих и низовых профсоюзных активистов. — В периодическом издании «Бюллетень Школы трудовой демократии» Выпуск 31. – М.: 2007. 42 с.

Перепечатка

Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Уровень и перспективы демократического действия трудящихся (текст брошюры, изданной в периодическом издании “Трудовая демократия” Вып. 27. 2000) — В сб. “Современные проблемы демократизации движений трудящихся” — Чернигов, Украина. ШТДУ. 2007. Стр. 5-17.

Перепечатка

Ракитская Г.Я. Взаимоотношения работников и работодателей. Издание второе, стереотипное. — Украина. Чернигов. ШТД Украины. Декабрь 2007. 66 с.

Перепечатка

Ракитская Г.Я. К критике общественного сознания на современном этапе. Издание второе, стереотипное. — Украина. Чернигов. ШТД Украины. 2007. 50 с.

2008 год

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская, М.Д.Мандель. Социально-трудовые права и свободы. Учебник (по программам высшего классового образования). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2008. 640 с.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. *Д*екларация целей и принципов общественно-политического движения «Гражданское и трудовое достоинство» Проект. 20 марта 2008. — В качестве Приложения 3. в книге: Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская, М.Д.Мандель. Социально-трудовые права и свободы. Учебник (по программам высшего классового образования). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2008. Стр. 621-627.

Г.Я.Ракитская. Классовые взаимоотношения в сфере труда (материалы к семинару). Материалы к учебным семинарам для рабочих и низовых профсоюзных активистов. — В периодическом издании «Бюллетень Школы трудовой демократии» Выпуск 32. – М.: 2008. 34 с.

Г.Я.Ракитская. Профсоюзы и классовая самоорганизация трудящихся - — В периодическом издании «Бюллетень Школы трудовой демократии» Выпуск 32. – М.: 2008. Стр. 24-33 с.

Г.Я.Ракитская. Специфика классовых взаимоотношений и перспективы становления социального партнёрства в России с учётом фактора глобализации. — В книге: «Социальные проблемы труда в условиях перехода к инновационному развитию общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 24-26 апреля 2008 года» — СПб. 2008. Стр. 527-533.

Г.Я.Ракитская. Особенности современного российского капитализма и главные факторы его возможной трансформации. 6 мая 2008. Рукопись (0,2 п.л.)

Г.Я.Ракитская. Стратегия нормализации цены труда в России. — В сборнике «Цена труда в современной России: состояние, проблемы оптимизации» – М.: ИД «АТиСО» 2008. Стр. 31-42.

Г.Я.Ракитская. **Б.В.Ракитский.** Роль государства в социальной политике. Особенности государства как субъекта социальной политики и его конституционные обязанности в этой сфере. — В учебнике “Социальная политика” М.: “Экзамен”, 2008. Издание 4-е, переработанное и дополненное. Глава 1.5. Стр. 94-104.

Г.Я.Ракитская. Субъекты-институты социальной политики и их основные типы. — В учебнике “Социальная политика” – М.: “Экзамен”, 2008. Издание 4-е, переработанное и дополненное. Глава 1.6. Стр. 105-118.

Г.Я.Ракитская. Трудовой коллектив. — В учебнике “Социальная политика” – М.: “Экзамен”, 2008. Издание 4-е, переработанное и дополненное. Глава 5.12. Стр. 913-916.

Г.Я.Ракитская. Трудящиеся. — В учебнике “Социальная политика” – М.: “Экзамен”, 2008. Издание 4-е, переработанное и дополненное. Глава 5.13. Стр. 917-919.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Европейская социальная хартия. — В “Энциклопедии государственного управления в России в 2-х томах” Том 1. – М.: изд. РАГС. 2008. Стр. 202-203.

Г.Я.Ракитская. Комплект раздаточных вспомогательных материалов по дисциплине 6 «Экономико-правовое регулирование социально-трудовых отношений» (СД.Ф.00 – специальные дисциплины федерального компонента» Темы:.6.1; 6.2; 6.3; 6.6; 6.7; 6.8. – РАГС. 2007/2008 уч.год.

Перепечатка

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Право на труд. Изд. второе, стереотипное. – Чернигов (Украина). 2008. ШТДУ. 39 с.

Перепечатка

Г.Я.Ракитская. Социально-трудовые отношения и профсоюзные стратегии в России: оценка по критериям классовой борьбы и социального партнёрства. — В сб. “Станут ли профсоюзы классовыми организациями?” – Чернигов. Украина. Февраль 2008. Стр. 40-59 (Первоначально в Период. изд. “Трудовая демократия” Выпуск 56. М.: ШТД. 2007. Стр. 42-62).

Перепечатка

Г.Я.Ракитская. Классовое гуманитарное образование как предпосылка и форма профессионально-политической самоорганизации трудящихся (15-летний опыт Школы трудовой демократии). — В сб. “Станут ли профсоюзы классовыми организациями?” – Чернигов. Украина. Февраль 2008. Стр. 60-64 (Первоначально в Период. изд. “Трудовая демократия” Выпуск 56. М.: ШТД. 2007. Стр. 63-67).

2009 год

Г.Я.Ракитская. 16 статей энциклопедического типа. — В периодическом издании (книге) «Энциклопедия трудящегося и эксплуатируемого народа» Выпуск 10. – М.: Школа трудовой демократии. 2009.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. 8 статей энциклопедического типа. — В периодическом издании (книге) «Энциклопедия трудящегося и эксплуатируемого народа» Выпуск 10. – М.: Школа трудовой демократии. 2009.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Методологический геном будущего обществознания, потребного общественной практике. — Периодическое издание “Обществознание большинства”. Выпуск 6. – (ИУТЭ) Ноябрь 2009. С. 3-43.

Г.Я.Ракитская. Цена труда в современной России: необходимость и стратегия нормализации. — Периодическое издание «Бюллетень Школы трудовой демократии» Выпуск 33. – М.: ШТД. 2009. Стр. 4-13.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская (авторы-составители). Основы государственной и муниципальной социальной политики. Учебно-методический комплекс. – М. Изд. РАГС. 2009. 50 стр.

Г.Я.Ракитская. Образование в системе современных ценностей и в системе последовательно гуманистических ценностей. — В сборнике «К профессиональной карьере и жизненному успеху — через инновации. Сборник материалов международной научно-практической конференции 20-21 апреля 2009 г. г. Архангельск». Часть 1. — М.:-Архангельск. Институт управления. 2009. Стр. 29-33.

Г.Я.Ракитская (составитель). Подходы к выработке требований по нормализации уровня заработной платы (материалы к семинару). — Периодическое издание “Бюллетень Школы трудовой демократии” Выпуск №33. М.: ШТД. 2009. 25 с.

2010 год

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Экономика труда (социально-трудовые отношения) Учебное пособие. – М.: Изд. РАГС. 2010. 222 с.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Государственная социальная политика. Учебное пособие для магистратуры. – М.: Изд. РАГС. 2010. 134 с.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Методологический геном будущего обществознания, потребного общественной практике. — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2010. 40 с.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Экономика труда (социально-трудовые отношения). Учебно-методический комплекс для магистратуры. – М. Изд. РАГС. 2010. 134 стр.

Г.Я.Ракитская. Всемирно-историческое значение июльской (1889 года) шахтёрской забастовки в СССР. —

Периодическое издание “Трудовая демократия” Выпуск 59. – М.: ШТД. 2010. Стр. 26-30.

2011 год

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Коллективные переговоры: новый трудовой кодекс и реальная атмосфера. Изучение классовых взаимоотношений на предприятиях современной России методом разбора конкретной ситуации. — Периодическое издание “Трудовая демократия” Выпуск 61. – М.: ШТД. 2011. 40 с.

Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская, М.Д.Мандель. Проблемные дискуссии в Школе трудовой демократии (избранное из программ семинаров для рабочих и низовых профсоюзных активистов) Часть первая. — Периодическое издание «Бюллетень Школы трудовой демократии» Выпуск 35. – М.: 2011. 51 с.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Кейз 9. Коллективные переговоры: новый Трудовой кодекс и реальная атмосфера» — В кн.: «Образовательные кейзы в учебном процессе: методика подготовки и обучения» Учебное пособие. — М.: Изд. РАГС. 2011. Стр. 76-110.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Тема 1.4. Логика и этапы формирования государственной и муниципальной социальной политики в России — В книге «Государственная и муниципальная социальная политика. Курс лекций: учебное пособие». — М.: КНОРУС. 2011. Стр. 58-101;

2012 год

Г.Я.Ракитская. Особенности рынка труда в России и их оценка по экономическим и социальным критериям.— В сборнике: «Рынок труда в современной России: приоритеты оптимизации». – М.: АТиСО. 2012. Стр. 62-69.

Г.Я.Ракитская, Достижения, тупики и злободневные проблемы становления рабочего и профсоюзного движения в постсоветской России. Доклад. — В периодическом

издании Бюллетень Школы трудовой демократии» №36. – М.: 2012. Стр. 4-11. Общий заголовок на обложке выпуска: Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. О проблемах рабочей борьбы в России.

2013 год

Г.Я.Ракитская, Достижения, тупики и злободневные проблемы становления рабочего и профсоюзного движения в постсоветской России. — В кн.: «За справедливость и свободу. Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции (Москва. 3-4 ноября 2012) — М.: Кн. Дом «ЛИБРОКОМ». 2013. (В вых. данных – 2014) Стр. 232-237.

2015 год

Г.Я.Ракитская. Последовательного революционного гуманизма идеология. — Статья в периодическом издании «Энциклопедия трудящегося и эксплуатируемого народа. Вып. 16. — М.: ШТД. 2015. Стр. 7-20.

2016 год

Г.Я.Ракитская. Трансформация социально-экономических концепций марксизма в связи с попытками их практической реализации (методологический аспект. — Периодическое издание «Обществознание большинства». Выпуск 19. М.: Август 2016. Стр. 50-83.

Перепечатка:

2 статьи из «Энциклопедии трудящегося и эксплуатируемого народа»:

Г.Я.Ракитская. Силы социальные;

Г.Я.Ракитская Движения социальные современные.

— Периодическое издание «Обществознание большинства». Выпуск 15. М.: Февраль 2016.

Перепечатка:

Из монографии Г.Я.Ракитская. Социально-трудовые отношения. М.: 2003:

Г.Я.Ракитская О Марксовой теории эксплуатации (О Марксовой теории прибавочной стоимости)

— Периодическое издание «Обществознание большинства». Выпуск 15. М.: Февраль 2016. Стр. 42-57.

Перепечатка:

Г.Я.Ракитская. Последовательный революционный гуманизм как новая ступень в развитии собственной идеологии трудящихся. — Периодическое издание «Обществознание большинства». Выпуск 16. М.: Март 2016. Стр. 13-26.

Перепечатка:

Г.Я.Ракитская. Диктатура пролетариата — ошибочная концепция власти в социалистической революции. — Периодическое издание «Обществознание большинства». Выпуск 16. М.: Март 2016. Стр. 33-52.

2017 год

Г.Я.Ракитская. Анализ диагностики постсоветского экономического кризиса в российской марксистской (по самоопределению) литературе (2003 г.) — Периодическое издание «Обществознание большинства». Выпуск 20.– М.: Январь 2017. Стр. 19-46.

Перепечатка:

Г.Я.Ракитская. Последовательного революционного гуманизма идеология. — В сборнике «Душа трудящихся классов – их культура». — Периодическое издание “Трудовая демократия” Выпуск 69. – М.: ШТД. 2017. Стр. 71-84.

Перепечатка:

В книге **Б.В.Ракитский**. Наука о социальной политике: методология, теория, проблемы российской практики. В двух томах. Том первый. Перепечатаны следующие статьи энциклопедического типа:

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Положение социальное

Г.Я.Ракитская. Институты социальные.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Структура социальная.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Общность социальная.

Г.Я.Ракитская. Силы социальные.

Г.Я.Ракитская. Движения социальные современные.

Г.Я.Ракитская. Коллектив трудовой.

Г.Я.Ракитская. Профсоюзы.

Г.Я.Ракитская. Трудящиеся.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Эксплуатация.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Риски социальные.

Г.Я.Ракитская. Социально-трудовые отношения.

Г.Я.Ракитская. Принцип in favorem.

Г.Я.Ракитская. Принцип in peius.

Г.Я.Ракитская. Отношение к труду.

Г.Я.Ракитская. Направленность социальная.

Г.Я.Ракитская. Формация общественно-экономическая.

Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Социальной резервации теория.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА

1997
Методология марксизма и историческое поприще её плодотворности ……..…… 5

2000
Марксистская версия социальных институтов и институциональных преобразований.
***Опыт анализа и актуального продвижения методологии* …….. 59**

2000-2001
Восприятие теоретико-экономических идей в современной России: критически-компаративистский анализ ……..……. 159

2001
Глобализация капитализма как новейший этап социальной организации человечества
***(глобализация социальной непримиримости)* ….. 177**

2002
Трансформация социально-экономических концепций марксизма в связи с попытками их практической реализации
***(методологический аспект)* ……. 211**

2003
Анализ диагностики постсоветского экономического кризиса в российской марксистской (по самоопределению) литературе (2003 г.) …… 249

2005
СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ
***(эксплуатация как тип социально-трудовых отношений)* …… 278**

2007
Последовательный революционный гуманизм как новая ступень в развитии собственной идеологии трудящихся ……. 307

2008
Особенности современного российского капитализма и главные факторы его возможной трансформации …… 321

2010
Методологический геном будущего обществознания, потребного общественной практике …… 325

2001-2013
СТАТЬИ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ТИПА ……. 364 – 526

Глобализация капитализма …… 365

Движения социальные современные …… 370

Демократия …… 377

Диктатура …….. 383

Диктатура пролетариата …….. 386

“Европейская Социальная Хартия” …… 402

Институты социальные (общественные, социально-экономические, экономические) ……. 407

Коллектив трудовой (коллектив трудящихся, коллектив работников, работники организации) 413

Направленность социальная ……..…… 420

Общность социальная …… 423

Отношение к труду (социально-психологический, или социальный тип) ……..…… 424

Политики социальной стратегия и приоритеты 431

Положение социальное (социально-экономическое положение, общественное положение, положение в обществе) ……..…… 436

Последовательного (революционного) гуманизма идеология ……..…….. 440

ПРИНЦИП IN FAVOREM (принцип “ин фаворем”) 454

ПРИНЦИП IN PEIUS (принцип “ин пейус”) …… 456

ПРОФСОЮЗЫ (профессиональные союзы) …… 458

РИСКИ СОЦИАЛЬНЫЕ ……..…… 467

СИЛЫ СОЦИАЛЬНЫЕ (социально-политические, политические) ……. 473

Советы ..…… 480

Социальной резервации теория …….. 486

Социально-трудовые отношения ……... 491

Структура социальная ……..……. 503

Трудящиеся ……..…… 508

Формация общественно-экономическая …..…….. 514

Эксплуатация …… 516

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список опубликованных трудов Галины Яковлевны Ракитской ……..…….. 527

Научное издание

Ракитская Галина Яковлевна

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Том второй

Идеология последовательного (революционного) гуманизма. Теория общества и хозяйства

Школа трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской
119361, Москва, Озёрная улица, 25-287
Тел. (495) 437-04-97

Подписано в печать 00 ооооо 2017.
Формат Объём усл. Печ л.
Тираж 500 экз

SBN

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Тел (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru